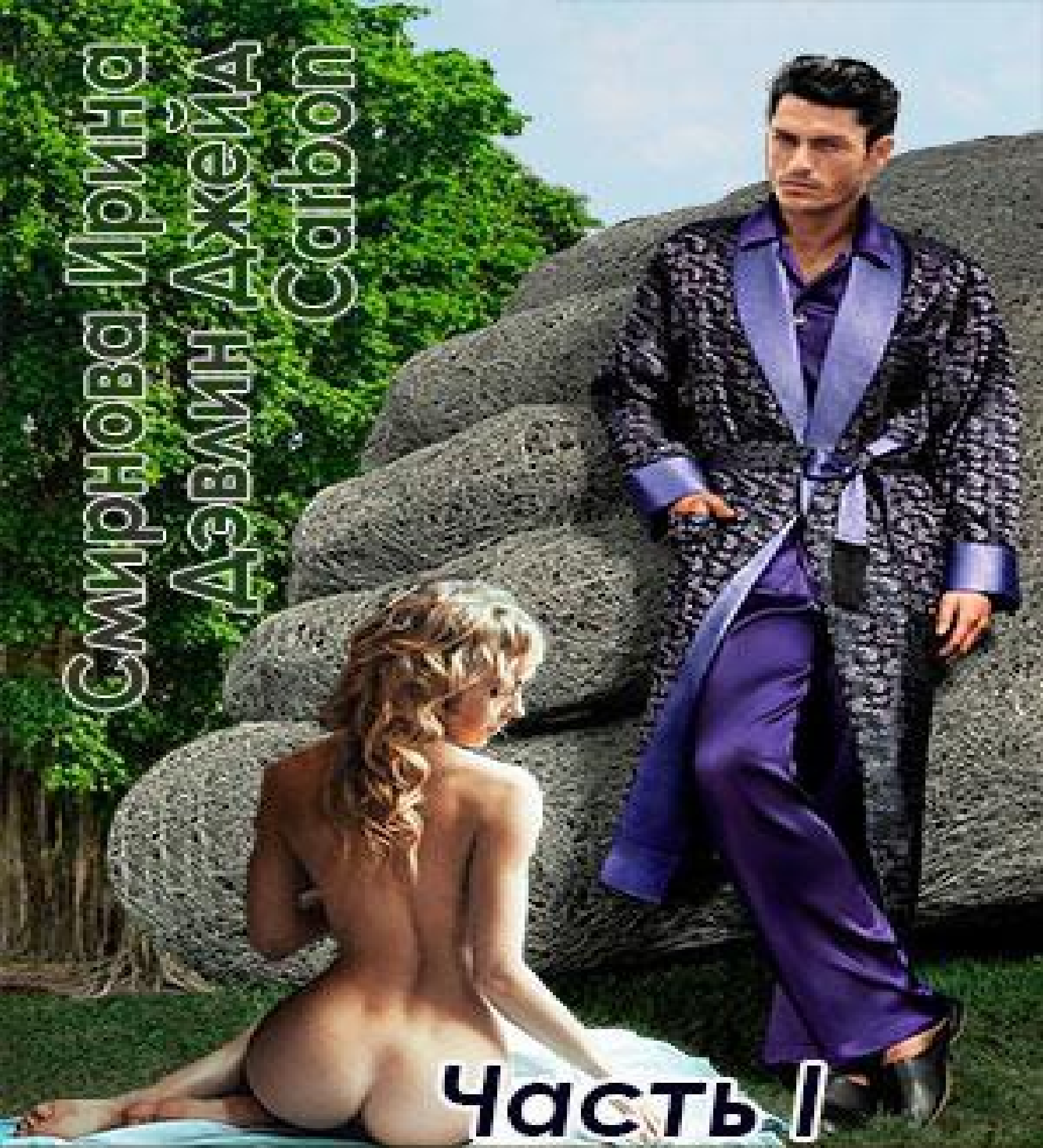
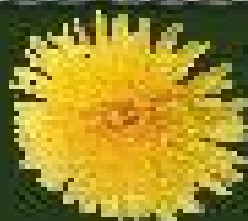

Смирнова Ирина
Дэвид Джайл
Carbon

Часть I

дуванчик в тёмном саду

Умерла в нашем мире и попала в тело наложницы из гарема Темного Властелина... Сдаться и покориться? Хамить — пусть удивится? А может подружиться?

Одуванчик-1

Я посмотрела на часы и подавила острый приступ раздражения. Муж опаздывал уже на полчаса, я замерзла, промочила правый сапог, и поясница разнылась, совсем некстати.

Чтобы я еще раз доверила ему встречать меня после урока в час пик! Не хотела же, но супруг уговорил, ссылаясь на мерзкую осеннюю погоду и мой ревматизм. К тому же я соблазнилась на возможность по пути заглянуть к дочери, провести их с внуками. Терпеть не могу сидеть в пробках, на общественном транспорте добираться быстрее, но тут не устояла.

Ей богу, лучше бы сразу пошла к метро, а не торчала под козырьком остановки. Решено, визит к дочери подождет до выходных, ноги уже все равно мокрые, так что пятнадцать минут неспешной прогулки ничего не изменят.

Я набрала номер мужа и двинулась по пешеходному переходу на другую сторону улицы, когда по глазам вдруг ударил яркий свет, и последним, что я услышала, был дикий визг тормозов.

Обрывки мыслей плавали в темноте. Так бывает, когда ты только проснулся, еще не открыл глаза и не начал новый день.

...В среду у меня три часа вокала со способной девочкой из Щепкинского...

...Не забыть бы сказать мужу, чтобы снял шторы в спальне, давно пора постирать...

...Аринка не успевает по-английскому, надо поспрашивать у коллег насчет хорошего репетитора...

...Сын давно не звонил, как он там...

...Интересно, почему так холодно, опять Лешка стянул одеяло и превратил его в кокон?

Я открыла глаза и резко, захлебываясь, вдохнула ледяной воздух вместе с выплеснутой в лицо водой. Закашлялась, хватаясь руками за горло, и попыталась сесть.

Что это? Совсем не похоже на нашу привычную, уютную спальню в бежевых тонах, и я вовсе не на своей кровати, а на каменном полу, мокрая, окованная и трясущаяся...

— Очнулась? — голос ледяной, как та вода, которой облили.

Я заморгала и прищурилась от бьющего в глаза света, едва различая склонившуюся надо мной высокую тонкую фигуру в каком-то балахоне. Господи, что за дурдом?!

Некто, тем временем, не дождавшись моего ответа, резко встряхнул меня за плечи, а потом вlepил несильную, но звонкую пощечину, раз, другой... замахнулся и в третий, но я перехватила летящую в лицо руку. Хватит!

В глазах, однако, чуть прояснилось, и я разглядела, что фигура в балахоне — высокая светловолосая женщина, очень красивая, но очень недовольная. Незнакомка вырвала руку, выпрямилась и теперь смотрела на меня сверху вниз, как на раздавленную козявку — безразлично, но с некоторыми нотками презрительной жалости.

— Тебе не позволено умереть! Свет отвергнет тебя, как не исполнившую свой долг перед народом Ильриллиона! Вставай сейчас же!

— Что за чушь вы несете? — вырвалось у меня непроизвольно. Вставать я и не подумала, хотя сидеть с каждой секундой становилось все холоднее и жестче.

— Фиондэль, вы уверены, что она в своем уме? — обратилась женщина к кому-то, с брезгливой жалостью посматривая на меня. Так могут смотреть на больное животное, но никак не на человека! — Диндэниэль, конечно, всегда была глуповатой, но послушной. И вдруг, внезапно, такая позорная выходка. Не ожидала от этой девчонки ничего подобного.

Странно, кого это они обсуждают? Явно не меня, я уже и забыла, когда девчонкой была...

— У леди случилась истерика сразу после того, как она узнала... — о, тут еще кто-то есть? Какой необычный сон...

— Еще бы! — стервозно фыркнула блондинка. — Любая будет в ужасе от такой судьбы. Пополнить гарем этого монстра! — ее явственно передернуло.

А голос стал еще противнее, когда она продолжила вещать, явно, в расчете на мою совесть:

— Однако достойные дочери высоких домов, да еще из такой захудалой ветви, должны быть послушны своим владыкам! А эта мерзавка посмела принять яд! Как раз накануне церемонии! Ее возвысили до титула принцессы Первого Дома, и подумайте! Какая черная неблагодарность!

— Никто не ожидал такого, Высокая Леди.

Сбоку ко мне подобрался еще один высоченный и утонченно-изящный персонаж в белой хламиде, и, судя по голосу, это — было мужчиной. По лицу я бы затруднилась определить — все тот же нежный овал лица, правильные мелкие черты, огромные глаза и по-детски пухлые губы. Станный он для парня, слишком смазливый, но и девушкой не назовешь.

— Лекарь здесь вы, Фиондэль, и именно вы в ответе за то, чтобы восьминогие твари застали девчонку в подходящем для перевозки состоянии, — женщина поджала губы, и ее лицо исказилось в некрасивой гримасе.

Недовольство теперь изливалось не на меня, а на "лекаря". Интересно, эта дамочка, вообще, положительные эмоции испытывать умеет?

Существо неопределенного пола пару минут усиленно размышляло, рассматривая меня со всех сторон, словно товар оценивая. Потом, наконец, просветлело лицом:

— Успокаивающее заклятье в комплексе с заклятьем немоты, Высокая Леди, и девочка благополучно доедет до спальни своего нового господина! — выдало оно с такой радостью, что даже чуть подпрыгнуло. — Если правильно рассчитать воздействие, темный даже успеет возлечь с ней на ложе, а потом...

"Леди" величественно кивнула, и в ее глазах снова театрально мелькнуло что-то похожее на жалость. Мелькнуло и тут же пропало.

— Делайте, Фиондэль. Свет примет ее жертву и душу.

Меня тем временем трясло все сильнее. Если первые несколько реплик я воспринимала не иначе, как сон, то с каждой секундой призрачность окружающего вызывала все больше и больше сомнений. Во сне не может быть так холодно и мокро. Во сне не может чесаться кончик носа, на котором застыла капля. Во сне не может мелко пульсировать шишка на голове.

Но если воспринимать всё как реальность, станет еще хуже, и сомневаться придется по поводу собственного рассудка. Какие еще наложницы, фондэли-дандиэли и высокие леди?! Я не играю в ролевые игры с элементами фэнтези!

Я взрослая женщина. В свои-то шестьдесят четыре года прекрасно знаю, как меня зовут,

и кто я есть. Антонова Вера Ильинична, преподаватель по вокалу, на пенсии, даю частные уроки... замужем, имею двоих взрослых детей и четырех внуков. Замужем в третий раз, с первым разбежались еще молодыми, второго похоронила, третий должен был забрать меня сегодня после урока с автобусной остановки...

Промозглый осенний вечер и скрип тормозов вернулись внезапно, воспоминание вспыхнуло, заслоняя странную реальность...

Я умерла. Я точно знаю, что умерла там, на мокром от дождя и собственной крови асфальте еще до того, как приехала скорая.

Ужас произошедшего поднимался все выше, грозя захлестнуть меня, как цунами прибрежный городок, а потом все вдруг разом прекратилось. Паника исчезла, тоска схлынула, отчаянье свернулось в маленький клубок и затаилось где-то в самой глубине души.

Я с облегчением вдохнула холодный воздух и оглянулась. Если мои догадки верны...

Точно. Этот смазливый мальчишка оказался не лыком шит, и это именно он сейчас сосредоточенно сверлил меня взглядом, делая руками странные пассы, словно плыл под водой в мою сторону.

Понятно, что ему, как и отошедшей в сторонку белобрысой стерве, плевать на мое душевное состояние, но из их разговора отчетливо ясно, что я им нужна тихая, послушная и похожая на вменяемую. Теперь, когда ужас от случившегося и страх перед неизвестностью исчезли, думать и анализировать стало гораздо проще.

Значит, вот так это происходит после смерти? Величайшая загадка в истории человечества решена? Странно.

Я никогда не была религиозной, скорее относилась ко всем этим сказкам скептически, — давало о себе знать советское воспитание. Но информации, особенно в последнее время, было море, в том числе и о переселении душ. Только вот происходило все несколько иначе, — человек умирал и перерождался заново, младенцем. Ключевое слово — младенцем.

Я украдкой оглядела себя. Н-да... ни разу не деточка в пеленках. Тело было восхитительно молодым, я только сейчас начала чувствовать ту необычайную легкость, которую дарит избавление от груза накопленных болячек. Но оно не было детским, ни разу, особенно если судить по размеру бюста. Ничего так размерчик, вполне соблазнительный.

Пока я предавалась размышлениям, лекарь закончил свои шаманские пляски и подобострастно склонился перед стервой:

— Готово, Высокая Леди. Я наложил комплекс чар и закрепил их на максимальную продолжительность. Возможно, они продержатся дней десять-пятнадцать, это зависит от индивидуальных магических способностей леди Диндэниэль.

— Какие там способности, — фыркнула блондинка, вновь подходя вплотную и бесцеремонно меня разглядывая.

Она даже приподняла мою голову за подбородок, резко и с силой, как собаку. Я мысленно сжала зубы, чтобы не вырваться. Уже понятно, что я здесь ненадолго, и меня кому-то отдадут. Так что лучше потерпеть и оглядеться, а там посмотрим, кто кого за поводок дергать будет.

Смазливый лекарь нахмурился:

— То есть... хм... тогда чары могут действовать гораздо более длительный срок. Вы уверены, Высокая Леди?

— Леди Диндэниэль почти полная бездарность, — подол роскошного платья, расшитый

серебряной нитью, жестко царапнул меня по щеке, когда "леди" шагнула вплотную. Не больно, но ощутимо неприятно. Отчего я настолько спокойно реагирую? Магия? Это совершенно ненормально, но даже интересно. — Поэтому ее и выбрали среди множества дочерей Первого Дома. В меру смазлива, в меру глупа и абсолютно никому не интересна. Даже если она онемееет навсегда, лечь в постель с чудовищем это ей не мешает. Встать!

Мегера властно притопнула изящной туфелькой на жутко высоком каблуке. Где-то внутри я тихо позлорадствовала, от такой неудобной обуви у неё явно постоянно болят ноги. Но красиво, не спорю.

Упираясь было глупо, и я послушно встала, попутно отметив, что голова уже не кружится, дрожь почти прошла, и самочувствие вполне сносное. Еще бы снять мокрое платье и, вообще, красота.

— Иди за мной. Нужно привести тебя в порядок, твари придут уже утром, — стервоза, даже не оглянувшись, чтобы удостовериться в моем послушании, устремилась к двери. Да на такой скорости, дылда длинноногая, что мне пришлось почти бежать следом.

По сторонам оглядываться было некогда, я из последних сил спешила за мелькающим впереди серебристым подолом. Какие-то коридоры, лестницы, опять коридоры, гулкие и пустые, со сводчатыми потолками, которые тонули в полумраке. Но средневековых факелов не видно, соломы под ногами тоже не наблюдается. Это радует. А то читала я на досуге всякое разное, чтобы перед сном голову разгрузить. И о попаданках в средневековье тоже.

Раз уж мне отключили страх и переживания, работать мозгами сам бог велел. А еще мне было жуть как любопытно. Странное для меня состояние, в мои-то годы я отвыкла от живого интереса к миру. А это оказалось неожиданно приятно. Ну и слава богу. Даже если это такой реалистичный предсмертный бред — отчего бы не поучаствовать, выбора у меня все равно нет.

Надо же, задумалась и едва не клюнула длинноногую леди носом, когда та резко остановилась в дверях. Не удержавшись, я очень осторожно выглянула из-за ее прямой, словно задеревеневшей спины.

Ярко освещенное помещение больше всего напоминало дорогой спа-салон. Несколько бассейнов и ванн с разноцветной водой, лежанки, кресла, скамеечки, занавески повсюду... и толпа одинаково смазливых полуодетых девиц. Они сидели, стояли, бегали с места на место и щебетали так громко, что поначалу мне показалось, что их там несколько десятков, не меньше.

А потом моя сопровождающая ка-ак рывкнула! Ей богу, как образцовый старшина на новобранцев, мне муж рассказывал, — у парней от этого вопля не только сон слетал, но и сапоги сами на ноги напрыгивали.

Вот и эта щебечущая стая замерла в полете, а потом девчонки вытянулись в струнку, каждая на своем месте, и как по команде низко поклонились. Стало понятно, что их тут всего... семь... нет, восемь человек.

— Прекратить бардак! Наложница Его Императорского Величества должна быть безупречна и готова в срок! — злыдня не глядя протянула руку, поймала меня за мокрое платье, бесцеремонно вытащила на свет и даже подтолкнула к ближайшей ванне со светло-желтой водичкой.

Девчонки опять поклонились, молча, хотя глазками успевали стрелять только так. На "высокую ледю" со страхом, на меня — с любопытством, пренебрежением, жалостью. По-разному смотрели, но у всех было нечто общее — так смотрят на предмет интерьера, а не на

живого человека. Хорошо, что на мне заклинание, действующее как местный вариант валерьянки. И мне просто любопытно, а иначе я вряд ли реагировала бы так невозмутимо.

— Будет сделано, Высокая Леди! — вперед выступила, видимо, старшая из девиц.

Вот незадача, они здесь клонированные, что ли? Что леди, что лекарь, что эти свиристелки — одень их одинаково и ни за что не различишь. Мне стало интересно — а я такая же?

Пока мымра в серебре выдавала ценные указания, я украдкой огляделась в поисках зеркала. По идее, оно тут должно быть... ага, нашла.

Ну что сказать. Если не считать общей потрепанности, кругов под глазами и мокрого платья — меня тоже как под копирку делали. Ну, глазки чуть больше и синее. Носик слегка приподнятый, в отличие от классического у "высокой леди". Губки бантиком, локоны пепельно-золотистые... банальная куколка.

Нет, после проблем с лишним весом и морщинами — грех жаловаться. Талия тонкая, грудь есть, попа тоже вполне ничего себе. Но я привыкла брать больше индивидуальностью, изюминкой. Даже в шестьдесят с лишком. А тут оно и не ночевало.

Пока я любовалась собой и критиковала собственную внешность, мымра испарилась. Я это заметила только потому, что девичий колхоз отмер и снова защебетал на разные голоса, вдобавок чьи-то проворные руки уже стягивали с меня мокрую тряпку, а другие дергали за волосы. После очередного не слишком ласкового рывка я резко обернулась и хотела высказать самозваной парикмахерше все, что думаю о ее профессионализме... и обнаружила очередную проблему.

Сказать ничего не получилось. Я открывала рот, и из него не вылетало ни звука. Ах ты зараза, ведь лекарь говорил о заклятье немоты!

Свое неудовольствие пришлось выказывать жестами, и я просто шлепнула по руке очередную бесцеремонную девицу, сверкнув на нее глазами. В ответ на меня независимо фыркнули, но расчесывать волосы стали немного осторожнее.

Сидя в той самой ванне с подозрительно желтой водой, я философски осмысливала происходящее. Похоже, девчонки принимают меня за большую условно-живую куклу. Мнением моим никто не интересуется, что-куда-зачем тоже не объясняют, знай, вертят, крутят, мажут-трут-разглаживают... на сердитые взгляды не реагируют, отбиваться глупо — их больше.

И болтают. Прямо над моей головой, словно я не только немая, но еще и глухая на оба уха.

Go home

Одуванчик-2

— Говорят, он может по несколько наложниц за ночь брать в свою постель! И их потом оттуда выносят...

— Удовлетворенными?

— Полумертвыми, дура!

— Так может, они полумертвые... ну... именно от полного удовлетворения?

Девчонки дружно захихикали, а я расслабилась, чувствуя приятное прикосновение горячей воды к коже. Вдобавок одна из юных сплетниц вытянула из воды мою ногу и занялась педикюром, а это действие я просто обожаю. Так что буду дальше наслаждаться и впитывать информацию.

— Ой, девочки, а вдруг новая невеста так понравится темному, что он ее... —

восторженно выдала вдруг самая младшая на вид куколка. При этом так умело массируя мне голову, что я готова была замурлыкать. Жаль, лекарь-паразит мне громкость прикрутил до упора. Какая ирония... всю жизнь учила правильно издавать звуки, а теперь превратилась в рыбку. Немую.

— Размечталась, дурочка! — птичник дружно захихикал. — Невеста... Наложница в гареме! Да из наших ни одна там дольше месяца не протянула... Ему же плотские утехи нужны, а не драматическое стихосложение!

— Да, Высокие Леди от таких утех только в обморок падать умеют, — философски заметила педикюрша. — Разве ж они знают, что настоящему мужчине надо?

— Ой, а ты, можно подумать, знаешь! — тут же откликнулась та, что колдовала над неким странным одеянием, состоящим из полупрозрачных белых лент разной длины.

— Да уж знаю! — огрызнулась девушка и поймала меня за вторую ногу. — Хотя по сеновалам с поварятами и не валяюсь. Не то что некоторые!

— Ну, а вдруг! — не дала разгореться ссоре младшенькая. — Вдруг он пленится прекрасными глазами, и... Леди в этот раз очень красивая...

— И немая! — иронично поддержал кто-то разговор из-за моей спины. — Это основное ее достоинство. Голосить не будет и рыдать в голос тоже. Так что, может, даже второй раз... попользуют. Прежде чем какому-нибудь орку отдадут, чтобы ему кибитку чистила.

— Ой, а правда, что Темный любит эльфиек дарить кочевникам?

— Говорят, что да. Особенно, если леди слишком слезлива и без конца в обморок падает.

Не девчонки, а клад. Я даже перестала шипеть и сердито зыркать на особенно нахальных. Покорно позволяла делать с собой все, что им вздумается, и жадно впитывала новые знания.

То есть отдают меня в гарем. Хм, гарем... ну, не на съедение дикарям, и то хорошо.

Но, судя по девчачьей болтовне, этот их темный властелин, или кто он там... страшен, как стихийное бедствие, чёрен, как упавший в мазут воробей, и любвеобилен, как стадо кроликов по весне.

Нет, ну если рассуждать здраво — могло быть гораздо хуже. Красота в мужике — не главное, и в постели ему вряд ли удастся напугать меня чем-то новым, после третьего-то мужа. А в гареме, вообще, бригадный подряд, то есть угроза того, что заездят — минимальна.

Что касается частой смены караула и "подарит орку" — будем решать проблемы по мере их поступления. Вдруг мне так не понравится с властелином всея гарема, что я сама рвану в кибитках порядок наводить?

"Высокая леди" с ее ледяными взглядами мне совершенно точно несимпатична и оставаться в ее власти нет ни малейшего желания. Так что пусть уж будет гарем. Если верить исторической литературе, в нем довольно комфортные условия содержания. Впрочем, там видно будет.

В конце концов, в очередной ванне я заснула. Не понимаю, что за красоту надо наводить так долго, до костей уже все смыть можно было. Но даже мой сон не помешал специалисткам своего дела истязать меня до самого утра.

А потом снова явилась мымра, в новом платье. На этот раз оно переливалось золотой нитью и россыпью радужных стразов, а может и бриллиантов — пощупать мне никто не дал.

Оглядев меня с головы до ног с высоты своей ледистости, она подергала за те самые

белые ленточки, которые мне выдали вместо платья, и сделала такое лицо, словно все ужасно, но другого нет. Затем отпустила зевающих девчонок одним взмахом руки и, небрежно кивнув, презрительно скривилась в мою сторону. Я даже не сразу сообразила, что это было повеление идти следом.

Снова коридоры и лестницы, только теперь мимо нас сновала масса народу, и все делали вид, что "высокая леди" шествует одна, а я так, невидимка. В конце концов, меня привели к выходу из замка, наверное. Оглядеться я не успела, потому что "леди" обшипела меня с головы до ног и велела не крутить головой. Нет, в гарем, бегом, только бы с этой мымрой больше не общаться!

Но пока меня всего лишь провели через роскошный, хотя и немного искусственно выглядывший парк, и поставили у ворот. С наружной стороны.

— Жди здесь. Твари заберут тебя до полудня!

Нет, здорово, да? Стой, как дура, посреди дороги, ни присесть некуда, ни попить, ни поесть не дали, жди тварей. Откуда я знаю, что это будут именно те твари, которые мне нужны?! Мало ли кто здесь бегаёт.

И вообще, странное отношение к властелину, или кто он у них тут. Вроде как подачку у порога бросили, сам придешь и возьмешь.

Ворча про себя и вспоминая разные интересные эпитеты и сравнения из богатого лексикона, позаимствованного у трех мужей, я удостоверилась, что "леди" скрылась за аккуратно постриженными кустами. А больше никого вокруг не было, даже птички не чирикали. Хоть бы комар какой залетел, все веселее... нет, стоять здесь до полудня — никаких ног не хватит. Ага, а вон и стража. За воротами, во дворе, главное, бдят. Гипнотизируют меня в две пары глаз, но не двигаются.

Я еще раз оглянулась на них и неспешно пошла в сторону узкого газончика, заросшего соблазнительно густой и мягкой на вид травкой. Никто не будет орать и командовать? Нет, только смотрят, с непроницаемыми мордами. Ну и ладно!

Сначала я села, потом подумала и прилегла прямо на траву. Ничего так, и тень от куста как раз в нужное место падает. Жить можно.

Жаль, ничего съедобного на ближайших кустиках обнаружить не удалось. И я еще не настолько голодна, чтобы попробовать жевать листья. Одна надежда, что прежде чем... хм... увлечь на ложе любви, этот самый властелин меня накормит.

Время шло, солнышко припекало, я заползла поглубже под куст, в тень, и сама не заметила, как уснула.

"Будильник еще не звонил... какого черта будят?" — сквозь сон подумала я и попыталась завернуться в одеяло. Странно, одеяла не было.

— Леди?

Я открыла глаза, поморгала, сонно потянулась и только потом стала разглядывать склонившегося надо мной мужчину. Вспомнилось все и сразу, и гарем, и властелин, и успокаивающее заклятье, слава ему. Потому как ни капли не страшно.

Это уже властелин или еще эти... твари его? Если властелин, то мне повезло — парень, как с картинки, мощный торс, правильные черты лица, глаза большие, длинные ресницы и губки... пухлые... как говорит внучка — ми-ми-ми! И на клонированных из замка не похож, черты более резкие, чеканные, мужские.

Хотела спросить вслух что-то вроде: "Вы за мной из гарема?", но вспомнила о дурацкой немоте. В общем, вслух не спросила, только подумала.

Что удивительно, мне ответили! Парень недоуменно моргнул, склонил голову к плечу и выдал:

— Сопровождение.

Эх, жаль... Я еще раз оценивающе пробежалась взглядом по мускулистому торсу, — расшитая серебряными узорами черная кожаная жилетка на одной пуговице и широкий серебристый пояс не мешали оценить богатство, и мысленно вздохнула. Хороша Маша, да не наша.

Не знаю, что этот красавчик на моем лице разглядел, но ухмыльнулся он как-то пакостно. А потом встал... вот так вставал, вставал... пока не вознесся метра на два с лишком надо мной. Ух ты, мама моя родная!

У меня рот сам собой открылся. Еще бы, никогда в жизни не видела гибрид мужика с пауком!

То есть выше пояса мужик, ну вроде как у кентавра, а ниже... вот если взять паука, увеличить раз в сто, а потом в то место, где у него глаза и жвалы, вставить мужской торс... прико-ольно, как говорит внук!

Я не удержалась и погладила одну из восьми паучих лап — ту, которая поближе стояла. Ну точно, не показалось! Паучок у нас пушистый, шерстка блестящая, короткая и гладкая, плотно прилегающая к панцирю или что у него там... хитин, небось. Приятная такая на ощупь.

Парень от неожиданности лапу слегка отдернул, а на лице, насколько удалось рассмотреть снизу, возникло немного детское обиженное такое выражение. Я ему успокаивающе кивнула — мол, ладно, не трогаю, если не нравится. И встала. Эх, даже в молодом теле спать на земле — то еще занятие. Все отлежалось и затекло.

И в этот момент наша с пауком идиллия закончилась. Потому что ажурные кованые ворота распахнулись, и из сада повалили толпы народу, во главе с мымрой и... хм... мымром.

Судя по всему, это была правящая чета, в одинаковых хламидах, коронах и с одинаковым выражением на смазливых физиономиях. Ой, "высокая леди" меня сейчас насквозь взглядом прожжет. Злющая какая и знаки странные делает.

Встать в строй по стойке смирно? И кланяться?

Ладно, от меня не убудет, лучше не нарываться, а то еще колдунет вслед чего-нибудь неприятного...

Плохие из этих светлых артисты, однако. Кланяются паучку... паучкам. А сами просто полыхают злобой и ненавистью. Бедные восьминогие мужики, мне их аж жалко стало.

Хотя долго жалеть не пришлось. Судя по всему, ребята знали, как строить всяких там властителей и прочих "высоких". Лицо у того, который меня будил, стало похоже на маску — холодное, высокомерное и насмешливое.

А потом он что-то коротко скомандовал, негромко, даже глуховато и со странным прищелкиванием. Я ничего не поняла, только заметила, как очередная тщательно скрываемая гримаса ненависти скользнула по лицу "леди", и вся компания светлых стала дружно опускаться на колени. Одна я осталась стоять, как дура, пока кто-то не дернул меня за подол с такой силой, что я едва не растянулась на земле. Да встаю уже, встаю... устроили тут ролевые игры, извращенцы.

Пауки от души насладились признаками покорности от завоеванных светлых. Ну, конечно, завоеванных... Стали бы добровольцы такие рожи корчить, да и в девчачьей

болтовне вчера что-то такое мелькало.

И вот четверо мутантиков выкатили к самым воротам здоровенный черный короб на колесиках. Это карета такая? М-да...

Окошки малюсенькие, зато дверь внушительная, чтобы, видимо, изнутри не вышибли.

Я получила чувствительный тычок в спину, встала с колен и прошла три шага до кареты. Заглянула внутрь. Темно, душно, и пахнет кожей. Мне обязательно туда лезть?

Судя по всему, обязательно. Вон как все таращатся, а знакомый паучок лапками перебирает нетерпеливо, словно хочет пинка мне дать для ускорения. Ладно, надеюсь, меня в этом чемодане не укачает.

Надеялась я зря. В духоте и жаре, царящей внутри, да еще при том, что трясло немилосердно, я уже через полчаса сильно радовалась отсутствию завтрака. Через час, ломая наманикюренные ногти, смогла сдвинуть вбок забранное разноцветным стеклом (символический такой узор, в клеточку) окошко, и вдохнуть капельку нормального воздуха.

Через полтора часа местное успокоительное то ли перестало действовать, то ли просто это было уже слишком, но я, усевшись поудобнее на кожаный диванчик, откинулась на спинку, а задранными ногами забарабанила в переднюю стенку чертова ящика. Вот где каблук пригодился!

Коробка остановилась, и минуту на улице стояла лишь тишина. Затем дверца медленно распахнулась, заглянул знакомый паучок, оглядел меня с ног до головы и вопросительно приподнял бровь. Ух, мне бы такие брови! Густые, но узкие, красиво очерченные, темные... так, не отвлекаться. Он о чем-то спрашивает.

— Причина? — м-да, краткость — сестра таланта и пауков. Как же ему объяснить-то, если у меня громкость на нуле? Стоит, смотрит на меня внимательно, словно к чему-то прислушивается, а я сердито и сосредоточенно думаю, как изобразить жестами, что здесь душно, и дико трясет!

— Лошадей нет, — вдруг разродился паукообразный. — Другой кареты нет.

"А что у вас есть?", — с раздраженным ехидством мысленно спросила я в пространство и тяжело вздохнула.

— Леди может ехать или в карете, или верхом на мне, — показалось, или в голосе этого идола восьминогого слышны ехидные нотки? Еще и по гладкому пушистому брюшку себя похлопал приглашающе, а глазки сощурил ну очень насмешливо. Думает, я откажусь?! Да я в окно видела, как плавно и быстро паучишки бегут, уж всяко лучше, чем в этой погремушке!

Этот ехидна тем временем, не дожидаясь моей реакции, развернулся и явно намылился удалиться. Эй! Я так не играю! Ага, за лапку поймать успела!

Вот теперь глаза у него стали круглые и обалдевшие. Потому что я отпустила его ногу, демонстративно радостно закивала и полезла из кареты с явным намерением оседлать предложенного скакуна.

Со всех сторон послышалось стрекотание, и я — не я, и "до" от "ля" не отличу, если в этом стрекотании не слышалось откровенное веселье. Паучки сопровождения всюду пялились на нас и выразительно переглядывались. А мой будущий скакун еще с минуту таращился на меня сверху вниз неверящими глазами, потом громко вздохнул и опустился на обочину, аккуратно поджав лапки. А человеческие руки демонстративно скрестил на груди. Смешной! Нет, я никогда не страдала арахнофобией, а внучкин тарантул мне очень даже нравился, но вот умиления у меня эти многоногие еще не вызывали. До этого момента.

Не удержалась и, прежде чем влезть по сложенным лапкам, как по ступенькам, еще раз

погладила короткий шелковистый мех на одной из них. Хм, а коленка какая интересная! Ну или как оно у пауков называется... Сочленение? Меха чуть меньше, зато он еще нежнее, так и тянет провести пальчиком.

Любопытство снова взяло верх над всеми остальными эмоциями, а чувства страха и самосохранение у меня, похоже, полностью атрофировались. К тому же на уровне подсознания я воспринимала молодого паука как котенка, или, скорее, экзотического жеребца, которого так и тянет погладить. Что я и сделала, вызвав новую волну заинтересованного стрекота.

Брюшко у парня оказалось тоже приятно-пушистое, теплое. Только держаться не за что. Поэтому, пару секунд подумав, я перебралась вплотную к тому месту, где заканчивался паук и начинался симпатичный мужчина, и уселась верхом — то есть обняла ногами его человеческую половинку за талию. А что, удобно, и руками можно пощупать, раз он сам не против.

Он был не против, он был в шоке. Все время оглядывался на меня через плечо и хлопал длинными ресницами. По рукам не бил, не вырывался, ну я и осмелела. Интересно же! Где у него хитин заканчивается, и что на этом месте начинается — человеческая кожа? Очень похоже. Гладкая, упругая и теплая.

Место, где заканчивался паук и начинался парень, оказалось скрыто широким жестким поясом, а жаль. Хотя... может, это у них интимная зона? Любопытство — любопытством, а наглеть я не собиралась, так что под пояс не полезла.

Паучий кортеж тем временем плавно набирал скорость, мы уже неслись по дороге как бы ни быстрее, чем мой муж по автостраде на новой машине. И ни капли не трясло, и ветерок... свежий... если за спину моего "коня" спрятаться и вцепиться как следует — даже не сдувает. А карету они бросили на обочине...

Комфортная езда располагает к размышлениям. Я вдруг подумала, — если у темного властелина такие слуги, то кто он? А вдруг тоже... паук?

Эта мысль меня слегка озадачила. Странное какое-то заклятье — мало того что чувство страха заблокировало, так еще и жгучее любопытство активировало. Нет, ну если представить... и отчего-то же светлые леди там падают в обморок пачками? Может, они просто пауков боятся?

А чисто анатомически... интересно... как оно выглядит? То есть я паучье брюшко снизу видела, и никаких вторичных половых признаков из него не торчало. Вот если оно у него там... хм... под поясом спрятано? Тогда еще ничего. Как бы разузнать? Прямо спросить? Неудобно как-то, и у меня все равно голоса нет, а знаками я о таком спрашивать точно не умею.

Вжавшись щекой в теплую кожу между лопатками своего скакуна, я вдохнула чуть терпкий, горьковатый запах. Интересно он пахнет, я бы даже сказала — приятно. Не ожидала такого от паукообразных. Впрочем, раньше мне в голову не приходило их обнюхивать. А на ощупь парень со всех сторон хоть куда — паучья часть шелковисто-пушистая, человеческая — не в каждом дорогом салоне кожу до такой степени отшлифуют. И загар ровный, золотистый, как после шикарного курорта. Короче, я решила не париться, даже если властелин тоже мутант. Во всяком случае, его будет приятно потрогать.

Вдоволь пошарив везде, куда мои любопытные ручонки дотянулись, я выяснила, что, скажем, у этого товарища тоже есть соски. Под жилеткой. И он реагирует на прикосновение. Вздрагивает и оглядывается. Сама не ожидала от себя такой бесцеремонности. Надеюсь, он

не примет это за банальные приставания. А то когда мне еще дадут такую необычную зверушку потрогать?!

Кстати, человеческое тело у него не торчало из панциря сразу по пояс, как пришитое. Скорее было похоже, что пауку распилили переднюю часть, потом взяли парня и погрузили его туда... хм... скажем, до середины бедра. И вот та часть, что закрывала бедра, выступала над пауциным брюшком, но тоже была бронирована хитиновыми пластинами — аккурат до серебряного пояса. Панцирь в этом месте не был сплошным, а напоминал броненосца — подвижно соединенные пластинки заходили одна за другую, а при движении гнулись, и между ними была видна кожа, но не как на человеческой части, а словно бы замшевая. Не удержалась и сунула палец между разошедшимися пластинками, когда мой скакун чуть отклонился вправо. И едва успела спасти свою конечность, когда паучок подпрыгнул и резко обернулся ко мне. Вот блин! Ладно, тут больше не трогаю. У него много разрешенных мест.

По второму разу щупать тоже было интересно, а потом меня все же укачало. Не в том смысле, что стало плохо, просто я уютно привалилась к теплой спине скакуна и задремала, крепче обняв его поперек груди.

Go home

Одуванчик-3

Уже много лет как я страдала бессонницей. Точнее, долго засыпала и спала очень чутко. Малейший шум или духота, или другое какое неудобство, и прощай нормальный отдых.

А тут уснула в сидячей позе... да еще и скакун подо мной резво перебирал восемь лапами, весь шевелился, топал, щелкал и даже стрекотал на бегу. И остальные пауки тоже передвигались с заметным шумом. Но мне это не помешало — вот что значит молодое здоровое тело.

Я не открыла глаз даже тогда, когда бег замедлился, слитный шум множества пауциных ног сменился цоканьем лошадиных копыт, а над самой головой кто-то начал переговариваться. Так и слушала сквозь дрему, не желая отрываться от теплой, уютной спины.

— Надеюсь, она в обмороке? Труп могли бы и по дороге закопать... — какой приятный мужской голос... а говорит гадости.

— Нет, морра арргросс, леди просто спит, — о, это мой паучок! Я уже выделяю его глуховатый баритон.

— Просто спит? Верхом на тебе?! У вас что, карета по дороге сломалась? Надеюсь, леди не слишком долго истерила, прежде чем уснуть?

— Нет, морра арргросс, она истерила в карете, а на мне успокоилась.

Снова послушался звонкий цокот копыт, а потом приятный голос добавил, уже удаляясь:

— Хм... Поразительно! Из какой светлой глуши они ее выдернули? К завтрашнему утреннему докладу напиши подробный отчет о поездке и выясни родословную очередной светлой невинности моего гарема.

Чему это он так удивляется? Мне? Подумаешь, сплю... сам бы попробовал провести ночь в компании восьми эльфиек-парикмахерш, а потом бы недоумевал.

— Слушаюсь, морра арргросс.

Послушный паучок... но мы, кажется, приехали. Во всяком случае, меня попытались аккуратно снять с моего насеста. Пришлось просыпаться.

Судя по всему, я мирно подрыхла чуть ли ни весь день, потому что небо над мягко шелестящими кронами, окружавшими нас со всех стороны, было глубоко-лиловым, в россыпи звезд.

Куда это меня притащили? В лесное логово? Ой, нет... не в лесное. Это просто сад, причем внутренний — то есть внутри крепости. Или целого города? Вон там башня и вон там, и... ага, башни расположены по кругу, со всех сторон, довольно далеко от меня и друг от друга. При этом четко вырисовываясь на фоне темного неба и слабо светясь по контуру.

Каждая из башен заканчивалась самой необычной крышей, что я когда-либо видела. Они напоминали перевёрнутых на спины пауков с восемью длинными шпильями-лапками, между которыми будто захваченные в тиски живые существа лежали огромные белые шары, переливающиеся перламутром и словно пульсирующие.

Один из восьми шпилей у каждой из башен был значительно длиннее остальных и, не касаясь жемчужного шара, плавно загибался в сторону внутреннего двора, как огромный коготь.

В целом, все это было похоже на огромную незавершенную птичью клетку. Но едва заметный воздушный узор в небе, тонкий, как искуснейшая паутина, подсказывал, что, возможно, и завершенную.

Я не стесняясь с любопытством оглядывалась, пока мы чего-то ждали у ажурной калитки в глубине темного сада. Странно, фонарей не наблюдается, луны тоже, а между тем вижу я вполне сносно. И вообще, отлично вижу! Это я-то, очкарик чуть ли не с детского сада. Благодать... пахнет травой, какими-то цветами, а еще справа тянет прохладой и свежестью, как от воды. Паучок рядом остался только один, стоит, переминается, сочленениями тихо щелкает. Смотрит искоса.

А я вдруг вспомнила, что дико хочу есть. Вот же зараза, чтобы этому "фейхуэлю" до конца жизни так обед выпрашивать, жестами! Если меня и в гареме не покормят — это будет просто издевательство.

Или я подумала слишком громко, или это мой живот заурчал очень уж выразительно, но паук вздрогнул и обернулся. Но опять ничего не сказал.

Калитка тем временем тихо скрипнула, привлекая наше внимание. А вот за ней никого не оказалось, только темнота. Интересно, у них здесь домофон? С видеонаблюдением?

Паук развернулся и направился в темноту, причем сразу взял неплохую скорость. Я за ним не успевала, хотя очень не хотела потеряться, а уж мыслей о побеге и близко не было. Одна, неизвестно куда, на каблуках и голодная? Нет уж!..

Резвый скакун через двадцать метров заметил, наконец, что две мои ноги против его восьми не котируются, и вернулся. Молча обзрел меня с непроницаемой рожей, но я всей кожей ощущала исходящую от него странную заинтересованность пополам с досадой. То есть вроде как он сам себя убеждает, что фу, какая гадость, и сам же все время оглядывается, чтобы лишний раз на эту гадость посмотреть.

Паук тем временем подобрался вплотную и вдруг подхватил меня за талию передней парой лапок. И водрузил прямо на середину брюшка.

— Сидеть надо тут! — внушительно буркнул он и как-то так прогнул панцирь, что у меня под попой образовалось небольшое весьма удобное углубление. И все равно верхом было гораздо лучше, а тут — держаться не за что, до спины скакуна не дотянуться, и вообще...

Все это я старательно транслировала в человеческую спину отвернувшегося мутанта,

потому как мне было интересно, — он действительно улавливает мои мысли, или показалось?

Во всяком случае, паук, хотя и не оглянувшись, лопатками передернул очень красноречиво, словно от моего взгляда там чесотка завелась. И плавно двинулся вперед.

Вот если бы можно было сесть нормально — получилась бы отличная прогулка по саду. Приятный ветерок, особенная тишина, наполненная звуками ночной жизни. И мягко плывущее паучье брюшко подо мной.

Но сидеть было неудобно! Особенно, когда восьминогий перевозчик наложниц достиг лестницы и не снижая темпа заскользил по ней куда-то вверх. Упершись ладошками в покрытый пушком хитин, я скептически наблюдала, как это чудо почти уткнулся животом в ступеньки, подгибая передние лапы и приподнимая брюшко так, чтобы я не соскользнула вниз. И как не переломится в том месте, где у него паук к туловищу прирос.

Не знаю, помог ли мой громко продуманный скептицизм или еще что-то, но брюшко подо мной вдруг подпрыгнуло, и я скатилась в уже привычное положение — к самому торсу.

Паук снова передернул плечами, но даже не повернул головы, а я еще пару секунд озадаченно размышляла — мне показалось или как? Потому что он совершенно точно молчал, а я откуда-то не менее точно знала, что на меня наворчали, по поводу того, что я даже на пауках ездить правильно не умею. А под всем этим ворчанием словно отблеск солнечного луча в глубине заросшего озера — любопытство и даже как будто удовольствие?

Интересно, мы бежим на верхушку еще одной, невидимой башни? Просто лестница все не кончалась и не кончалась. Ан нет, уперлась, наконец, в массивную каменную кладку поперек дороги, в середине которой была крепкая, даже на вид, дверь.

Паучок остановился на площадке перед входом, снова спихнул меня на середину брюшка и застыл, явно чего-то ожидая.

Я успела заскучать и еще раз громко побурчать животом, когда по стене вдруг скользнула огромная тень.

Вот вроде и привыкла уже за день к паукам-мутантам, но этот был заметно крупнее, пушистее, и... оказался дамой. Пожилой, но очень... очень внушительной.

Одета была пожилая леди — другого слова и не скажешь! — в уже привычный жилет, но более длинный, без узоров и застегнутый на все пуговицы, вплоть до внушительного декольте.

У дамы были сурово поджатые губы, слегка сдвинутые к переносице прямые широкие брови, строгие большие глаза, окруженные сеточкой едва заметных морщин, полуседая, когда-то черная, роскошная грива волос, сейчас стянутая в тяжелый узел... н-да. Наша директриса в свое время пыталась добиться подобного эффекта, но она и рядом не стояла с этим величественным олицетворением ХОЗЯЙКИ.

Сама не поняла, как оказалась на ногах, чуть в стороне от низко склонившегося "моего" паука. Тот являл собой картину глубочайшего почтения, даже первые две пары лапок положил на пол, так распластался.

Паучья леди на секунду смерила нас взглядом, потом вдруг у меня перед глазами что-то мелькнуло, и я обнаружила, что мадам внушительно прилепнула моего провожатого к полу одной из массивных лап, а тот и не думает сопротивляться.

И опять я могла поклясться, что они не издавали ни звука. Откуда же в моей голове возник этот диалог?

— Мое почтение, арграу Рраушшана. Я доставил новую наложницу. Она немного

странная, все время молчит и хочет есть.

— Сама разберусь, мальчишка, кто здесь странный, а кто обнаглел и тянет лапы куда не положено. Не смей даже думать о собственности аргросса!

— Я не смею, арграу! Просто она... действительно странная.

— Исчезни с глаз моих, Ррашшард, и без позволения аргросса больше здесь не появляйся!

— Слушаюсь, арграу!

Паучиха отступила к стене, и мой освобожденный скакун поднялся на лапы. Бросил на меня еще один непонятный словно сожалеющий взгляд и в мгновение ока умчался вниз по лестнице.

А паучиха, даже не посмотрев в мою сторону, легонько толкнула лапами массивные окованные темным железом створки двери. И только потом указующе ткнула лапой в открывшийся проход, из которого на площадку пролился теплый ровный и неяркий свет.

Если уж я весь день не спорила с обстоятельствами, то теперь это делать было вдвойне глупо. Я учтиво склонила голову и пошла, куда велели.

Створки все так же бесшумно закрылись за моей спиной. Мы прошли узким коридором куда-то налево, миновали еще одну массивную дверь, спустились на два лестничных пролета и оказались на открытой галерее, с одной стороны которой были резные деревянные перила, увитые виноградом, а с другой, примыкающей к стене, было множество дверных проемов, занавешенных тканью, по которой там и тут посверкивал серебристо-ажурный узор натянутой паутины. Откуда-то из-за перил лился приятный теплый свет.

Здесьняя хозяйка уверенно проскользнула вдоль галереи в самый ее конец и передней лапой отодвинула тяжелую бархатную занавесь в одной из ниш, не перечеркнутую, как я заметила, паутиным узором.

— Твоя комната. Зайти можешь только ты, — похоже, телеграфный стиль общения — это фирменный паучий знак. — Ночью выходить запрещено. Посещать чужие покои запрещено. Если нарушишь сигнальную паутину, — кончик волосатой лапы ткнул куда-то в косяк, и светящаяся нить начала плести свое кружево, в считанные секунды затянув весь проем, — будешь наказана. Ночью сигнальная паутина вырастает сама. Днем будешь активировать ее, когда уходишь. Теперь иди и спи. Утром тебе объяснят все остальное.

Выдав ценные указания, мадам-паучиха одним легким движением ликвидировала сигнализацию, подтолкнула меня в спину в направлении комнаты и развернулась с явным намерением ретироваться.

Эх, была не была, попробую. Как он там говорил? Арграу?

Не пытаясь даже раскрыть рта, я очень старательно и целенаправленно проговорила в уме, глядя прямо на собеседницу:

— "Уважаемая арграу, простите, но я не ела больше суток. Нельзя ли поужинать перед сном? Меня устроит что-нибудь самое простое. Если вас не затруднит".

Дама не стала так явно изумляться, как мой провожатый. Но обернулась и окинула меня заинтересованным взглядом:

— "Вежливая. Хорошо. Кто научил тебя языку разума, светлая?"

— "Не помню!", — честно ответила я и подтвердила слова громким — нет, не бурчанием, уже рычанием живота.

— "Ррашшард был прав, ты странная светлая. Не боишься меня?"

— "Нет. Я есть хочу", — ну же, ближе к делу, то есть к ужину!

— "Иди в комнату, я прикажу накормить тебя", — и свалила, не оглядываясь.

Будем надеяться, действительно прикажет, и кормильцы не слишком задержатся, а то я уже готова пожевать ту шторку, что заменяет дверь в мое новое жилище.

Вздыхнув тихонько, я отдернула занавесь и огляделась.

Комнатка была очень маленькая, но уютная. Стены обиты приглушенно-зеленой парчой с едва заметной серебристой вышивкой. На полу ковер, тоже зеленый, но более темный, с тонким бежевым рисунком. В правом дальнем углу вдоль стены кровать с полупрозрачным балдахином, в лучших традициях востока. Рядом с ней, как раз под маленьким забраным резной решеткой оконцем, миниатюрный словно игрушечный столик. Окно под самым потолком, и в него заглядывает какая-то любопытная звезда, нахально просовывая колючие лучики сквозь фигурные прорези. Я уже не удивлялась тому, что этого света мне хватает, чтобы не только обстановку разглядеть, но и цвета различить вплоть до оттенка. Стояла, разглядывала, прислушивалась, принимаюсь.

Окно, видимо, выходило на ту сторону стены, в сад, через который меня вез паук. И где-то рядом сидела трудолюбивая цикада, звонко перепиливая свою импровизированную скрипку. А больше ничего не было слышно.

Пахло довольно приятно — свежестью и почему-то немного лимоном. Или лимонной мятой, я всегда любила этот запах, но чтобы едва заметный, на грани ощущения. Вот как сейчас.

У противоположной стены большое зеркало, что-то похожее на низенький комодик под ним и пузатый бархатный пуфик, ожидаемо в зеленых тонах. О, а еще между зеркалом и выходом притаилась маленькая узкая дверка, обитая той же тканью, что и стены. Если я не ошибаюсь... Да-а-а! Какое счастье!

А то мне в кусты у паука некогда было отпроситься. Он то несся, как гоночный болид, то ворчал что-то там свое, паучье. А тут вполне сносный санузел, только без ванны или душа, унитаза да умывальник. Вполне узнаваемого вида. И за это спасибо!

Когда я, довольная и даже умытая, выбралась из туалета, то встала, как вкопанная, и даже тихо ахнула. От радости! Потому что запахи в комнате сменились, и теперь, вместо просто приятных, они стали восхитительно-аппетитными.

Пахло свежей сдобой, медом и молоком. Самое то для легкого ужина, потому что, несмотря на голод, наедаться перед сном — не самое умное занятие.

На мое аханье отреагировало странное существо, аккуратно расставлявшее маленькие тарелочки на столе. Подпрыгнуло, пискнуло и попыталось смыться под кровать вместе с половиной моего ужина, оставшейся на подносе.

— Эй, стой! — возмутилась я и кинулась спасать пропитание. Поднос схватить успела, а мохнатое и черное, похожее на шарик с глазами, запищало еще громче, отпустило мою добычу и исчезло под свисающим краем одеяла.

Я поставила отвоеванный поднос на свободный краешек стола. Подумала секунду... и любопытство все же победило голод. Осторожно отогнув край одеяла, я заглянула под кровать. О том, что там еще темнее, мне как-то даже в голову не пришло. Я все равно все прекрасно видела, и... ничего не видела. Под кроватью было пусто. Даже пыли не наблюдалось.

Ну и ладно, чудеса подождут до завтра, а сейчас — ужин!!! Наконец-то!

И только утолив первый голод, я вдруг поняла, что-то было не так. Что? Ой!

Я же вслух на мохнатушку вопила, когда еду спасала! Некачественное какое-то

волшебство у "фендюэля" оказалось. Бракованное.

Go home

Одуванчик-4

Я подскочила на кровати, зажимая уши, и еще пару минут не могла понять, где я, кто я, и что это за адский заунывный вой под псевдомелодичное треньканье. Какой кошмар!

Но выяснилось, что это — не просто кошмар. Это ежеутренний кошмар, который называется будильник.

Я это поняла, когда уже умылась и выглянула из комнаты. Сторожевая паутина пропала, а по галерее бегала и суежилась толпа девчонок. Разглядеть в подробностях я никого не успела, но у одной точно были за спиной стрекозиные крылышки, другая была радикально-салатового цвета, вся, с ног до головы. А в целом, девчонки были молоденькие и хорошенькие, как куколочки.

Я прислушалась к себе. Даже, ради эксперимента, попробовала вслух посчитать, как бывает при проверке микрофона — "раз-два-три, раз-два-три, проверка, проверка".

Голос оказался на месте, громкость в норме, вокальные данные я потом протестирую, но, в целом, вроде ничего так тембр. Слегка низковат для эльфийской девы — что у служанок, что у мымры голоса были достаточно высокие, звенящие и на мой вкус резковатые. Вот интересно, это тело изначально выбивалось из общей октавы, или мое вселение так повлияло? В прошлой жизни у меня был именно такой тембр.

Кстати, если с заклитием немоты произошла осечка, то спокойствие и любопытство никуда не делись. Наоборот, теперь они, вообще, воспринимались как нечто родное и естественное. Я внутренне усмехнулась — вот уж против такого волшебства я точно не возражаю.

Нет, я прекрасно помнила и свою жизнь, и свою семью... но боли не чувствовала. Только тихую и нежную грусть. Дети выросли, они справятся без меня. Я буду скучать и по ним, и по внукам, но изменить что-то не в моих силах. Муж... нам было очень хорошо вместе... Дай бог ему встретить умную и любящую женщину — он еще мужчина в самом соку. Я буду помнить и благодарить. И тоже скучать, конечно...

Но я теперь в этом мире. И жить надо здесь и сейчас. И если эльфийское заклитье так действует — спасибо ему. Никакого желания биться в агонии я не испытываю.

— Кхм! — я не заметила, как галерея опустела, и рядом со мной осталась только одна девушка, которая сейчас стояла прямо напротив и изучала меня с несколько высокомерным видом.

— Ты новенькая? Как тебя зовут?

И я зависла, как неисправный ноутбук. Хороший вопрос! А КАК меня зовут?!

Нет, мымра что-то говорила, как-то называла меня. Но я тогда, вообще, плохо соображала и ни-че-гошеньки почти не запомнила! Что-то такое... ден... дин... черт!

Ну не представляться же Верой Ильиничной? Так, надо соображать быстрее. Нет, все равно не помню. Постойте-ка, так ведь я же вроде немой еще должна быть? Вот и побуду. А там посмотрим, или хоть что-то вспомнится, или, может, как-то разузнаю.

Я подняла глаза на собеседницу, постаравшись сделать взгляд как можно невиннее и несчастнее, и красноречивым жестом приложила ладонь к горлу, потом к губам и отрицательно покачала головой.

— Ах да! — с досадой отозвалась девушка. — Ты же еще и немая! Навязали заботу на мою голову. Ладно, иди за мной.

Она развернулась и быстрым шагом направилась в другой конец галереи, даже не озаботившись тем, следуя я за ней или отстала. Более того, на лестнице, по которой мы стали спускаться, моя провожатая вполголоса бурчала себе под нос:

— Только немых здесь не хватало. Выставка уродов, кто ее, вообще, принял? Скоро эти эльфы будут обезьян удочерять, чтобы прислать повелителю...

Она с такой экспрессией возмущалась, так искренне и при этом настолько свысока, что мне стало смешно. Я молча спускалась следом, пряча улыбку. И с интересом оглядывалась по сторонам при дневном свете.

Оказалось, что мы спускаемся с самого верхнего этажа своеобразного "небоскреба". Вся стена, отделяющая гарем от остальной крепости, изнутри оказалась "застроена" ярусами, галереи шли этажами. Мы уже спустились, как минимум, этажей на пять, а до земли было еще далеко. И никакого лифта, кстати, ножками все, ножками.

На каждой галерее было около десятка комнат, точнее я не успела сосчитать, но с интересом прикидывала, сколько же тут живет народа. И это все наложницы? Силен повелитель.

Мы были уже почти в самом низу, когда моя провожатая, которая, между прочим, сама даже не подумала представиться, перестала возмущаться в пространство и снова обратилась ко мне:

— Я расскажу тебе о здешних правилах и отведу на завтрак, а потом на первое занятие, но даже не рассчитывай, что буду с тобой нянчиться долго, поняла?

Я кивнула, снова подавив улыбку. Девчонка была похожа на вредную примадонну-старшеклассницу и так же по-детски смешна. Грех на ребенка обижаться. Тем более она заговорила о каких-то занятиях, и это меня всерьез заинтересовало.

— Вот здесь столовая, запоминай сразу. Завтрак подают только в течение получаса после утренней песни, если проспичь и опоздаешь, останешься голодной. Второй завтрак вам принесут в павильон знаний, а на обед снова придешь сюда, сразу после полудня. Как раз закончатся занятия.

Девчонка тараторила быстро, не обращая внимания на то, слушаю я или нет. Похоже, ей действительно не терпелось побыстрее от меня отделаться.

— У нас учат изящным искусствам — музыке, танцам, рисованию, стихосложению. Просто отправишься за наложницами из своей группы.

Угу, понятно. Музыка и танцы — интересно и не думаю, что сложно. Со стихами разберемся. А вот рисовальщица из меня... я читала, что где-то в Индии слона научили размазывать краски по холсту, а потом продавали эти картины туристам. Вот я, как тот слон.

Провожатая тем временем втокнула меня в одну из дверей, и я оказалась в большом помещении, обставленном так, что не возникало ни малейшего сомнения — столовая. Только вместо длинных общих столов, как в школе, например, тут были небольшие столики на троих-четверых, круглые, покрытые белоснежными скатертями, и вообще, атмосфера больше напоминала хороший ресторан.

Обитательницы этого веселого заведения уже расселись по своим местам и усиленно работали ложками. Мой желудок громко возрадовался вкусным запахам, и за ближайшим к выходу столиком тут же раздалось дружное девичье хихиканье.

Прямо на меня никто не оглядывался, все вроде как завтракали и просто переговаривались между собой, но при этом взгляды искоса едва не изрешетили меня, как хорошая пулеметная очередь. И пока мне искали место, со всех сторон тихо, но отчетливо,

неслось одно и то же словечко.

"Эпоква".

Интонации были разными, от насмешливо-презрительных, до абсолютно равнодушных. Но поскольку слово шелестело вслед все то время, что меня вели в самый дальний угол, я сделала вывод, что относится оно непосредственно ко мне. И что удивительно, уже пристраиваясь на свободный стул, я вдруг поняла, что слово мне знакомо. Более того, я знаю, что оно означает на языке дриад.

Эпоква — дословно: "мокрый тростник", а по смыслу — плакса, нытик, изнеженное, неприспособленное для жизни, тонкое, ломкое и бесполезное растение.

Во дела. Имени своего не помню, а то, как меня обозвали на изысканно-древесный манер, поняла превосходно. Откуда?

Видимо, оттуда же, откуда пришло знание, как минимум, еще двух языков. На свежую голову очень хорошо вспомнилось, что мымра и ее мымрята разговаривали со мной на одном наречии, а вот паук совершенно на другом. И тот, и другой я прекрасно понимала, и, прислушавшись к себе, даже выделила различное звучание слов, отвлекаясь от их смысла.

На пробу я попыталась подумать что-то на своем родном русском языке. М-да... вот тут начиналась путаница. Потому что я вроде как думала знакомыми словами, а на поверку под нужные образы мгновенно всплывало совершенно другое звуковое сочетание.

Нет, по-русски мне вряд ли придется тут с кем-то общаться, но все равно обидно как-то.

За размышлениями я как-то упустила из виду соседок по столу, да они и не рвались общаться, шушукались между собой. Перед тем как улетучиться, моя недобровольная провожатая буркнула, что это и есть моя "группа", с которой мне потом надо будет идти на занятия.

Кстати, лица оказались знакомыми, именно эти девчонки мелькали на моем этаже после экстремальной побудки, из чего я сделала вывод о том, что они тоже новенькие. Впрочем, я могу и ошибаться, просто подумалось, что вряд ли меня определят в группу "старослужащих".

— Говорят, немая.

— Да ты что... жалость какая. А я думала, послушаем эльфийское пение, мне матушка рассказывала, это божественно...

— Пфы! Наслушаешься еще. Через месяц уже новую пришлют, вот увидишь.

— А эту?!

— А что эту, или подарят кому-нибудь, или вообще... говорят, они пауков так откармливают.

— Врешь ты все!

— Ага, только эльфийские девы в этом месте долго не живут.

— Да ты откуда знаешь, сама всего две недели...

— Зато я умею слушать. А жаль... светлые девы в жертву чудовищу — это романтично, но грустно.

Я тоже умею слушать и с детства со своим слухом вечно слышала разговоры, для моих ушей не предназначенные. В данном случае шептались две очень симпатичные девочки, вполне человеческого вида, то есть — ни крыльев, ни экстремальной раскраски.

Мы всей толпой шли на первое утреннее "занятие". Они впереди, шагов на десять, а я приотстала и с любопытством рассматривала затейливую резьбу по белому мрамору — дорожка, вымощенная лазурной плиткой, вилась между павильонами и беседками,

преимущественно каменными.

Та, что мечтала послушать эльфийское пение, умилительно-пухленькая, длиннокобая брүнечка, с нежной сливочно-персиковой кожей, все время на меня оглядывалась, и ее круглые ореховые глазки испуганно и с любопытством блестели. Вторая, высокая блондинка, с фигурой валькирии, выступала так же уверенно, как и говорила. Еще три или четыре девицы, завтракавшие за соседним столиком, убежали далеко вперед и на меня даже не оглядывались.

Пришлось поспешить, потому что весь этот гаремный комплекс напоминал очень красивый мраморный лабиринт, и блуждать по нему в одиночестве у меня пока не было ни малейшего желания.

Ну что сказать о занятиях... радовало то, что читать и писать я умею. Правда, при попытке "начертать" на листе светло-кремовой плотной бумаги заданное стихотворение, мой мозг вошел в суровое противоречие с моими же руками.

Я уже говорила, что рисовальщица из меня еще та. А "чертатать" нужно было тоненькой кистью, обмакивая ее в пузырек с красивой темно-зеленой тушью.

Все началось с того, что получив задание, я, совершенно не задумываясь, машинально взяла кисть и быстро обмакнула ее в чернила, как-то очень ловко стряхнув лишнее обратно в пузырек, и уже занесла свое орудие над бумагой...

И тут мое сознание всполошилось. Оно-то твердо знало, что я и кисточки — это как слоны и бабочки. Первые, даже если бурю поднимут, размахивая ушами, взлететь все равно не смогут, не говоря уже про цветочки опылять.

Пришлось осторожно положить кисточку на краешек мраморной плиты, заменявшей здесь этакую помесь стола, мольберта и пюпитра. И крепко задуматься.

Написанное на мраморной же, но темной поверхности "классной доски" стихотворение я смогла прочесть без труда. Это здорово подняло мне настроение, и я ринулась в бой, не задумываясь над своими действиями. Мои уже вроде как родные ручки взялись за работу... ага. Стало быть, долой сознание.

Если бы можно было, то я и глаза бы закрыла, чтобы не отвлекаться на непривычный вид собственных конечностей, которые с ловкостью завязанного каллиграфа выводили изящные зеленые вензеля по кремовой бумаге. Но тут номер не прошел, смотреть все же пришлось.

Где-то после первой строчки я окончательно расслабилась, и кисть задвигалась быстрее. Очень помогло то, что в прежней жизни, когда я училась, а потом и сама учила пению, часто приходилось делать именно это — отстраняться от сознания и вслушиваться в собственные ощущения, наработывать, а потом и использовать моторику. Правильное дыхание, умение расслабить или напрячь нужную группу мышц, не опускать и не зажимать диафрагму... звучит совсем не так романтично, как красивое, особенно оперное пение, но это "азбука" любого певца.

Урок каллиграфии закончился, принесли второй завтрак — травяной чай, булочки и фрукты, а потом нас пригласили в другой павильон, на урок стихосложения. Слагать стихи — если у тебя к этому нет ни малейших способностей — это жесть, как говорила внучка. Любовь-морковь, закат-плакат — вот и вся моя поэзия. Ну и ладно, буду двоичницей, все равно по легенде прочесть свое "творение" вслух мне не дано.

А вот с музыкой все пошло с самого начала и весело и грустно.

Весело в том плане, что струнные для меня — любимые. И прочесть ноты с листа я

могу. Если дома шестьдесят лет свои семь нот читала, то и здешние восемь — не проблема, тем более что тут как с буквами оказалось.

Но вот мелодия... нет, поначалу все очень нежно, изящно, мило... сладко. А через полчаса уже тошнит от однообразной мелодичной приторности.

Эта музыка была в одной тональности и одной громкости. Не было ни крещендо, ни диминуэндо, ни переходов, оттого казалось, что исполняет её не живое существо, а старинная музыкальная шкатулка, где мелодия записана на бесконечно крутящийся барабан.

Музыка всегда увлекала меня за собой в свой особый непредсказуемо-волшебный мир. Я могла увлечься и забыть об окружающем, могла запросто потерять и полчаса, и час, и очнуться с ощущением, что прошло не больше минуты.

Вот и сейчас я постепенно начала импровизировать, стараться разнообразить мелодию. И потеряла осторожность.

Когда я вынырнула из мира музыкальных грез, вокруг стояла мертвая тишина, только последняя нота моей импровизации еще дрожала в воздухе. Вот же!

Все, включая строгую слегка высохшую в своей излишней художавости даму-преподавательницу отложили свои инструменты, ноты и смотрели на меня, как на восьмое чудо света.

И все бы ничего, если бы взгляды были только заинтересованными, как у местной мумии от музыки. Но, в основном, на меня смотрели отнюдь не доброжелательно. Кто-то с долей зависти, кто-то просто неприязненно, с презрением, а кто-то откровенно враждебно.

Только та пухленькая кареглазка, что мечтала услышать эльфийское пение, изливала на меня искренний восторг и блаженно жмурилась, как котенок на солнце, видимо, еще наслаждаясь мелодией.

Я встала, аккуратно положила на место инструмент, очень напоминающий семиструнную гитару, сделала скопированный у других наложниц легкий полупоклон, всем своим видом стараясь продемонстрировать желание уйти пораньше.

К счастью, преподавательница, имени которой я с одного раза не запомнила, потому что оно было длинным, вычурным и содержало множество трудно произносимых слогов, коротко кивнула в ответ, отпуская меня.

Поскольку занятие музыкой было последним в расписании на сегодня, я решила попробовать самостоятельно добраться до столовой. Лазурная дорожка перетекала под ногами затейливыми разводами по глазурованной поверхности и напоминала тихий ручей, спрятанный под прочную и прозрачную поверхность. Пока мы путешествовали от павильона к павильону вместе с группой, я старательно запоминала дорогу и обращала внимание на какие-то особые приметы местности.

Вот затейливый карниз, венчающий легкую увитую виноградом беседку. Вот смешной маленький дракончик, обернувшийся вокруг мраморной колонны и с самым свирепым видом кусающий свой чешуйчатый хвостик. Вот клумба с шикарными, с суповую тарелку величиной, вишнево-бархатными розами.

К этой клумбе можно было выйти с закрытыми глазами, настолько сильным был аромат, пропитавший все вокруг на несколько десятков шагов. А от клумбы уже рукой подать до резной арки, после которой лазурная плитка под ногами сменяется похожим на крымский известняк пористым желтоватым камнем. Им вымощена довольно большая открытая площадка перед лестницей, что ведет на мою верхотуру. А справа должен быть вход в столовую.

Сначала мне показалось, что огромный гулкий зал еще пуст. Шторы на окнах были задернуты и пропускали внутрь зеленоватый приятный полусвет вместо ослепительного полдня. Глаза привыкли почти мгновенно, и я уверенно двинулась к тому столику, за которым сидела во время завтрака.

— Эй! — вдруг окликнули меня откуда-то из полутемного угла. — Кто тебя сюда пустил, немое убожество?

Я обернулась и только теперь обнаружила двух... скорее все же дамочек, а не девочек, устроившихся на мягком полукруглом диванчике в уютной нише, где стоял всего один столик, за которым дамы и восседали.

Почему дамы? Нет, на вид они выглядели такими же юными и свеженькими, как остальные здешние обитательницы. Ну, не считая того, что одна была зеленой от кончиков волос до изящных ножек, а когда вторая слегка поерзала, устраиваясь поудобнее, у нее за спиной зашуршали и перламутрово взблеснули стрекозиные крылышки.

Так вот, дамами я их мысленно назвала скорее не из-за внешности, а из-за манеры держаться. Уверенной, вальяжной и даже с претензией на царственность.

Одуванчик-5

— Давай, проваливай, убогим заранее не подают! Придешь вместе со всеми, нечего из себя особенную корчить! — сразу и довольно агрессивно выступила зелененькая. И уставилась на меня с каким-то нездоровым любопытством, словно чего-то ждала.

Я тоже решила подождать — не похоже, что это “официальные” личности. Не прислуга и не поварихи — ничего общего. В любом случае, мне стало даже немного любопытно — с чего такое недоброжелательное обращение?

Моя реакция, видимо, удивила обеих дамочек.

— Ты что, еще и глухая? — смысл фразы ускользнул от меня потому, что я залюбовалась процессом. Впервые в жизни довелось увидеть, как невесомые стрекозиные крылышки за спиной девушки радужно сверкнули, взбили воздух, почти как вертолетный винт, и фея, в буквальном смысле, подлетела ко мне. Настроена она была совершенно недружелюбно и на лету попыталась гаркнуть мне в ухо:

— Отдельных подачек убогим плаксам здесь не положено!

Я инстинктивно уклонилась, отступив на пару шагов, и вновь с искренним любопытством уставилась на агрессоршу. Во-первых, похоже, заклинание все еще не выветрилось, а во-вторых, когда две эти дурочки решили поскандалить, вся их “дамская” аура куда-то разом подевалась.

Остались две соплюшки, выясняющие отношения на детской площадке, — никак иначе воспринимать их у меня не получалось, хоть тресни. Разве будет нормальный человек сердиться на детсадовцев, и тем более принимать их агрессию всерьез?

Тем более что голосок у летучей феечки оказался мелодичным, звонким, без резких ноток, а потому противный вопль у нее не получился.

Не знаю, чего они ожидали от меня. Глазки у них блестели все тем же нездоровым любопытством, словно они специально разыгрывали некий спектакль и ждали определенной реакции публики. Мой маневр с отступлением обескуражил летучую артистку, ее даже слегка занесло, но феечка мгновенно выровняла полет и картинно уперла руки в боки, глядя на меня сверху вниз, как на строптивую козявку.

— Тебе что, помочь надо? Выход во-о-он там! — она попыталась схватить меня за плечи и развернуть в сторону двери. Попыталась, потому что я снова ловко увернулась и

почему-то не сдержала улыбки, — это было так похоже на то, как моя собственная дочь в детсадовские времена пыталась выжить маму из комнаты, когда у нее там заводился “большой секрет”. Правда, у дочуры секрета больше чем на полчаса не хватало, вскоре она прибежала звать меня обратно и хвастаться.

Каким-то “задним умом” я прекрасно сознавала, что ничего общего у крылатой паразитки с моей девочкой нет, и намерения у нее откровенно враждебные. И все равно... она так смешно разозлилась. Даже крылышки теперь бились резко и сердито.

Тут ей на помощь поспешила зелененькая, которая все это время наблюдала за нами со своего диванчика. Очень грациозно и напоказ лениво девушка поднялась на ноги и направилась в мою сторону. При этом она стратегически грамотно, как сказал бы муж, заходила с левого фланга и явно намеревалась оттеснить меня к выходу.

— Тупая глухо-немая эпоква, ты что, по-хорошему совсем не понимаешь?! — феечка опустила на пол прямо передо мной и воинственно топнула ножкой, обутой в изящную парчовую туфельку на довольно высоком каблучке. Словно козочка копытцем. Я с трудом сдержала улыбку, потому что ее зеленая подружка в этот момент тоже подобралась почти вплотную. Смех смехом, но эти “детки” были с меня ростом, их было двое, а мне совсем не хотелось участвовать в потасовке, причем в первый же день.

— Чего ты улыбаешься, мерзкая дрянь! — зеленая красавица между тем всерьез разозлилась, и все происходящее меня уже не веселило, а настораживало. — Еще оправдаешь свое прозвище, эпоква!

— Она какая-то ненормальная! — диагностировала феечка, снова взлетая повыше и явно готовясь спикировать мне на плечи из-под потолка. — Осторожнее, Кивайдин, вдруг кинется? У нее странная улыбка. Мало ли, кого эльфы в этот раз подсунули?

Но зеленая Кивайдин, видимо, вошла в раж и наступала на меня с самым решительным видом.

Не знаю, чего я вдруг уперлась, но маневрировать и отходить старалась вовсе не в сторону двери, как хотелось этим странным дамам, а вглубь помещения, к своему столу. Что, похоже, злило девушек все больше. Правда, фея так и парила под потолком, время от времени возбужденно попискивая и покрикивая то на меня, то на подружку. Меня ругала, ее подбадривала... но сама атаковать не торопилась.

В какой-то момент воинственной нимфе или дриаде надоели наши догонялки, и она угрожающе застыла, как-то странно поводя плечами и хмурясь. А в следующую секунду я едва не споткнулась о зеленый побег, который неожиданно вырос прямо посреди выложенного мрамором пола и теперь прицельно шарил по камню, пытаясь поймать меня за щиколотку.

Как я не взвизгнула — сама не знаю. Очень уж неожиданно вылезла эта пакость. Сначала я отскочила на полшага, но видя, как растительная змея потянулась вслед, сделала то, чего сама от себя не ожидала.

Я прыгнула обратно и с силой наступила на самое основание побега, передавливая его, прижимая подошвой к твердому мрамору. Причем я откуда-то точно знала, что пара резких движений ногой, и я просто размозжу, перетру этот прочный, но тонкий стебель.

Росток замер под моей туфелькой, как парализованный, а его хозяйка придушенно охнула.

Я подняла на нее глаза и даже испугалась, — девчонка вылиняла до светло-салатового оттенка, закусила губу и тяжело дышала. Наверняка непросто было вырастить лозу сквозь

камень, а тут еще... я быстро убрала ногу со стельки и отступила на пару шагов.

Вовремя, потому что феечка под потолком злобно взвизгнула, оскалила вполне себе полную... пасть острых зубов и понеслась на меня, вытянув вперед самые натуральные когти. Да и ее подруга очень быстро оправилась, угрожающе позеленела и обильно проросла веточками и листиками. Они все удлинялись, тянулись ко мне с явным намерением схватить или хлестнуть по лицу.

На счастье, двери в столовую именно в этот момент широко распахнулись, а воздух зазвенел от гулкого металлического звона. И в зал ввалилась сразу целая толпа девчонок.

На секунду они замерли, во все глаза разглядывая мизансцену, а потом дружно сделали вид, что ничего не видели. И не слышали. И вообще... ничего не произошло.

Мои противницы тоже сразу опомнились, и, подарив мне по прожигающему взгляду, неторопливо направились к своему диванчику.

Обедала я в этот раз, сидя за столом одна. Да-да, мои сотрапезницы дружно сбежали за соседние столы, оттуда непрерывным потоком лилось приглушенное шушуканье, и стреляли десятки любопытных глаз. Любопытных и испуганных.

А я ела и размышляла, что же это такое было, вообще, и зачем оно мне нужно. Умнее было выйти и дожидаться гонга, но сразу я не приняла ситуацию всерьез, а потом стало поздно. Да и... я не люблю ссор, а тем более драк, но еще больше не люблю, когда на меня вот так нагло и открыто, причем без повода, “катят бочку”, как говорили в моей молодости.

Я никогда в жизни первая не вступала ни с кем в конфликт, но если нападали на меня — не стеснялась ответить.

Теперь оставалось сидеть, есть, и внимательно слушать. Наверняка в своем прежнем теле, несмотря на исключительный музыкальный слух, у меня бы так не получилось. Мои теперешние ушки, аккуратные, маленькие и лишь слегка заостренные кверху, совсем не похожие на огромные лопухи из японских мультфильмов, от которых без ума мои внуки, тем не менее улавливали гораздо больше, чем хотелось бы здешним обитательницам.

Постепенно из шуршания и шепота удалось вычленивать три имени: уже знакомое Кивайдин (это было имя дриады), Лирилиш (похоже, так звали зубастую феечку) и О”Шия. Кто такая последняя, я пока не поняла, но догадалась, что эта неизвестная мне дама как-то связана с моими противницами.

Я продолжала неторопливо переваривать обед и сплетни, все больше вникая в ситуацию. Если я правильно уловила, мне “посчастливилось” схлестнуться с местными примадоннами. Любимыми наложницами? Нет, все же не так. Скорее, самыми старыми и авторитетными обитательницами светлой части гарема. Да-да, про темную его часть тоже наслушалась и поняла несколько вещей: там живут “твари”, твари живут лучше, чем “честные светлые леди”, и за это их тут дружно очень не любят. То есть не любят их вообще, за то что они “темные”, но, по-моему, эта абстрактная нелюбовь запитана на очень даже вещественную зависть.

Но с этим я решила разобраться попозже и сосредоточилась на собственных проблемах. Потому что отовсюду летело одно и то же: “глупая эпоква... глупая эпоква... Кивайдин этого так не оставит... жалко дурочку... т-с-с, ты что, хочешь с ней за компанию?!”

Честно говоря, я и сама с собой за компанию не хотела вляпываться в неприятности. Но бросив пару взглядов в нишу, где устроились фея с дриадой, поняла, что любые мои попытки примирения будут отвергнуты, более того восприняты с презрением. И станет только хуже. Как же все это глупо и по-детски... ладно, буду настоroje, а там посмотрим.

Обед между тем закончился, и райские птички, мелодично щебеча, стайками разлетелись кто куда, старательно не замечая меня. Вспомнив, что занятия здесь только до полудня, а дальше каждая предоставлена сама себе, я встала и покинула столовую, не дожидаясь, пока последние девчонки разбегутся и оставят меня наедине с агрессивной парочкой. Продолжения потасовки мне не хотелось. Не сейчас.

Немного постояв у подножия лестницы, я решила подняться к себе и как следует изучить комнату. Там же какие-то вещи должны быть, я утром мельком слышала от своей проводницы, что их должны прислать мои эльфийские родственники. Кроме того, в гареме тоже обеспечивают наложниц всем необходимым. Вот пойду и проверю, что, по их мнению, необходимо мне.

Полуденное солнце крепко припекало, но чем выше я поднималась, тем отчетливее ощущался свежий прохладный ветерок, так что на свой этаж я взбежала легко и даже с удовольствием. Все же в молодом теле есть свои прелести. Я уже и забыла — что такое бегать по ступенькам. А тут взлетела на одном дыхании и даже не вспотела.

Впрочем, может, это эльфийское происхождение виновато — я еще в столовой обратила внимание на то, с какой непривычной легкостью и ловкостью уклоняюсь от нападающих. Пожалуй, я даже в юности не умела так быстро двигаться. Так что во всем есть свои плюсы.

В комнате действительно обнаружился внушительный сундучок, его поставили у стены, рядом с кроватью. Я быстро перебрала несколько платьев, почти привычное белье — очень тонкое изящное и отменного качества, несколько пар красивых туфелек, на каблук и без, и достала с самого дна вещь, которой обрадовалась больше всего.

Это была почти такая же гитара, как та, на которой я импровизировала утром, но гораздо изящнее отделанная. И звук у нее оказался глубже, богаче и мягче. Прелесть!

Опомнилась я, когда колокол снова позвал всех на ужин. Поскольку соседки так и продолжали от меня шарахаться, я выждала, пока все спустятся на пару пролетов и неторопливо пошла вниз одна.

Пару раз пришлось задержаться, чтобы пропустить девочек с других этажей. Они забавно пяtilись, стоило им на меня наткнуться, и при этом сторали от любопытства, все время оглядывались и перешептывались с подругами. Не скажу, что это мне нравилось, но особенно и не мешало.

Получив свою порцию “негодующего презрения” от феи и дриады, я прошла к столу и спокойно села, не обращая ни на что внимания. Похоже, это только добавило ситуации остроты, потому что любопытство, опаска, презрение и даже злость со всех сторон только усилились. Не понимаю, чего они от меня ждут? Слез и истерики? Публичного покаяния? Попытки устроить драку? Ладно, разберемся.

За ужином разговоров было заметно меньше, все быстро съедали свою порцию и спешили куда-то убежать. Когда я расправилась с последним яблоком из вазочки, ко мне подошла довольно высокая коротко стриженная блондинка, красивая обычной, человеческой красотой.

— Ты новенькая? Мне поручили отвести тебя в купальни. После ужина наложницы должны приводить себя в порядок. Пошли быстрее, а то не успеем!

Я кивнула и встала. Не сказать, что моя новая провожатая лучилась добродушием, но она выглядела спокойной и разговаривала нормальным голосом, без истеричных ноток агрессии или испуга.

Поэтому я только удивилась тому, что до купален так долго идти, а блондинка все

углублялась и углублялась в каменный лабиринт гарема. Уже начиная подозревать, что дело нечисто, я все же решила посмотреть, что будет дальше. Никаких плохих предчувствий у меня не было, а своей интуиции я привыкла доверять.

И действительно. Ничего страшного не случилось. Просто моя провожатая свернула за очередную беседку и... растворилась в воздухе. Не буквально растворилась на моих глазах, просто когда я обогнула павильон, никого поблизости уже не было. Девчонка сбежала и бросила меня одну.

Постояв пару минут, я пожала плечами и задумалась. С одной стороны, я никогда не страдала топографическим кретинизмом и дорогу назад сумею найти рано или поздно. Тем более что солнце заметно склонилось к закату и всю дорогу подсвечивало мраморные “джунгли” с одной стороны. Значит, по нему будет легко сориентироваться. Но зачем, вообще, нужно было меня сюда заводить? Я еще понимаю, если бы нас тут ждала фейско-дриадская засада. Но нет, никого...

В чем заключалась подлянка, я поняла только через час, когда выбралась к знакомой лестнице. Первая же встречная радостно поведала мне, что почти все купальни и павильоны с бассейнами уже закрылись. И мне теперь туда — она невежливо ткнула пальцем в маленькую дверцу слева от лестницы. Оттуда как раз торопливо выбежала еще пара девчонок с мокрыми волосами. Очередные любопытно-ехидные взгляды, и все трое испарились. Хм...

Наверное, это была самая маленькая и невзрачная купальня во всем гареме. Темно-зеленые плиточные стены, каменные скамейки, несколько медных кранов, выступающих из стены над неглубокими купелями, и довольно большой бассейн посередине. Вот и вся скудная обстановка.

Зато в бассейне расположилась самая настоящая русалка. Красивая — глаз не отвести. Зеленоглазая, золотоволосая, она вся переливалась нежным перламутром, особенно роскошный русалочий хвост.

Вот только прекрасные зеленые глаза были уже привычно насмешливыми, презрительными и злыми. И улыбалась она далеко не ласково.

Русалка неторопливо выливала в свой бассейн какую-то жидкость из керамической баночки. Глядя мне прямо в глаза, она прополоскала свой сосуд в воде и небрежно отбросила, так, что горшок разбился:

— В следующий раз не опаздывай, глупая эпоква. А то опять ничего не достанется, — все с той же улыбкой промурыкала она, демонстративно опрокидывая следующий горшочек. — Все девочки уже вымылись, и никто не виноват, что некоторым неммым дурочкам не хватило цветочных бальзамов. Ах да, и управляйся побыстрее, а то через час настанет время паутины, если ты не вернешься до этого момента к себе в комнату, тебя накажут!

Мне уже стали действовать на нервы эти взгляды, — так смотрят зеваки на чужое несчастье — жадно, выжидательно и бездушно. Чего они все от меня хотят?

Русалка не дождалась реакции, фыркнула и вдруг так плеснула своим прекрасным перламутровым хвостом, что окатила меня холодной водой с головы до ног. Вот паршивка! Плеснула и исчезла. Я заметила только, как ее тень метнулась в глубине и растворилась в темном овальном пятне у самого дна.

В который раз я пожала плечами и прикинула, сколько времени мне понадобится на то, чтобы дойти до лестницы, а потом взобраться по ней на свой этаж. Кстати, за сегодняшний

день я уже успела пробежаться по ней три раза и убедилась, что фитнес — превосходный. Лишний вес мне не грозит.

А теперь будем купаться. Вот только зараза с хвостом была права — намылиться было нечем.

Интересно, здесь так принято? Кто не успел, тот опоздал? Правда, я действительно опоздала, но неужели банные принадлежности выдаются строго по количеству наложниц и ни капель больше? Ой, не похоже. Вот тут возле изящного медного крана пол подозрительно скользкий. И запах каких-то цветочков сильнее. Очень похоже на то, что некая вредная рыбка сущность слила все моющие средства не только к себе в бассейн, но просто на пол и даже сполоснуть не удосужилась как следует.

Ну, понять эту самую сущность можно. Во-первых, я все равно вроде как немая и жаловаться вслух не буду. Во-вторых, я даже не знаю, кому жаловаться-то? Главпаучихе? Так ее пойди-поймай, она дама занятая и не факт что станет слушать новенькую, да еще заведомо временную. И потом, ну кончился шампунь... один раз. Угу, и вода горячая тоже, судя по всему, закончилась. Из всех кранов течет только холодная, а в бассейн я не полезу, мало ли что за рыбка там может вынырнуть. И что, поднять крик, что это трагедия и заговор? А не этого ли от меня все ждут? Вот, то-то же...

Впрочем, где наша не пропадала. Местные жительницы знать не знают, что такое дефицит и советская торговля. А я в то время жила и детей рожала.

Искупаться хотелось ужасно, и я устроила экспресс-обыск купальни. То, что удалось обнаружить, больше всего напоминало размокшее мыло, по качеству недалеко ушедшее от хозяйственного. Может, они этим пол моют? Или стирают? Хотя вряд ли, я ни одной гаремной дамы с постирушками не заметила.

Подумав немного, волосами я решила не рисковать. Для начала намазала тыльную сторону предплечья и терпеливо выждала, развлекая себя тем, что вспоминала уловки и полезные навыки времен развитого социализма.

Мыло оказалось не ядовитое, аллергии не возникло, а на холодную воду нам плевать. В Москве живем... то есть жили. Отключением горячей воды нас не удивишь.

Олимпийскими темпами намылившись и ополоснувшись, я решила все же поэкспериментировать с одной прядью. Моя новая золотисто-блондинистая шевелюра со вчерашнего утра была заплетена в роскошную косу-корону вокруг головы и заколота какой-то хитрой и вычурной шпучкой, явно магического происхождения. Эльфочки-парикмахерши заверили меня, что прическа благодаря этой заколке продержится “два солнца и две луны”, то есть — как я перевела для себя — двое суток. Причем я за это время могу поспать, побегать, поездить верхом и даже постоять на голове.

Срок годности моей прически истекал уже скоро, и я не стала ждать, чтобы посмотреть, как она волшебным образом сама развалится. Просто выдернула заколку из волос и расплела конструкцию.

Н-да... хорошо, что в комнате я нашла хотя бы минимальный набор каждой уважающей себя носительницы волос. Два гребня, набор простых заколок и шпилек, круглую щетку с жесткой щетиной, а больше мне и не нужно.

Когда меня причесывали другие, это было как-то не так заметно, а теперь обнаружилось, что шевелюра в распущенном виде падает ниже попы, и при этом она густая и немного вьющаяся.

Нет, кто бы спорил, за такие волосы половина теток из моего мира удавится на

собственном крысином хвостике. Да и я, наверное, тоже бы такую хотела... в молодости. Походила бы с месяц и откромсала все это богатство к чертовой бабушке, потому что одно дело любоваться, а другое — мыть, ополаскивать и расчесывать, когда у тебя вместо шампуня и кондиционеров шиш с хозяйственным мылом.

Пока стричься было жалко. Одну прядку я намылила и прополоскала под холодной водой. Посмотрим, как она будет выглядеть завтра. Но, в любом случае, мы не можем ждать милостей от природы, темного властелина и гаремного начальства. Давай, Вера, вспоминай молодость.

Неторопливо заплетая тугую длинную косу, я вспоминала множество опробованных в юности рецептов. Когда-то мы их переписывали друг у друга в толстые клеенчатые тетрадки и хранили, как зеницу ока, делились опытом с подругами, обсуждали и экспериментировали. Искали доступные средства или какие-то заменители недоступных.

К сожалению, большинство необходимых ингредиентов можно было найти только на кухне, куда доступа у меня нет, и неизвестно появится ли. Но сегодня на ужин опять были мед и творог, а утром нам давали кашу, очень похожую на овсянку с кусочками свежих фруктов. А за обедом на столике стояла большая ваза с различными плодово-ягодными изысками, в числе которых обнаружился вполне себе привычный лимон.

А еще я выяснила, что где-то в северо-западной части гарема есть выход в сад. Правда, местные обитательницы туда не ходят. Не потому, что запрещено, а... это, вообще, был очень интересный, хотя и короткий диалог между двумя девицами. Конечно, никто из них не собирался меня просвещать, и конечно, я его подслушала.

Девушки очень негодовали из-за незрелого винограда на их столе и сетовали, что вот в саду... если бы не отвратительные темные твари, не эти мерзкие восьминогие отродья... рядом с которыми просто противно находиться любой порядочной наложнице.

С восьминогими тварями я уже познакомилась. И судя по тому, что особенного отвращения так и не испытала — до порядочной наложницы мне далеко. А вот травы в саду собрать — это очень хорошая идея.

Закончив с вечерним омовением, я переделась в чистое, аккуратно вытерла мраморный пол перед купелью, собрала полотенца, расческу и рачительно прихватила из купальни пустые емкости из-под злодейски вылитых хвостатой сущностью косметических средств. Правда, пришлось залезть в очень красивую ажурную, но явно мусорную корзину и выбрать целые.

Ну, мне же надо будет в чем-то заваривать, смешивать и взбивать то, что я собираюсь приготовить? А горшки и баночки для этой цели очень подходящие — небольшие, глиняные, покрытые глазурью и с довольно плотными крышечками. Не думаю, что их кто-то хватится, вон, побросали как попало, не только в мусор, но и на пол. Свинюшки, а не девчонки. Во всех смыслах.

Одуванчик-6

Еще с вечера у меня был составлен четкий план действий. Как я и предполагала, прядь, промытая псевдохозяйственным мылом, выглядела тусклой и плохо расчесывалась. То есть, использовать его для мытья волос в чистом виде нельзя.

Но как основа для великого множества разных средств — лучше не найти, потому что промывает и обезжиривает оно на редкость качественно.

Поднялась я задолго до противного верещания будильника, выбрала из своих вещей просторную, длинную, всю в живописных складках тунику. Убедилась, что при желании под

ней слона можно спрятать, и взялась за работу.

Шелковая рубашечка, почти такого же скучно-персикового цвета, как туника, была безжалостно распорота, и я, радостно помолившись всем богам, которых помнила, открыла изящную шкатулку с набором для вышивания. Эта чудная коробочка обнаружилась в моем сундуке с вещами и была полна настоящих сокровищ: нитки всех цветов, прошва, пяльцы, и, главное, набор иглоков! А ножницы? Плевать на неудобные ручки в виде изогнутых птичьих шеек, главное, они были отменно острыми.

К завтраку туника обзавелась потайными втачными карманами чуть ниже пояса, на привычных по-прежнему миру местах. Теперь я половину столовой могу вынести, и никто даже не заметит!

Этим утром я внимательно приглядывалась к сервировке стола, к подаваемым продуктам, но ничего не пыталась забрать с собой. Во-первых, за мной наблюдало слишком много любопытных глаз, а мегеры нечеловеческого происхождения так и вовсе едва во мне дырку взглядами не просверлили. Ну и, главное, не тащить же полные карманы снеди на занятия?

А вот за обедом, нетерпеливо отбив все обязательные “уроки”, я занялась хищениями. Впереди свободное время, да и гримзам надоело все время на меня пялиться. Так что момент был очень удобный.

Не смотря на экзотику паучье-человеческого вида, яблоки здесь выглядели как яблоки, виноград — как виноград, лимоны, опять же... и на вкус все было родное и привычное.

Конечно, кашу в карман не положишь, а вот лимон — очень даже. Розетка с медом была любезно снабжена плотной крышечкой, так что, завернув ее в платок, выкроенный из остатков рубашки, я сунула в карман и эту добычу.

Заодно в карман отправилась обыкновенная столовая ложка. Ведь я твердо намеревалась найти выход в сад, а выкапывать разные полезные растения пальцами — непродуктивно. Конечно, можно было еще и вилку утащить для рыхления особо твердой почвы, но я решила, что слишком уж наглеть не стоит.

Вооруженная до зубов, я в числе первых выбралась из столовой, постаравшись затеряться в толпе. А потом, никем не замеченная, юркнула за поворот и уже спокойно направилась на поиски выхода в сад.

Нашелся он всего через полтора часа блужданий по обширной гаремной территории. Сориентироваться по солнцу получилось быстро, но вокруг было столько красивого и интересного, что я не торопилась. Одни мраморные статуи на маленькой площади чего стоили! Их тут было несколько десятков, изображали они, в основном, играющих детей или молоденьких девушек и казались живыми.

Налюбовавшись, я отправилась дальше и вскоре вошла под очередную каменную арку, на этот раз поросшую мрачноватым на вид темно-зеленым плющом с мелкими резными листьями.

Ну... сад, как сад. Я бы даже сказала — парк. Огромный, не то чтобы запущенный, но на первый взгляд диковатый. Это на территории гарема были ровные дорожки, клумбы, подстриженная живая изгородь и прочие изыски садовой архитектуры. А здесь тропинки петляли между огромными, мощными стволами, некоторые из которых были сплошь увиты самыми разными плющами и лианами. Выскочишь на полянку — трава по пояс, а по краю — заросли кустарника, и колючего, и цветущего, и даже ягодного. Настоящий лес, чего уж там!

Я — городской житель и столичную суету всегда любила, прекрасно в ней себя чувствовала. Но лес... это была сказка в моей жизни. Я ни разу не заблудилась, всегда умела правильно выбрать направление, спокойно отдыхала, устроившись в траве, ночевала и в палатке, и просто в спальном мешке. Грибы, малина, земляника, черника, зверобой, душица, хмель... орехи. Каштаны на Кавказе собирала, когда возила детей в санаторий. Если бы я не родилась в Москве, в семье музыкантов — точно вышла бы замуж за какого-нибудь лесника и уехала жить в чащу.

По местному чудному парку-лесу я сначала просто гуляла и наслаждалась, лишь примечая то тут, то там разную полезную флору. И вновь задумалась о том, как мне повезло.

Вот попала бы в какую-нибудь марсианскую пустыню и черт их знает, какие кактусы там съедобные. А здесь полно знакомых растений. Незнакомых, правда, еще больше. Ну, так я не специалист-ботаник, хоть и эльфа вроде бы, но пока никаких названий в голове не всплывает. Да и ладно, в родном мире я тоже далеко не всегда могла определить, что это за трава, и съедобен ли очередной гриб.

А вот элементарные вещи в моем возрасте не знать — это надо постараться. Или жить где-то подальше от многострадальной родины. Ибо оказавшись в сорок с небольшим перед лицом озверелого капитализма, разросшегося на обломках того, что было нашей жизнью, любая выжившая домохозяйка могла не только крапиву по лесам собирать и консервировать на зиму все, что неосмотрительно выросло под забором. Но и слету «белка глаз стрелять», как выражался знакомый мужа с далекой Камчатки.

Интересно, кто-то из ровесниц моей внучки сумеет зарезать и выпотрошить курицу, заботливо выращенную на дачном участке? А кролика? Нда... вряд ли я сумею подстрелить дичь, и зарезать смогу только в крайнем случае, а вот приготовить, при наличии котла и костра — запросто.

За этими мыслями я не заметила, как забрела в самую чащу, но вскоре почувствовала, как справа тянет свежестью и прохладой, миновала очередной царпучий малинник и выбралась к озеру. Боже, какая красота!

Не прудик, а именно озеро, вытянутое, большое, чистое. Противоположный берег тонет в густой зелени, а здесь бежевый песок под ногами уходит в такую прозрачную воду, что видно, как в глубине резвится стайка каких-то мальков.

Искушение сходу нырнуть было велико, но я сдержалась. Делу время, потехе час. Вот тут на берегу и начнем сбор полезных ингредиентов. Вон, какие шикарные заросли одуванчиков там, где парковая трава граничит с пляжем.

Я вытащила ложку и алчно подступила к одному из цветков. Хорошо, что никто не мешает, сад на удивление пустынен, пока гуляла — никого не встретила, кроме полчищ мелких разноцветных паучков, деловито снующих в траве и среди кустов. Кстати, на облюбованной флоре тоже сидела парочка, я очень аккуратно, с помощью травинки, спихнула их в ложку и отправила гулять по соседним зарослям. Нет, мне не противно было и руками их потрогать, тем более эта мелочь была ужасно смешной, глазастой и пушистой. Но незнакомые насекомые — это незнакомые насекомые. Вдруг они не любят фамильярностей, и чуть что — кусаются?

Нет, я помню, что паук — не насекомое. Но кусаться они умеют и в нашем мире, а в чужом — тем более лучше сначала познакомиться, а потом руки тянуть.

Паучья мелочь сердито удалилась в траву, а я сосредоточилась на работе. И прозевала появление еще одного восьминогого.

— Что ты тут делаешь, светлая? — голос, раздавшийся откуда-то сверху, был довольно резким, с отчетливыми нотками неудовольствия.

Я, конечно, вздрогнула от неожиданности, но быстро успокоилась. Оставила в покое тщательно окопанный кустик одуванчика, отложила ложку и только тогда подняла глаза.

Ух ты! Мальчиков-паучков я уже видела, бабушку-паучиху тоже... а теперь такая чудная девочка. Во-первых, она была хорошенькой, как картинка. Вся, начиная с человеческой части и до покрытого нежно-золотистым пушком паучьего брюшка. Кроме того, все восемь паучьих лап оказались гораздо более пушистыми, чем у парней, а еще — полосатыми. Словно на них надели веселые мохнатые чулки в коричнево-желтую полоску.

Я встала с колен и улыбнулась:

— Привет! Одуванчики собираю.

— Что? — пораженная паучишка нервно переступила лапками и уставилась на меня во все глаза. Глазки у нее были тоже очень симпатичными, большими, круглыми, светло-янтарными с солнечными искрами. И вьющаяся мелким бесом копна на голове тоже отливала солнышком. Не паучок, а сказка. Даже жилетка у нее словно поблескивала. Красивая, бирюзово-синяя, из расшитой узорами кожи. По фасону похожая на ту, в которую был одет мой скакун, только вытачки под небольшое декольте, и полы с разрезами.

— Одуванчики. Вот, — приветливо протянула я ей свою добычу, стараясь при этом не делать резких движений, чтобы не спугнуть. — У них все части растения полезные, но особенно листья и корни.

— Для чего... полезные?

По-моему, паучья девочка была уверена, что я с визгом побросаю свои пожитки и убегу как можно дальше от сада, и теперь не могла поверить собственным глазам. И ушам. А еще она, на всякий случай, не подходила слишком близко, но при этом очень независимо задирала немного курносый носик и старалась показать себя хозяйкой положения.

— Для волос и для кожи, — охотно пояснила я, огляделась, выбрала место, где трава погуще и села. — Можно сделать отвар или настой, протирать лицо и ополаскивать волосы. Иди, садись рядом, если тебе интересно, я расскажу и других полезных растениях.

Несколько секунд паучиха колебалась, но любопытство победило. Близко она все равно не стала подходить, опустилась на землю шагах в трех, уютно подобрав под себя все восемь лап. И склонила голову к плечу, разглядывая меня, мои руки и мою добычу.

— Зачем тебе средство для волос, ведь в гареме все есть? — задала она резонный вопрос.

— Не хочу просить, — пояснила я, аккуратно обрывая и раскладывая листья одуванчика на расстеленном платке. — То одно кончится, то другое... проще самой все сделать и ни от кого не зависеть.

Паучишка даже рот приоткрыла, сидела и таранилась на меня, как на неведомую зверушку. Похоже, мысль о независимости оказалась для нее не просто новой — революционной.

Потом она нахмурилась и выдала:

— Мужчины должны обеспечить все необходимое, их не нужно просить. Их много, они должны работать, охранять и строить.

— Это ваши мужчины, — мне казалось, что я угадала. — В смысле... ваша раса. А я тут одна, никаких мужчин-эльфов поблизости. Вот и приходится все самой делать.

— Тебе не нужны эльфы! — возмущенно фыркнула собеседница. — Ты наложица

повелителя и не должна думать о других самцах!

— Ну, я же не пойду за шампунем прямо к повелителю, верно? — покладисто объяснила я. — Он один, а нас в гареме... много. Странно будет, если каждая станет требовать от него, чтобы он ее обслуживал.

— Э... так не положено. Он — повелитель! Он не должен... у него нельзя требовать!

— Во-от! У него требовать нельзя, просить других женщин мне не нравится, остается что? Собирать одуванчики.

Паучишка какое-то время молчала, видимо, переваривая новую информацию. Потом посмотрела на меня с возросшим интересом:

— Да, у женщин просить не так приятно, как у повелителя, ты права.

— Ну вот, видишь, — одуванчик был уже обработан: соцветия отдельно, мясистые листья отдельно, корни отдельно. Я встала и пошла прополоскать их в воде. — Вот сейчас заготовлю несколько разных трав, потом заварю их, настою, добавлю в мыло, и готово.

— Ты же вроде эльфа? Как тебя зовут? — похоже, моя новая знакомая засомневалась в моем происхождении.

— Эльфа, ага. А зовут... — посвятив все утро воспоминаниям, я все же выудила из памяти примерное звучание собственного имени. Очень примерное, но из него совершенно точно можно было выкроить короткое и простое "Дэн" или, может быть, "Дин". Подумав, я решила остановиться на самом простом варианте.

— Дина. А тебя?

— Какое-то незельфийское имя, — озадачилась паучишка.

Я пожалала плечами и молча улыбнулась, примериваясь к шикарной крапиве, разросшейся чуть дальше, в тенечке.

— Ну ладно... А я Ришшика. Пока просто Ришшика, но скоро у меня будет настоящее имя клана и свое гнездо. Не трогай эту траву, она жжется!

— Не беспокойся, я знаю, — обернувшись все тем же платком ладонь была продемонстрирована будущей владелице своего гнезда. — Зато она очень полезная, а когда ее польешь горячей водой, то жечься перестает.

Похоже, все эти травки-муравки всерьез заинтересовали Ришшику. А может, ей любопытнее было наблюдать за мной, она сразу и честно сказала, что такой странной эльфы в жизни не встречала. Но, в результате, мы прекрасно провели время до самого вечера, облазили весь берег, набрали всяческой зелени, и я твердо пообещала поделиться потом результатами своих трудов на почве лечебной косметологии.

Паучишка только сначала держалась настороженно и на расстоянии, но потом привыкла и уже через полчаса болтала, как заведенная, о том, что ей интереснее всего. А я слушала и впитывала информацию из паучьей жизни.

Как я и думала, девочка оказалась совсем молоденькой, только-только вступившей в пору девичества. Уже не ребенок, но еще не женщина. Именно такие паучихи попадали в гарем повелителя, где жили несколько лет, до наступления зрелости, или, как выразилась Ришшика "возраста соития". Девочка вслух мечтала о том, что повелитель найдет ей самый сильный клан, оставшийся без "матери аррахнов", и она станет Главной Аррграу. А затем повелитель поможет отстроить самое неприступное и просторное гнездо и будет брать ее детей на службу в свою крепость.

Я кивала и мотала на ус. По всему выходило, что властелин использовал собственный гарем, как инкубатор для будущих верных сторонников. Умный мужик, что сказать. Уважаю.

Двумя-тремя наводящими вопросами я незаметно свернула новую знакомую на другие не менее интересные темы, но уже касающиеся непосредственно гарема и его устройства. И опять узнала много нового и занимательного.

Оказывается, “настоящие леди” живут только в отдельных домах у западной стены, и их не много. Все леди в высшей степени воспитанные, образованные и родовитые... темные.

Вернее, Ришшика этого слова как раз не произносила, но когда она начала перечислять видовую принадлежность каждой, я и сама догадалась, с какой стороны тут лампочка светит. Арахна, вампирша (а кем еще может оказаться “женщина клана Крови и Сумерек?”), ночная дриада, дочь оркского шамана, пещерная леди... остальных я сразу не запомнила, но они тоже не выделялись на общем “сумеречном” фоне.

Так вот, эти леди и есть “настоящий гарем”, а там, в каменном доме, живут одни глупые куклы, слабые, противные и вредные. Господин ими пользуется, потому что любит разнообразие. Потом дарит их кому попало, или в награду, или в наказание, это уж как повезет отличившемуся соратнику. А то ведь “куклы” бывают не только средней вредности, но и повышенной стервозности. Причем так просто подобную “радость” уже не выгонишь и не убьешь — все ж таки подарок властелина.

Короче, у темных и светлых леди было неофициальное, но вполне оформленное неприятие друг друга. Правда, до военных действий не доходило, и дамы держали вооруженный до зубов нейтралитет, лишь изредка обмениваясь колкостями при встрече.

Хорошо еще, встречались они нечасто, — темные не ходили в “каменный двор”, а светлые не совались в сад. В основном потому, что до поросычьего визга боялись кишмя кишящих там “младших братьев”.

Тут Ришшика прервалась и уставилась на меня с новым любопытством. Пришлось подтвердить ей, что я никаких братьев не боюсь, а восьминогие мне, вообще, всегда нравились. Особенно мохнатые и разноцветные. Особенно, если не ядовитые. Да, я очень странная эльфа. Но ведь так гораздо интереснее? Вот и ладошки.

Кончилось тем, что в сумерках Ришшика проводила меня короткой тропинкой до самой арки, помогла перенести целый стог разнообразного сена (жадность никто не отменял), а по дороге поведала, что, к сожалению, общих купален у темных леди нет, потому что каждая принимает ванны в собственном доме. Но зато может приглашать туда гостей... если я захочу.

Я горячо заверила новую подружку в том, что захочу непременно, но завтра, а то сегодня поздновато по гостям ходить. Как раз заварю нужные снадобья и принесу уже готовое.

Когда я добралась до своего этажа, стало понятно — мое отсутствие заметили, более того, кое-кому оно не давало покоя весь день. Очень уж любопытными взглядами провожали меня девчонки и очень уж красноречиво шушукались за моей спиной. А мое сено и вовсе произвело фурор. Но подойти и спросить прямо ни одна не решилась, а я не горела желанием что-то объяснять.

А вот в комнате передо мной во весь рост встала другая проблема — где взять кипяток для заварки. Маленькая раковина в туалете была, но из крана, хоть тресни, лилась только холодная вода. И ничего похожего на переключатели температуры я не нашла.

Разложив добычу на полу и на столике, я пошла ужинать и вернулась через полчаса, вновь с полными карманами. Первым делом выгрузила к травкам еще один лимон, кисточку винограда и пару абрикосов. А медовый коржик положила на салфетку и полезла под

кровать.

Этот эксперимент я затеяла еще вчера. Меня до крайности заинтересовало то черное-пушистое, что приносило мне ужин в первый вечер. Но оно больше не показывалось. Хотя явно бывало тут в мое отсутствие, потому что пыль была всегда вытерта, а вещи, которые я могла оставить на кровати, обнаруживались аккуратно сложенными в комод.

И я решила пойти проторенным путем под названием “подлизаться к домовому”. Поскольку мохнатушка в прошлый свой визит драпнул не куда-нибудь, а напрямик под кровать, в самый темный угол, там я вчера и оставила пирожок на гостеприимно расстеленной салфетке. И не поленилась дважды высказаться на тему, что это угощение специально для него. Один раз вслух, а другой мысленно, как с мадам главной паучихой.

Утром пирожка не было, и я почти уверена, что ночью сквозь сон слышала чье-то аппетитное чавканье.

Так что, пристроив коржик в уголок, я еще раз пригласила “некта” прийти и угоститься, а сама пошла пытаться кран, в надежде добиться от него горячей воды. Нет, в крайнем случае, я тут лампадку видела, непонятно на чем работающую, но огонек в ней был живой и вполне горячий. Если постараться, по полстакана в горшочке вскипятить можно. Только очень муторно.

Дверь в санузел я нарочно не закрыла, очень хотелось услышать, если пушистый гость все же соблазнится хрустящим лакомством. Но вскоре я так увлеклась, что обо всем забыла. Измывалась над несчастной сантехникой самым извращенным образом. Тянула, дергала, гладила, крутила, дышала на него, чуть ли не облизывала. Ей богу, с мужиками в свое время так не изгалялась.

— У-У-У? — спросил вдруг кто-то у меня прямо за спиной.

Я едва зеркало лбом не расколотила от неожиданности, но сумела обернуться медленно, почти спокойно. Черный мохнатый шарик моргал на меня совиными глазами, заглядывая в дверной проем.

Одуванчик-7

— Ищу, как включить горячую воду, — зачем-то вслух объяснила я мохнато-му шарiku, для наглядности ткнув пальцем в неподдающийся кран.

— О-о? — чернушка вытянула мохнатую лапку в сторону раковины и снова удивленно захлопала... захлопал... захлопало на меня глазюками.

Я вдруг вспомнила о разговоре без слов и мысленно спросила:

— Как тебя зовут?

Чудо едва ли не шархнулось от меня за дверь, но потом с опаской переступило лапками по кафелю и уставилось на меня испытывающе. Молча.

— Меня зовут Дина, а тебя? — терпеливо и громко подумала я еще раз.

Оно застеснялось. Отодвинулось дальше за дверь, отвело глазки. Пискнуло что-то... а потом в моей голове тонкий скрипучий голосок четко произнес:

— Шойшо.

— Очень милое имя! — обрадовалась я, и, пока чудо не засмушалось окончательно, предложила: — А хочешь еще коржик? У меня есть.

Шойшо непроизвольно сглотнул и облизнулся. Их тут голодом морят, или он так любит сладкое? Почему он? Не знаю. Голосок в голове был совершенно нечеловеческий, но абсолютно точно мальчишеский. Уж в этом-то я могла довериться своей интуиции опытной вокалистки.

Видно было, как сомнения раздирают этот симпатичный шарик с глазами, но, наконец, тот же голосок в голове застенчиво скрипнул:

— Хочу...

— Ну так пойдем, я тебя угощу! — все так же мысленно позвала я и плавно, без резких движений, скользнула к двери.

Шойшо отпрыгивать не стал, но отодвинулся все еще опасливо и, вообще, держался от меня на расстоянии вытянутой руки. Так что последний припасенный с ужина коржик я протянула на раскрытой ладони и приветливо улыбнулась:

— Ешь, на здоровье!

Он долго колебался, но когда протянул лапку... коржик только и успел хрустнуть, даже крошки не упало на пол, а лохматый любитель выпечки уже облизывался длинным узким розовым язычком и блаженно жмурился, поглаживая себя по животу.

— Спасибо! — сколько счастья в голосе, самой приятно. — Дина ломала кран? Зачем? Жалко! Трудно чинить!

Вопрос, заданный с искренним любопытством, застал меня врасплох.

— Я не ломала. Я хочу, чтобы из него полилась горячая вода.

Шойшо опять захлопал на меня своими невозможными, по-совиному янтарными глазищами.

— Дина не видит горячую воду? Шойшо покажет!

Покажет, и слава богу, я кивнула и пошла следом за лохматушкой в санузел. Но все оказалось не так просто. Шарик с глазами влез на раковину и, оглянувшись на меня, ткнул лапкой в синюю рыбку справа от зеркала. Эти водоплавающие в изобилии украшали кафельную стенку, образуя что-то вроде затейливого подводного узора.

— Вижу. Рыбка, — покладисто подумала я. — Красивая. Их здесь много, — обвела рукой развеселый аквариум, изображенный на стене.

— Дина глупая! — укорил меня любитель коржиков и даже шерстку над глазами поднял дыбом, словно нахмурил. — Смотри хорошо!

— Смотрю-смотрю, — заверила я, пряча улыбку.

В самом деле, обижаться на Шойшо не хотелось ни капли, он так забавно поучал. Кроме того, меня не оставляла надежда получить кипяток. Надувшись от важности, а может, просто от осознания торжественности момента, Шойшо пустил воду, потом демонстративно поднес лапу к указанной рыбе и надавил.

Раковина мгновенно наполнилась паром, а звук льющейся воды изменился, как бывает всякий раз, когда вместо холодной струи в нее бьет кипяток. Я восторженно ахнула, отложив на будущее странное ощущение — словно на грани слышимости кто-то позвонил в хрустальный колокольчик.

В итоге, я провела насыщенный и полезный вечер. Шойшо, когда освоился, оказался хоть и застенчивым, но очень милым собеседником. Даже несмотря на его манеру изъясняться короткими предложениями в третьем лице. Оказалось, что его народ называется улеш и давно и прочно живет в крепости повелителя на правах симбионтов. Они получают еду, какую-то особую энергию и защищенный дом, где могут вырастить потомство, а за это выполняют разные мелкие бытовые поручения. Причем на глаза особо не показываются. «Воины-много-ног», как обозвал пауков Шойшо, на них просто не обращают внимания, а вот женщины большого дома почему-то часто кричат и кидают разные вещи.

Сладостями ребенка еще никто ни разу не угощал, имя не спрашивал и, вообще, не

пытался поговорить. Одно это очаровало местного домовушку настолько, что он долго не хотел уходить, даже несмотря на то, что коржиков у меня больше не было. Сладкое доставалось улеши редко и только в награду за какие-то немислимые трудовые подвиги. Так что два моих коржика можно было расценить как пир горой, а обещание принести завтра добавку вызвало полный восторг.

Правда, я сначала расспросила Шойшо, а не вредно ли ему есть плюшки каждый день, может, не зря их просто так не дают? Но оказалось, что в стародавние времена, когда улеши заключили договор с повелителем, они просто не знали о такой замечательной вещи, как сладости. Старейшины тогда четко оговорили размер и состав пропитания на каждого члена общины, с тех пор эти продукты им и выделяются в нужном объеме. И только иногда им случайно перепадают остатки лакомств, которые распределяются среди особо отличившихся. А просто так угостить малявок никому в голову не приходило.

Также выяснилось, что самовольно что-то взять и использовать улеши не могут. Они только разносят и раскладывают по местам то, что велено. Попросить, скажем, того же шампуня я у него не смогла бы. Ну, с другой стороны, меня охватил особенный хозяйственный азарт, и просто так получить желаемое было бы не интересно.

Спать я улеглась довольная, вдыхая аромат заваренных трав и с мыслями о том, что завтра будет еще один интересный и полный событий день.

Утро мое опять началось задолго до кошмарного будильного воя. Дело в том, что вчера на прощанье Шойшо показал мне еще одну интересную особенность моего санузла. Оказывается, душ там все же был, но мало кто из девушек им пользовался, а новенькие часто не подозревали о такой возможности.

Все оказалось по-спартански просто. Кроме рыбок-регулирующих горячей и холодной воды, на которых надо было нажимать по очереди, чтобы добиться нужной температуры, на стене обнаружилось еще одно полезное водоплавающее. Если ткнуть в него пальцем и подержать секунд десять, в полу что-то щелкало, и под сдвинувшейся плиткой открывался слив. А из стены над раковиной выскакивала большая лейка с мелкими дырочками. Вот и вся сантехника. Тесненько, бедненько, зато никуда идти не нужно.

Вечером я решила пренебречь головомойкой, быстро сполоснулась и упала спать. Устала за день. А вот теперь настало время уделить своей красоте больше внимания.

И травы уже настоялись, и глина белая, чистый каолин, которую я с помощью Ришшики нашла и наковыряла с маленького обрывчика в глубине сада, уже размокла и разделилась на фракции.

Я аккуратно слила однородную, похожую на сметану жижу в другой горшочек, а осевший на дно песок и мусор смыла в унитаз. Теперь сюда немного меда, совсем немного мыла... и вуаля! Советское воспитание не пропьешь, как говорится. Было времечко, — я и глину искала, и разбиралась, какая годится голову мыть, а какой только боты пачкать, и домашние шампуни готовила... эх. Приятно вспомнить молодость.

Травяные настои и лимонный сок прекрасно заменили кондиционер для волос, подсыхая грива легко расчесывалась и красиво блестела. И пахла весьма недурно. К тому моменту, когда заиграла “утренняя песнь”, я была бодра и свежа, как одуванчик после дождя.

Ох, как перекосило физиономии у главных вредин всея светлого гарема, когда я, сияющая, как ясно солнышко, чуть ли не танцующей походкой направилась к своему столу! Я даже подумала, что сияние надо бы уменьшить, раз оно так задевает некоторых, но потом

решила — какого черта, собственно? Хотя вредничать — пусть их. Это не повод притворяться кислятиной.

Весь завтрак главвредины шептались в своей нише, причем на этот раз они позвали к себе за стол еще трех незнакомых девушек. А когда те вернулись на свои места, волна “шушушу” захлестнула зал с новой силой. Я увлеченно поглощала кашу с фруктами и старательно делала вид, что ничего не замечаю. Вплоть до момента, когда сидящая за соседним столиком блондинка вдруг выдала в полный голос:

— Фу... не понимаю, как так можно? Это неприлично, в конце концов! Если кому-то нравится ходить грязнулей, это не значит, что окружающие должны нюхать вонь немытого тела!

Я догадалась, конечно, что это камень в мой огород. И поняла, откуда растут ноги у этого “минерала”. Я ведь так и не пошла вчера в общую купальню. Как чувствовала, что меня там ждут. И теперь заговорщицы пытались убить одним ударом двух зайцев — отыгаться за вчерашнее бесплодное ожидание и вынудить меня все же посетить местный храм гигиены.

Хмыкнув себе под нос, я взяла из вазы крупное яблоко и демонстративно впила в него зубами, даже не обернувшись к скандалистке. Чем подстегнула ту к действиям. Девчонка возмущенно подпрыгнула и в три шага подлетела к моему столу.

— Я тебе говорю! Ты что, еще и глухая?! От тебя воня... — поскольку блондинка возмущалась не просто так, а наклонившись ко мне и чуть ли не уткнувшись носом мне в макушку, не почувствовать запах трав и лимона она не могла. И замолчала, растерянно хлопнув ресницами.

Воспользовавшись ее замешательством, я спокойно и доброжелательно улыбнулась, а потом взяла еще одно яблоко и протянула его девушке.

Похоже, я была не права, посчитав блондинку фейско-дриадской подпевалой. Потому что она возмущалась совершенно искренне и скандалить понеслась, движимая праведным гневом. Поэтому очень растерялась, обнаружив, что подняла бучу на пустом месте.

Яблоко она взяла, возможно, все еще пребывая в растерянности. Посмотрела на меня пристально и вдруг тоже улыбнулась:

— Извини. Спасибо, — и отошла на свое место.

Зал не просто всколыхнулся, он загудел, как растревоженный улей. Но больше желающих меня понюхать не было.

Не знаю, что они там себе надумали, только в следующие три дня ко мне никто не приставал, но и не подходил с попытками пообщаться. Было похоже, что гарем взял время на обдумывание, а пока дружно сделал вид, что меня не существует. Правда, когда я поздним вечером ради интереса заглянула в общую купальню, ту самую, где в первый вечер хвостатая коза облила меня водой, то обнаружила, что горшочки от бальзамов все так же девственно пусты, а пол возле сливного отверстия по-прежнему скользкий и пахнет цветами. Ну-ну...

Мне, если честно, это даже нравилось. Вроде и драки нет, и, в то же время, в жизни присутствуют некоторые стимулирующие воображение и смекалку трудности. Да если бы не это — я уже от скуки взвыла бы.

При том, что недостатка в общении не ощущалось. Ришшика встречала меня у входа в сад, а дальше болтала, как заведенная, обо всем на свете, пока мы гуляли или собирали дары природы.

Я даже успела побывать у нее в гостях и высоко оценила отличную купальню, больше всего похожую на турецкий хамам.

В первый мой приход мне пришлось останавливать неумный исследовательский интерес новой подруги к моим косметическим средствам, потому что она так вспылала, что готова была перемазаться несчастными тремя отварами — одуванчика, лопуха и крапивы — с головы и до самых восьми пяток. С трудом удалось ей втолковать, что шерсть на лапах — это не вполне волосы, собственно, и втирать в них что попало не стоит.

Но уже к вечеру, когда мы наготовили еще больше самого разного травяного варева, паучишка, нанюхавшись этой природной химии, натывавшись в нее пальцами и некоторые даже попробовав на вкус, утратила значительную долю своего энтузиазма. Нет, кое-что ей понравилось, но вот для брюшка и лап, скажем, лучше подходили специальные паучьи средства, которые выдавали в гареме.

Не смотря на настойчивые рекомендации Ришшики, я мазать себе ноги и живот этими средствами отказалась — меня на эксперименты не тянуло. Нет уж, я еще по прежнему миру помню, что когда женщина делает эпиляцию, испанская инквизиция нервно курит в сторонке. Эльфийское тело было гладенькое, даже "зона бикини", и случайно отрастить там шерсть мне не хотелось совершенно.

Вот так проходили мои дни. Милая болтовня с Ришшикой и природоведческие опыты чередовались с занятиями и походами в столовую.

А вечера мне скрашивал любитель сладостей. Шойшо настолько проникся доверием, что пару раз даже позволил себя погладить. Странное ощущение, как будто скользишь ладонью по теплomu туману, он густеет под пальцами и слегка пружинит.

А на четвертый день новой жизни у меня появилась еще одна знакомая.

Мы сидели на берегу, Ришшика на травке, а я на удобной полузатонувшей коряге, над самой водой. Было жарко, и, сбросив балетки, я беспечно болтала ногами в приятно-прохладной воде. Пока не почувствовала, как что-то жгуче цапнуло меня за щиколотку.

Мгновенно выскочив на берег, я наклонилась и обнаружила крупную синевато-черную пиявку, сладострастно терзающую мою лодыжку. Боль уже почти прошла, и я решила подождать, пока паразитка сама отвалится. Вряд ли в озере на территории гарема водятся ядовитые твари. В крайнем случае, Ришшика меня бы предупредила... Я посмотрела на паучиху и поняла, что волноваться не о чем. Она разглядывала мою ногу с интересом и удивлением, но без испуга.

Поняв, что я в очередной раз не собираюсь визжать и устраивать скандал, она вдруг укоризненно сказала куда-то мне за спину:

— Глупые шутки! Вылезай, Рени, я тебя видела!

Спокойная вода под корягой, прямо в том месте, где я болтала ногами, всплеснулась, и на поверхность вынырнула недовольная мордашка с надутыми губами. А потом знакомо плеснул перламутровый хвост.

— Ты не испугалась, что ли? — разочарованно спросила меня русалка, выпрыгивая из воды и боком усаживаясь на корягу.

— Испугалась, конечно, — улыбнулась я, рассматривая новую знакомую. Она выглядела моложе вредины из бассейна, а чешуя под перламутровой пылью была антрацитово-черной, как и роскошные длинные волосы. — Кто угодно испугается от неожиданности. А у тебя есть еще пиявки?

— Еще? — очень удивилась русалочка. — А... а тебе зачем?! Если запустишь их в бассейн во внутреннем гареме — найдут и накажут, я про... кхм. Нельзя так делать.

— Нет, что ты! — засмеялась я, подошла поближе и опять села на коряжку, но теперь на

ту ее часть, что нависала над узким песчаным пляжем. — Просто у них слюна очень полезная для разных косметических зелий. Кстати, меня зовут Дина, а тебя?

Русалку звали О`Рения. Она оказалась веселой и шептунной, но при этом весьма практичной особой, себе на уме. Пиявок она мне согласилась принести только в обмен на корзинку со спелой малиной. Пришлось полазить по кустам, но, в целом, я сочла обмен честным. Русалочка тоже не из воздуха пиявок добыла, а плавала на другой конец озера, туда, где дно заросло камышом и ряской. Она, кстати, посоветовала мне пользоваться пиявками, как положено — отсасывать дурную кровь. И даже рвалась показать, в какие места их лучше всего сажать. Но я ее убедила, что с кровью у меня пока все хорошо, а сама очень вовремя вспомнила о своем желании поэкспериментировать со слюной у пиявок.

Где-то полгода назад внучке назначили сеансы гирудотерапии в Пастеровском центре на Неглинке. Процедуры там проводили днем, так что вместо работающей мамы возить ребенка припахали пенсионную бабушку со свободным графиком. И чтобы Аринка не боялась, мы с ней заранее облазили весь интернет и посмотрели все ролики о пользе пиявок, об их жизни, повадках и прочем использовании в народном хозяйстве. В частности, там было показано, как «подойти» кровососку о край фарфорового блюдца, а потом добавить эти слюнки в детский крем.

В той жизни, правда, я так и ограничилась теорией — издеваться над медицинскими пиявками нам с внучкой никто не позволил.

Зато теперь решилась рискнуть. Пиявка энергично протестовала, извивалась и всячески призывала ГРИНПИС, но каплю слюны я из нее выдавила. И на пробу добавила ее в баночку Ришшикиного крема для рук.

Результата было решено подождать две восьмицы, а потом сравнить ту руку, которую мазали слюнями, с той которой достался неапгрейденый крем.

Да, здесь в каждом месяце было тридцать два дня, чтобы было удобно делить на восемь, а месяцев в году — шестнадцать. Это я календарь в доме у Ришшики обнаружила, и, незаметно, чтобы не вызвать подозрений, его изучила. С названиями месяцев пауки не заморачивались, просто рассчитав их по порядку номеров, как первоклашек на линейке. И первым временем года шла не зима, а весна, что, по-моему, было очень логично. Именно весной начинается новый год в природе.

А часов в местных сутках, к счастью, было, как и в моем мире, двадцать четыре. Вот минут в часе — шестьдесят четыре. Но к этому я довольно легко привыкла.

На занятиях я старалась не выделяться, особенно это касалось музыки, после обеда бежала в сад, вечером занималась прикладной косметологией. Я не заглядывала далеко вперед и жила настоящим. Вообще, мою легкомысленность сможет понять, наверное, только тот, кто постарел и свыкся с кучей возрастных проблем, болячек и ограничений. А потом вдруг разом вернул себе молодость. Это абсолютно непередаваемое ощущение легкости, ясности и волшебной яркости ощущений. Когда можно просто бежать вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, и наслаждаться каждым вздохом, каждым движением. Плавать, валяться на траве, лазить по деревьям... жить, как в первый день творения.

Муж, дети, внуки, привычный мир — все как будто отодвинулось далеко-далеко и вспоминалось как прекрасное, но очень давнее прошлое. При некотором размышлении я решила, что это все из-за заклинания. И поскольку понятия не имела, как долго еще оно будет действовать, старалась как можно плотнее занять себя, не оставляя времени на рефлексии и воспоминания. Безделье всегда порождает проблемы, а мне бездельничать было

некогда. Срифмовать очередную сентиментальную чушь, изобразить цветочек, подумать, из чего можно сделать щеточку для ресниц... увильнуть от пристального и недоброжелательного внимания соседок. Я уставала за день так, что вечером падала в постель и мгновенно отключалась.

Не то чтобы совсем незаметно, но как-то довольно быстро прошли восемь дней, то есть неделя, по местному — восьмица. А на следующий день случился самый настоящий праздник — вдруг обнаружилось, что даже наложницам в гареме положены выходные. Я, правда, не поняла всей сложной системы, по которой вычислялись “индивидуальные дни отдохновения”, кроме того, что в этом принимают участие фазы луны и рекомендации властелина, но выходному искренне обрадовалась. Мне до зубовного скрежета надоело малевать кривоватые розочки и рифмовать рыбки и улыбки. А несчастные преподаватели, по-моему, хотели отдохнуть от моих шедевров даже больше, чем я сама.

Так или иначе, в этот день я сбежала в сад еще до утренней песни. Как оказалось, перед самым рассветом покидать комнаты никто не запрещал, просто до меня тут не было ни одного настолько ненормального жаворонка.

Утренний туман плыл над озером и путался в камышах. Трава была мокрой от росы, и я скинула балетки, чтобы пройтись босиком. Лес звенел особенной, предрассветной тишиной, сотканной из сотен живых, волшебных нот.

Бутоны водяных лилий, похожие днем на бледные восковые свечи, сейчас были чуть приоткрыты и излучали неяркое светло-голубое свечение. Над живыми фонариками то и дело вились радужные стрекозы, чьи крылышки сверкали отраженными бликами. Я настолько засмотрелась на это чудо, что опустилась на песок у самой воды и потому не сразу заметила крупную тень, бесшумно спустившуюся к противоположному берегу. За мгновением испуга последовал тихий выдох облегчения: устрашающий силуэт оказался лишь знакомым мне мальчиком-паучком. Точнее, сначала я догадалась, что это какой-то паук, потом поняла, что он черный, а потом уже разглядела знакомое лицо. Это был тот самый паук, который привез меня сюда. Мадам паучиха называла его Ррашшард.

Приглушённый свет отражался на его волосах и брюшке, окрашивая их в нежные голубоватые оттенки. Парень, с почти детским любопытством вглядывался куда-то в глубину и будто бы тихонько перебирал конечностями, едва касаясь поверхности озера. После пяти минут таких вот метаний, восьминогий неуверенно зашёл в воду передними лапами, причем он несколько раз отступал и отряхивался. Неужели он, как кот, воды боится? Умилительные создания!

Но вдруг началось что-то совсем непонятное. Паук немного постоял, видно привыкая к ощущениям, и резко начал... барабанить лапками по воде! Это что ещё за ритуал?

Понять назначение столь странного действия мне удалось буквально сразу, потому как с другой стороны озера промелькнул подозрительно большой рыбий хвост. Ещё через пару вдохов над водой, практически у самых паучьих ног, всплыла аккуратненькая хрупкая девчушка. Надо же, а у кого-то тут свидание!

Знакомая мне русалочка медленно подплыла к пауку вплотную и плавно начала гладить ему лапки, с каждым разом поднимаясь по ним все выше и незаметно затягивая парня глубже в воду. Когда вода уже достигла брюшка, девочка поднялась еще чуть выше и резко сжала сочленения. Из горла арахнида раздался тихий стон, а передние лапки ослаблено подломились, отчего он оказался в воде, практически по человеческий пояс.

А я некстати вспомнила свои поползновения к вынужденному транспорту. Это что ж

получается, раз у них там эрогенная зона, то я его при куче народа домогалась? То-то остальные пауки так ехидно стрекотали.

Н-да, спасибо “товарищу фендюлию” за наше прекрасное... знакомство. Все же в трезвом уме я не стала бы так нахально лапать незнакомого парня за эрогенные места. Впрочем, это все равно было весело. И понятно, почему мальчишка так ошалело на меня оглядывался. Эльфийских маньячек здесь раньше не водилось.

О`Рения, а это точно была она, не теряла время зря. Явно имея в этом немалый опыт, она стащила с паука массивный кожаный пояс с огромной, как по мне, бляшкой посередине и лихо закинула его ему на брюшко, практически не намочив. Так вот вы какие, бронетрусы!

К моему сожалению, знакомых мне мужских первичных половых органов там не оказалось, лишь привычные глазу пластины, разве чуть более мелкие и, видимо, излишне мягкие. Хвостатую, в отличие от меня это не смутило, она со знанием дела начала растирать два передних щитка, стараясь не забывать и о чувствительных лапках восьминожки.

Самое интересное, что я совсем не чувствовала себя вуайеристкой, скорее, это было похоже на просмотр программы в мире животных. В голове только жгучий интерес и вопрос: «А как это у них, вообще, получится?».

Но не прошло и минуты, как градус происходящего начал стремительно меняться.

Русалка затянула паука еще глубже в озеро, отчего брюшко скрылось под водой, а на поверхности осталась лишь его практически полностью обнаженная человеческая часть и край пластин, которые медленно начали открываться.

Я непроизвольно сглотнула слюну, осматривая представившуюся картину. В предрассветных сумерках, освещенные лишь тусклым светом магических цветов в воде стояли невероятно красивые парень и девушка. Все, что указывало бы на их нечеловеческую природу, сейчас надежно прятала темная озерная гладь.

Юноша склонился чуть ниже, мимолетно лизнув краешек девичьего ушка, а затем и прикусив его. Русалочка мило засмеялась, а затем резко опустилась вниз, обратив моё внимание на убедительный такой аргумент мужского возбуждения, гордо приподнимающийся над водой. Что ж, мои предположения о наличии и местонахождении данного агрегата оправдались.

Черноволосая головка вплотную приблизилась к паху и хищно облизнулась, мелькнув мелкими заострёнными зубками, совсем не испугавшими юношу. Наоборот, он требовательно потянул её ещё ближе, зарываясь ладонью в длинные мокрые волосы. Девушка и не думала смущаться, а с очередным звонким смешком усердно принялась вылизывать угощение. Мне пришлось даже немного приподняться, чтобы наблюдать за дальнейшей сценой, но, увы, даже с моим зрением, я могла видеть лишь водопад русалочьих волос, постепенно исчезающий под водой, да круги по поверхности водной глади от ритмичных совсем недвусмысленных движений. Зато вид на паука открывался по-настоящему незабываемый.

Напряженное лицо, с закушенной прядкой волос, играющие желваки и затуманенные поволокой желания глаза. И все это в изумительном свете, в сопровождении тихих, на грани слышимости, стонов, раздающихся из закушенных губ.

Первый луч солнца искристо рассыпался по водной глади, когда вода вокруг увлеченной друг другом парочки вдруг взбурлила, вспенилась, как если бы паук одновременно заработал всеми восемью лапами. Так оно и было, на самом деле, потому что парень, глухо взрыкнув, напряженно откинулся назад, почти скрываясь под водой, но тут же “всплыл”, огласив

утренний сад серией сладких стонов и вздохов. Мускулы человеческого торса красиво напрягались и расслаблялись, запрокинутое лицо блестело от пота...

Русалочка вынырнула только через минуту. Довольная, она облизывалась, как объевшаяся сметаны кошка и продолжала ласково гладить свою “жертву” всюду, куда доставали ее проворные руки.

Завтракать я шла задумчивая и погруженная в себя. Интересно, у кого бы невзначай выпросить, насколько тут свободные нравы. Потому как в гареме вроде бы полагается развлекаться властелину, а не его охранникам. С другой стороны, может, у повелителя аллергия на рыбу? Или право на “использование” наложниц выдается по графику, в виде поощрения? Ну а что, властелин хоть и крут, но ведь не железный. А тут целый колхоз неудовлетворенных баб.

Главное, мне совсем не хотелось выдавать шаловливую молодежь, если все же такие развлечения запретны и наказуемы.

Хорошо, что занятий по случаю выходного не было. Я давно вынашивала мысль позагорать на утреннем солнышке. Вот и вернулась к озеру сразу после завтрака. Поплавала в прохладной водичке, стараясь не коситься на те кусты, в которых на рассвете кипела бурная сексуальная жизнь, потом выбралась на песок, расстелила прихваченное из комнаты покрывало и задремала.

Разбудило меня негромкое “Кхм!”, раздавшееся над головой, и упавшая на меня тень.

Одуванчик-8

Некоторое время назад...

«По прибытии во дворец временного Управляющего эльфийским поселением № 4 нам было высказано крайнее неуважение в лице жителей данного района. Ворота поселения были закрыты, не предоставлена встречающая делегация. Лишь через пятнадцать минут к нашей группе вышли представители города, а должный пиетет был достигнут только с применением ментальной силы».

Что ж, эльфийское поселение номер четыре всегда отличалось крайним неуважением в лице жителей... Тьфу ты, черт!

Рашшард — отличный воин, но письменное изложение событий не самая сильная его сторона. Зато он очень наблюдателен и пока еще вполне терпим к этим самым жителям эльфийских поселений. Правда, раз начал стимулировать «пиетет» ментальной силой, значит, выдержка уже сдает. Но управляющего тоже понять можно, ведь запас высоких леди у них в поселении не бесконечен, и они его исчерпали еще лет так пятьдесят назад, если не ошибаюсь. Плодовитость у эльфов низкая... М-да... Вот и не радуются они, когда их очередная с трудом найденная седьмая вода на киселе покидает мой гарем вперед ногами или перекинутой через плечо одного из моих генералов. Нет, чтобы поблагодарить за выгодный брак и радоваться, что пауки гаремы не держат. Точнее, держат, но туда скорее уж эльфийский герр попадет, чем леди.

Хорошая шутка, кстати, надо попросить Илуватара запустить сплетню о том, что я решил одаривать своих арахнидок молодыми наложниками. Пусть светлые рожи понервничают...

Злорадно усмехнувшись, я устало откинулся в кресле и с тоской посмотрел на оставшуюся кипу документов. С большинством проблем справляются мои доверенные заместники и советники, но их-то отчеты приходится проверять именно мне. Доверяй, но проверяй...

Иногда же ошибка возникает не по злому умыслу, а по вине человеческого фактора. А порой по вине этого же фактора возникают проблемы, разрешить которые некоторым доверенным товарищам ума не хватает.

Вот, например, орки взяли и захватили поселение дриад. Не со зла, а в воспитательных целях, потому что одна из дриад отказала сыну вождя орков. И за это все мужчины племени взяли и... оплодотворили... небольшой лесок.

М-да... И чего вот королева дриад теперь нервничает? Подданные у нее зеленые, орки тоже не рыжие, цветовая гамма совпадает идеально! Ну, будет поколение слегка более крупных девиц, поселят их на окраине, делов-то. Нет, даже до меня с этой проблемой добрались, настырные бабы.

Так-с... «Выделить участок под дубовую рощу...», «Расположение участка одобрено Ее Королевским Величеством...», и?.. В чем печаль? Кары для орков за содеянное нет? Я что, похож на идиота, который будет проверенных временем бойцов наказывать за то, что они толпу соблазнительных баб по соседству поймали? Ладно, сейчас покараю... Хм...

Вновь злорадно усмехнувшись, я вывел на жалобе: «Все орки, принимавшие участие в оплодотворении дриад, приговариваются к пожизненному уходу за дубовой рощей, а также полностью отвечают за удовлетворение живущих в ней дриад». Пусть в следующий раз думают, кого можно насиловать, а кого лучше стороной обходить.

После еще десятка подобных дел, я снова вернулся к докладу Грашшарда.

«Транспортируемый объект, именуемый далее Наложницей, не присутствовал в положенном месте, а находился в стороне, пребывая в состоянии сна. Предположительно, Наложница была опоена сильными психотропными веществами, а также подвергнута неумелым заклятиям немоты и подчинения, повлиявшими на её психическое и умственное состояние. Данные выводы так же подкрепляются её дальнейшими поступками и эмоциями. Наложница не испытывала страха и отвращения, в эмоциях преобладали любопытство и, возможно, сексуальное влечение».

Сексуально озабоченный объект, именуемый наложница... Маньячка-эльфийка... Психически неуравновешенная сексуально озабоченная маньячка-эльфийка в моем гареме. Немая...

Черт, я должен на это посмотреть!

Так, что там дальше?

«Она свободно не раз прикасалась к лапам арахнидов в моём лице, а так же ментальным стыкам на них».

Она что? Прикасалась к лапам в лице Грашшарда? И все его шестьдесят четыре подчиненных это видели! Бедолага! Звание картушшергерра, оказывается, таит в себе совершенно внезапную опасность быть изнасилованным объектом, именуемым наложница.

На мой громкий смех в кабинет заглянул слегка удивленный охранник. Убедился, что у меня все в порядке и вновь скрылся за дверью.

«После отказа Наложницы ехать в карете, ей был предложен альтернативный вариант поездки верхом, на что транспортируемый объект без колебаний согласился. Как оказалось потом, данная пересадка было обусловлена желанием Наложницы изучить и, возможно, поиздеваться над представителями нашего вида. В течение поездки объект откровенно распускала руки, облапала всё, до чего смогла дотянуться, и даже засунула пальцы между тазовыми пластинами. После двадцати минут пути Наложница, наконец, соизволила заснуть, и дальнейшей путь был проведён без эксцессов».

Нет, прежде чем я вернусь к остальным документам, мне надо отсмеяться от души. Это же надо!.. Даже между тазовыми пластинами руку засунула? Чем ее опоили, интересно? И неумелое заклятье слегка напрягает... Нет, если бы было что-то действительно опасное, Рраушшана бы мне сообщила. А раз уже сутки прошли, и все помалкивают, значит, эльфийская маньячка больше никого в гареме не облапывала....

Вспомнив старичка-преподавателя из какой-то полузабытой родственной друидам расы, я вновь развеселился так, что охранник опять заглянул, убедиться в моем прекрасном самочувствии.

«В ходе операции выявлена способность объекта к ментальной магии», — а вот это уже не смешно. Сексуальную озабоченность можно свалить на неумелое заклятье и даже воспользоваться по назначению, но откуда у светлой эльфийки способность к ментальной магии? Разве что у нее в роду были иллитари, и тогда надо потребовать от этого поселения номер четыре еще один объект... исключительно светлого воспроизводства. Производить они не очень любят, конечно. Но это потому, что их бабам процесс совсем не нравится.

Вообще-то, я не против того, чтобы эльфы совсем закончились, но среди них встречаются вполне нормальные. Илуватар, например. Так что придется продумать, как простимулировать у них рост рождаемости. Пообещать раздать всех бездетных эльфиек оркам?

Воспользовавшись артефактом связи, я уточнил у Рраушшаны, что «объект, именуемый по документам леди Диндэниэль», прибывший вчера вечером, действительно слегка со странностями, но не опасными для остальных девушек. И панику Ррашшарда ответственная за покой гарема не разделяет, а вот его совет держать новую наложницу на расстоянии и присмотреться — одобряет.

Что ж, эльфиек я уже пару раз пробовал, по молодости, больше не тянет. Дети деревьев, дриады, таким бревном не лежат, как эти светлые прекрасные полешки. И характер у них или агрессивно-стервозный, или капризно-нервный, или депрессивно-плаксивый. Причем такое ощущение, что мне в гарем как раз именно третий вариант и скидывают последнее время, если верить отчетам Рраушшаны. В первый день у окна сидит и молчит, во второй день у окна сидит и глаза платочком утирает, а на третий день рыдает у себя в комнате и чахнет, чахнет, чахнет...

Вспомнив, как смешно ойкала предпоследняя из малахольных статуэток, когда ее будущий муж на свадьбе за задницу пощипывал от нетерпения, я снова усмехнулся. Тролли — мужики с юмором, найдут, чем скучающую эльфийскую леди развеселить. Пощекочут в процессе, если захотят признаков жизни, или в ухо гаркнут, чтобы подпрыгнула. Придумают что-нибудь, я в них верю.

Но наличие у очаровательного бревна ментальной магии подозрительно, и моя паранойя настойчиво пытается испортить мне настроение... Черт! Не убивать же девчонку сразу? Пусть помучается немного, пока Рраушшана к ней присматривается.

Тут дверь в очередной раз приоткрылась. Странно, вроде не смеялся громко, с чего бы охраннику нервничать? Но увидев того, кто вошел в кабинет, я понимающе улыбнулся: Илуватар решил отдохнуть от вечернего разбора проблем своих сородичей.

Да уж, не совсем честно я поделил обязанности со своим первым советником, поручив ему урегулировать все межэльфийские склоки на высшем уровне.

— Всегда удивляюсь, как ты можешь заниматься всем этим с такой довольной рожей.

Статный, тонкокостный до хрупкости, невысокий, с идеальными чертами лица и

застывшим на нем презрительным высокомерием. Благородный лорд одного из Высоких Домов...

— Ты свою-то попроще сделай, пока никто, кроме меня, не видит. Пить будешь?

— Расслабляться нельзя ни на секунду, иначе испорчу себе репутацию самодовольной сволочи, — менторским тоном произнес Илуватар и таким же тоном уточнил: — Только не то орчье говно, которое мы пили позавчера. У тебя есть что-то приличное?

— Нектар от фей? — рассмеявшись, я щелкнул пальцами, снимая невидимость с встроенного в стену бара. — Поройся... Но эльфийские вина я тут не держу, ты же знаешь.

— У тебя дерьмовый вкус на баб и выпивку, — поджав губы, Ил скептически оценил пять рядов бутылок, словно впервые их видел. — Гномий самогон? О, боги! Разве мы не выпили его две восьмицы назад?

— Это новая бутылка, — усмехнулся я. — Свято место пусто не бывает...

— Вот вроде не такая мерзость, как все остальное, — Ил поставил на стол рябиновую настойку от дриад. Меня внутренне передернуло в предвкушении того, как все слипнется после пары рюмок этого напитка.

— Что, достали тебя сородичи? — сочувственно поинтересовался я, после того как эльф залпом влил в себя целую стопку.

— Не будем о грустном, — отмахнулся Ил. — Пришлось сменить одного управляющего, а это, как ты понимаешь, чревато пришествием делегации его родственников с попытками отыскать у меня совесть и воззвать к чувствам. Раздражает ужасно.

— Еще бы! — понимающе кивнул я. — Когда пытаются найти то, чего у тебя нет и не было...

— Заткнись! — Ил хлебнул еще стопку. — Если бы не твой приказ, я бы просто послал этих ноющих... в лес!

— Нет, так нельзя, — злорадно хмыкнул я. — Завоеванные расы не должны чувствовать себя окончательно угнетенными, пока соблюдают все условия. Кстати!.. У меня тут очередная эльфийская наложница прибыла.

— Да уж, ее прибытие уже весь дворец обсудил. Эльфийка верхом на арахниде. Позор на обе головы. Только не говори, что она уже начала рыдать и петь печальные прощальные песни, с тоской глядя на солнце через решетку окна вместо того, чтобы выйти во двор. Ее же только вчера вечером привезли, рановато вроде бы.

Илуватар уставился на меня, ожидая продолжения темы. Естественно, просто так я бы не стал упоминать о новой наложнице в гареме. Предвкушая реакцию Ила, я протянул ему доклад Ррашшарда.

Эльф перечитал его несколько раз, отложил в сторону, налил себе еще стопку настойки и отпил где-то треть, задумчиво поглядывая на отчет моего паука.

— Приказ убрать уже отдал? — поинтересовался он, наконец.

— Да вроде бы рано пока, — пожал я плечами. — Девчонка со странностями, конечно. Но Рраушшана считает, что ничего опасного.

— Эльфийка с даром ментальной магии? По меньшей мере, очень странно, — Илуватар нахмурил свои идеальные брови и осуждающе посмотрел на меня: — Давай, мы ее хотя бы изолируем?

— В подземелье? — с ехидством уточнил я.

— Можешь сначала к себе в спальню, — отбил подначку Ил. — А потом уже в подземелье. Только сначала оглуши ее парализующим заклинанием.

— Думаешь, не замечу большой разницы? А вот Ррашшард пишет, что дамочка очень активная.

— Это она после заклинания. Возможно, сейчас ей уже стало лучше, и она вновь ведет себя как обычная эльфийская леди. — Илуватар вдруг снова нахмурился: — К тому же, криво наложенное заклинание может маскировать другое, наложенное вполне себе прямо. Давай, все же изолируем эту маньячку, мне спокойнее будет.

— Да ты бы всех от меня изолировал, если тебе волю дать, — рассмеялся я. — Ладно, с тобой хорошо, а у меня еще вон тут целая кипа отчетов. Я от них весь день бегал в надежде, что они исчезнут.

— Уже столько лет живешь и все веришь в сказки? — Ил встал, сочувственно взглянул на пачку бумаги, возвышающуюся над моим столом. — Они только увеличиваются за день. Кстати, у тебя на завтра посол...

— Вот бы его послать... — я мечтательно поднял глаза на хрустальную люстру и тоскливо вздохнул. — Разве об этом мы мечтали, когда все это началось, а?!

— Ты-то точно не об этом, а о землях, подходящих для гнезд арахнидов, думал. Вот и расплачивайся теперь. Сто три года как этих земель — весь мир! Арахнидок не хватает, чтобы гнезда создавать... А у самого времени на личную жизнь нет.

Посмотрев на мое лицо, Илуватар сразу заткнулся, но настроение от внезапно всплывших воспоминаний уже испортилось. Черт! Столько лет прошло, но иногда — как фаерболом промеж глаз.

Ил прав, для гнезд мне бы и трети всего нашего мира хватило. Оставшуюся часть я завоевал от злости и чтобы доказать, что могу. Не столько себе, сколько другим... другой.

Доказал. Завоевывать было гораздо проще, чем поддерживать на завоеванной территории мир и порядок. А уж про бумажную волокиту, дипломатические танцы с бубнами и, главное, про постоянные попытки «подарить» или «сосватать» мне жену никто не предупреждал!

Хорошо, Рраушшана в нужный момент подсказала вариант решения, куда эту толпу подаренных баб пристроить. Теперь лучшие представительницы всех имеющихся рас живут в моем гареме, и для всего мира я, официально, называю их своими воспитанницами. Илуватар уверен, что они — заложницы — сами себя они воспринимают, как наложницы...

Нет, конечно, какую-то часть я успеваю протестировать, прежде чем пристроить в хорошие руки. Но их же там под две сотни, да еще и с постоянной ротацией... К тому же очень утомляют их наивные попытки удержать мое внимание, желательно — забеременеть.

Да еще молодые арахнидки соревнуются друг с другом, чтобы понравиться мне и заслужить право самой выбрать место для гнезда, а старших самцов — из лучших моих воинов. Знают, что я и так не обижу, но все равно между собой постоянно соперничают из-за моего взгляда или слова! Так что, наиболее симпатичных мне девчушек я тоже в гарем переселяю, под охрану Рраушшаны.

Как-то в начале еще всей этой бодяги с воспитанницами-заложницами я одной человеческой девчонке, принцессе какой-то, само собой, подарил коробку конфет за хорошую ночь. Ее за это соседки чуть не задушили подушкой, хорошо сигнальная охрана сработала.

То есть, если раз трахнул, понравилось, но второй раз не хочется — надо сразу дарить кому-нибудь. А если не понял, хочется или нет, значит, нужно отселять в отдельный домик. Но если потом вдруг пришел еще пару раз, и надоела — обида смертная. Не пришел ни разу,

решив, что не так уж сильно понравилось, чтобы хотеть повтора — вообще, враг на всю жизнь...

Почему не пришел? Почему пришел поздно? Почему пришел уставший? Ты меня больше не любишь? А что ты мне принес в подарок? А давай, ты избавишься от гарема...

Р-р-р-р!

Поэтому, в любом случае, понравилась или нет, я теперь действую только так: поимел — отдал. И никаких проблем. Понравилась — озаботился поиском и пристроил в надежные хорошие руки, не понравилась — пусть сидит и ждет, когда кому-то потребуется.

Но какая в таких условиях может быть личная жизнь?

Зря Ил эту тему поднял. Сам-то ушел давно, а мне до сих пор на документах не сосредоточиться.

Так, ладно. Что у нас здесь? Гномы и тролли не поделили пещеру, передрались и теперь просят разрешения на войну? Черт! Ладно, вышлю им завтра делегацию под охраной одного картушшера арахнидов. Пусть присмотрят за этими вояками, чтобы сражение не перешло в обычное побоище, и чтобы обязательно потом заключили мирный договор.

Через пару часов, уже практически засыпая, я написал резолюцию на последнем документе. Разрешение на смену династии в одном из человеческих государств, отказ в поддержке и новому, и старому правителю (сами бучу устроили, пусть сами и расхлебывают), пожелал последнему удачи и пообещал позаботиться о судьбе его дочери, а первому — озаботиться потомством, женского пола, если собирается спокойно править, иначе я его кандидатуру не одобрю.

Широко зевнув и посмотрев на висевшие на стене часы, я понял, что сегодня личная жизнь повернулась ко мне задом.

Если у Ила репутация самодовольной сволочи, то у меня — неутомимого любовника. Я даже шутку том, что за ночь могу удовлетворить всех своих наложниц, слышал. Причем, говорилось таким серьезным тоном, что я сам поверил. Так что спокойно заснуть в постели можно только в одиночестве, иначе вся репутация кентаврам под хвост.

Одуванчик-9

Открыв глаза, я машинально дернула на себя покрывало. Нет, я не стеснялась собственного тела. Даже в прошлой жизни не была ни ханжой, ни жеманницей. Но, тем не менее, незнакомый мужик в двух шагах — это не та аудитория, перед которой я готова за просто так щеголять, пусть даже великолепно сложенным телом.

Набросив край покрывала на плечи и прикрыв ноги другим его концом, я вежливо поздоровалась:

— Добрый день.

— И вам хорошего дня, леди Диндэниэль, — хмыкнул незнакомец, в упор и с интересом разглядывая меня, причем не только то, что я постаралась прикрыть. С гораздо большим интересом он изучал мое лицо.

Надо сказать, посмотреть было на что. Мне с большим трудом удалось сдержаться и не подпрыгнуть от радости — наконец-то, я хоть имя свое знаю! А то “Дина” — это, конечно, хорошо для близкого неформального знакомства, но мало ли где-то пришлось бы представляться полным именем, а у меня тут склероз в полный рост.

— Солнечные ванны принимаете? — между тем поинтересовался мужчина, глядя на меня с легким ехидством.

Я в ответ только улыбнулась и кивнула, рассматривая собеседника и стараясь угадать,

кто он и откуда тут взялся. Я как-то привыкла к мысли, что гарем — это не проходной двор, потому и разлеглась тут в неглиже со спокойной душой.

— И чем же вам здешний сад приглянулся? — похоже, незнакомец чувствовал себя как дома и развлекался вовсю.

Вообще, он был немного странным. В смысле, внешне — мужик, как мужик, симпатичный, по меркам старого мира — около тридцати, стройный высокий брюнет... в черном шелковом халате с густо синей отделкой и в тапочках. Вот последний одуванчик ставлю на то, что это у него именно тапочки домашние на ногах. И халат выглядит не нарядом восточного вельможи, а просто удобной домашней одеждой.

Пока я все это рассматривала, великовозрастный хулиган вдруг сделал вроде бы незаметное быстрое движение рукой, и мне прямо на едва прикрытый покрывалом живот шлепнулся крупный — с вишню — мохнатый паучок.

Я вздрогнула от неожиданности, а несчастное восьминое в шоке застыло, таращась на меня всеми многочисленными глазами и поджав лапки. Нет, ну это уже хулиганство и вообще, я против издевательств над животными. Так что глянула на так по-детски развлекающегося взрослого парня неодобрительно, потом осторожно сгрузила паучка на ладонь и перенесла к ближайшему кустику травы:

— Беги, мелкий, больше тебя швырять не будут, — заверила я, искоса следя за шутником.

Похоже, он, как и все, ожидал от меня визга и бешеных скачек гольшом по берегу, лишь бы подальше от страшного зверя. Паучок же на моей ладони как-то внезапно успокоился и вразвалку утопал в заросли одуванчика.

— Вы любите пауков? — приятным баритоном осведомился незнакомец, изумленно приподнимая бровь.

Лицо у него стало очень заинтересованным. При этом он был весь такой расслабленный, и держался слишком уверенно для простого гостя. В халате и в тапочках... гуляет по гаремному саду... хм. Может, конечно, кто-то из очень близких приближенных...

— Да, они очень симпатичные. Не надо, пожалуйста, больше ими кидаться.

На мою просьбу мужчина опять отреагировал неопределенным насмешливым хмыканьем и снова принялся разглядывать меня, теперь уже всю целиком, словно сканируя сквозь тонкое покрывало.

— Вы не возражаете, если я оденусь? — вежливо поинтересовалась я. — А то как-то некрасиво с моей стороны беседовать с вами в таком непрезентабельном виде.

— Конечно, леди, если вам так будет комфортнее, — услышала я в ответ и слегка зависла, потому что одновременно с этим и совершенно отчетливо этот странный господин сказал совсем другое: “Ну что вы, леди, вид у вас очень даже... презентабельный”, — вот хоть тресни, кажется мне, что кто-то мысленно покатывается со смеху. — “Так что я, наоборот, даже настаиваю, чтобы вы оставались именно в таком... виде!” — продолжал веселиться паразит.

И как отвечать? На то, что слышала ушами, или на то, что уловила... мозгами?

— Ну, если вас это не смущает, — пожала я плечам, невольно улыбнувшись и вспомнив несравненную Фаину Раневскую.

- “Учитывая то, что я уже оценил все, что нужно... А что не разглядел, то додумал”.

Так. Мужик. В гареме. В халате и в тапочках. Стоит спокойно, веселится и рассылает всякие разные ментальные ехидства. А это не...

— Дина, смотри, какие жирные! Ой... Приветствую Вас, Повелитель!

Ну, собственно, вынырнувшая из-за коряги О`Рения подтвердила то, о чем я сама уже почти догадалась. Я склонила голову к плечу и посмотрела на собеседника новым взглядом. Все же первый настоящий властелин на моей памяти, да еще так близко. Пощупать можно.

Так, похоже, кто-то бессовестно подслушивает чужие мысли... иначе с чего бы он так развеселился и вспомнил “бедного зашупанного Ррашшарда”.

Вредный какой... а на вид не страшный. Как бы даже наоборот. Из черноты у него пока только халат в наличии, домогаться сходу не стал, то есть не кролик. Хотя, может, не успел, конечно.

Кстати, что-то я невежливо с повелителем — сижу тут... все же не просто мимо мужик шел.

Я встала, поправила покрывало, чтобы не сползло, и еще раз склонила голову, теперь уже в почтительном поклоне:

— Повелитель.

Русалочка между тем, явно, не знала, куда пристроить свою добычу — десяток крупных, жирных пиявок. Похоже, после бурной любви в прибрежных кустах девочке захотелось заполировать удовольствие спелой малиной. За просто так эта подводная выжига даже хвостом шевелить отказывалась, не то что пиявок ловить.

— Кстати, хорошая малина за южной аллеей, а вы где собираете? — теперь повелитель уже и не скрывал, что моя голова для него — открытая книга, и отвечал сразу на мои мысли.

Нет, надо что-то сообразить, а то мало ли, что я могу представить... чур меня от повелителя с корзинкой малины на голове... нет-нет, я даже и не думала о таком!

Тем более что я же слышу... или чувствую... или... вот кривой смычок, я совсем запуталась. Но мне этот властелин, чтоб он был здоров, про малину распинается, а сам где-то на заднем плане ржет, как ненормальный, и все повторяет, что бедный Ррашшард спалился, не видать ему теперь ласк эльфийской леди.

В этот момент повелитель вдруг перестал веселиться и очень серьезно посмотрел мне прямо в глаза. А потом...

— Откуда у вас ментальный дар такой силы, леди Диндэниэль?

— Что вы помните из своего детства, леди Диндэниэль?

— Зачем вам пиявки, леди Диндэниэль?

Ох ты... как петь хором, я знаю. А вот как можно хором думать?! Как он умудрился задать все три вопроса одновременно, причем с одинаковой властной интонацией?!

— А... ответ на какой вопрос вам нужен в первую очередь?

— А сколько вы слышали?

— Три, — честно призналась я. — Про пиявки вам действительно интересно?

— Очень, — совершенно искренне ответил мужчина и вновь стал похож на того ехидину, который швырял в меня пауками.

— У них слюна полезная, — похоже, судьба у меня такая, просвещать местное население о разных свойствах флоры и фауны.

Кстати, надо бы несчастных кровососок у русалки отобрать, а то она их сейчас раздавит...

— Я-то об этом знаю, а откуда об этом знаете вы? — нет, у него и ментальные интонации с ядовитинкой, подумать только. А сам вторым планом еще и подначивает: — Продолжайте, продолжайте, очень интересно. Неужели эльфы уже и до пиявок добрались?

Вот тут я уже посмотрела на здешнего повелителя всея и всех более внимательно. И оценивать перспективы пришлось мгновенно, не пускаясь в долгие раздумья, потому что их бы он прочитал. Да он и прочитает... в любой момент. Так что нечего и огород городить с секретностью.

— Я об эльфах только сказки читала, да и те... очень противоречивые. Извините, — и улыбнулась.

— Когда у вас проявился ментальный дар такой силы, и откуда вы свалились на моего паука, леди Диндэниэль?

— Хороший вопрос. Если бы я еще знала ответ, было бы совсем здорово. Я о том, что меня зовут леди Диндениэль, узнала пять минут назад, от вас.

— Это я заметил. Редко кто так искренне радуется, услышав собственное имя, — нет, все же какая ехидная зара... кхм. Повелитель.

— Еще бы мне не радоваться. Сначала меня машиной задавило, потом водой облили, обозвали не понятно кем и огорошили новостью о гареме Вашей Темности. А потом еще и колданули чем попало.

— И чем же таким на вас попало, что вы стали ментальным магом первого уровня?

Я, не долго думая, взяла и вспомнила картинку собственного попаданчества. В подробностях. А потом уставилась на повелителя с искренним любопытством, — может, он поймет, откуда что взялось, и со мной поделится?

Делиться он не стал, но зато поинтересовался:

— Давайте вернемся к нашим... пиявкам, — тут он на них искоса посмотрел. Я пару минут назад как можно незаметнее подпихнула русалочке платок, на который она и вывалила свою добычу с нескрываемым облегчением. И тут же смылась. — Зачем вам их слюна? И почему вы проводите время в этом саду, а не на светлой половине гарема?

Интересно, что обращался он ко мне по-прежнему мысленно, а вот неясное гудение и “второй-третий план” совершенно пропали. Очень похоже на то, что собеседник сознательно “закрылся”. Эх, вот бы мне так... Только где бы учебник достать? Вряд ли сам повелитель всея и всего согласится давать мне уроки. Насколько я знаю из истории, хороший властелин — товарищ занятой.

— Разве это запрещено? Я люблю лес, а кроме того, здесь очень красиво, — это мое признание оценили и даже улыбнулись. — И травы растут... да не только травы. А пиявки — это для косметических целей. Хорошо влияют на кожу.

— В гареме проблема с косметическими средствами? — похоже, мужчина (Как его зовут, кстати? Мне так никто и не сказал) удивился.

— Нет, мне просто нравится все делать самой, — еще не хватало ябедничать... вот блин! Но я, и правда, люблю это дело. Интересно же, и не позволяет со скуки киснуть.

— Скука? — насторожился подслушивающий изверг и принялся мысленно перечислять: — Вышивание, рисование, стихосложение, музицирование? — при этом на лице у него появилась улыбка. А вот ментально я уже его эмоций не чувствовала, даже ехидства.

— А вам очень нравились обязательные уроки в школе? — в свою очередь поинтересовалась я. — Особенно, если ваших рисунков учителя пугаются, а стихи просят никогда никому не показывать?

— Так все плохо? — чему он, спрашивается, обрадовался? — Удивите меня примером вашего поэтического творчества.

— Вы уверены? — на всякий случай, переспросить надо, чтобы потом не было

претензий. — Ну, тогда не жалуйтесь... кхм. “Дам короле я морковь, вот и вся моя любовь!” Конец, — уточнила я, глядя на любителя поэзии. Как бы не лопнул бедолага, в попытках сдержать неприличный хохот. — Да смейтесь уже, что вы мучаетесь, — разрешила я и сама хихикнула.

— Вы просто гениальный поэт, — всхлипнул он вслух, героическим усилием сохраняя нейтральное выражение лица. — С остальными предметами у вас такие же прекрасные взаимоотношения?

— Я умею рисовать елочку, правда, кривую. Цветочек почти ровный получается... А вот когда мы рисовали портрет какого-то мраморного господина, учитель испугался и больше ко мне не подходил, — я тоже постаралась сделать самое серьезное выражение лица и докладывала с прилежанием первой ученицы.

— Надеюсь, ваш труд был вставлен в рамку и вывешен в зале, где выставляются все работы моих прекрасных воспитанниц? — если бы не черти в глазах, я бы даже поверила, что он серьезно. Хотя нет, вон и уголок губ дергается.

Очень забавное ощущение — когда говоришь мысленно, а эмоции отслеживаешь по изменению мимики.

— Вы думаете? Хм... вообще-то, учитель забрал мой рисунок, но я решила, что это для того, чтобы сжечь побыстрее. А в том зале как с первой помощью особо нервным зрителям?

— Этот зал я посещаю только с теми, кого собираюсь наградить женой из воспитанниц моего гарема. У таких людей обычно очень крепкая нервная система, не переживайте.

— Тогда все в порядке. Правда, я не уверена, что мое художество может привлечь интерес к создателю, но это даже к лучшему, мне пока и здесь нравится. А тот, кто не испугается моего творчества — точно героическая личность.

— Да уж... Хороший тест на выдержку. Тем более от моего подарка рискнет отказаться только личность, полностью потерявшая чувство самосохранения. Зачем мне трусливые соратники, у которых такие серьезные проблемы?

— Действительно... — поверить не могу, что мы всерьез обсуждаем подобный маразм, но выходит весело. Я даже не ожидала, что здешний грозный завоеватель настолько дружит с чувством юмора. — Хотите, я тогда ваш портрет нарисую? Будете тестировать свое окружение, не отходя от трона?

— Хм... Нет, все же такие проверки надо устраивать внезапно и наедине. Но ваша идея мне нравится, — он вдруг очень симпатично и искренне хихикнул. — А музицируете вы так же успешно?

— Нет, музыку я люблю. Здесь у меня все в пределах нормы, — а что, играла я точно не хуже других.

— Даже удивительно, чем так музыка перед вами провинилась, — хмыкнул мужчина. — Странно, как вы находите время поскучать, учитывая вашу загруженность.

— Но ведь занятия только до обеда, — удивилась я. — А потом свободное время. Это же целых полдня!

— И все это время вы проводите здесь? Охотясь за пиявками? — у здешнего властелина на лице отразилось искреннее недоумение.

— Зачем мне столько пиявок? — что-то мне слишком весело. — В саду можно найти массу занятий, кроме того, я подружилась с некоторыми из девочек.

— С некоторыми из живущих здесь девочек? — снова удивился. Похоже, я устроила повелителю утро сюрпризов.

— Ришшика очень милая, и О`Рения тоже приятная в общении. Только сладкожка страшная — обожает малину.

— А человеческие девушки чем вас не устраивали? — вот настырный.

— Почему, всем устраивали. Просто они пауков боятся и в сад не выходят.

Вообще-то, я уже замерзла, стоя голышом в одном покрывале. Солнце давно спряталось за серую лохматую тучу, похожую на клочок ваты, и от воды тянуло свежестью.

Наверное, я очень заметно поежилась. Повелитель тут же отреагировал, тоже посмотрел на небо и наклонился, чтобы поднять мое платье и сандалии, лежавшие у его ног. Протянул их мне:

— Было очень приятно провести с вами время, леди. Но, увы, мне не то что скучать, отдохнуть не всегда получается столько, сколько самому бы хотелось. Хорошего дня.

— И вам, — я очень обрадовалась возможности одеться, но не натягивать же белье в его присутствии. Так что я дождалась, пока властелинство скроется из виду. Нырнула в платье, а потом снова уселась на покрывало, обхватила колени руками и задумалась.

Одуванчик-10

Это что же получается? Властелин у нас вот такой простой мужик? Нет, чувство юмора — это большой и жирный плюс любому существу, а тем более коронованному. Но мне показалось, или он как-то очень спокойно воспринял новость о моем попаданстве? Может, здесь оно не редкость? Честно говоря, в какой-то момент меня накрыло запоздалой паникой. А вдруг бы меня решили разобрать на запчасти и изучить, так сказать, подробнее? Хм, то есть заклинание отвалилось совсем? Или это благодаря ему я так быстро перестала дергаться?

Не знаю, почему в разговоре с властелином я была так спокойна. Анализируя собственное состояние постфактум, я с удивлением обнаружила, что мое спокойствие было не столько результатом того самого заклинания, сколько “вдруг откуда ни возьмись” вынырнувшей интуиции. То есть она и раньше была, но вот так “в голос” никогда прежде не выступала. А здесь внутри меня прямо-таки с транспарантом ходило “нечто” и скандировало: “Король-то гол... в смысле, нормальный мужик!”. Что бы это значило, интересно?

Вопросов сколько накопилось... Хорошо бы поймать кого-то, кто хоть парочку ответов может дать.

Нет, у меня и мысли не возникло отловить его властелинство, если он снова выйдет в сад погулять. Во-первых, черт его знает, может, он раз в год устраивает себе променад под елочкой. Во-вторых, его чувство юмора вовсе не означает, что он разбежится мне все объяснять.

И вообще... ну поболтали. Убедилась, что мужик на первый взгляд нормальный и вменяемый. И слава богу, а дальше каждый пусть занимается своими делами. Властелин властелинит, а у меня как раз основа для крема настоялась, можно добавить туда свежие пиявочки слюнки.

Значит, надо навестить Ришшику — основу я поставила у нее, чтобы не таскать все время то в комнату, то в сад всю мою химию. А потом еще придется топтать на другой конец озера. Потому что русалочка, паршивка такая, хвостом плеснула, только ее и видели. И теперь раньше чем завтра не выплывет. Выпускать пиявок придется самой. Мне никогда не нравилась мысль просто так убивать живых существ, так что несчастных кровопийц надо бы хоть в банку с водой пока запустить.

С этой мыслью я подхватила и, минуя малинник, а потом срезая углы прямо сквозь заросли, помчалась в гости к блондинистой паучихе.

Между прочим... судя по ментальному ржачу, о шалостях рыбки и паучка властелин в курсе и ничего против не имеет. Значит, можно смело спрашивать Ришшику, как оно у них тут, вообще, устроено в деле сексуального удовлетворения. Интересно же. И познавательно. Собственно, можно было и раньше спросить, но как-то к слову не приходилось.

Пока бежала, вдруг вспомнилось перекошенное лицо властелина, когда он пытался оценить мое творчество на почве стихосложения. У преподавателя было почти такое же, только он не смех сдерживал, а как бы не слезы. При том что формально придраться было не к чему, потому что задание звучало так:

“Стихотворение не больше десяти строк, в котором упоминается природа, отношения и имеется эмоциональный посыл”.

Корова вполне себе природное образование, эмоция и нравственный посыл на месте, не больше десяти строк. Несчастному старичку-преподавателю только и оставалось, что тяжело вздохнуть и морщиться, как от зубной боли.

Этот хмырь в халате не морщился, он откровенно веселился. Но почему-то старался сдержаться. Интересно, имидж берег или нежную психику эльфийской девы? Обычно люди не любят, когда над ними смеются. А мне с двоюродной бабкой повезло. Она с детства приучила меня первой смеяться над своими недостатками и ошибками, тогда и остальные подхватят веселье и будут потешаться вместе с тобой, а не над тобой.

Я уже почти добралась до уютного гнездышка Ришшики, крайнего домика у самой стены, заплетенного диким виноградом по самую крышу, когда в стороне от тропинки заметила особенно роскошный пышный куст одуванчиков. Золотые головки цветов были величиной чуть ли не с пол-ладони. С трудом подавив приступ иррациональной жадности и уже шагнув дальше, я вдруг встала, как вкопанная. Обернулась и еще раз всмотрелась в заросли резных длинных листьев.

А потом села прямо на землю и закатилась в приступе неконтролируемого ржача. Нет, это был не смех, это был именно ржач. Лошадиный.

Диндениэль... Диндениэль... в переводе с эльфийского — одуванчик! То-то я к ним так прикипела!

Казалось бы, ну забавно, похихикай себе и все. Нет, меня накрыло, как таракана тапком. Я едва ли не по земле каталась, рыдала от смеха и дрыгала конечностями, как припадочная. И не могла остановиться. Оказывается, не так уж мне и легко было все это время... если организм решил таким образом сбросить стресс. Через истерику.

— Ты чего? С тобой все в порядке? — выскочившая на террасу Ришшика кинулась ко мне с явным намерением поднять и ощупать, — вдруг у меня что-то важное поломалось или отвалилось. — Чего ты... чего?!

Я слабо отмахивалась и отбрыкивалась, тыкала пальцем в сторону зарослей и подвывала. Обеспокоенная паучиха на глазах впадала в панику. Она подхватила меня человеческими руками под мышки, а передней парой паучьих лапок — под коленки и поволокла в дом. Устроила дергающееся тело на низком диванчике и рванула куда-то в сторону.

Через секунду на меня обрушился поток ледяной воды. Я поперхнулась и замолкла, немного ошалело хлопая глазами и пытаюсь отдышаться.

— Тебе уже лучше? — заботливо поинтересовалась Ришшика, явно готовая мчаться за

вторым ведром “лекарства”.

— Да-да, спасибо! — поспешила я с ответом. — Значительно лучше! Возьми, кстати, на вооружение, ведро воды — отличное лекарство от истерики.

— У тебя была истерика? — удивление подруги можно было черпать ложкой, таким оно было густым и вещественным. — Почему? Тебя кто-то обидел? — тут она воинственно встопорщила шерсть на лапах и сразу стала в полтора раза крупнее. Смотрелось очень грозно.

— Да нет! Истерика бывает не только от обиды, бывает и... — я запнулась, пытаюсь подобрать слова. Мне было очень приятно, что Ришшика так явно выказала готовность меня защитить, но вовсе не хотелось, чтобы она пошла войной на остальной гарем, а тем более на повелителя. — Это я сама над собой начала смеяться, а потом как-то не смогла остановиться. Скажи, ты знаешь, как переводится с эльфийского “диндэниэль”?

Ришшика задумчиво наморщила лоб, потом отрицательно помотала головой. Вздыбленная шерстка улеглась обратно, и паучиха приняла свой обычный умилительно-мимимишный вид.

— Одуванчик. Диндениэль переводится как одуванчик, — просветила я и опять хихикнула.

Ришшика хмыкнула и глубоко погрузилась в обдумывание моих слов, а потом продемонстрировала шикарный фокус. Правая задняя лапка, явно, независимо от осознанного желания хозяйки приподнялась, ловко вывернулась и быстро почесала брюшко.

— Смешно... — задумчиво протянула девушка. — Но истерика-то зачем?

— Не зачем, а почему, — я отжала мокрую косу и зябко передернула плечами. — Дашь полотенце? Ага, спасибо. Просто я все никак до конца проникнуться не могла тем, как сюда попала. Суетилась чего-то, одуванчики... хи-хи... запаривала. Властелину вот у озера стихи свои почитала. Все как во сне. И вдруг проснулась.

— После твоих стихов кто хочешь проснется! — выпалила подруга, не задумываясь, а потом вдруг ойкнула: — Повелителю? ТВОИ стихи? И он слушал?

— Он ржал, — успокоила я. — И вообще, зря ты меня стращала, вполне нормальный властелин у нас. С чувством юмора.

— Да? Я никогда не пробовала его смешить... — эта новая мысль захватила Ришшику с головой.

— Знаешь, смешить нарочно не стоит, — поспешила предостеречь я. — Когда это стараешься сделать намеренно, только глупости получаются. Ни капли не смешные.

Ришшика со мной согласилась, а потом, чтобы сменить тему, предложила перекусить. Я уже поела с утра, но после всех этих приключений внезапно почувствовала зверский голод, махнула рукой на второй завтрак в столовой, куда надо было еще идти, и осталась у подруги. Н-да, заклинание заклинанием, но, похоже, мой новый эльфийский организм нашел способ отыграться за подавленные эмоции. Сначала истерика, а теперь приступ слабости и лени.

Вечером в постели я неожиданно для себя немного всплакнула. Вспоминала мужа, детей... как мы хорошо жили... Петька теперь бросит скрипку, маленький лентяй, некому будет стоять над душой... Интересно, нашли репетитора для Аринки? Наташа с ними замучается. Ну, ничего, зять у меня хороший... отличный зять! Он о них позаботится.

Олег так и не позвонил из своей Калифорнии... А у него жена в третий раз беременна. Ждали такую желанную девочку после двух пацанов. Я собиралась поехать к ним, помочь со старшими внуками...

А Лешка? Сильный, умный, красивый, но такой... мужчина. Наташа его, конечно, не бросит одного. Не даст закиснуть, заставит заниматься внуками. А он будет закапываться в свою работу и пахать сутками... и питаться всухомятку, лодырь! Почему-то больше всего сердце болело не за внуков, не за детей, а за мужа...

Слезы были светлыми какими-то, они текли сами собой, и вместе с ними вытекала неизвестно откуда взявшаяся горечь. Оставалась только нежность, любовь и отчаянное желание — пусть у них все будет хорошо!

С этим я и заснула.

Следующий день после встречи с властелином прошел как обычно. Сходила на занятия, навестила Ришшику, проболтала с ней почти до самого вечера и опять не пошла в столовую — на ужин. И на утро получила замечание от какой-то очень серьезной девушки из-за соседнего стола. Поскольку она не была замечена в шушуканье и шараханье, я восприняла ее слова всерьез. Действительно, неудобно, когда кто-то все приготовил, накрыл на стол, а ты взял и не явился. О таких вещах нужно предупреждать заранее.

Я не стала спорить или что-то уточнять, только спокойно кивнула и села на свое место. Черт, это все же вроде как столовая, а не ресторан, вряд ли... хотя, кто его знает. Непонятно только, кого предупреждать?

А после завтрака выяснилось, что сегодня ни с того ни с сего снова объявлен выходной для нашей группы “новеньких”. Зачем, почему — никто ничего не объяснил. Пришла мадам паучиха, объявила, осмотрела нас орлиным взглядом и так же величественно удалилась.

Нет, я не против, но странно как-то. Ладно, зато я успею пришить карманы еще на одну тунику, загляну в пустую купальню за мылом — вот из принципа не возьму готовые бальзамы, даже если они там есть. Самой интереснее. А потом пойду к Ришшике, и мы будем думать, из чего собрать простейший самогонный аппарат. По идее, нужны две кастрюли — одна чуть больше, другая чуть меньше и обычная миска. Мы так в студенческой общаге добывали самогон из забродившего вишневого варенья. А тут вон малины сколько.

Нет, выпить мне не хотелось, а спаивать ребенка, вообще, плохая мысль. Но я внезапно вспомнила, какой шикарный лосьон на самогоне настаивала мама на дынной мякоти с косточками. Просто вчера в паучий домик как раз подали к ужину дыньку, причем целую, и мы ее приберегли на эксперименты.

Мимолетную встречу у озера, я, если честно, почти забыла... никаких репрессий не последовало, никакого пристального наблюдения я не заметила и успокоилась.

Не знаю, почему я так легко отнеслась к разоблачению. Подумаешь, поистерила немного на одуванчик, а потом поплакала в подушку. Может, это были остаточные всплески заклинания, может, мой природный оптимизм-пофигизм, а может, перенос в другой мир, вообще, подействовал на меня, как хороший удар пыльным мешком по голове. И я до сих пор торможу с реакцией на все.

Напомнила мне о властелине О`Рения. Причем так, что я не знала смеяться или плакать вместе с ней.

Это было на третье утро после той необычной встречи. День был обычный, никаких внеплановых выходных. В сад я попала только после обеда. И сразу отправилась к озеру. Потому как крем с пивочными слюнями оказался действительно более действенным в увлажнении наших с Ришшикой рук.

Тех кровососок, что О`Рения притащила во время нашего разговора с властелином, я выпустила — сначала в горшок с водой, а потом в озеро. И теперь мне нужна была хотя бы

парочка свежих.

Русалки нигде не было видно. Поразмыслив, я решила попробовать паучий позывной. Вернулась к деревьям, выбрала две подходящие сухие и сломанные ветки и пошла барабанить ими по воде.

Подействовало! Вот только русалка, увидев меня, раздраженно забила хвостом, поднимая тучу брызг, и попыталась смыться обратно на глубину. Мне пришлось довольно долго и громко уговаривать вредную девчонку подплыть поближе, чтобы поговорить.

В конце концов, чешуйчатая вертихвостка выбралась на ту самую корягу, возле которой мы и познакомились, но сидела такая несчастная, надутая и недовольная, что я решила пока о пиявках не заикаться. И стала расспрашивать, кто же обидел нашу самую красивую русалочку.

“Самую красивую” надутая рыбка приняла благосклонно, даже бровки почти перестала хмурить. И вообще, ей явственно понравились мои танцы с бубном. А я что, мне не трудно... сначала дочь, потом внучка. Обе, бывало, возвращались из детского сада пасмурными тучками. И всегда ждали, что сейчас вот мама обо всем расспросит, потом утешит, потом даст мандаринку или яблоко... Эх, не сообразила я заранее набрать малины, сейчас бы пригодилась.

Ничего, ягоду ведь можно и пообещать. Целых три корзинки.

Это я правильно угадала. Малинка, пусть и в перспективе, развязала О`Рении язычок, и на меня вывалили все русалочьи обиды и проблемы.

Как всегда, во всем оказались виноваты мужики. А конкретно — один излишне осторожный и стеснительный арахнид и один ни с того ни с сего всплывший страстью к прогулкам властелин.

Повелитель вот уже третье утро шлялся по саду вокруг озера и своим присутствием злобно мешал посещениям вкусного паучка.

На этом месте я поперхнулась, слегка зависла и уточнила: “какого-какого?!”. Оказалось, что я не ослышалась. Вкусного, питательного и, вообще, со всех сторон полезного. Потому что каждая русалка знает, насколько волшебное семя у восьминогих. Почти панацея и манна небесная в одном флаконе. Но не всем так везет — попасть в гарем, где этих нужных в хозяйстве существ так много, практически на любой вкус!

О`Рения его долго и тщательно выбирала из охраны гарема, потом приручала и подманивала... Даже соблазнила влезть в холодную воду, чего пауки, как выяснилось, не любят. И вот, когда все так отлично устроилось и наладилось, принесло, понимаешь, любителя природы! А глупый восьминог его стесняется. Ближе к озеру не подходит третий день!

Хотя стеснительность кавалера показалась мне спорным аргументом, я не стала разубеждать русалку. И вот из каких соображений: во-первых, я действительно толком не знаю этого паука в частности, и остальных пауков вообще. Может, они и стесняются властелинов и прочих зрителей. Во-вторых, пусть лучше О`Рения грешит на его стеснительность, чем подозревает в том, что паук еще какую-нибудь другую русалку подкармливает. Мы, женщины, прекрасно умеем надумать себе страшилок и трагедий.

Чтобы перевести разговор на более позитивные темы, я стала расспрашивать, чем же таким особенным отличаются пауки на вкус. И в чем их необычайная полезность, особенно на фоне других рас.

И выяснила, что на вкус они просто самые-самые... тут О`Рения затруднялась объяснить

нюансы. Вкусные и все. А еще в их семени есть какое-то... “Ррр-буль-буль-хрюк”. Это оно так по-русалочьи называется, а как переводится на всеобщий О`Рения не знала. Этот “буль-хрюк” есть у всех, но у пауков — особенно концентрированный и качественный.

Я хихикнула, припомнив случай из прошлой жизни. Яркий пример маразма, но такой показательный... Лет десять назад у меня была приятельница, моя ровесница. Она счастливо прожила с мужем тридцать лет. И на тридцать первом году жизни неосмотрительно дала ему почитать статью в журнале “Здоровье”. Там было написано, что есть такой особенный витамин, не помню, как называется. Так вот, он синтезируется только в мужском организме и поступает в сперму. И этот витамин конечен, рано или поздно вырабатывается весь, подчистую.

Смех-смехом, а муж приятельницы — когда это вычитал — перестал с ней спать. Витамин берег.

Тут у меня в памяти всплыла еще одна подруга, которая делала маски для лица из спермы мужа, и я окончательно оставила вопрос химического состава паучьего семени. Полезная. Поверим на слово.

О`Рения, тем временем, закончила описывать сугубо практическое использование паука и перешла к вопросам романтики. Хм, а я уже подумала, что зря так расчувствовалась, наблюдая за шалостями в воде.

Оказалось, что паучок очень красивый, расцветка у него такая завлекательная, ухаживать умеет — приласкать, малинки принести или других каких ягод и фруктов. И на ощупь очень даже ничего, а еще так чувственно реагирует, если ему лапки погладить... и так забавно дрыгает ими, когда кончает!

— Это у него инстинкт, — пояснила русалочка, хихикая.

Паучьи дамы раньше, до того как стали цивилизованной расой, имели привычку закусить разомлевшим кавалером. Так что у пауков моторчик сам включается — кончил и давай делать ноги.

Короче, я узнала много нового о пауках и русалках. А две горсти малины, поспешно собранные в ближайших кустах, вполне примирили хвостатую жалобщицу с действительностью, и она согласилась признать, что все не так безнадежно. Либо властелину надоест тут шататься, либо арахнид перестанет стесняться, но дело так или иначе разрешится.

О`Рения повеселела настолько, что даже сама предложила мне универсальную озерную валюту — пиявок. Я, конечно, радостно согласилась и вскоре уже бежала в домик Ришшики с добычей в заранее припасенном горшке. Время к ужину, надо подоить склизких паразиток, добавить слюни в крем и успеть в столовую.

И я бы успела! Если бы не персиковое дерево.

Решив срезать угол, я сошла с тропинки и рванула напрямик, но как-то незаметно отклонилась от нужного направления. Не заблудилась, но пробираться пришлось через заросли, в которых я еще не бывала. И дорожка, на которую я, в конце концов, выбралась, тоже была незнакомой. А на повороте росло ОНО!

Я обожаю персики. Я могу слопать сразу ведро, и мне не станет плохо. Я чую их запах за километр, могу сразу определить, зеленые они или спелые, сочные или сухие, сладкие, с кислинкой или безвкусные...

Крупные золотисто-розовые плоды на верхних ветках совершенно точно были восхитительно спелыми и умопомрачительно вкусными. Эх, была не была, дело... то есть

тело молодое! К тому же эльфийское. И тоже любит персики.

И я полезла на дерево. Довольно ловко, надо сказать. Без страха перешагивала с ветки на ветку, совсем по-обезьяньи цеплялась за подходящие сучья и упорно подбиралась к вожделенным плодам. Вот уже осталось только протянуть руку... и тут меня подвела моя гастрономическая страсть. Мне бы набрать персиков — да хотя бы в подвязанный подол — спокойно спуститься и уже потом закусить. Нет, я не утерпела, выбрала самый сочный на вид, и впилась в него зубами.

Ой-ей! Он оказался гораздо более сочным, чем я рассчитывала: сладкая жидкость брызнула мне в лицо, попала в глаз... Уй! Доремифасоляси!!! Липкая сладость потекла по подбородку, по груди, по рукам...

— Кхм! — раздалось откуда-то снизу, прямо оттуда, куда с меня капал вкусный персиковый нектар. Я дернулась от неожиданности и потеряла равновесие...

Одуванчик-11

Некоторое время назад...

— Морра арргросс, вот ваше расписание на завтра, — Рридфферт протянул мне традиционный шаблон — большой круг, разделенный на доли, в каждой из которых было вписано, что мне предстояло свершить в данный временной отрезок. — Спокойной ночи, морра арргросс.

И хитрый арахнид быстро зашагал прочь, чтобы успеть скрыться до того, как я начну возмущаться, найдя в расписании незапланированную встречу или... целую делегацию?! Нет, ну это уже наглость, черт побери!

Ладно, понимаю, отказать аррграу собственного гнезда Рридфферт не мог. Это единственное существо, которого мой секретарь хотя бы из уважения побаивается. Хотя мне иногда кажется, что чувство страха у него атрофировано с детства!

Рид родился еще когда арахниды жили в пещерах. В то время самец, не успевший сбежать от самки, иногда с аппетитом съедался из-за страшной эпидемии, медленно уничтожающей разум у целого вида.

Вообще, арахнидки очень гордятся тем, что смогли побороть в себе инстинкт уничтожения своих партнеров, причем много сотен лет назад. Но страшное проклятье, изъявшее артефакт Аррахшир из тела прежнего морра арргросс и этим ослабившее связь между ними, словно вновь повернуло время вспять. К счастью, ненадолго.

Внезапно всплывшая мысль о том, как было бы ужасно, если бы такая гордая раса потихоньку деградировала и превратилась в обычных чудовищ, которыми матери пугают детей, царапнула, как коготь по коже. А ведь появился новый морра арргросс чуть позже, этим все и закончилось бы.

Как и их «младшие братья», арахниды откладывают множество яиц, заботливо заматывая их в отдельные мешочки по восемь штук в каждом. Через какое-то время из яичек вылупляются личинки.

До эпидемии эти создания совместными усилиями съедали несколько слоев паутины, прогрызая путь на свободу, заодно из крошечных слепых лысых существ превращаясь в маленьких арахнидов с нежными пушистыми ворсинками на лапках и брюшке.

Но проклятие начало сказываться и на них, заменяя приоритеты у инстинкта освобождения на более древний.

Численность арахнидов и так постоянно уменьшалась, из-за снижения количества откладываемых яиц, сражений с другими видами и между собой, болезней, несчастных

случаев из-за не очень удачного места проживания. Черт побери, эти создания и так уже достаточно страдали, но проклятью было мало.

В нескольких гнездах с самками, ослабленными болезнью или старостью, уже начались случаи каннибализма именно на стадии личинок. И Рридфферта должен был загрызть кто-то из более сильных собратьев-соседей, но парню повезло, — он вылупился из яйца значительно позже всех, когда битва среди новорожденных паучков уже закончилась, и объевшийся победитель сладко спал, переваривая шесть своих братьев. Но Рридфферт был голоден, внезапен и агрессивен. И до сих пор злой, когда голодный... Так что из кокона после первой линьки вывалился именно он, а не позволивший себе почивать на яичных ошметках более сильный собрат.

А по законам арахнидов — выжил в первой битве, значит, имеешь право жить дальше. Даже если ты мельче своих сверстников в полтора раза, у тебя светло-голубые глаза, бледная кожа, белые волосы, и от твоего вида нервно морщится даже мать-аррграу гнезда.

Когда же Рридфферт дорос до возраста воина, ему повезло еще раз... Или мне? Адъютант в военное и секретарь в мирное время из него получился очень ответственный. А еще, благодаря постоянной травле ровесников, у него было множество полезных умений и знаний, помогающих выжить. Только чувство страха полностью исчезло.

Осталось лишь уважение перед своей морра аррграу, которую он до сих пор, засранец восьминогий, ставит выше собственного господина.

Ладно уж, встречусь... завтра.

Мой второй советник, Рремшшург, отпросившийся чуть ли ни в отпуск, наблюдать за правильным ходом военных действий между двумя довольно большими северными государствами, сегодня днем вернулся, довольный, посвежевший и полный впечатлений. По этому случаю на вечер у меня был запланирован «мальчишник» в купальне, с девочками...

Для Рремшшурга я специально подобрал трех русалок и двух нагинь, чтобы тот уж точно расслабился. А то у арахнидов нормальный секс по-прежнему ассоциируется с желанием сбежать, быстро перебирая всеми оставшимися лапами. Нагини, конечно, ползают довольно быстро, по сравнению с человеком, но не с восьминогим парнем, у которого драпать после хорошего траха заложено на уровне инстинктов. Поэтому они и предпочитают развлекаться с дамочками, у которых скорость передвижения низкая, а нервная система — крепкая.

Вот у Илуватора страсть к темным эльфийкам и ночным леди, в простонародье вампиршам. Любит мой советник «плохих» девочек...

В апартаментах меня уже ждала стайка будущих «выпускниц» и парочка уже проверенных девушек, заказавших таких женихов, что не вдруг-то сразу найдешь. Последних я взял для спокойствия, чтобы даже если в стайке вообще ни одного самородка не найдется, все равно не пришлось бы скучать этой ночью.

Едва я вошел, девчонки подлетели ко мне, помогая переодеться в халат. Сапоги я стащил сам — по устилающему пол пушистому ковру хотелось ходить исключительно босиком.

В кресле, неподалеку от моего, устроились две близняшки-иллитари, а рядом с ними — ночная леди, Клариса. Эта троица считалась моими гостями, даже не воспитанницами и тем более не наложницами. И Илуватора они ублажали исключительно по собственному желанию.

Да и русалки с нагинями против Рремшшурга ничего не имели, пусть он и не был таким красавчиком, как эльф. У арахнида были другие достоинства.

Когда появился Илуватор, на мне сверху уже сидела и крутила бедрами одна из красоток, пока другая старательно разминала мои плечи, пристроившись сзади. Ил хмыкнул, привлекая внимание, и помахал двумя бутылками эльфийского розового. Я промычал, что согласен...

К эльфу никто не кинулся, наоборот, его подружки ждали, пока он сам разденется, чтобы только потом окружить и начать тереться о голое гладкое тело. Уверен, наедине эта компания развлекается еще более... хм... оригинально. Но на все наши подшучивания Ил лишь приподнимал левую бровь и рекомендовал завидовать не так бурно. Да я б с вампиршей даже в пьяном угаре не лег бы!.. И, черт побери, мне всегда было интересно, где именно она его кусает, потому что на видимых частях тела не оставалось никаких следов.

Рремшшург в обнимку с нагинями объявился, когда мы допивали первую бутылку. Судя по довольной роже моего второго советника, развлекаться они начали где-то в кустах. Одна из девиц, заметив, что я посматриваю в их сторону, улыбнулась и несколько раз высунула и пошевелила своим тонким раздвоенным языком.

Меня внутренне тут же передернуло от воспоминаний. Когда-то, уже довольно давно, Рремшшург похвастался, что его семя по составу более питательно и обладает какими-то целебными свойствами. Честно, не помню, как мы тогда дошли до этой темы, и почему она нас задела за живое, но мы с Илом потребовали или подтверждения, или опровержения.

Так как человеческие девушки только от мысли сделать минет арахниду падали штабелями в обморок, пришлось призывать в качестве эксперта одну из нагинь, благо в тот день за охрану дворца как раз отвечал картушшер нагов.

И вот, черт возьми, это было незабываемое ощущение, которое я до сих пор не готов испытать еще раз.

Поэтому, как только вижу «оружие», которое работало с моим «орудием», так вздрагиваю. До сих пор, хоть с того дня почти сто лет прошло.

С эльфийского розового мы перешли на дриадовое бриллиантовое. Напиваться не хотелось, тем более мне приглянулась вся «стайка», и чтобы не упасть в грязь лицом и мордой в подушку, надо было вовремя остановиться. Это когда тебе всего сто или сто пятьдесят, можно пить всю ночь гномий самогон и не переживать, а в мои триста с восьмёрушкой уже приходится выбирать. Или самогон и лишь пара баб, или бабы, но без самогона.

Бриллиантовое мы допивали уже в купальне, где к нам присоединились русалки. Неумные девицы загасили моего восьминоного советника в теплый бассейн, и вода то и дело пенилась и бурлила от его инстинктивного перебора всеми лапами. На пятый подряд перебор, я ощутил что-то очень похожее на зависть, притягивая к себе очередную красотку из «стайки».

Красивые девчонки, фигуристые. И старательные такие... Надо будет обязательно пристроить в хорошие руки, особенно вон ту, с черной косой ниже попы. Попка круглая, грудь пышная, талия тонкая... И смех естественный.

Уложив пышногрудку на теплый пол, я принялся наглаживать ее ладонью между ног, постоянно задевая нежный бугорок и заставляя девчонку подо мной тихо постанывать. Красные пухлые губы приоткрылись, а языком словно дразнится, постоянно облизываясь... Красавица. Люблю таких. Чтобы пощупать было за что...

И желание в глазах настоящее, не наигранное. Конечно, тут уже всех девчонок развезло — обстановка расслабляющая, вино сладкое... И губы после вина — тоже сладкие...

— Виланд, ну хоть эту себе оставишь? — Рремшшург пристроился на полу рядом со мной, подогнув под себя все восемь лап. — Ведь приглянулась тебе девка, — кивнул он в сторону брызгающейся и повизгивающей в компании подруг черненькой пышногрудки.

— Вот пусть и останется приятным воспоминанием, — отмахнулся я. — Сейчас еще вон ту блондинистую поймею.

— Страшненькая же! Блеклая везде, как Рид, даже между ног шерсть — блеклая.

— Натуральная, значит, раз даже между ног — блеклая, — фыркнул я, стараясь сдержать смех.

У здоровых арахнидов волосы были сочных темных цветов — красные, синие, черные, каштановые, рыжие, ярко-желтые. А вот светлые оттенки считались признаком болезненности. И даже смирившись с тем, что блондинки иногда бывают здоровее многих брюнеток, Рремшшург все равно посматривал на них неодобрительно.

Илуватар, уединившись со своими дамами в парилке, лишь иногда выбегал оттуда раскрасневшийся, облепленный листьями, чтобы с шумным «Ы-ы-ых!» нырнуть в бассейн.

Выскочив в очередной раз и проплыв под водой от края до края, он вынырнул на нашем берегу и вылез.

— Чего грустим? Тебе Рем опять бабу свежепойметую сватает? — плюхнувшись рядом с нами, Ил помахал рукой одной из близняшек, высунувшейся из парилки. Та кивнула и скрылась обратно — продолжают веселиться, но уже без него.

— Хорошо о яйцах пока не начал, — усмехнулся я.

— Кстати о бабах, — Ил разлегся на полу, прикрыв глаза. Самодовольное выражение лица временно сменилось на умиротворенное. — Что слышно про твою эльфийскую маньячку?

— Маньячку? — насторожился Рремшшург. — У тебя в гареме?

— Не поверишь, сексуальную, — развеселился Ил. — Сексуальная эльфийская маньячка, которая чуть не изнасиловала по дороге во дворец картушшергерра сопровождения.

— Эльфийка, которая чуть не изнасиловала одного из моих полковников? — У Рема было такое обиженно-недоумевающее лицо, что даже я не выдержал.

— Да! Он мне даже жалобу написал по этому поводу!

— На то, что не изнасиловала? — окончательно запутавшийся арахнид смотрел на нас, как на психически нездоровых. Не знаю, как Ил, а я из последних сил удерживал на лице серьезную рожу.

— Я не очень понял, — так, главное, даже не улыбаться. — Скорее всего, именно на это.

— Да идите вы... оба... — первым заржал именно Рем. — Так я вам и поверил. Вы ж звените просто от смеха.

Вкратце пересказав ему историю появления в моем гареме сексуально озабоченной эльфийки, я тут же успокоил обоих:

— Раушшана за ней уже восьмицу наблюдает, никаких проявлений агрессии. Девка — как девка, на луну не воеет, преподавателей не заваливает, заклятье уже почти сошло, и под ним никакого другого не оказалось, — последнее я подчеркнул, посмотрев на Ила. — С остальными эльфийками не контактирует, хотя сейчас в гареме их живет трое. На следующей неделе четвертую подвезут, из второго поселения.

— А я бы все же ее изолировал, — настойчивым тоном произнес Илуватар.

— Зачем? — удивился Рем. — Раз аррграу Рраушшана говорит, что все нормально, значит, так оно и есть.

— Потому что не бывает ментальных магов у эльфов...

— Кто бы говорил! — поддел я Ила. — Сидим вот, все втроем ментально между собой общаемся, а, между прочим, один из нас — пресветлый эльф.

— Я — генетическая ошибка.

— Может, и она тоже, — я похлопал своего советника по плечу и встал. — Вы как хотите, а у меня по плану блондиночка, потом я подхватываю вот тех двух рыженьких цыпочек, черноволосую пышку и спать.

— Слабак! — констатировал Рем. — А мы еще оторвемся...

На рассвете, шарахнув в голову ударной оздоровительно-бодрящей дозой магии, я хлопнул по голому пышному заду одной из трех сладко посапывающих девчонок. Полюбовался, как она по-детски трет глаза кулачками, пытаюсь проснуться.

— За герцога пойдешь, или только король нужен? — поинтересовался я у нее.

Та сладко зевнула, потянулась и заулыбалась:

— А можно и за короля? Тогда король лучше... Ой, нет! — тут она смешно наморщила курносый носик и засмушалась: — Мне б того, кто помоложе, чтобы как вы... не старше.

— Еще бы я такую темпераментную куколку под старика подложил! — засмеялся я, погладив ладонью пышную грудь. — Будет тебе молодой король, заслужила.

Девчонка кокетливо заулыбалась, став еще более хорошенькой. Прямо хоть снова заваливай...

— Давай, поднимай подруг, я прикажу проводить вас в смотровые апартаменты. Короля придется денька три подождать, занят он пока.

— Ага, — девчонка радостно взвизгнула и прямо с кровати, с прыжка, повисла у меня на шее: — Спасибо, спасибо, господин!

Нет, ну как тут можно устоять? Вот у меня все и встало...

К счастью, составляя расписание, Рридфферт учел, что с утра я могу быть еще немного занят, так что когда девчонки разбежались, у меня даже осталось немного времени, чтобы прогуляться по саду.

И, как-то совершенно внезапно, я буквально чуть ли не споткнулся об очередное голое женское тело. Светлое. Эльфийское... Кхм... Как-то даже сомнений не возникло — леди Диндэниэль, кто же еще?

Причем у нее выражение лица стало таким странным, как только я ее по имени назвал, что у меня сразу перед глазами возник портрет Ила и под ним стрелочка с подписью: «в подземелье».

М-да... Не знаю почему, может, утреннее хорошее настроение еще окончательно не выветрилось, но я взял и кинул ей на покрывало паука. А сам приготовился к взвизгиванию, подпрыгиванию и, возможно, попыткам забраться ко мне на руки. Но не тут-то было. Черт побери, эта забавная эльфийка еще меня и отругала!

Самое интересное, что она меня совершенно не боялась, хотя уже начала задумываться о том, кто я такой. И все ее поведение точно совпадало с ее мыслями. Никакого скрытого подтекста, честно говорит ровно то, что думает. У человеческих девушек подобное встречается, правда, редко. Аристократок с детства приучают врать, так что к моменту появления в моем гареме эти девчушки уже умеют думать одно, делать другое, а изображать

третье. Но для эльфийки из Высокого Дома подобное поведение — чудо.

Может, она, действительно, оказалась генетической ошибкой? Внезапным напоминанием, что темные и светлые эльфы когда-то были единой расой? Хотя скорее, банально кто-то из предков согрешил с иллитари, а потом перевел указатели на более дальнее родство. На это можно с успехом свалить ее ментальный дар, если он еще остался. Но вот ее честный взгляд и полное соответствие действий и мыслей откуда? Эльфы, даже серо-буро-малиновые, лгут, как дышат. А тут...

Кстати, о даре...

Я целенаправленно громко подумал фразу, которую смог бы уловить любой начинающий ментальный маг, и девчонка тут же попалась. Значит, дар — есть. Абы кому такой сюрприз уже не подложишь, дарить придется продуманно, первоначально приучив есть с рук.

Тут мое инкогнито было раскрыто одной из местных русалок, и я со вздохом приготовился к тому, что сейчас поведение эльфийской леди резко изменится. Но ничего подобного не произошло. Так что я, тихо посмеиваясь про себя над бедным Ррашшардом, даже посоветовал ей, где найти хороший малинник. И тут девчонка меня удивила. Про недоизнасилованного арахнида я думал на втором уровне и совершенно нецеленаправленно, но она уловила мои мысли! Образ Ила в портретной рамке снова появился, только теперь он стоял с хмурым лицом и настойчиво размахивая флагом с надписью большими буквами: «ИЗОЛИРОВАТЬ!».

К сожалению, попытки покушения были не такой уж редкостью, но обычно жертв с ментальным внушением на мое убийство удавалось спасти и обезвредить, а добровольных фанатичек вычислить еще на подступах к гарему. Тут же было что-то непонятное. Один внезапно появившейся в моем гареме, в качестве «подарка» от светлых эльфов, неучтенный ментальный маг такой силы уже вызывал подозрения. А уж с учетом криво наложенного заклинания, под которым можно было припрятать все, что угодно... Например, ментальное внушение еще более сильного мага. Сильнее, чем арахниды и я...

Нет, последнее уже точно паранойя. Особенно, если предположить, что второй маг — тоже неучтенный... Гораздо спокойнее жить в уверенности, что ты знаешь и внимательно следишь за всеми, кто тебя не слишком любит.

Хотя меня, вообще, мало кто любит, ведь я могу залезть в любую голову, узнать самые сокровенные мысли, прочувствовать запряганные на самое дно подсознания желания. Почему-то все уверены, что мне больше делать нечего, только копаться в чужих мозгах... Тут в своих иногда порядок не навести!

Но, черт побери, у меня нет никаких гарантий, что ментальный маг в моем гареме не занимается именно этим. Ведь крутится она именно на темной половине, чьи обитательницы знают меня гораздо лучше. Но больше всего меня беспокоил уровень силы...

Где от меня прятали эту девчонку? Почему я не заметил ее раньше?

Для контрольной проверки я выдал на нескольких уровнях сразу три разных фразы одновременно. И, черт побери, эта куколка их все услышала! Да, хорошо, что я сюда не речь на совете продумывать пришел, а проветриваться после нескучной ночи...

Но, прежде чем присылать в гарем отряд арахнидов, чтобы препроводить высокую леди в гости к Илуватору, я решил еще пообщаться... Как это ни странно, но с ней было весело.

И тут она меня огорошила очень интересной формой амнезии — искренней верой, что ее перенесло кнам из другого мира, и поэтому она ничего не помнит. У нее даже четкие

визуальные картинки в голове из прошлой жизни были!

Чисто сделано! Даже я бы настолько идеально не сработал. Странные железные монстры, огромные высокие замки в безумно большом количестве, толпы людей, не совсем привычно одетых... У кого такое большое воображение, интересно?! Не у магенка же эльфийского, который потом все это запрятывал под своим неумелым заклятьем?

Параноя сделала стойку, но опыт предположил, что в милой беседе я узнаю гораздо больше, чем в пыточной. Девчонка была настроена довольно дружелюбно и, главное, щебетала совершенно искренне. Зачем же зря ребенка запугивать? Не была она похожа на фанатичку — я ее на всех доступных мне уровнях просканировал. И артефакта на ней защитного не было, я бы его заметил.

А ее святая внутренняя уверенность, что она уже взрослая женщина, меня даже повеселила. Все в ее поведении просто кричало о практически детской наивности, но переводить эльфийский возраст, хотя бы на примерный человеческий, я так до сих пор и не научился. Надо будет завтра эту милую крошку показать Илу, взяв с него честное слово, что он ее никуда пока изолировать не будет.

В очередной раз изучив мелкокостные прелести, я полюбовался на довольно большую для ее расы грудь, оценил красивый переход от тонкой талии к округлым бедрам... Нет, фигурка была очень даже... половозрелая такая фигурка... выгодно отличающаяся от классических эльфийских канонов красоты. Может, ее родственница согрешила не с иллитари, а с человеком?

В любом случае, наблюдение за этим чудом надо усилить и завтра обязательно показать ее Илу... Как-то так, не очень навязчиво.

Я был уверен, что на следующий день снова споткнусь о загорающее тело чуть ли не на рассвете. Амнезия — амнезией, наивность — наивностью, но во всем остальном леди Диндэниэль вела себя как обычная девушка. И предсказуемо, должна была заявиться на озеро, чтобы поджидать меня. Конечно, моему мужскому самолюбию вчера польстило, что оценивался я не только как Властелин. Но все равно именно это потом станет самым главным. Так всегда происходит.

Уговорить Илуватора, не устраивать захват одной маленькой эльфийки целым седешшером арахнидов, ожидаемо оказалось довольно сложно. Даже мои подшучивания на тему того, почему он затребовал всего лишь шестнадцать воинов, а не целый центушшер из ста двадцати восьми, его не смутили. Но, в итоге, Ил смирился и согласился лишь еще больше усилить слежку. Так что теперь эльфочка даже чихнуть спокойно не сможет без того, чтобы из-за кустов ей на восемь голосов не пожелали доброго здоровья.

Выяснив, что леди Диндэниэль вместо прекрасной возможности прогуляться и позагорать, проводит время на занятиях, о которых так нелестно отзывалась, я приказал их на следующий день отменить и ушел заниматься своими делами.

Но на следующее утро красотка снова не явилась... Ее совершенно нетипичное, непредсказуемое поведение сработало как вызов. Во мне внезапно зашевелился давно уже не проявляющийся охотничий инстинкт и любопытство.

Вечером я выделил полчаса, чтобы разобрать отчеты Рраушшаны и шпионов Илуватора. Картинка складывалась интересная... Девица, действительно, была со странностями и вела себя очень нетипично для эльфийки. Мало того, «младшие братья», которым я тоже поручил наблюдать за подозрительной леди, нашептали, что та после разговора со мной долго смеялась, хотя ей было совсем невесело. А потом «старшая сестра» вылила на нее ведро

холодной воды. Отчитывающийся мне малыш даже лапами нервно тряс, пересказывая такие ужасы.

Хм... Судя по всему, у высокой леди случилась истерика. Интересно, что именно в разговоре со мной довело ее до такого состояния?

Главное, больше ничего необычного не происходило, если забыть о том, что вообще все, вытворяемое этой высокой леди, довольно необычно, причем как-то так... Обычность с налетом необычности.

Например, полдня сидела в комнате и шила. Обычно? Да. Только зачем ей дополнительные внутренние карманы? Проводит все дни, болтая с подругой. Обычно? Да! Только эта подруга — арахнид.

В разговоре с леди я уловил, что у нее произошел какой-то мелкий конфликт с девушками из светлой половины гарема, но все это промелькнуло у нее в голове довольно быстро, а я не стал заострять на этом внимание. Предупредил Рраушшану, чтобы лучше следила за порядком и все.

Но не со всей же светлой половиной она переругалась?

Опять же, косметика — нормально, естественно... Но не самим же делать?! И зачем они самогонный аппарат обсуждали, да еще такой примитивный? Попросили бы... Нет, аппарат им бы не принесли, но если хочется выпить что-то покрепче цветочного нектара и фруктового сидра, то почему... Почему просто не попросить?! Одни загадки.

Не удивительно, что третий рассвет я снова встретил у озера. Я и раньше любил гулять по саду, время от времени, это очень помогало отдышаться, проветрить голову. Не думаю, что кто-то заметит, как их повелитель зачастил бродить в одном и том же месте.

Но и на третий день этой странной девчонки не оказалось. А у меня сегодня делегация... важная, черт побери!

Кстати, я уже подписал Илуватору, в качестве компенсации за нервный стресс, разрешение допросить с пристрастием управляющего четвертым эльфийским поселением, его жену и, главное, недомагеньша этого. Последнего даже разрешил забрать в подземелье, если очень захочется.

Весь день мне совершенно было не до странной эльфийки. Я бы еще о многом позабыл, если бы не мой секретарь. Сумасшедший дом, а не жизнь... Зато завтра пристрою черноволосую пыщечку. Я ее, правда, слегка обманул — будущий муж пока еще не король и даже не наследный принц, но потенциал у парня мне нравится. И мыслит он гораздо шире, чем его старший братец, так что встречусь лично, оценю, взвешу... Ну и, скорее всего, сделаем небольшую рокировку с помощью ребят Ила, без шума, но с намеком на мое благословение. И главным намеком будет то, что будущая королева из моих «воспитанниц». Возможно, только этого окажется достаточно, чтобы король-отец сам изменил последовательность среди наследников, и нам даже вмешиваться не понадобится.

А перед ужином у меня, внезапно, образовалось свободное время, и я... совершенно неосознанно зачем-то пошел прогуляться в сад. «Младшие братья» радостно зашелестели, перебирая лапками и забрасывая в мою голову странные картинки непонятного поведения моей загадочной наложницы. Нет, черт побери, это уже совершенно... детство какое-то... Леди на персиковом дереве! Да в гарем фрукты мешками телепортируют! Зачем на дерево-то лезть?

Надо заметить, под дерево я успел очень вовремя...

Одуванчик-12

Как я удачно... не убила. Об властелина. Ловкий малый и сильный или просто натренированный падающих дев ловить. А еще мне показалось, что прежде чем шмякнуться на невезучего правителя, я словно бы на секунду зависла в воздухе и дальше опускалась гораздо медленнее.

Но персик я уронила и тунику разорвала на плече, а потому оказалась у мужчины на руках в самом непотребном виде: сладкая, липкая, мокрая и интригующе полураздетая.

— Здравствуйте... — ляпнула я от растерянности, разглядывая своего спасителя снизу вверх. Хи, а у него щетина... уже заметная, как у нормального живого мужика под вечер. Интересно, колючая? Нет, щупать не буду, нафиг, как говорит внучка.

— Последнее время в моем саду стало очень опасно прогуливаться. То об обнажённых девушек спотыкаешься, то они же прямо с деревьев на тебя падают, — осуждающим тоном отчитал меня властелин, но было понятно, что он изо всех сил старается не улыбнуться. Ответить я не успела, потому как сей индивид вдруг принялся, нахмурился, задрал голову, оценил расстояние... еще больше нахмурился.

— Вы решили, что умеете летать, леди? Или надеялись прилипнуть к стволу дерева намертво? — начал уже серьезно выговаривать мужчина, но при этом еще крепче прижал меня к своему бархатному жилету.

Вообще, повелитель в этот раз был наряжен, как на бал, только без камзола — рубашка шелковая, жилет, галстук заколот булавкой с жемчужным навершием... штанов мне видно не было, да и, вообще, вдруг подумалось, что оценивать наряд ругающегося мужчины, который тебя тискает — не самое умное занятие.

— Спасибо, что поймали, Повелитель! — вежливость прежде всего. И поерзала, намекая, что уже можно и того... отпустить. — Нет, летать я не умею, а вот лазаю хорошо. Просто сглупила от жадности, надо было сначала слезть, а потом есть.

— Разве вас в гаремной столовой не угощают персиками? — осведомился спаситель, задумчиво оглядев мое липкое лицо.

Потом взгляд его опустился ниже, он хмыкнул, развернулся и потопал куда-то прямо сквозь заросли, даже не подумав отпустить меня.

Я и пискнуть не успела, не только ответить, что ТАКИХ персиков нигде нет. Спелых, прямо с дерева. А потому смирилась и решила расслабиться и посмотреть, куда он меня тащит.

Оказалось — к озеру. Ну, учитывая персиковый сок по всему телу — логично. И вроде не опасно. Хотя чувство опасности давно молчало, как пристукнутое.

— Значит такими — не угощают? — вот же мозготец на мою голову...

Ну и чего мы стоим теперь на берегу, смотрим то на воду, то на меня, то на свой галстук, основательно заляпанный персиковым соком? Может, постирать ему?

Ох, и прищур у него стал хитрый... прямо как у Лешки на пляже, когда он подбирался ко мне, разомлевшей на солнышке, с полной резиновой шапочкой воды...

Точно. Угадала. Никто меня не отпустил, наоборот, ненормальный властелин зашагал в воду, как был, в одежде и с грузом. Зашел по пояс и ка-ак бултыхнет меня в озеро, да с размаху! А сам следом нырнул.

Это я поняла по плеску, и по тому, что когда я, отфыркиваясь как кит, всплыла на поверхность, его властелинство тоже вынырнул метра в трех.

Клянусь, не было у меня никакого умысла, чистый рефлекс. Взяла и окатила его целым веером сверкающих в закатном солнце капель — уж что-что, а брызгаться меня дети и муж

ух как натренировали.

Повелитель не растерялся и ответил тем же. Короче, стирать его галстук мне не пришлось. Мы так бултыхались, бесились и брызгались, хохоча при этом в голос, что отстиралось наверняка все, вплоть до трусов и носков. Хулиганистый правитель еще и нырнул, чтобы под водой меня за ногу дернуть. Пришлось брыкаться.

В какой-то момент я поняла, что брызгается и ныряет он гораздо круче меня, и кинулась наутек. Ага, убежала одна такая. Меня тут же настигли, сгребли в охапку и... поцеловали.

Жадно, страстно, властно... ничуть не сомневаясь в собственном праве продолжить прямо вот тут, не сходя с пляжа. Хотя чего ему сомневаться-то? И мне отбиваться вроде как некрасиво — приняла же я спокойно саму мысль о гареме и наложницах? Поздно строить из себя недотрогу. Назвался груздем... теперь не отлынивай, как говорится.

К тому же, будем честными сами с собой. Целуется этот гад фантастически!

Слава богу, в воде меня никто не стал... проверять на гаремную профпригодность. Вытащил на берег, раздел, сам разделся, раскидывая наши тряпки вокруг. Я успела только мысленно охнуть, представив налипший на мои трусики песок, и тут заметила, что фрагменты гардероба не падают на землю, а висают в воздухе на разной высоте. Ух ты, вот она, магия!

Пока я любовалась волшебством и даже тянула лапки, чтобы подергать зависший поблизости повелительский галстук, мужик времени не терял. Меня снова сграбастали, недвусмысленно прижали к себе и поцеловали. Офигительно просто поцеловали, и вообще... непонятно мне, если тело у эльфиек такое чувствительное к ласке, какого черта они носом крутят и в обморок падают?

Но я сама, несмотря на весьма приятные ощущения, все время отвлекалась. Потому что четко слышала, как его темнейшее что-то такое замысловатое скомандовал в направлении ближайших зарослей. И там уже довольно долго шебуршало. Прямо у меня за спиной. А этот маньяк обернуться и посмотреть не давал. Сначала я думала, что просто увлекся, потом поняла — специально отворачивает!

Ну, я выждала момент и оглянулась, любопытно же, страх как!

М-да... столько пауков сразу я в жизни не видела. Целая тысяча, наверное, суетились на песке, метались, перебирали лапами и... плели паутину! Натуральное паутинное покрывало или даже почти матрас.

Я перестала выворачиваться и посмотрела на повелителя с уважением. Молоток парень, желание желанием, а об удобствах и гигиене не забыл. Эх, что-то я не очень уважительно начала думать о местном великом и ужасном государе всего мира. Без должного пиетета...

Мироуправитель рассмеялся, похоже ничуть не обидевшись даже на «парня». И, подхватив меня на руки, тут же опустил на свежесотканную подстилку. После чего дал волю рукам, одной лаская мою грудь, а второй между ног...

Эльфийские леди — дуры набитые... Ведь возбуждение — очень приятное чувство. И... не то чтобы совсем позабытое, но настолько ярких ощущений у меня уже давно не было. А еще поцелуи, поцелуи, само собой, все такие же жадные и нетерпеливые.

Вообще, хотя мне все нравилось, было понятно, что прелюдию мужик затеял так, для отмазки, и его гораздо больше интересует возможность побыстрее удовлетворить собственные желания. И желают сейчас не меня, а мое тело.

Не то чтобы я была против, но как-то обидно, что ли. Нет, не по поводу того, что я ему как человек не интересна. Глупости все это... Я его как... эм... человека? тоже не очень

хорошо знаю. Просто эльфийская дева из меня निकудышная... в смысле, лежать спокойно я и в прошлой жизни не умела.

Поймав момент, я вывернулась из-под властелина. Но не для того чтобы убежать или отбиться, а для того чтобы самой... скажем так, напасть. С улыбкой подтолкнула повелителя на матрас и устроилась сверху.

Похоже, кто-то всю дорогу жульничает — в том плане, что все мои мысли становились известны властелину чуть ли не раньше, чем мне самой. Потому как он спокойно лег на спину и даже подхватил меня под бедра, помогая устроиться удобнее. И разулыба-ался, свол... кхм.

Я подвигалась, всем телом ощутив под собой очень даже готового к подвигам мужчину. Ничего, зато теперь можно самой регулировать, когда, куда и как. Правда, кто-то сразу начал хулиганить и тянуть руки. Но тянул приятно, по делу. Прошелся ладонями по груди, задевая соски и вызывая этими прикосновениями целую толпу сладких мурашек по всему телу, большими пальцами обеих рук погладил у меня между раздвинутых ног, заставив выгнуться и невнятно застонать сквозь зубы. Ну, так я тоже умею.

Наклониться, поцеловать, погладить... поерзать, каждой клеточкой тела ощущая под собой его напрягшийся член.

Черт, это все вернувшаяся молодость виновата, или просто эльфийское тело НАСТОЛЬКО чувствительное? Да я же его сейчас сама изнасилую самым зверским образом. Какая, нафиг, прелюдия?!

Когда я успела так раздухариться-то?

Не раздумывая больше, я чуть приподнялась и опустилась прямо на гордо вставший ствол. Медленно, изо всех сил сдерживая нетерпение.

Ну и все. В какой-то момент весь мой самоконтроль помахал ручкой и улетучился. Застеснялся, наверное, потому как трахались мы, прости господи, точно как два бешеных кролика...

А я виновата? Мне такой шикарный мужик впервые за обе жизни попался! Мало того, что двигался как-то очень удачно в такт, словно угадывая малейшие нюансы моих ощущений... хотя почему словно? Угадывая! Мало того, что тянулся и гладил, ласкал, даже легонько прикусывал кожу именно там и тогда, когда мне этого больше всего хотелось... да вообще, так бы и съела всего!

У меня мозги совсем выключились, на смену им пришли зверское желание и непревзойденная чувствительность. Может, я и не властелин, мыслей читать не умею, но, черт побери! Судя по тому, что стонали мы в унисон, я тоже не дура была точно угадать, что именно ему нравится!

Затрудняюсь сказать, сколько раз мы того... больше двух — это точно. Сначала я сверху, потом я снизу, потом... угу, он сзади — классика камасутры, короче. Когда я слегка отдышалась и опомнилась, уже почти стемнело.

Властелин расслабленно лежал на паучьем матрасике, я прикорнула рядышком, положив голову ему на грудь. Потом приподнялась, легонько и благодарно чмокнула его в губы и пошла в озеро. Надо немного прийти в себя...

Плескалась я минут десять, а когда вышла из воды, о внезапной оргии на берегу уже ничего не напоминало. Повелитель сидел полностью одетый, матрасик исчез, и даже моя туника оказалась сухой и целой. Порванное плечо стянули тонюсенькой, но на диво прочной паутинкой.

Он молча протянул мне руку, и мы пошли... И опять в унисон, нам обоим почему-то не хотелось разговаривать. Не знаю, как он мое, а я это его желание ощущала всем естеством и была полностью согласна.

Вот и развилка. Направо — это к западной стене, к домикам темных. Прямо — к арке в светлое отделение гарема.

— Вас проводить до светлой башни или до дома подруги? — первым нарушил мужчина наш заговор молчания. И я опять почувствовала, что он проводит, если я попрошу, но почему-то не горит желанием идти на светлую территорию. А к Ришшике сейчас не хотелось мне. Честно говоря, сейчас бы одной побыть. И поспа-ать!

— Не нужно, — я сопроводила свои слова мягкой улыбкой. — Тут уже совсем близко, — и добавила, потянувшись с легким поцелуем: — Это было потрясающе. Спасибо.

Похоже, я опять сделала что-то неожиданное, потому что он удивился. Но так, мимолетно, а потом улыбнулся в ответ:

— И вам спасибо, леди! Вы правы, это было действительно потрясающе, — властелин галантно поцеловал мне руку, развернулся и удалился куда-то в сторону Ришшикиного дома.

А я шла по тропинке и лениво размышляла. Оно, конечно, было действительно здорово. Но, как всегда это и бывает, по прошествии времени вдруг включается мозг и начинает задавать всякие неудобные вопросы. Типа о чем или, точнее, чем я думала? А если бы эльфийское тело было девственным? Вот тогда бы мне мало не показалось... Но я ведь даже не вспомнила о такой возможности! Забыла, понимаешь, баба, як дивкой була.

Интересно, а у моей предшественницы уже был опыт, или, как писали наши фэнтэзёрши, у эльфов такой анатомической приبلуды нет вообще?

Ох... а беременность?! Вот же черт! Нет, ну дура старая, у тебя же климакс был в другом мире, а тут опять, блин, все радости материнства на своем месте! Властелин, чтоб он был здоров, если и предохранялся, то исключительно как-нибудь магически и изнутри. Н-да... вот что молодые гормоны со старыми-то мозгами делают.

Утешало одно — за прошедшее время в гареме мне на глаза не попала ни одна беременная наложница. Так что даст бог — пронесет. Нет, я ничего не имею против детей. Но не от малознакомого властелина. И, вообще, желательно бы не от властелина, а от нормального мужика без имперских заморочек. Потому как потрясный секс — это одно, а семья и дети — малость другое. Тут у меня опыта более чем достаточно.

Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. Может, наш верховный коллекционер, сняв с новенькой пробу, завтра же забудет, как меня зовут, и отдаст замуж за тролля. А если нет — ну спрошу в следующий раз, как тут принято предохраняться, язык не отвалится.

Я здесь пока на птичьих правах, ни дома, ни определенности. Не то чтобы меня оно сильно тяготило, но это пока детей нет. Так чтождемся тролля, а там уже будем о потомстве рассуждать.

За этими размышлениями я прошла уже половину пути до арки, когда чуткие эльфийские ушки уловили сзади приближающийся шорох, но обернуться не успела.

— Вам плохо? Грау? — ох, я чуть не села на дорожку, когда из темноты соткался мальчик-паучок. Ррашшард. Какой-то слегка встрепанный, и с застрявшими в роскошной вороной гриве сухими листьями. Н-да, так и Кондратия в гости заполучить недолго.

— Ты чего подкрадываешься? — слабым голосом выдавила я, переводя дыхание. С перепугу забыв о всякой там вежливости и перейдя на “ты”.

Внезапное чудо сделало большие глаза:

— Простите? Обычно ушас.... леди эльфийки слышат наше приближение, — он подошел поближе и поставил к моим ногам корзинку, полную... тех самых персиков. У-ух! Как-то сразу вспомнилось, что из озера пить я не рискнула, и теперь во рту пустыня Сахара. — Я не хотел пугать.

— Я тебя слышала, но все равно это было неожиданно. Ладно, забудь, — я мысленно впила зубами в пушистый бочок самого верхнего персика и едва не застонала от вожделения — со-о-ок! Но постаралась сглотнуть как можно незаметнее и спросила:

— Ты чего тут гуляешь? Для О`Рении фруктов набрал?

— О`Рения? — он издал какой-то непередаваемый паучий стрёкот, за которым мне почудилась легкая виноватость. — Нет. Для водяной малину надо. А персиков ты хотела.

— О, так это мне? Спасибо! Только куда мне так много, — я широко развела руками. Корзинка действительно была немаленькой. — Я же не унесу... давай пополам?

— Я донесу. Не проблема, — паук, то есть мужик сделал непрошибаемую физиономию.

— Да не в этом дело! — смех и грех, а не арахнид. Я же чувствую, хотя сама не понимаю как, что его интерес ко мне, он... совершенно определенного рода, но при этом совсем, вот ни капли не агрессивный. — Просто как-то неудобно есть в одиночку.

Во время этого разговора мы медленно шли в сторону арки, и Ррашшард, как и обещал, нес свое персиковое подношение в руках. А еще я заметила, что у него по брюшку тоже разложены спелые плоды, которые держались как приклеенные и никуда не скатывались, так плавно он двигался. Но когда я сказала, что не хочу есть персики одна, парень оживился:

— Мне нельзя к тебе в покои, аррграу не разрешает, — выдал он с сожалением в голосе, а потом я просто кожей почувствовала, как паука озарило новой идеей, и он предложил: — Если хочешь со мной, можно в дальней беседке!

— Эм... — здрасте, приехали. Сегодня что, день сексуальных подвигов? Нет, это не ко мне!

— Знаешь, персики поест можно и на ходу, хотя потом придется отмываться. Или ты имеешь в виду что-то другое? — и улыбнулась, отдавая должное забавной ситуации. Именно забавной.

Что там властелин говорил про ментального мага какого-то уровня? Не помню, зато точно знаю — паучок будет носить мне персики и провожать до арки, но пока я сама недвусмысленно не приглашу его к сближению, — он ничего большего себе не позволит. Может, у пауков так принято?

Ррашшард, между тем, как-то сник и зафонил на всю округу смиренным огорчением:

— Ты тоже хочешь в воде, да?

— Нет, я не хочу в воде, — сдавленно хрюкнула и споткнулась. — Я вообще не хочу. Спасибо за персики, конечно, но тут такое дело... Ты знаешь, что такое моральные принципы?

— Да, — немного подумав, подтвердил паучок. — Но арргросс с тобой уже был! — мне подарили радостную улыбку. — Не волнуйся, теперь можно.

— О как! — я снова слегка озадачилась. — Это, конечно, здорово, что можно. Только у меня моральные принципы — не просто моральные принципы, а прямо звери какие-то! — главное, теперь не рассмеяться. — И они мне говорят, что с двумя одновременно — нехорошо. Я с арргроссом вот буквально только что... а ты с русалкой. Кстати, она переживает и скучает.

— Устала, да? — Ррашшард наклонился и участливо заглянул мне в лицо. — Да, арргросс сильный самец! — выдано было с искренним восхищением. — А О`рению я завтра покормлю, не волнуйся.

— Во-первых, действительно устала, — объясняться с пауком, преодолевая зевоту и спотыкаясь через шаг, было трудно, но возможно. — Во-вторых, не привыкла так часто менять мужчин. В третьих, по-моему, О`Рения скучает не только по кормежке, но и просто по тебе. Ты ей нравишься. А я никогда не беру чужого, — надеюсь, он уловил то, что я имела в виду.

Не-а, не уловил. Мужик, скрипичный ключ ему... в лапы.

— Менять мужчин? — смех у него был негромким и немного шуршащим, с легкими нотками приятного скрипа. — Ты не можешь поменять арргросса. Он — не твой мужчина, глупенькая, — да-да, я оценила и добрую улыбку, и утешающие нотки в голосе, и ментальное сочувствие. — Не расстраивайся. Многие до тебя тоже так думали.

Ррашшард остановился и дёрнул брюшком так, что персики откатились вбок, чудом остановившись на самом краю, и опять словно приклеились.

— Садись, я довезу. Ты совсем устала.

— Он, конечно, не мой, — согласилась я, понимая, что смех пробивается даже сквозь усталость. — Но я-то его. И поэтому давай лучше не будем никуда торопиться. А тебе не влетит за то, что подвезешь? Аррграу — дама серьезная.

— Теперь нет, — заявил он уверенно. — Я не пойду в твою комнату. Только до двери.

— Тогда вези! — согласилась я и влезла на пушистое брюшко.

Но при этом старательно избегала его чувствительных коленок, которые с таким вкусом расписывала О`Рения и не пыталась сесть верхом. А то, кто его знает, воспримет еще как заигрывания... Я его и так, бедолагу, всего облапала по дороге. Вот он и обнадежился. Нет, надо ему о русалке напомнить, и пусть сливаются в счастливом экстазе.

— Кстати, насчет того, что повелитель не мой... Ты-то встречаешься с О`Ренией, она не будет ревновать, что ты мне персики даришь и на спине катаешь?

— Я же арргер, а не властелин. Зачем меня ревновать? — пожал он плечами. — Да и грау О`Ренья — русалка, у нас не может быть потомства.

— А что, ревновать можно только властелина? — поневоле заинтересовалась я. — У нас с тобой тоже вроде как не может, или я что-то путаю?

— Арргросс велик. Любая будет счастлива стать хозяйкой его гнезда, ведь его гнездо — весь мир! — ого, как у него глаза-то загорелись. Истинный фанат властелина, надо же. А про русалку мимо ушей пропустил, поросенок.

Тут он осознал вторую часть моей фразы и удивленно переспросил:

— А ты хочешь размножаться? У тебя уже сезон, да?

Я чуть с брюшка не упала. Хоть плачь, хоть смейся, ей богу! О волке речь, так волк навстречь. Только размножаться мне сейчас не хватало для полного счастья!

— Нет, у меня не сезон, это точно. А насчет арргросса я с тобой согласна, он велик, и все такое. Просто я ему не подхожу. У меня с гнездованием проблемы.

Ррашшард обернулся, поморгал на меня своими роскошными ресницами и нахмурился:

— О повелителе нельзя говорить с таким пренебрежением, — тут он задумался и сам себе кивнул головой. — Ты слишком устала.

— Устала — это мягко сказано, — подтвердила я. — А насчет пренебрежения — ты не прав. Я его глубоко уважаю и даже восхищаюсь. Отличный повелитель, повезло нам.

Паук радостно просиял и успокоился. А я вдруг отчаянно зевнула, прикрывая рот ладонью. Нотки-линейки, как же я действительно устала... Хорошо, что Ррашшард больше ни о чем не спрашивал, топал себе и топал, сначала по дорожке, потом по лестнице, кажется... или прямо по стене... я в какой-то момент самым бессовестным образом отрубилась.

Разбудили меня у входной занавески, вручили корзину, потом те персики, которыми было художественно декорировано брюшко, и пожелали спокойной ночи. Я даже спасибо сказать не успела, а это чудо восьминое уже растворилось в воздухе.

Одуванчик-13

Следующим утром меня разбудил пронзительный визг. Кто-то самозабвенно тренировал голосовые связки прямо у меня под дверью. Недоуменно моргая спросонья и болезненно морщась, я сползла с кровати и босиком дошлепала до выхода. Отдернула занавеску и с искренним негодованием устала на композицию из корзины с фруктами, орущей девчонки и крупного, с мой кулак, мохнатого паука.

Паук тоже был недоволен. Он сердито нахохлился на плетеной из лозы ручке, обхватив ее всеми восемью лапами, и напряженно сверлил незваную вокалистку четырьмя парами глаз. Поперек упитанного плюшевого брюшка был повязан кокетливый розовый бантик, потрясающе выглядывавший в глянцевой черной шерстке. Мечта эмо-арахнофила...

Оценив широко раскрытый рот крикуньи и ее отчаянно зажмуренные глаза, я молча вернулась в комнату, набрала полный горшок холодной воды из-под крана и выплеснула его прямо в лицо незваному будильнику.

Девчонка захлебнулась и замолчала, высунувшиеся из всех дверей любопытные головы мгновенно попрятались обратно, а паук, как мне показалось, облегченно вздохнул.

На всякий случай я быстро затащила корзину в комнату, вместе с пауком и его бантиком, так что, когда девица открыла глаза, травмирующий фактор исчез, а у нее перед носом оказалось протянутое мной полотенце.

— Испугалась? — участливо спросила я, сама вытирая ей лицо, потому что крикунья впала в ступор.

Я успела хорошенько пройтись по ее физиономии тряпкой и даже промокнуть сосульки волос, пока она, наконец, не пришла в себя. Совсем молоденькая человеческая девушка вспыхнула, выдернула у меня из рук полотенце и убежала куда-то в дальнюю от лестницы комнату.

Я только вздохнула. Напугали ребенка... Теперь она еще возьмет и разобидится на весь свет в целом и на меня персонально. Надо как-то потом успокоить девочку.

Паучище сидел на ручке корзинки и фонил на всю комнату унынием и недовольством. Причем больше всего ему не нравился противный бант, перетянувший паучье брюшко. Я сжалилась над несчастным и первым делом развязала несуразное украшение. На меня благодарно моргнули, перебрались из корзины мне на ладонь, пушисто щекоча ее мохнатыми лапками, и отчетливо показали картинку:

“Рашшард собирает виноград и персики. Рашшард снимает со здоровенной, как рыбачья сеть, паутины, посланника. Рашшард завязывает бантик... Рашшард прыгает по лужайке и трясет лапой, в которую бульдогом вцепился подросток до размеров футбольного мяча паук в бантике”.

Как я поняла, последний образ был исключительно в мечтах у обиженного «младшего брата». Цапнуть «старшего» наяву он не решился. Но очень хотел! Мало того, что у него

шикарная муха осталась недоеденная, и ее обязательно кто-то уже свистнул за отсутствием хозяина, так еще эта мерзкая завязка!

Но хороший и дисциплинированный «младший брат» честно охранял невкусные части растений для понравившейся «старшему» самки и теперь очень надеялся на то, что его отнесут обратно в сад.

Я прикинула варианты. До завтрака уже не успею. Пришлось договариваться с посланником: он сидит в комнате и ждет, пока я освобожусь. Зато потом я отнесу его не просто в сад, а туда, где осталась его паутина. Судя по всему, лень была изобретена не людьми. Мне удалось уловить несколько картинок, в которых паучок прикидывал, сколько времени придется топтать по мраморным дорожкам гарема, а потом через траву по саду. После чего он сразу согласился ждать — моими двумя ногами до его паутины было гораздо ближе, чем его восемью.

Но планы опять пришлось менять. После завтрака всех девушек задержали в столовой и объявили, что сегодня в гареме будет особый гость, которому Господин даровал право выбрать себе первую жену из обитательниц гарема. По такому случаю занятий не будет, а будет, как я поняла, большой кипиш и смотрины. Пока все могут идти к себе и привести себя в порядок.

Оживление возникло почему-то только среди человеческих девчонок. Похоже, нечеловечки знали несколько больше, и это «больше» их не вдохновляло. А может, они вообще не хотели замуж, кто их разберет. В любом случае, я постаралась покинуть столовую одной из первых. И через ступеньку помчалась к себе наверх.

Марафет навести я всегда успею, а сейчас надо выполнять обещание. Неизвестно, когда эти смотрины закончатся, а главное чем. Я не льщу себя надеждой на собственную неотразимость, но мысли о том, что после снятия «пробы» повелитель до сих пор имел обыкновение быстро пристраивать эльфиек замуж за троллей, никуда не делись. Вдруг это по мою душу гость? Какой-нибудь особо важный тролль?

Не спорю, секс был потрясающим. Но это, как говорится, не повод для знакомства, особенно со стороны мужчины. Я даже имени его до сих пор не знаю. Он и не подумал представиться, не перед тем, как устроить игры кроликов на бережку, ни после. Так что никаких иллюзий. Немного беспокоит то, что здесь я уже немного обвыклась, нашла подругу, а как там замужем будет, неизвестно. Но после того, как я умерла и попала в чужой мир, троллями меня уже не напугать. Приспособлюсь.

К арке я добралась бегом — не хотела, чтобы мое отсутствие заметили. Но обещание — есть обещание, и, руководствуясь мысленными указаниями паука, я отправилась искать его паутину. Нашлась она, как назло, в самом дальнем углу, у стены, причем пришлось помучиться, чтобы до нее добраться. Чтобы я еще раз пообещала транспортировку до квартиры!

Наконец, черненький посланник повис в самой середине своей ловчей сети, попеременно фонтанируя то благодарными образами, то недовольными ментальными воплями по поводу выпитой ушлыми собратями утренней мухи. Я оставила его разбираться с хозяйством и поспешила обратно в гарем.

Торопиться вредно, в этом я давно убедилась. А тут забыла. Ну и вляпалась. Сразу, как только выскочила из-под арки. Резкий тычок в спину чуть не уронил меня на мраморную дорожку, а когда я взмахнула руками, чтобы удержать равновесие, и попробовала обернуться, получила тычок с другой стороны.

Их было пятеро, молоденьких девчонок, человечек. И они моментально прижали меня к стене, не давая опомниться. Я не слишком сильно испугалась, как-то не верилось, что сейчас меня начнут убивать. Но все равно это было неожиданно и неприятно.

— Ну что, шпионка, попалась? А еще немой притворялась, гадина! — злорадно выдохнула мне в лицо та самая крикунья, которой я сегодня собственноручно вытирала мокрое личико. Эх, так и думала, что добром оно не кончится... И про немоту свою напрочь забыла. В гареме-то общаться мне было не с кем особенно. А на уроках так привыкла помалкивать и отвечать письменно, что меня уже и не спрашивали.

— Шляешься к темным, подачки выпрашиваешь? Хочешь к повелителю в постель побыстрее пролезть?

Я невольно фыркнула. Да уж, злобные девчонки угадали про постель и повелителя, вот только моего мнения никто не спрашивал... и о том, что надо было в очередь становиться — не предупреждал.

— Она еще и смеется! — громко возмутилась вторая агрессорша и воинственно уперла руки в боки. — Чтобы мы тебя здесь больше не видели, поняла, эпоква? Нечего тебе в саду делать, сиди там, где все сидят, и не высовывайся!

Спорить с маленькими озверелыми дурочками сейчас было совершенно бесполезно. Драться тоже не выход — их пятеро, а мое кун-фу действует только на пианино. Даже гитары под рукой нет, ею, наверное, можно было бы и отбиться. Хотя нет, еще покалечила бы кого-нибудь... идиотская ситуация.

Девчонки, между тем, распались и обступали меня все плотнее, размахивая руками и галдя, как целый птичий двор. Н-да, интересно, а если мне сейчас фонарь под глазом поставят, тролль испугается или ему на мою физиономию плевать с высокой пальмы? Пока еще эти козявки ограничивались тем, что старались дернуть меня за платье или за косу, но было понятно, что они постепенно заводят друг друга своими воплями, и скоро станет жарко.

— А ну пошли вон,! — в толпу неожиданно врезался белобрысый вихрь, оттолкнул одну девчонку, вторую, третью как следует хватанул за волосы, четвертую пнул коленкой под круглый зад... Визг, писк и такие шикарные матюки, каких я даже в духовом оркестре Мариинской оперы не слышала. Конечно, все ругательства имели местный колорит, но были вполне понятны по смыслу и однозначно определялись мозгом, как нецензурщина высшей пробы.

Противник был повержен менее чем за две минуты и с возмущенными угрозами еще встретиться разбежался. Только тут обнаружилось, что белобрысый, воинственно настроенный вихрь — не кто иной, как та самая высокая, плечистая девица, которая когда-то в столовой возмущалась моей гипотетической немьтостью. Она тогда еще сразу извинилась и отошла, как только поняла свою ошибку.

Видимо, кулачные бои были для местной валькирии чем-то привычным, да и нецензурные эпитеты, которые она в запале еще какое-то время выкрикивала вслед улепетывающим курицам, звучали в ее устах очень уж органично. Настоящая бой-девка.

Выпустив последнюю гневную тираду вслед позорно бежавшему с поля боя противнику, воинственная дева обернулась ко мне:

— Цела?

— Ага... — кивнула я, отлипая от стеночки. — Большое спасибо! Ты очень вовремя...

— Не благодари, — хмуро отозвалась блондинка. — Мне тоже не нравятся темные и те,

кто любит подлизываться. Но нападать впятером на одного — это подло.

— Да за что ж тебе так темные не нравятся? — я распустила вкривь и вкось истрепанную косу и стала выбирать из волос неизвестно как набившийся туда мусор. Листики, веточки... а-а-а, так меня не просто к стенке прижимали, а к заросшей диким вьюном беседке.

— А за что они мне нравиться должны? Темные, они и есть темные. Одни пауки чего стоят, тьфу... пакость! — блондинку передернуло.

— Ничего не пакость! — мне стало обидно за милых, безобидных созданий. — Вот скажи, если животное маленькое пушистое и с большими глазками, не кусается, не гадит на подушку и не рвет занавесок, разве его можно называть пакостью?

— Это ты про котов, что ли? — невольно заинтересовалась девушка.

Хм, значит, тут и кошки есть. Отложим в копилочку памяти еще один фактик.

— А тебе нравятся котики? — я мельком улыбнулась своей спасительнице, разглядывая порванную на плече тунику. Опять!

— Нравятся, — хмыкнула валькирия, облакачиваясь на ту самую стеночку, к которой только что прижимали меня. — Только ты меня не путай. При чем тут кошки?

Я прошла пару шагов и выглянула в сад. Так... ага... вот ты где! Иди сюда, малыш, тетя тебя не обидит... и скоро вернет на тот самый куст, с которого взяла. Ты такой красивый... у тебя такие лапки... круглое брюшко... да-да, ты, вообще, самый красивый младший брат во всем саду!

Мысленный подхалимаж сработал не хуже словесного. Золотисто-зеленый паучок, толстенький большеглазый и умильный, спокойно расселся у меня на ладони, подобрал короткие пушистые лапки и с любопытством оглядывался. Он был размером с мячик для пинг-понга и такой же круглый. Приятный на ощупь, как цыпленок.

Вот что значит не просто паук, а младший брат. В нашем мире я только мечтала о том, чтобы потискать внучкиного тарантула. Но пальцы в аквариум не совала. У земных пауков “шерсть” — это как иголки у особо пакостного кактуса. Гладить земную няшу все равно, что обниматься со стекловатой — вроде сначала даже пушисто, а потом замучаешься чесаться. Нет, любители все равно гладят, но очень аккуратно. А здешние “братья” покрыты шерстью совсем другого рода. Ришшика часто таскала в руках какого-нибудь особенно пухлявого восьминогого милашку из тех, что жили в виноградных листьях на ее веранде.

— Это ты чего? — с опаской глянула на меня блондинка, когда я вернулась и протянула ей ладонь с паучком. — Брось, ты что! Укусит!

— Да кто тебе такие глупости внушил? — слегка рассердилась я. — Не кусаются они. Ни один паук в этом саду не кусается. — “Если его не обижать”, — добавила мысленно. — Мне Ришшика сказала, а она арахнида, и знает это точно. Ну что ты боишься, как маленькая, посмотри на него внимательно! Разве не прелесть?

— Кто боится? Я ничего не боюсь! — моя незамысловатая хитрость сработала на все сто. Блондинка перестала медленно отступать и встрепенулась, как приготовившийся к бою воробей. Но на паука все равно косилась с опаской.

— Смотри... какой цвет сочный. А шерстка? — я осторожно, мизинчиком, погладила паучью спинку, и все восемь глазок тут же блаженно прижмурились. — Нежная-нежная! Да не шарахайся ты, видишь же, он мирный. Дай руку, если не трусишь.

Ответом мне было возмущенное фырканье и решительно протянутая пятерня с сурово растопыренными пальцами. Я взяла ее за запястье свободной рукой, легонько встряхнула,

заставляя расслабиться, совсем как на уроке фортепьяно, и осторожно поднесла ее палец к слегка напрягшемуся паучку. И погладила им того вдоль брюшка.

— Ну как? Приятно же?

Судя по вытарашенным голубым глазищам и отчаянно закушенной губе, от позорного визга воинственную блондинку удерживали только эта самая воинственность и нешуточная сила воли. Но секунды сыпались в траву одна за другой, паук сидел смирно, а напряженный девичий палец все так же легко скользил по шелковистому золотисто-зеленому меху.

Постепенно валькирия успокоилась, перестала непроизвольно напрягать конечность, и на ее лице отразилось детское изумление:

— Пушистый... как котенок!

Я отпустила ее, но девушка не сразу убрала руку и какое-то время еще замороженно гладила паука. Тот разлегся у меня на ладони с видом восточного падишаха и благосклонно принимал ласку.

Наконец, до амазоночки дошло, что все эти манипуляции она уже какое-то время проделывает добровольно, и голубые глаза снова шокировано моргнули.

— Если он такой лапочка... пушистик... и глазки такие милые... какая разница, четыре у него ноги или восемь? — спросила я с улыбкой. Повернулась и пошла в сад, возвращать наглядное пособие туда, откуда взяла.

— Лиидия, — решительно представилась блондинка, когда я вернулась, и протянула мне руку знакомым привычным жестом. — Можно просто Ли.

Вот интересно. Если исключить магию, пауков и прочих эльфов, этот мир очень похож на тот, покинутый. Да и имя такое родное...

— Дина, — я ответила на рукопожатие, и мы медленно пошли рядом в сторону гаремного общежития.

Туда мы не дошли. Заболтались и присели в какой-то беседке по дороге. Ли оказалась действительно валькирией. Она была дочерью северного островного вождя и попала в гарем к Его Властелинству по большому благу. Здесь были самые лучшие учителя и шикарные перспективы на замужество.

Родной остров блондинки мог похвастаться рыбой, козами, ягодой, которая по описанию больше всего напоминала клюкву... и своими дочерьми. Их, по странному капризу природы, рождалось втрое больше, чем сыновей.

Бородатые, мощные и храбрые северяне были хорошими женихами, но седьмой дочери, даже если папа у нее — вождь, на родном острове ничего не светило.

В гареме Лиидия откровенно скучала. Она прилежно училась, старалась ни с кем не ссориться (пара отшлепанных нахалок не в счет, нечего было лезть со своими интригами к прямой, как мачта, северянке) и тосковала по дому. По свежему ветру, ночным рыбалкам, мокрым снастям, охотничьим вылазками в скалы и добрым дракам. Девочки-северянки давно привыкли завоевывать сердца парней в честном поединке.

Необходимость изображать нежную лилию мою новую знакомую весьма удручала, но деваться некуда. Замуж выходить надо? Надо.

Ли даже позволила себе немного помечтать, — вот бы ОН был таким же сильным, веселым, простым... ну, как северяне. Куртуазные эльфы и лощеные человеческие мужчины Южных Королевств амазонку не прельщали.

Собственно, эти темы всплыли у нас не просто так, а в связи с тем, что в гарем нагрянул тот самый некий Гость. За женой. И теперь Лиидию раздирали противоречивые чувства. С

одной стороны — боязно. Мало ли, что там за гость. А вдруг темный? Хотя, как выяснилось через пару минут, темных она боялась не по-настоящему, а скорее в силу традиции. И согласилась со мной, что еще никто не слышал ни об одной съеденной жене. Значит, все не так ужасно. Но страшно, потому что... страшно.

С другой стороны, наш светлый гарем успел осточертеть блондиночке по самое не могу. Она не жаловалась, это я полезла с расспросами — первый местный источник информации, который сам со мной разговаривает! А то ведь приходилось подслушивать.

Сначала ничего особенно нового я для себя не узнала. Ну да, заправляют тут три вредины. Но физически никого не обижают, ибо чревато. За драки и членовредительство наложниц очень строго наказывают. Сегодняшние мои неприятности — это исключительная дурь новеньких человечек, еще плохо знакомых с местными порядками.

А вот нечеловеческое трио виртуозно пробавляется сплетнями, интригами, мелкими, но неприятными пакостями, подставами, ссорами, бойкотами и прочим извечным оружием школьных примадонн. В женском коллективе это — весьма грозное оружие, надо сказать.

А дальше Ли рассказала мне весьма интересные вещи. Вот я ворона, увлеклась одуванчиками и паучками, а насколько все сложно под самым носом, и не заметила. Оказалось, во-первых, что народу в гареме не так много, как я думала, глядя на высотное общежитие. Некоторые комнаты были просто свободны, а девушки распределяли между собой жилплощадь по весьма сложной системе рангов и статусов. Вообще, количество наложниц у темного властелина никогда не было постоянным. Кто-то выходил замуж, кого-то властелин сам быстренько спихивал с глаз долой, кто-то жил тут годами... и весь этот бабколхоз четко помнил, кто из них в каком месте может превзойти соседок.

Здесь были наложницы, подаренные властелину для развлечения, были так называемые “воспитанницы”, попавшие в гарем по благу, как Лиидия, а еще те, чей статус лучше всего определило бы слово “заложница”, как я.

С девочками для развлечения все понятно — товарищ Властелин с ними спал. Или не спал — как под настроение попадет. Тех, кто особенно понравился, он мог забрать из гарема во внутренние покои дворца, и оттуда счастливицы вылетали прямо замуж, причем не за кого попало, а за кого сами попросят. Властелин у нас был добрым и практичным — лояльная ночная кукушка при вассальном короле — это очень даже полезное применение выпускницы гарема.

Среди наложниц были и те, кого наш повелитель попробовал разок да и отложил в сторонку — то есть отправил обратно в общежитие. Эти девицы по статусу были ниже новых игрушек, воспитанниц и тем более заложниц, ибо сидели в гареме сиднем, пока не подвернется какой-нибудь мелкий вассал, которого его темнейшество решит одарить женой со своего плеча.

Воспитанницам мужей подбирали уже повыше статусом. Они могли попасть в спальню к повелителю, а могли и не попасть — тут как повезет.

Заложницы из светлых тоже могли прождать довольно долго, причем в постель их брали очень редко, но привилегиями обеспечивали. Эти дамы — все как одна нечеловеческой породы — выходили замуж после длительных переговоров и в самые отдаленные от своих родных мест уголки империи. Кстати, как выяснилось, кроме меня тут есть еще две эльфийки, принудительно гостящие в гареме.

Заложницами были и три козы, неформальные лидерши. Они уже несколько лет околачивались в гареме. Поэтому у них было время навести тут свои порядки в обход

официального руководства.

Говорят, не поминай лихо, оно и не придет. Так вот, эта поговорка явно сработала и не в нашу пользу. Солнце уже вскарабкалось на самую макушку дня, когда мы спохватились — надо же было готовиться к смотринам! И выскочили из беседки.

А снаружи нас уже ждало то самое “лихо”, которое все помянуть не следует. Сладкая парочка, Стрекоза и Колючка.

— Вы где ходите, идиотки! — едва заметив нас, зашипела дриада. — Список уже огласили! Все, кто в него попал, давно должны быть в главной купальне, а потом бежать в большой гостиный зал! Друг Господина уже ждет!

Лиидия тихо ойкнула. Феечка, стоявшая рядом с подругой, почему-то очень странно кривила пухлые губки и излучала тревогу и беспокойство. Но при виде меня ее кукольное личико посветлело, словно Стрекозку посетила какая-то очень интересная мысль. А еще у нее резко улучшилось настроение, я это словно почувствовала.

— Давайте живее, — велела она неожиданно спокойным почти дружелюбным голосом. — Все наложницы из списка давно готовы. Бегом, девочки, а то арграу Рраушшана не любит, когда ее распоряжения игнорируют.

Лиидия молча кивнула, схватила меня за руку и потащила куда-то в сторону от центральной дорожки.

— Ох, Дина... значит, мы попали в список! И это точно кто-то из темных... — взволнованно выпалила она на ходу. — Иначе ему не предложили бы тебя!

Одуванчик-14

Гостя следовало поблагодарить хотя бы за купальню. Я тут уже вон сколько дней живу, а в этом роскошном помещении еще ни разу не бывала. Впрочем, Ли успела шепнуть мне, что благодаря множеству бассейнов, между которыми существует сложная система подводных переходов, все купальни в гареме — царство русалок. Так что ну ее, эту роскошь. Обойдемся. Не люблю я выпендренницам кланяться, а здешняя заводила требовала от остального гарема именно этого. И мастерски пакостила неудобным.

Конечно, сейчас некогда было бежать за моей доморощенной химией, да и бальзамы никто не выливал, так что у меня впервые появилась возможность оценить местную косметику. Ну... что сказать. Круто! Пахнет приятно, результат отличный. Но жалеть ни о чем не буду. Если бы не вредность некоторых хвостатых коз, я не познакомилась бы ни с Ришшикой, ни с О’Ренией, и вообще... все, что ни делается, — то к лучшему.

Пока мы наводили красоту, переодевались в новые платья и торопились в “гостиный зал”, Лиидия продолжала шепотом просвещать меня. Ее вполне устроила версия кривого успокаивающего заклинания, которым мне еще дома как следует ушибли мозг, и всякие нужные сведения из него потерялись.

Перед большой дверью, в узком коридорчике со сводчатыми потолками, уже толкался в очереди десяток девчонок. Почти все выглядели взволнованными и перепуганными, как студентки перед кабинетом особо строгого экзаменатора. Лиидия тоже заметно нервничала, и ее быстрый шепот то и дело прерывался короткими вздохами.

Заглянула какая-то незнакомая девица, пересчитала всех по головам, поставила отметку на большом листе бумаги, бормоча что-то вроде: “...представительниц волшебных рас две, человек девять, все на месте...”, удовлетворенно кивнула и объявила: «Можете начинать радовать высокого гостя!», после чего быстро смылась.

А я некстати вспомнила про пивок. Вот же блин, горшок-то остался под персиковым

деревом! Конечно, за сутки ни одна кровососка не сдохнет, но что если я сейчас укачу отсюда замуж за тролля?

Глупость, конечно, но мне стало на редкость неприятно. Я даже тараканов дома тапком никогда не давила. Хотя и боялась этих усатых зверей до поросячьего визга. А тут пиявки, которых мне специально выловили... тьфу, идиотская голова, больше ни о чем думать не может теперь!

— Лиидия, послушай! — торопливо зашептала я, увлекая новую знакомую в уголок и пропуская вперед пару припозднившихся девчонок. — Послушай... у меня к тебе одна большая просьба! На случай, если меня выберут...

Судя по тому, как блондинка напряглась, она не ожидала от этой просьбы ничего хорошего. И совершенно ошарашенно заморгала на меня, когда я ее изложила. Идея пиявочной спасательной экспедиции ввела ее в ступор. Зато отвлекла от предстоящего кастинга на роль троллей жены.

Да-да, там за дверью оказался именно тролль. Выскочившая оттуда претендентка успела пискнуть что-то о зеленом троллеме ужасе до того, как изящно хлопнулась в обморок. Прицельно на диванчик.

Кто бы говорил о зеленых ужасах, сама девушка тоже была не особенно розовой. Молоденькая незнакомая дриада с дубовыми листиками в прическе, и, судя по ее манерному писку, с его же древесиной в голове.

Девичий коллектив тут же выстроился в очередь к единственному дивану. В обморок, явно, хотели все, но место было уже занято — вставать дубоголовочка не собиралась. Одна я в этой компании смотрелась ненормальной энтузиасткой, а мне просто было интересно посмотреть на настоящего живого тролля. Горного. Это Лиидия сказала, что раз зеленый — значит, горный. Она, глядя на меня, изо всех сил крепилась, а на вожделенный диванчик посматривала презрительно.

Чтобы новая знакомая и дальше не слишком дергалась, я потихоньку ее отвлекала, задавая вопросы. И ей хорошо, и мне полезно. Так, например, выяснилось, почему в очереди на тролля так много человеческих девчонок. Оказывается, у людей, а точнее у их женщин, самый пластичный геном — так я перевела для себя сложные рассуждения о видовой наследственности. Попросту говоря, если у тебя мама человек, а папа тролль, то быть тебе троллем, причем повышенной проходимости, ибо людская кровь действует на нелюдскую освежающе. Не только на троллю, вообще на нечеловеческую. И темные расы давно этим пользуются. А вот светлые человек не уважают и скрещиваться с ними брезгуют. Так и варились бы в собственном соку, но добрый властелин насильно проводит распределение собственного гарема по особенно напыщенным товарищам. Селекционер, однако.

А вот между собой нелюди скрещиваются по какой-то другой системе. По какой именно, я узнать не успела, потому как внезапно подошла наша очередь. Я ободряюще кивнула подружке и пошла к троллю в пасть. В смысле, на другой орган, конечно... Тьфу ты, это, наверное, от волнения на пошлятину тянет.

Вошла в зал и сразу зажмурилась. Высокие стрельчатые окна наполняли помещение ослепительным солнечным светом, и кресло с троллем потерялось в этом сиянии, оказавшись где-то у дальней стены. Я непроизвольно прикрыла глаза рукой, сделала пару шагов и чуть не споткнулась о чью-то гитару, брошенную прямо на ковер. Ага, а вон лежат маленькие металлические колпачки, которые надевают на пальцы на манер кастаньет. И бубен... Хм, кастинг включает в себя музыкальное представление? Танцы? Надеюсь, стихи

свои читать не придется...

Гитару с пола я подобрала, и, поскольку никаких других указаний не последовало, медленно направилась в ту часть зала, где притулился несчастный тролль.

Почему несчастный? А вы видели когда-нибудь счастливых похмельных мужиков?

Здоровенный детина, потрясающего серо-стального цвета в тонкий белый узор, едва поместился в хрупкое на его фоне кресло и отчаянно шурил на меня воспаленные красные глаза с припухшими веками. Зелеными у него были только волосы, короткие, густые, курчавые, похожие на заросли мха на каменном валуне.

Одет гипотетический муж был в черные шаровары и такую же жилетку на голое тело, поэтому серые глыбы мускулов выпирали из этого одеяния, как прибрежные скалы в отлив. Белый узор, при ближайшем рассмотрении, оказался затейливой татуировкой. В целом, товарищ был фактурным, вот только его каменная физиономия то и дело болезненно кривилась, когда очередной яркий солнечный зайчик попадал в глаза.

Кроме того, несчастный то и дело сглатывал, нервно косясь на пустой кубок, стоявший на вычурном столике возле кресла. И морщился, стоило ему слишком резко шевельнуть головой. Короче, классика жанра — если вчера вечером было слишком хорошо, то сегодня утром лучше не просыпаться.

При виде меня бедолага попытался величественно выпрямиться и придать лицу значительно-внимательное выражение. Наверное, если бы я была первой в очереди, у него бы даже получилось. А сейчас крупные, чуть грубовато вылепленные, но довольно правильные черты скуластого лица с острым решительным подбородком только кривовато дернулись и явили мне картину полного и оупелого смирения перед судьбой.

Где ж ты так набрался вчера, болезный? И с кем? Учитывая, что ты — личный друг властелина... хи, неплохое вчера у повелителя вышло продолжение. Я-то спать пошла, точнее поехала на пауке. А наш супермен нашел в себе силы устроить мальчишник для друга. Не знаю даже, восхищаться или сочувствовать.

Интересно, вот этого героя к обеду растолкали, ибо кастинг, жена, претендентки в обмороке с гитарой и все такое. А властелин еще дрыхнет? Если он этого громилу за вечер так ушатал, представляю, как сам напраздновался.

— Приветствую вас, леди... — голос какой приятный, густой, с мягкими обертонами, как хороший ореховый эль, который мы с мужем как-то пробовали в Эдинбурге. Если бы еще не эти унылые нотки... — Я готов оценить ваше искусство по достоинству.

Ага, готов ты. Эх, милый, тебе же тут с утра по больной голове то гитарой тренькают, то бубном стучат, а то и вовсе поют тонкими-звонкими голосами. Как ты, вообще, выжил-то, бедный каменный мальчик?

Так мне жалко его стало. Видно же, что молодой совсем парень, неопытный. Я оглянулась на дверь, за которой остались гаремные правила, и решительно шагнула вплотную. Пристроила гитару у его кресла и заглянула в пустой кубок.

— Надеюсь, господин не будет против, если я прямо сейчас не стану услаждать его слух своим пением? — спросила намеренно негромко и осторожно постучала костяшками пальцев по столешнице, выбив сложную быструю дробь с ломаным ритмом. Буквально пару дней назад Шойшо по большому секрету поведал мне об этом способе позвать домовушку. И просил без нужды не пользоваться, но сейчас я решила, что случай подходящий.

Троль даже сощуренные глаза раскрыл широко и удивленно, глядя на мои странные действия. Но сказать ничего не успел, потому что из-под стола метнулось темное облачко и

тихонько пискнуло, подкатившись мне под ноги.

— Шойшо, лапушка, спроси, пожалуйста, на кухне, где стоит питье для господина гостя, — я помнила, что по своей воле домовенок ничего нам принести не сможет, и решила действовать в обход. — Наверняка есть специальное угощение. Сок или отвар... а может быть, еще что-то. Спросишь?

Темное облачко согласно пискнуло и исчезло. Чтобы вернуться ровно через три секунды с большим — литра на три — кубком, полным восхитительного, свежего рассола. Капустного, судя по запаху.

— Гостям повелителя по утрам дают вот это! — почтительно прошептал малыш, протягивая это хрустальное ведро мне.

— Спасибо, ты умничка! — так же тихо поблагодарила я и выпрямилась, с трудом удерживая на вытянутых руках увесистую посудину.

Н-да... похоже, быть мне сегодня замужем. Похмельный гость отчетливо шевелил ноздрями, втягивая волшебный аромат из кубка, и смотрел на меня восторженным взглядом, как преданный адепт на древнюю богиню.

— Выпейте, господин, вам сразу станет легче, — пригласила я, и тролль больше не заставил себя просить. Одним неуловимым, молниеносным движением он выхватил кубок у меня из рук, и присосался к нему, как пустынный странник к найденному в песках источнику.

Что удивительно и даже приятно — пил парень жадно, но очень аккуратно, тихо, без громкого бульканья, фыркания и прочих милых звуков с коровьего водопоя. А когда оторвался от волшебного нектара, каменная физиономия расплылась в такой блаженной улыбке, что я невольно ответила на нее.

Наверное, вовремя поданный рассол любого мужика может расположить к дружеской откровенности. Точнее сначала мы просто негромко беседовали на отвлеченные галантные темы, но постепенно разговор становился все более неформальным. И вскоре я уже была в курсе тролльих проблем.

Сам мужик, как и многие его ровесники, жениться вовсе не рвался. Но совет шаманов племени, старшая мать и старшая жена отца... короче, если ты — сын вождя, то нечего холостым после совершеннолетия бегать. В военные походы уже ходил, доблесть свою доказал, новые земли за перевалом открыл (у меня сразу возникло подозрение, что за перевал сын вождя рванул не просто так, и его, явно, не первый раз пытаются женить), дом построил... пора, короче. Больше способов отвертеться не осталось, и бедолагу командировали к повелителю за статусной первой супругой.

Поскольку повелитель у нас — что надо, и друг тоже хороший, прощание с холостяцкой жизнью вышло бурным. А утром бедного тролля разбудили и отвели в пыточную. То есть в гостевой зал. Где ему предстояло оценить все прелести изысканного воспитания юных леди.

После этого признания Царреш (ну да, как-то незаметно мы и познакомиться успели, и даже перейти на “ты”) вздохнул и покосился на меня с непонятым смущением:

— Ты только не обижайся. Я тебе по-простому скажу, ладно? Всем ты хороша: и красавица, и умная, и с пониманием... вот только...

— Да говори уже, кусаться не буду, — усмехнулась я, поглаживая незаметно вернувшегося домовенка, который во время разговора по-кошачьи прокрался ко мне на колени.

— Точно? Ну ладно, тебе можно сказать. Вижу, что ты — ненормальная... то есть,

грим! Нормальная! Короче, не такая, как все. Понимаешь, мне бабы... грим! Женщины нравятся такие — в теле. Чтобы было чем подышать и на чем посидеть, — тут он сделал два выразительных жеста, очертив пышные округлости в районе собственной груди и задницы. — И потом, чтобы с характером была! Чтобы могла, если надо, и оглоблей... вражину. Грим! Но тонкое воспитание тоже нужно, — тут Царреш тяжело вздохнул и пояснил: — Чтобы перед высокими гостями не краснеть, чтобы могла и беседу на изящные темы, и музыку там... короче, как здешние леди. Только... — он безнадежно махнул рукой. — Сама понимаешь, здесь все больше тростиночки хрупкие, глаз не поднимут лишний раз, хотя с воспитанием у них будьте-нате. Это я про человек. Я человекку хочу! — тут он почему-то слегка отстранился, глянув на меня с опаской, словно ждал бурного возмущения.

— Ну понятно, человекку, чтобы дети здоровыми были, — задумчиво согласилась я и прикусила губу. — С эльфами, как я поняла, все сложнее... Слушай! Подождешь пять минут? Я хочу кое-что выяснить. Не зови пока следующую, ладно?

Царреш удивился, но кивнул. А я ссадила домовушку на стул и побежала к двери. Приоткрыла ее, прислушалась... Ага.

— Господин велел обождать! — объявила я толпившимся в коридорчике претенденткам и быстренько шмыгнула в тот угол, где оставила валькирию.

Не обращая внимания на волну перешептываний, за руку оттащила Ли к самой двери и вполголоса спросила:

— Лиидия, ты замуж хочешь? Прямо сейчас?

— А... что... как это? — ох, и ресницы у девки, прямо завидно. Ветер ими поднимает, когда так хлопает. — Как это — замуж?

— Как все замуж выходят, так и ты. Слушай... — и я приступила к троллей рекламной кампании.

Ну а что, парень мне показался стоящим, открытым, без закидонов, довольно веселым, когда похмелье слегка отпустило. Не злобным. Опять же, практически наследный принц в своей долине — старший сын вождя. И жизнь у них там, как я поняла, по духу близкая той, что Ли вела на своем северном острове. По-моему, очень хороший вариант.

Но предлагать что-то Царрешу, не спросив сначала Лиидию, я не стала. И теперь мы обе в щелку наблюдали за тем, как ожидающий тролль от безделья гладит оставленного мной домовенка. Угу, еще и ласковый — ну чем не жених?!

— Сильный мужчина, — после недолгого молчания заключила северянка и задумчиво прищурилась. В ее голове, явно, прокручивались варианты. — Дом, говоришь, уже построил? С его матерью мне хозяйство не делить?

Я и не сомневалась, что она очень практичная девочка. Хотя мы и знакомы всего пару часов, это было заметно сразу.

— Ладно! — решила, наконец, Ли. — Пойдем... все равно моя очередь!

И она решительно двинулась на штурм тролля, выпрямив спину, развернув плечи и во всей красе с порога предьявив то, чем ей очень даже хорошо дышалось.

Через час Царреш гор Аррош, наследник Синего плато и Радужных долин, объявил с своим окончательным выборе.

Правда, прежде чем выйти к народу под руку с избранницей хитрый мальчишка успел не только разглядеть в подробностях, какое сокровище ему досталось, почесать язык в словесном поединке с будущей женой и прийти в полный восторг от того, как задумчиво

валькирия взвесила в руке гитару, взяв ее за гриф — в ответ на особенно фривольную троллю шуточку. Он еще и мне вполне ловко подмигнул и доверительно сообщил, что взял бы второй женой, хоть прямо сейчас, но ведь я не соглашусь?

Я не согласилась, а гитарой по зеленой маковке паразит не получил, исключительно в честь помолвки. И был доволен этим, как слон. Идеальная пара!

Податься, что ли, в свахи? Есть в этом мире такая профессия?

Новоявленные жених с невестой отправились к властелину. Надеюсь, он уже проснулся, а то ведь решительный тролль кого угодно из кровати вытащит. Не то чтобы я сильно жалела властелинью головушку, но все же вроде как не чужой.

Ладно, это уже не мои дела.

С Лиидией мы на бегу договорились еще увидиться перед ее отъездом, а на невнятные причитания о том, кто ж теперь меня защитит, я только весело отмахнулась и пообещала везде ходить с гитарой. Могу даже прямо вот с этой!

Гитару мне, действительно, тут же всучили, и я без возражений взяла. Так и убежала в сад с музыкальным инструментом наперевес.

Где-то по краю сознания мелькнула странная гримаса попавшейся навстречу Стрекозы, вспыхнуло и забылось невнятное облегчение пополам с досадой, а я уже во весь дух мчалась спасать несчастных пиявок. Сама понимаю, что это глупо выглядит со стороны, но я ужас как не люблю такой вот небрежности.

Во второй раз уже сливаю ценный ингредиент в озеро без всякой пользы. Ну и ладно. Мне не трудно хоть всю малину в саду обобрать, а О`Рения только обрадуется возможности полакомиться.

Закончив со спасением кровопийц, я не спеша отправилась обедать. И у самой арки поймала заинтересованный взгляд, даже, скорее, образ... направленное внимание.

На широком листе лопуха, как виноградина в тарелке, устроился давешний зелено-золотистый паучок. Он внимательно смотрел на меня всеми своими глазками и застенчиво ворочался.

Мне стало интересно, и я остановилась. Вот ей богу, стоило умереть и попасть в другой мир ради того, чтобы научиться понимать таких милашек.

Паучку очень понравилась... Лиидия. Настолько, что он превозмог врожденную паучью деликатность и пришел спросить — может, добрая самка человека захочет, чтобы он сплел паутину в ее комнате? Он не будет мешать, станет сам добывать себе пропитание и все, что нужно паучьей душеньке — чтобы его хотя бы раз в день так приятно гладили по шерстке.

Дела-а-а... Паука я посадила себе на плечо, и мы пошли дальше вдвоем. По пути я пыталась объяснить товарищу, что добрая самка человека как раз сегодня нашла себе самца и теперь поедет жить туда, где он сплел ей дом. Так что, может, стоит с ней просто попрощаться, и вернуться в родной сад?

Паук надолго замолчал. Задумался. А потом решительно пощекотал меня лапами за ухо и выдал целую серию образов, ясно обозначившую его желание поехать вместе с доброй самкой в новое гнездо. Там наверняка нет таких красивых младших братьев, как он. Самка будет им гордиться!

Хи-хи, интересно, как отнесется к этому маленькому кавалеру Царреш? На всякий случай, я сняла с себя всякую ответственность, пообещав донести Лиидиною поклонника до ее комнаты, а там уж он пусть сам договаривается с ней, с ее самцом и заодно с властелином. Я, так и быть, могу попробовать себя в роли переводчика.

До комнат мы не добрались. На полдороге нас перехватили. Точнее, перехватил. Интересно... это какая-то другая порода? В смысле, подвид?

Арахнид, дожидавшийся меня у подножия лестницы и вызвавший у местного контингента яростную волну шепотков в отдалении, был раза в полтора меньше всех тех, кого я видела раньше. А еще он был белым, как свежий снежок на подоконнике. Даже искрился почти так же ярко — белоснежная шерсть блестела мелкими радужными искорками. Кожа у человеческой части нового пауконавта тоже была бледной, почти молочной. И волосы на голове, заплетенные в сложную косу, отливали благородной сединой. А вот глаза у товарища оказались странными и немного пугающими. Радужка — светло-светло-голубая, почти белая. Поэтому сначала кажется, что весь глаз — сплошной белок с резкой черной точкой зрачка посередине.

— Повелитель ждет вас, леди, — коротко и ясно. Ну хоть рукой показал, куда идти.

Одуванчик-15

Чего у дворцовой части крепости не отнять, так это широких коридоров. Понятно, что это было рассчитано на арахнидов, потому как у них нижняя часть тела шириной с маленький танк. И такая же бронированная...

Младший брат притих у меня на плече, спрятавшись в волосах, я и вовсе бы о нем забыла, если бы он изредка не шебуршался там, перебирая лапами. Но не выступал, даже ментально.

Шли мы довольно долго и пришли... в небольшой такой зал, с очень высокими потолками — таких, как я, штуки три-четыре надо друг другу на голову поставить, чтобы верхняя дотянулась до шершавого на вид каменного свода. Обстановка скудная, но элегантная. Чувствуется нечто неуловимо-канцелярское. То ли кабинет, то ли приемная.

Несколько картин по стенам в богатых золоченых рамах, мягкие диванчики, обитые белым узорчатым шелком, блестящий паркет под ногами... И властелин в кресле, как раз у дальней от входа стены.

Паучок, что нас привел, шустро метнулся туда же и занял место слева от повелителя, за большим вычурным бюро. Ага, значит, это секретарь... А вон тот хмырь, с ледяной мордой и острыми эльфийскими ушами, похож на телохранителя. Больше тут никого не было, кроме сладкой парочки новоявленных молодоженов.

Поскольку белокрысый паук бросил меня посреди приемной, ничего не объяснив, я решила, что первым делом надо поздороваться. И учтиво поклонилась сначала повелителю, потом, на всякий случай, телохранителю, а потом до кучи и троллю с Лиидией.

— Приветствую вас, леди Диндэниэль, — у его властелинства было совершенно невозмутимое лицо, словно мы только познакомились, а не устраивали вчера игры ушастых на бережку. Ну, я другого и не ожидала. — Поясните нам, пожалуйста, почему вы решили проявить инициативу и покинуть замок без моего позволения?

Я удивилась. Сильно. И скрывать этого не стала:

— Простите, Повелитель? Я, кажется, никуда не отлучалась.

— Но вы пытались предложить себя в невесты Царрешу гор Аррош, хотя вас в списке претенденток не было.

Я удивилась еще больше. Путаница какая-то. Ну ладно, будем разбираться, вон как Его Повелительство грозно насупился. Нет, внешне физиономия у темнейшества была невозмутима, как кирпич. Но вот ощущение от него шло самое что ни на есть насупленное.

— Простите, Повелитель, я не видела этого списка. Мне велели прийти в гостиный зал.

и я не нашла для себя возможности не выполнить это повеление. И потом... — тут я не сдержала мимолетной улыбки, покосившись на тролле-северную парочку. До чего же хорошо смотрятся вместе! — ...ваш уважаемый гость остановил выбор на другой девушке.

— Уважаемый гость, к счастью, выбрал девушку из списка, а не вас, — не пойму я, это он сейчас ревнует, что ли? Чего злится-то, причем, по-моему, сам не понимает на кого. — А вы, на будущее, запомните, что ни в каких общих списках такие, как вы, не упоминаются. Вашу судьбу я решаю лично, — прорычал и небрежно махнул рукой: — Рридфферт, проводи леди в мой кабинет, у моего советника есть к ней несколько вопросов.

— Благодарю, мой Повелитель, это большая честь для меня! — заверила я озверелого властелина.

Интересно все же, чего он так осатанел-то? Неприятно, конечно, но в обморок я падать все равно не буду. Ладно, пойдём беседовать с советником... О, это тот телохранитель, эльфовидный такой? Надо же, ошиблась.

Особенного страха, пока шла следом за эльфом и паучком по коридору, я не испытывала. Потому что никакой вины за собой не чувствовала. В конце концов, они же тут крутые менталисты? Я сопротивляться не буду, пусть смотрят у меня в голове все, что им интересно.

Кабинет у Его Темнейшества оказался таким же элегантным, как приемная, но здесь было как-то уютнее, что ли. Не такой высокий потолок, нормальная мебель без претензии на шелковый шик. Камин, отделанный камнем, очень похожим на уральский малахит. Стол огромный, в бильярд при желании можно на таком играть, и почти пустой. Никаких бумажек, никакого беспорядка. Почти привычная папка для бумаг, по виду картонная (мне сразу вспомнилась молодость и поступление в Гнесинку — серая бумажная папка с блеклой надписью “Дело №...”, а в ней сиротливые справочки из поликлиники и школьный аттестат), перьевая ручка... а чернильница где?

В углу, у окна, такое же бюро, как в приемной, только зеленое. Секретарь туда сразу и шмыгнул, прихватив папку со стола.

— Присаживайтесь, леди Диндэниэль, — напомнил о себе эльф-заместитель или кто он там... точно, советник. И рожу скорчил...

В двадцать лет я бы испугалась, в тридцать — оскорбилась, а сейчас мне как-то “до фени”, как сказала бы внучка. Хочется мужику продемонстрировать свое презрительное превосходство — пусть развлекается, кто я такая, чтобы мешать человеку получать от жизни удовольствие.

Мы чинно расселись на изящных стульчиках, я лицом к окну, эльф спиной к свету, но так, чтобы ему было хорошо меня видно. Ух ты, прямо КГБ в лучшие годы!

— Что вы помните о своем появлении в этом мире?

— Вам вслух? — на всякий случай уточнила я.

Мужик, уже полуприкрывший глаза, взбодрился, посмотрел на меня, как на букашку, объявившую, что умеет порхать лучше орла, но потом снова расслабился и кивнул:

— Как вам будет удобнее, леди.

— Эм... это долго рассказывать, на самом деле. А вы можете сами посмотреть? В моей голове? Нет, если это действительно необходимо, то я расскажу словами, просто интересуюсь — как лучше?

На самом деле, мне самой было любопытно, что из этого получится, даже внезапно появившийся легкий мандраж не особенно мешал. Вдруг я сейчас сама что-то такое новое и

важное вспомню?

Эльф-заместитель опять встрепенулся и пронзил меня поистине ястребиным взором. Вот так пронзил... и оставил пронзительный взгляд где-то внутри моей головы.

Эффект получился интересным. Сначала где-то там, в голове, протрубил охотничий рожок, потом вступили ударные, а затем одинокая скрипка. И под ее тонкое немного нервное пиццикато перед мысленным взором замелькали картинки.

Мелькали они в обратном порядке, словно пьяный киномеханик запустил киноленту моей жизни задом наперед. Все быстрее, быстрее... вот уже я опять во дворце мымры. Вот... вода в лицо... ой!

Эльф моргнул и слегка ошарашенно помотал головой. Наверное, что-то нарушило его концентрацию настолько, что я смогла расслышать то, что для меня не предназначалось, короткую и удивленную мысль: “Смерть!”

Но товарищ следователь быстро пришел в себя и продолжил свое дело. Мне скрывать было нечего, я сама с удовольствием смотрела свою жизнь под аккомпанемент скрипки с оркестром.

Пронаблюдав момент собственного рождения, я устало откинулась на спинку стула. Интересно, конечно, но утомительно.

А настырный мужик все не отставал. Теперь он сменил стремительную ритмичную мелодию на более плавную, спокойную, и под нее принялся демонстрировать мне свои картинки. Какие-то люди... то есть эльфы. Какой-то дом, лес, сад... детская комнатка с игрушками, бальный зал... короткое платье, старое, немодное (Интересно, это он знает, что немодное, или я сама? Непонятно), каблучок на туфельке сломался...

Странное кино, совершенно незнакомое.

— Увиденное не вызывает у вас никаких эмоций? Вы никого не узнали?

— Нет, — с чистой совестью ответила я. — Никого и ничего.

Эльф кивнул каким-то своим мыслям и вцепился в меня как клещ, заваливая теперь картинками из моего прошлого, требуя пояснений. Забавно рассказывать мифическому существу, как устроен двигатель внутреннего сгорания, особенно если сама об этом знаешь только то, что шайтан-девайс крутится, урчит, воняет и временами ломается. И пьет бензин.

— Скажите что-нибудь на своем родном языке, — рожа у него каменная, наверное, от рождения. Или он с тренировками перестарался. Неестественно выглядит, нарочито. Особенно когда я кожей ощущаю жгучий интерес энтомолога-коллекционера, поймавшего в деревенском сортире экзотическую бабочку “Мертвая голова”.

— Мммм... не получается, — ну а что я поделаю, действительно, не получается.

— Но вы только что мысленно произнесли слово “электрокардиограмма”, это не эльфийский, не всеобщий, это даже не язык дриад. Значит, это слово из вашего мира.

— О! — обрадовалась я и быстренько произнесла вслух: — Электрокардиограмма! Действительно, получилось! Немного не так звучит, как нужно, но очень похоже!

Эльфоследователь нахмурился, внимательно посмотрел на меня и попросил:

— А теперь скажите фразу. Любую.

— Я хочу есть, — выпалила, не задумываясь. Вечно желудок меня подводит и начинает озвучивать свои мысли раньше мозга. — Я сегодня не обедала, — пояснила, на всякий случай, немного извиняющимся тоном.

И только потом поняла, зачем он меня об этом попросил. А фигурки, как говорит внучка, никакого вам русского. Поест этот организм хочет исключительно на местном

наречии.

Эльф как-то очень горестно вздохнул, ломая образ невозмутимого кирпича, повернулся к секретарю, и тот моментально испарился. Целых три минуты мы молча ждали неизвестно чего, а потом белобрысик возник как из воздуха, и пока они с эльфом обменивались взглядами, я снова прослушала отрывок неизвестной мелодии.

— Ждите морра арргросса, — велел, наконец, следователь и ушел. Лишь почти у самой двери покосившись на “младшего братика”, не вовремя зашебуршившегося у меня в волосах. Я о нем, признаться, забыла, а предприимчивый восьминог, тем временем, забрался мне на голову и устроился на макушке.

Секретарь тоже им заинтересовался. Сначала он просто смотрел то на меня, то на малютку-паучка большими глазами. Потом, такое впечатление, мысленно встряхнулся и помотал головой, словно не веря собственному зрению.

А потом коварный арахнид попытался сманить младшего родственника к себе на бюро. Печеньками. То есть какой-то сушеной мухой, которую парень достал из маленькой коробочки.

А вот фигурки. Малыш остался верен Лиидии, и мне, как транспортному средству до нужной персоны.

Так мы развлекались минут десять, причем хулиган на моей голове разошелся настолько, что мысленно транслировал секретарю гордые дразнительные образы. Правда, никаких оскорбительных намеков малыш не допускал, и, по-моему, они с белобрысиком искренне веселились на пару. Я смиренно изображала из себя подставку тире лошадь и не вмешивалась.

А потом пришел повелитель, и веселье сразу закончилось. На моего наездника кое-кто покосился с ухмылкой, на секретаря двинул бровью, и последний опять испарился.

— Вы поняли мое предупреждение? Без моего личного приказа больше ни на какие смотрины не ходите, как бы вам ни хотелось поскорее отсюда уехать.

— Да я вроде и не рвусь, — настроение у мужчины поменялось, это было заметно, несмотря на все ту же кирпичную физиономию. Причем поменялось настолько, что я сочла возможным вернуться к неофициальной манере разговора.

— Да? А то мне показалось, что вы уже даже любимого питомца с собой прихватили...

— Вы ошиблись, Ваше Властелинство, — я позволила себе улыбку. — Во-первых, я никуда не собиралась уезжать, во-вторых, этот паучок — не мой, и не питомец. Этот милый малыш вполне сознательно хочет сопровождать Лиидию. Они только сегодня познакомились, но произвели друг на друга неизгладимое впечатление.

Дальше я опять какое-то время послушно изображала подставку, лишь мимолетно ловя образы из оживленной беседы. Ловко товарищ Властелин с пауками общается... и очень быстро. Я смутно уловила что-то про гнездо, самку, яйца... Сначала зелено-золотой путешественник чему-то огорчился, потом обрадовался.

— Странно, вы теряете форму? — закончив разговор, властелин вспомнил и о “подставке под паука”. — Мне казалось, что производить неизгладимое впечатление ваша привилегия. Я впервые слышал от своего друга столько восхищенных отзывов об эльфийке. И он очень настойчиво просил вас второй женой.

— Вот паразит! — искренне возмутилась я. — Одной жены ему мало? Такое сокровище оторвал, а туда же! Надо Лиидии сказать, пусть в следующий раз гитару не жалеет... Ой! Я ее где-то посеяла, ворона. Жаль.

— Судя по вашей интонации, вы как-то странно собираетесь использовать гитару, — хмыкнул властелин. — Но если вам так дорог этот музыкальный инструмент, я прикажу отнести такой же вам в комнату, — предложил и замолчал эдак красноречиво, словно чего-то ждал от меня.

— Нет-нет, в комнату не надо! — поспешила я отказаться. — У меня там своя есть. А эта лежала в гостинном зале, и мне очень неудобно, что я потеряла чужую вещь.

Да уж, бедная гитара. Сначала тренькали на ней всем гаремом на смотринах, потом на пол бросили, потом вовсе чуть о троллю маковку не разбили. И мне вручили вовсе не в музыкальных целях, а, опять же, от вредных девчонок отбиваться.

А кое-кто, между прочим, опять мысли подслушивает! Так, мы писали, мы плясали, на гитаре мы играли... тролля бедного поили и невесту подарили. Вот.

— То есть жаловаться на своих соседок вы не собираетесь? — ехидно уточнил коварный мыслечтец, старательно давя улыбку, очевидно впечатленный моим творчеством. — Ни на тех, кто на вас напал, ни на тех, кто пытался подсунуть вас в жены темному страшному троллю?

Я посмотрела на него с укоризной. Когда я жаловалась, вообще? На кого? На маленьких глупеньких девочек? Пф!

— То есть вас все устраивает? — подумаешь, вопросы он тут задает с подковыркой. И все ждет чего-то. Лучше бы покормил... Ой! Желудок, заткнись!

Нет, так невозможно. Если он уже не только мои мысли читает, но и моего желудка — не буду больше засорять голову политкорректностью! Паразит и есть, ехидный и вредный!

— Невеста Царреша гор Аррош выразила желание видеть вас своей подругой во время первого свадебного ритуала и с нетерпением ждет вас в своих апартаментах... Вместе с обедом.

Ну и ладно, ну и здорово! Я пойду обедать с Ли, а ты сиди голодный. Вон у тебя животик тоже урчит, между прочим!

Поклонившись вредному властелинству и тоже старательно спрятав улыбку, я дождалась, пока меня небрежным кивком отпустят, и выскочила за дверь. А там уже торчал большой и грозный арахнид, который велел следовать за ним и через пять минут блужданий привел к Лиидии.

Ну, всякие визги, пiski и восторженные обнимашки — это мелочи. Главное — обед!

А после — красивая церемония возле каменного алтаря в незнакомом уголке сада. И торжественное имянаречение паучка, которого Лиидия не без некоторого внутреннего колебания решила-таки взять с собой.

Не знаю уж, из каких соображений властелин решил отправить своего восьминогого представителя в тролли горы, но Царреш смотрел на малыша восторженными глазами и неприкрыто радовался оказанной чести. А вслед за мужем и Лиидия прониклась. Мало того, что оно пушистое и милое, если привыкнуть, так еще и эксклюзивное! Ни у одной троллей жены нет и не было такого явного знака расположения Его Темнейшества, так что наша северянка будет в этих горах вне конкуренции.

Властелин ко мне больше не подходил до самого вечера. Эльф с допросами не приставал, белобрысый секретарь не строил из себя буку и пару раз удачно пошутил. А потом к нам запанибрата подскочил еще один паучище очень мужественной наружности и сходу начал кокетничать. Сразу видно — опытный ловелас.

Я наслаждалась вечером и в сторону темнейшества тоже не смотрела. Чего-то устала я

от высочайшего внимания.

Молодожены уехали на закате. Вроде бы так принято, а еще — просто красиво. Я помахала им вслед и совсем было уже собралась отправиться на боковую, но тут...

— Не составите мне компанию за вечерним чаем, леди Диндэниэль?

Одуванчик-16

Некоторое время назад...

— У тебя уже старческий маразм или детство в заднице? — поинтересовался Илуватор, дождавшись, когда Царреш отвлечется на очередную красотку.

Рабынь при дворцовом борделе можно было найти в любое время и на любой вкус, даже на троллий. Конечно, для увеселения друзей морра арргросса отбирались только самые элитные и надежные. Но жениться на таких, само собой, старшему сыну вождя было зазорно, а девушек из гарема я лишь на свои посиделки с советниками приглашал, зная, что на них никто, кроме меня, не покусится.

Так что на завтра парню предстоял нелегкий выбор невесты из моих «воспитанниц». А сейчас он прощался со своей свободой под присмотром старших товарищей.

Предупредил бы заранее, не сваливаясь на наши головы буквально в ночи, мы бы устроили ему более запоминающееся прощание. Ну а так, по-быстрому организовали вечер с выпивкой и девочками. Но он не расстроился.

Судя по отголоскам мыслей в его голове, сначала Царр суток пять у себя развлекался. Так что к нам он, можно сказать, сбежал, когда устал праздновать.

— Какой маразм? Какое детство? — я с усмешкой посмотрел на слегка возмущенного советника.

Конечно, ему уже доложили о том, как весело мы провели сегодняшний вечер.

— Я развлекался в своем саду со своей наложницей, под присмотром собственной службы безопасности, — кивнув одной из девочек в сторону бутылки с обычной водой, благодарно улыбнулся и отрицательно помотал головой, когда красотка попыталась проявить инициативу.

Нет, на сегодня мой лимит исчерпан...

— С каких пор это считается детством или маразмом? — продолжил я свою мысль и посмотрел на Ила.

Эльф, проигнорировав мой вопрос, внимательно наблюдал за резвящимся, как мальчишка, Царрешем.

— Вроде совсем недавно мы были такими же, а теперь сыновья наших друзей приходят к тебе за женами, — наконец, задумчиво выдал он.

— Это тонкий намек на то, что мне тоже пора жениться? — ехидно уточнил я.

— Толстый... Толстый намек, морра арргросс Виланд, — обозвав полным титулом, Ил хмуро уставился на меня, всем своим видом выражая осуждение. — А ты зачем-то открыто выразил свою расположенность эльфийке. Это ж надо было додуматься!..

— Читал отчет и завидовал? — продолжил я ехидничать над другом.

Сам понимаю, что расслабился, и вскоре мне придется за это расплачиваться. Хотя удовольствие того стоило. Но раз уж даже Илуватор начал о гнезде и яйцах, вернее о жене, то придется вскоре озаботиться. Только для начала я на свадьбе самого Ила погуляю, — старшие должны показывать пример.

— Ты уже выяснил, откуда эта нимфа в эльфийском теле на нас свалилась? — сменил я неприятную тему.

— Совершенно серенькое нечто, с совершенно обыденным прошлым. Ее родство с Высоким Домом настолько дальше, что даже я с трудом его вычислил. Но оно есть, так что формально придраться не к чему, — судя по слегка расстроенному голосу, Ил допросил всех, и ближних, и дальних, и мимо проходящих, и под руку подвернувшихся. А придраться оказалось не к чему. Обидно, черт побери!

— Ментальных магов в семье или в ближайшем окружении?..

— Никаких. Вообще, никаких магов уже несколько поколений. И сама она до попадания в твой гарем считалась пустышкой.

Мы оба замолчали... Я вспоминал странные, удивительно правдоподобные картинки, мелькающие в памяти Диндэниэль. Незнакомые слова, непохожие ни на один из известных мне языков. Эти ее эксперименты с косметикой, с самогонным аппаратом...

— Может, мы зря ищем правдоподобное объяснение всем ее странностям? Вдруг она действительно попала к нам из другого мира? Ты только представь...

— Представлять я ничего не люблю, воображение слабое, знаешь ли, — фыркнул Ил. — Допрошу, выясню, уточню и тогда уже точно буду знать. У меня на три кристалла воспоминаний об ее жизни из разных источников. Подловить, к сожалению, не на чем, но все равно держись от этой леди подальше. Она уже начала требовать себе материально-вещественных подтверждений твоего расположения?

— Еще нет, но мы оба были немного не в том состоянии, чтобы вести светские беседы.

— Да уж. Кстати, Ррашшард потом проводил твою даму до ее покоев и, по собственной инициативе, вручил ей корзинку с персиками.

— Неужели? — я едва удержался, чтобы не рассмеяться. Конечно, и так понятно, что мы не просто так сидим, а ментально переговариваемся, но зачем привлекать к этому внимание? — Арахниды очень обстоятельные ребята и не любят, когда что-то сделано наполовину. Ррашшард еще предъявит леди Диндэниэль обвинение в недоизнасиловании, а затем потребует закончить начатое.

— Тебя это не беспокоит? — зачем-то уточнил Ил.

— Времена, когда меня беспокоили такие мелочи, как женская неверность, давно прошли, — я потянулся за бутылкой с водой, чтобы сглотнуть внезапно возникшую горечь во рту. — Наивность осталась в далеком прошлом. Сейчас я ото всех требую лишь верности мне, как к Властелину.

— Леди Диндэниэль ранее не была замечена в нелояльности великому морра арргросс. И у меня не появилось доказательств ее нелояльности даже после допроса старшей высокой леди четвертого поселения и находящегося у нее на службе мага второго уровня, Фиондэля.

— Второго? Тогда, как он умудрился наложить такое кривое заклинание? — искренне удивился я.

— Как ты понимаешь, я тоже задавал ему это вопрос, — хищно улыбнулся Ил. Да, эльфийских магов он недолюбливает примерно так же, как всю свою высокую родню во всех четырех поселениях. — И он не знает ответа.

— Уверен, он также не знает, как леди Диндэниэль оказалась ментальным магом первого уровня, — недовольно пробурчал я, но тут же вспомнил, как было удобно трахаться с этим магом... Такое забытое чувство полного мысленного соединения.

— Я не понял, ты расстроен или счастлив? — ехидно уточнил Ил. — А то рожа у тебя уж очень залоснилась от переживаний.

— Есть еще что-то интересное по результатам допросов? — вернул я тему разговора в

начальное русло.

— Там произошел интересный момент, во время которого могла появиться возможность попадания в эльфийское тело существа из другого мира. И я хочу это допросить, Виланд, — Ил серьезно посмотрел на меня, и я обреченно кивнул. Как боевой ментальный маг, я сильнее, но у Илуватора гораздо лучше развито умение находить и вскрывать блоки. И держать непроверенное им иномирное существо настолько близко он мне не позволит, и будет абсолютно прав. Так что придется уступить.

— «Это» — довольно симпатичная девушка... — хмыкнув, уточнил я и встал. Ко мне тут же подошла одна из рабынь, призывно потряхивая пышной грудью и заманивающе покачивая бедрами.

— От девушки у нее только тело, а что оно такое на самом деле — я как раз очень хочу выяснить, — Ил тоже встал и кивнул на окружающих меня бордельных красоток. — Развлекайся, а то Царреш уже посматривает на тебя с высокомерным сочувствием.

Вот ведь знает, зараза, мое больное место. И вообще, лучше отвлечься, а то как-то на душе муторно стало.

* * *

С утра пришлось опять прибегать к магии, чтобы в голове не звенело. Царреша, распластавшегося на ковре, в окружении девиц, я просто решил не будить — у троллей, как и у орков, иммунитет почти на все виды магического воздействия, причем на целительные, к сожалению, тоже. Так что пришла моя очередь посматривать на него с высокомерным сочувствием.

Зевая на каждом шагу, я отправился в кабинет, откуда связался с Раушшаной и попросил ее выбрать кандидаток из девушек пофигуристее. Ну и, шутки ради, пожелал, чтобы в списке потенциальных невест «для разнообразия» оказались дриада и фея. Правда, в процессе уточнений выяснилось, что дриад у меня в гареме целых семь, скоро можно будет свою рошу организовывать. Зато фея оказалась всего одна. Естественно, Царреш ее не выберет, но у наглой бабочки будет нескучный, запоминающийся день. Надо бы еще как-то русалку прищучить, но хвостатых у меня еще больше, чем дриад. Нужную незаметно не вычислишь. Не демонстрировать же Раушшане скан памяти Диндэниэль с лицами этих трех красавиц...

Рридфферт, возникший, как неумолимый рок, у меня за спиной, тактично хмыкнул, намекая на то, что мой запоминающийся день уже тоже давно начался. Сегодня у меня встреча с пещерными гролами, потом совет министров, затем часть планов в троллю задницу, потому что кому-то внезапно присралось женить своего сына, а мне — отдувайся...

* * *

Когда я, попрощавшись с министрами, завился в белую приемную, Царреш уже ждал меня вместе со своей избранницей. Поздравив его, чуть ли не между делом, я начал бурно обсуждать с Илом одну из идей, пришедших мне в голову во время совета. При этом краем уха все же прислушиваясь к пересказу о том, как несчастный тролль замучился во время выбора... и, вообще, все было плохо, пока не появилось прекрасное эльфийское чудо и не спасло его голову. И теперь он хочет это чудо второй женой.

— То ни одной не хотел, а теперь так разохотился, что сразу две понадобились, — усмехнулся я, прокручивая у себя в голове, какое-такое чудо... Я же просил дриаду и фею. Эльфик в списке не было.

— Чудо как звали? — уже подозревая, какой будет ответ, поинтересовался я.

— Диндэниэль, — довольно улыбнулся Царреш, обнимая свою невесту.

Хорошая девка, северянка. Отличный выбор...

Эти мысли пронеслись у меня в голове, как попытка отвлечь от нарастающей волны злости. Мало ли какое недоразумение могло возникнуть, вдруг... аррграу Рраушшана перепутала эльфийку с феей? Они же так похожи! Р-р-р-р!

— Рридфферт!..

Нет, ну невозможная баба просто... Один раз со мной переспала и решила, что все, можно втихую сваливать замуж?

— Позови сюда леди Диндэниэль, — рыкнул я вслух секретарю и мысленно огрызнулся на Ила: — Не смотри на меня так. Сейчас выясню, как она додумалась до такого, и можешь забирать ее на допрос.

* * *

Диндэниэль явилась, как и положено леди... Черт побери! Какой леди положено выглядеть так, словно она только что по кустам лазила? И младшего брата притащила... высунувшегося из сбившейся прически, чтобы испуганно поприветствовать меня и тут же снова исчезнуть в золотистых волосах... леди... Леди, черт побери!

— Поясните нам, пожалуйста, почему вы решили проявить инициативу и покинуть замок без моего позволения?

Вот уж будь добра, объясни, чем я так тебе вчера не угодил, что ты готова выпрыгнуть замуж за первого встречного!

— Простите, Повелитель? Я, кажется, никуда не отлучалась.

Главное, судя по исходящим от нее эмоциональным вибрациям, она действительно не чувствует за собой никакой вины. Странно...

— Мне велели прийти в гостиный зал, я не нашла для себя возможности не выполнить это повеление.

Так-так, и кто же нам это велел? Замечательно... Главное, как красиво сделано, не придерешься даже. Но это уже не просто милые девичьи шалости, тут могла пострадать моя репутация, если бы Царреш выбрал себе это непроверенное подозрительное недоразумение в жены.

Нет уж, последние сто с лишним лет только я решаю, когда прощаться, а не женщина.

— На будущее, запомните, что ни в каких общих списках такие, как вы, не упоминаются. Вашу судьбу решаю лично я, — и, посмотрев в спокойные голубые глаза, глубоко вздохнул, выдохнул, затем кивнул Илу: — Она твоя, но не повреди...

— Не переживай, я ее аккуратно вскрыю, — хищно-предвкушающе улыбнулся Илуватор. — Зато точно будешь знать, с кем спал, и кому такое лучше пристраивать.

Да, это важно. Чтобы понять, кому пристраивать, надо представлять, что именно пристраиваешь. Конечно, я не буду пристраивать ее прямо сейчас. У эльфов с высокими леди очень напряженно, так что лучше я их заложницу придержу в гареме подольше...

Выдохнув, я, даже не используя артефакт связи, связался с аррграу Рраушшаной, и, наверное, впервые за все время нашего общения, практически отчитал ее... со всем возможным уважением. Намекнув, что подобное расценивается, как попытка оскорбления морра арргросса, и я сильно разочарован. Настолько, что могу задуматься о смене морра аррграу гарема. Конечно, арахнидок, которым я могу доверять настолько же, насколько Рраушшане, больше нет и мы оба знали об этом. Но мой намек недвусмысленно подчеркивал, что произошедшее вышло за рамки внутригаремных разборок «чтобы девочки

не скучали».

— Почему ты не сказал, что сам на нее запал? — поинтересовался Царреш, когда я закончил ментально ругаться и уселся на кресло. — Я бы отстал. А то секреты какие-то, тайны, политика. Сразу бы уточнил, что твоя женщина.

— Нет никаких моих женщин. Я всех раздаю, и эту потом отдам.

Царреш скептически хмыкнул, но потом согласно кивнул, и мы начали обсуждать планы его отца по расширению владений. Конечно, чтобы обработать новые территории, им необходимы были деньги. Но зато у племени мог появиться выход к морю, а учитывая родственные связи будущей первой жены Царреша, это могло оказаться очень выгодным сразу всем. Ну и я свой процент с прибыли получу, естественно.

* * *

Мы обсудили планы на восемьдесят восемь лет вперед, потом я отпустил тролля и его невесту готовиться к церемонии, а сам успел даже кое-какие дела сделать из запланированных, но задвинутых. Наконец, меня нашел Рридфферт и предупредил, что допрос подозреваемой закончен.

Уточнив мои планы насчет леди, секретарь вышел, а через пару минут в кабинет завалился Илуватор и устало упал на диван. Чего-то не припомню даже, когда я в последний раз Ила таким ументаленным видел.

— Если ей качественно промыли мозги, то у нас серьезные проблемы. Потому что это сделал маг, который сильнее и меня, и тебя, причем так раз в десять. А еще у него бурное воображение психопата...

— То есть эту возможность мы вычеркиваем?

— Вероятность подобного есть, но очень низкая. Очень, — Ил поджал губы и нахмурился. Неопределенность всегда его раздражала. А низкая вероятность, это все равно вероятность. — Но ментальные слепки с постоянно мелькающих в ее воспоминаниях людей я сделал и объявил их в розыск.

Можно играть с антуражем, но нельзя создать «воображаемого друга» из ничего. Никому. Даже тому, кто сильнее меня. Или будет ясно, что это плоский образ, или для его создания надо использовать ментальный слепок уже существующего существа. Да, можно сменить его расу, можно взять слепок уже умершего, можно... Много чего можно, но выдуманный останется выдуманным.

— То, что она сама — сильный ментальный маг, в качестве развлечения позволяющий мне копаться у нее в голове, еще менее реально. Я пробился чуть ли не до ее воспоминаний в животе у матери. Ни одного блока, все открыто, чисто, невинно и наполнено непонятными странными вещами.

— Кстати, ты заметил, что она иногда думает на каком-то странном языке? — уточнил я.

— Да, когда думает о том, чего нет в нашем мире, — вздохнул Ил. — Теперь у меня в голове полный бедлам из мешанины определений, картинок, новых слов... Надо обязательно все это слить в кристалл.

Я согласно уткнулся, с сочувствием поглядывая на друга. Сам-то я глубоко копаться в воспоминаниях загадочной эльфийки не рискнул. У меня к ней совсем другой интерес... внезапно.

— Короче, самой правдоподобной версией получается... бред.

— Точно, — кивнул я. — Мало того, что перенос сознания одного взрослого существа в

тело другого, так еще и другой мир какой-то.

— Только давай не будем его завоевывать, — хмыкнул Илуватор. — Даже для того, чтобы доказать этой девице, что ты можешь...

— Не начинай!

— Уж и пошутить нельзя, — ехидно фыркнул Ил. — Кстати, девица твоя, по меркам своего мира, дожила до старости. Не понимаю только, или у них там так мало живут, или мы с ней в определениях времени запутались. Шестьдесят четыре года, даже по людским меркам девчонка еще совсем, а думает о себе, как о пожилой женщине.

— Меня тоже это повеселило, — согласился я.

— Ладно, иди, развлекайся. А я пойду скину все, что считал. Отдохну и проанализирую еще раз, но уже не изнутри.

Расставшись со своим первым советником, я ввалился в свой любимый кабинет, небрежным кивком выставил секретаря и с интересом уставился на «младшего брата», снова высунувшегося из пышной прически эльфийской леди.

Интересно, зачем она его с собой таскает?

Паучок радостно отчитался мне о ласковой человеческой самке, к которой он испытал ментальное притяжение. Серьезное заявление...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

У старших и младших братьев иногда бывает такое чувство к самкам другого вида, некая привязанность, очень похожая на любовь. Но и у тех, и у других подобное явление — достаточно большая редкость.

Что ж, в Радужных долинах разумных аррархов не водится, но места для гнезд там довольно удобные, и обычных крупных пауков должно быть много. Можно попробовать...

Маленький путешественник, выслушав мой план, радостно закивал. Само собой, он именно так и собирался поступить — переест всех опасных неразумных в округе.

А после того, как он наведет в долине порядок, я пообещал приехать его навестить и привезти с собой самку аррарха. Дальше все зависело от восьмилапого соблазнителя — оставят ли ему только гнездо и яйца, или дама тоже останется, чтобы растить потомство.

Паучок еще больше обрадовался и похвастался, что уже имеет опыт «соблазнения».

Самки любят подарки, так что если притащить завернутую в красивую упаковку большую сочную муху, то дама предпочтет начать с нее, а за это время можно успеть и все дела мужские сделать, и убежать подальше. Каждый умный самец знает, что самки сжирают их не потому, что злые, а потому что голодные.

Теперь у племени Царреша будет сразу два довольно ощутимых знака моего благорасположения. Первая жена будущего вождя и аррарх-телохранитель. Последний прекрасно считывает людские эмоции, да и укусить может при желании, а от яда аррарха можно спастись только магией, которая на троллей не действует. Так что последующие тридцать лет семейство моего друга может спать спокойно, а там, глядишь, молодежь восьмилапая подрастет.

Да за такой свадебный подарок старая тролля задница, в смысле отец Царреша, мне по гроб жизни должен будет...

Закончив общаться с «младшим братом», я с удовольствием обменялся несколькими репликами с эльфийской леди, напряженно выжидая, когда же моя самка начнет требовать себе подарки. Можно подумать, только у пауков сначала оплата, потом секс, потом расплата, если оплата не устроила. Везде так, просто оплата и расплата разные, и у пауков

все гораздо проще — быстро съели и забыли. А у более разумных принято есть медленно, с наслаждением, и расплату вымогать частями. Причем размеры расплаты знает только самка...

К концу нашего разговора я даже немного занервничал, потому что покарать виновных леди Диндэниэль не просила, отдельный домик не требовала, статусных привилегий тоже... Да даже на нехватку личных украшений не намекала. Не иначе, как размер расплаты задуман настолько огромный, что между делом она его оглашать не рискует. Надо будет уточнить потом у Ила, как с этим обстояло дело в ее мире. Может, там деньгами принято расплачиваться?

* * *

Весь вечер я наблюдал за своей наложницей, прислушивался к ее смеху, анализировал ее эмоции. Она вела себя искренне, естественно и, главное, совершенно не опасалась хмуро следящего за ней Илуватора. Не отпрыгивала в сторону от присоединившегося к нам Рремшшурга, тоже решившего поближе познакомиться со странной эльфийкой. И даже рассмеялась какой-то шутке от Рридффферта...

С парочкой молодоженов Дина, вообще, болтала так, словно они были знакомы десятилетие. И при этом она действительно испытывала ко всем дружелюбно-положительные эмоции. Даже к арахнидам.

При этом и мой второй советник, и мой секретарь тоже поглядывали на нее с одобрительным интересом.

Грашшард, Рремшшург и Рридффферт... Ладно, первого она недоизнасиловала, второй — знатный ловелас, но мой секретарь всегда был просто кремнем, а тут даже шутить начал. Как я понимаю, арахнидов привлекает то же, что и меня — полное совпадение поведения, чувств и мыслей.

Когда Царреш и его жена скрылись в направлении портала на Радужную долину, я тихо подкрался к девушке, наклонился, почти прикасаясь к заостренному ушку губами, и прошептал:

— Не составите мне компанию за вечерним чаем, леди Диндэниэль?

Леди вздрогнула от неожиданности, затем оглянулась, увидела меня и едва заметно улыбнулась. Причем действительно улыбнулась, хотя только что грустила.

— Почему бы и нет? А пирожные у вас есть? — поинтересовалась она, а ее настроение почему-то еще больше улучшилось.

— Вы какие предпочитаете? Фруктовые или нормальные? — я тоже улыбнулся, потому что ее положительные эмоции действовали на меня как... гномий самогон. Опьяняя и даря какую-то странную легкость. Понимание, что я могу творить все, что мне вздумается. И не потому, что я — великий и ужасный морра арргросс, а просто потому, что... сейчас будет весело. Как в далеком прошлом.

— А нормальные в вашем понимании — это шоколадные? — спросив, она словно прислушалась к своим словам и тут же уточнила: — Здесь есть шоколад?

— Конечно, есть, — кивнул я, чувствуя дикое желание скинуть лет так двести, устроить огненный фейерверк в саду, искупаться в королевском фонтане... — Нормальные, это те, в которых есть тесто, а не тонкая прослойка, чтобы фрукты не на тарелке лежали. Вы предпочитаете размазывать по тарелке шоколад?

— Нет, — она тоже еще больше оживилась. Очевидно, мы оба действуем друг на друга как усилители детства в заднице и старческого маразма в голове. — Я предпочитаю такие

пирожные, которые похожи на пирожные, а не на кисель с фруктами. Ради них я даже готова забыть о том, что у меня сейчас уже ноги отвалятся!

Тоже мне, придумала причину, словно мы на танцы собираемся...

— Я приглашаю вас не в фуршетный зал, а к себе в спальню, полюбоваться чудесной лепкой на моем потолке и прекрасной хрустальной люстрой. Уверен, вы такой еще не видели, — ухмыльнувшись, я замер, стараясь не пропустить эмоциональную реакцию.

Ни бурной радости, ни расчетливого предвкушения. Лишь тяжкий вздох и картинка-воспоминание о прошлом вечере, а потом хитрая улыбка:

— Надеюсь, кровать у вас мягкая? Берег, камыши, комарики — это очень романтично, но иногда я предпочитаю традиционные удобства.

— Вам понравится, — уверенно объявил я и, подхватив даму под руку, направился в сторону своих апартаментов.

— Ну что же, пойдете... проверим вашу люстру. Только шоколад — обязательно! — выпалила она уже на ходу и рассмеялась.

— Да, насчет шоколада я уже распорядился, не волнуйтесь. Принесут в кастрюле и с поварешкой... — хмыкнул я, потому что действительно уже успел ментально передать первому встречному арахниду, что желаю на ужин.

Услышав эту фразу, леди споткнулась, чуть не полетела по лестнице вниз, испуганно ойкнула, затем уткнулась мне в грудь и рассмеялась. У нее в голове при этом была совершенно четкая яркая картинка нас двоих, нарисованных не очень умелым художником, как-то... ярко, не совсем пропорционально, но в принципе узнаваемо. Мы сидели возле огромной кастрюли, с двумя поварешками в руках, по уши измазанные в шоколаде.

И вдруг мы зашевелились, стали драться поварешками, бегать друг за другом и обливаться шоколадом, отнимать друг у друга эту кастрюлю... потом я... нет она... Так, я не понял, получается, что мы теперь не только вместе смотрим эту странную картину, но еще и вдвоем ее оживляем?

И тут в этой картине появился третий: такой же странно нарисованный Илуватор, держащий в руках мягкий грушевидный предмет, размером с кастрюлю. Грозно им размахивая, он объявил: «Это клизма от слипшихся поп!».

Предназначение груши дошло до меня не сразу, но когда я понял...

— Кто-то что-то о традиционных предпочтениях упоминал? — я очень старался сохранить хотя бы видимость приличий, хотя прошедший мимо арахнид посмотрел на нас с подозрением. — Мой советник произвел на вас такое неизгладимое впечатление?

— Мне показалось, он очень заботится о вашей безопасности, — постанывая, пофыркивая и даже похрюкивая от смеха, с трудом выговорила девушка, так и стоявшая, уткнувшись в мою грудь.

А на ожившей картинке Илуватор растворился. Осталась испачканная в шоколаде кровать с разбросанным то тут, то там виноградом и парочкой раздавленных персиков. Пустая перевернутая на бок кастрюля. Два наших безжизненных тела, с поварешками в руках и с большими круглыми животами.

— Значит, заказать еще виноград и персики? Или что-нибудь посущественнее? — уточнил я и потащил эту визуальную провокаторшу к себе, пока у второго мимо проходящего арахнида не началась истерика прямо на лестнице. Брюшко и лапки у него уже начали мелко подрагивать, а губы кривиться в едва сдерживаемой улыбке.

— Давайте всего и побольше, я надеюсь, у нас с вами хватит благоразумия не

объедаться, — еще пару раз всхлипнув от смеха, леди тоже попыталась успокоиться. — Простите, внуков вспомнила.

— Внуков? Когда вы успели обзавестись внуками в столь юном возрасте?

Уф! Я с ноги открыл дверь, скинул сапоги, уселся на ковер возле огромного встроенного камина. Послал щелчком немного огня прямо в центр аккуратно сложенной поленницы. Нет, до холодов еще было очень далеко, но мне просто безумно нравилось сидеть и слушать, как трещат дрова. Как в детстве...

Леди Диндэниэль, присвистнув, подняла вверх большой палец. Да, в ее мире магия считается чудом.

— А разве ваш помощник не рассказывал, что он разглядел в моей голове? Я вот всю свою жизнь вспомнила, даже шоколадку, которую в пять лет припрятала от брата на верхнюю полку в книжном шкафу, да так про нее и забыла.

Я молча постучал ладонью по ковру, приглашая сесть рядом. Дрова уютно трещали. Бурное веселье, захватившее нас на лестнице, отступило и сменилось чем-то сродни умиротворенному спокойствию.

— Братья, это здорово... У меня только сестры были.

— А у меня младший брат, — девушка подошла и уселась рядом, улыбнулась снизу вверх. — Вредный, жуть! Да я и сама была не подарком. Пока он был меньше ростом — колотила и командовала только так. А когда он меня перерос, сразу вспомнила, что я девочка, а девочек, — тут она пожала плечами и снова посмотрела на меня снизу вверх, — бить нельзя.

А потом жалобным голосом почти умоляюще попросила:

— Можно я эти жуткие босоножки сниму?

— Девочек бить нельзя, — согласился я, задумчиво глядя в камин и вспоминая своих сестер. Я тоже был младшим, самым младшим. И после меня уже никого не было, потому что мама умерла при родах, и нас растила старшая сестра.

— А босоножки снимайте, конечно. Этот ковер просто создан, чтобы по нему ходить босиком. Он из шкур леопарда.

Диндэниэль погладила ковер ладошкой, а потом принялась расстегивать сложные вычурные застёжки. Затем откинула в сторону плетеные босоножки на тонких высоких каблуках и с блаженным вздохом вытянула ноги по ковру, шевеля пальчиками. По-моему, даже замычала от удовольствия.

Какое-то время я любовался этими аккуратными пальчиками, а потом, немного развернувшись сам, легонечко толкнул девушку, чтобы она улеглась на ковер, и пристроил ее пятки к себе на колени. Массируя ее ступни, я с улыбкой наблюдал, как она наслаждается и мурлычет. Действительно мурлычет.

— Какое удовольствие! И не смотрите на меня с таким подозрением, — одарила она меня смеющимся взглядом из-под опущенных ресниц. — Хотите, и дальше буду мурлыкать. Могу даже в благодарность лизнуть, что-нибудь.

— Давайте начнем с пирожных, — хмыкнул я, потому что в комнату, после тактичного ментального постукивания, вошел пожилой арахнид. В руках он держал поднос, который аккуратно водрузил на столик в углу. Раскланявшись и пожелав морру агррроссу приятного вечера, старик удалился.

Понятно, среди моих поданных началась легкая волна паники, вот и прислали самого опытного, чтобы проверить, как я себя чувствую.

Я встал, подошел к столику, взял кувшин с теплым густым шоколадом, перелил немного в небольшое блюдечко. Потом взял одно из заварных пирожных-шариков, макнул в блюдце, обернулся... и едва удержался от смеха.

Пока я был занят, леди стащила со стола тарелку с мясной нарезкой и с довольным видом урчала, поедая кусочек за кусочком.

— Вы решили начать лизать с мяса? — ехидно поинтересовался я, запихивая пирожное себе в рот. Ну не стоять же мне с ним, глядя как эта хищная эльфийка уничтожает самое вкусное блюдо ужина?!

— Мясо я предпочитаю жевать! — объявила девушка и в качестве доказательства запихала в рот еще один тоненький кусочек. — Знаете, у меня дома говорили: лучшее пирожное — котлета, лучшая конфетка — пельмень!

Считав сопровождающую эту умную мысль визуальную картинку, я понял, что в ее мире живут довольно умные люди.

— Мясные шарики в тесте? Согласен, мне такие бы тоже понравились. Но что же вы про котлеты-то так поздно подумали? Придется подождать еще минут десять, пока их принесут.

— Не сообразила, — пожала плечами Дина. — Вы же люстрой за чаем приглашали любоваться, обычно такие мероприятия всегда под пироженки проходят... Но мы же с вами не будем пленниками традиций? — улыбнувшись, она аппетитно облизнулась и отодвинула от себя почти пустую тарелку. — Теперь можно и пирожное. Какое здесь самое вкусное, по-вашему?

— Знаете, а давайте, вы действительно полюбуетесь на люстру, — не выдержал я.

И, подхватив провокаторшу на руки, закинул на кровать, а сам уселся рядом и поманил поднос пальцем, чтобы он завис возле меня.

Взяв очередной заварной шарик, обмакнул его в шоколад. Девушка в это время послушно смотрела на люстру, вытянув шею, чтобы было лучше видно. Дождавшись, когда Дина вновь посмотрит на меня, я аккуратно провел по ее губам пирожным, которое вмиг исчезло, зато появился кончик язычка, уничтоживший следы шоколада, а затем его сменила хитрая призывная улыбка.

Сладкая, пахнувшая шоколадом, она манила меня своей доступностью и, одновременно, какой-то отдаленностью. В ее голове не было никаких расчетливых мыслей, она думала только о нас, о том что происходит здесь и сейчас, о том, что ей приятно со мной целоваться... о том, что она не будет помогать мне себя раздевать, раз мне так нравится этот процесс... причем думала она обо всем этом и словами, и картинками, и чувствовала ровно то, что думала... Но при этом она не строила никаких дальнейших планов. Ни со мной, ни с кем-то другим. Она словно жила только этим вот «здесь и сейчас», даже не загадывая, что будет завтра.

Раздев ее до пояса, я полюбовался на аккуратные, гладкие, манящие полушария с розовыми набухшими сосками...

Девушка, совершенно не смущаясь, какое-то время понаблюдала за мной, — я чувствовал ее спокойный внимательный взгляд. Потом, словно задумавшись, потянулась к подносу, в направлении вазы с пирожными. Я поймал ее за запястье, уловил отблеск еще не до конца оформившегося желания... свободной рукой обмакнул заварной шарик в блюдце с шоколадом.

Ее пальцы на пару секунд соприкоснулись с моими, пока она забирала протянутое

пирожное. На губах промелькнула проказливая улыбка, и шарик уже почти ожидаемо оказался в соблазнительной ложбинке. И снова спокойный выжидающий моей реакции взгляд.

Хмыкнув, я тоже потянулся к подносу, подержал ладонь над ним, наблюдая за девушкой и делая вид, что размышляю.

А потом взял кувшин с шоколадом и вылил немного прямо ей на грудь:

— Чего мелочиться, верно?

Дина в очередной раз удивила — никакого возмущения или испуганного взвизгивания. А ведь я сделал все, чтобы мое действие оказалось неожиданным.

— Я когда-то в одном журнале читала, что игры с шоколадом в постели очень разнообразят сексуальную жизнь. Почему бы не попробовать? — она чуть приподнялась, чтобы теплая густая жидкость потекла вниз, на живот, а не на постель. Почему-то Дина переживала о белье и о том, отстирается оно потом или нет. — А вас поливать будем? Или сегодня на десерт исключительно дамы?

Я проигнорировал вопрос и принялся тщательно слизывать шоколад с ее тела, причем специально стараясь, чтобы было щекотно. Дина улеглась обратно, расслабилась, доверчиво позволяя мне делать с собой все, что пожелаю. Тихо хихикала, иногда подмурлыкивая, когда ей было приятно.

Наконец, прожевав лежащее на ней, слегка размякшее пирожное, я уточнил:

— Конечно, не только... Вы мне обещали в благодарность поиграть в кошечку и помурлыкать.

После чего тщательно принялся вылизывать пупочную ямку, — туда затекло очень много шоколада.

— Мур! Ой... хи-хи... Мур! Честное слово «мур», только не щекочитесь больше!

Дина принялась извиваться, хихикая и пытаясь выскользнуть. Пришлось навалиться на нее всем телом, и, удерживая за руки, продолжить тщательно вылизывать каждый сантиметр уже обессиленного от смеха тела.

Когда это развлечение мне немного приелось, я медленно и неторопливо стянул с девушки сначала юбку, потом шелковые трусики и очень выразительно посмотрел на кувшин с шоколадом.

— А помните, что это я обещала вас облизать, а не наоборот? — торопливо, но посмеиваясь, поинтересовалась Дина.

— М-да? Значит, пришло время проверить вашу лояльность своему повелителю.

Рассмеявшись, я быстро разделся, улегся на кровать и усадил девушку себе на бедра, красноречиво намекая...

Она опустила взгляд и с задумчивым лицом поизучала свое испачканное в шоколаде тело. Я замер, ожидая и буквально не веря... Не посмеет же?! Но Дина хитро улыбнулась и радостно объявила:

— Я вся ваша, лояльнее просто не придумать!

А затем... принялась активно тереться об меня животом и грудью.

Пришлось перехватывать инициативу у расшалившейся наложницы, подмять ее под себя, вдыхая аромат тающего шоколада, легкий цветочный флер и терпкий запах возбуждения... Не знаю, кем была раньше эта женщина, но совершенно точно — не эльфийкой. Темперамент у нее как у... В голове быстро промелькнули мои многочисленные любовницы... В сердце болезненно кольнуло от осознаваемого сходства с...

Да какая разница, черт побери?! Прекрасный у нее темперамент!

Нежные губы, не просто послушно отвечающие на мои поцелуи, но иногда целующие в ответ. И отзывчивое к моим ласкам тело, выгибающееся, замирающее, прижимающееся... словно прислушивающееся к моим желаниям. Не для того, чтобы угодить, а потому что ей это нравится. Ей хорошо со мной и хочется, чтобы и мне тоже было хорошо. И... Я вхожу в нее сильнее и глубже, чем обычно... Закрыв глаза чувствую отголоски удивленной настороженности и снова доверчивое расслабление. Да, я не хочу сделать больно, это просто секундное затмение. Я даже не понял, что меня так разозлило, но уж совершенно точно не эта девочка.

Снова целую Дину, чуть отстраняюсь, закрываясь от нее и полностью переключаясь на ощущения тела... Ее и мои. Размышлять во время секса — глупейшее занятие.

Тепло... жарко... движения — быстрее... еще быстрее. Вот ее выгнуло подо мной... Поцеловать, прижать, чувствуя, как ее потряхивает от пережитого оргазма. Теперь можно и мне...

И спать. Главное — не думать. Спать.

Одуванчик-17

Кровать у Его темнейшества шикарная. Мягкая, удобная, и, главное, большая. Ну вот ничего не могу с собой поделатъ — ненавижу спать в обнимку с кем-то. Даже от родного мужа уползала на другой конец ложа, ибо Лешка имел привычку не только заграбастать мое не слишком мощное тельце в медвежьи объятья, но еще и колена сверху закинуть. Чтобы уж точно задохнулась и никуда не сбежала.

Властелин захватнических намерений не проявлял, уснул как зайчик, обнимая собственную подушку. Но я, на всякий случай, немного подвинулась, сладострастно потискала свернутое комком одеяло и уплыла в царство морфея...

А утром, как обычно, проснулась до рассвета. Властелин еще сопел в две дырочки, и как любой мужчина в такой момент выглядел мило и даже трогательно. Как кот. Такой, из больших и гривастых. Они тоже умеют непревзойденно вкусно спать, сразу забываешь и про зубы, и про когти, и про необузданные оргии в гареме.

Ох ты ж голова моя садовая... пустая и звонкая, как подарочная тыква. Я в студенческой общаге так не отрывалась, чтобы о презервативах второй раз подряд напрочь забывать... и хоть тресни, но сейчас мне казалось дико неуместным будить сладко спящего мужика и требовать у него отчета о том, как он предохранялся, и предохранялся ли вообще. Сама дура...

Ну ладно, что делать-то. Сейчас пора в душ, потом на занятия, а потом я пойду ловить какой-нибудь источник знаний, который поведаст мне тайны здешней контрацепции.

Сладко что-то муркнувшего во сне властелина я поцеловала в переносицу, в благодарность за прекрасную ночь, и отправилась искать дорогу “домой”. То есть в свою комнату.

За дверью обнаружился незнакомый и большой паук, который с пониманием отнесся к моим топографическим проблемам. Одну гулять по властелинскому замку не отпустил, но быстро вызвал сопровождающего. Или конвоира — судя по серьезно-грозной физиономии молодого темно-зеленого арахнида, который всю дорогу бдительно следил, чтобы я никуда не свернула. Вся его решительная восьминогая фигура транслировала в пространство незамысловатый постулат, что “шаг влево, шаг вправо, прыжок на месте — расценивается как попытка улететь!”.

Я тоже сделала каменную физиономию и четко маршировала только туда, куда указано. Чем под конец пути, уже оказавшись во владениях аррграу Рраушшаны, заслужила одобрителный кивок и даже почти улыбку.

Аррграу встретила меня лично. Невозмутимая и величественная, как всегда. Небрежным кивком отпустив конвоира, она пригвоздила меня взглядом к месту и о чем-то своем глубоко задумалась.

Развернуться и уйти было бы крайне невежливо, поэтому я терпеливо стояла и ждала, пока мадам паучиха очнется от своих мыслей.

— Ты сделала глупость. В следующий раз, прежде чем отправиться в гостевой зал, ты должна прийти ко мне.

— Да, аррграу, я поняла. Извините за доставленные неудобства.

Насколько все же легче разговаривать ментально! Можно передать массу нюансов — вежливое сожаление, приправленное нужной долей уважения, легкую нотку благодарности за внимание к своей персоне... и еще много-много мелких оттенков, которые раскрывают ситуацию гораздо полнее и точнее, чем слова.

Аррграу чуть заметно улыбнулась одними уголками губ, а ментальный голос ее потеплел примерно на полградуса:

— Ты умная девочка. Но будь внимательнее. Ты сама позволила собой управлять. Поэтому тебе не на кого жаловаться.

— Да, аррграу, я понимаю. Я ни на кого не собираюсь жаловаться, — да нужны они мне, дурехи малолетние.

А внимательнее я буду, тут она права. Развели-то меня, как простоквашу. Никто ведь не говорил “леди Диндэниэль, идите к троллю”. Стрекоза воспользовалась тем, что в список невест попала Лиидия, и обставила все с мастерством опытного манипулятора. А еще я сама слишком много думала на тему властелина, жениха и троллей. Вот и отреагировала, как новобранец на команду "бегом!".

Паучиха еще раз царственно кивнула и уже совсем было собралась повернуться и отбыть по своим делам, когда я ее окликнула:

— Аррграу, простите... вы не могли бы подсказать мне, как в гареме принято предохраняться от нежелательной беременности?

Меня пронзили фирменным царским рентгеном до самых пяток, скептически выгнули бровь и одарили следующей фразой:

— Это не твоя забота. У двуногих все решает мужчина, — после этого исторического залпа крейсер “Аррграу” развернулся на сто восемьдесят градусов и отбыл вертикально вверх по стене.

И понимай, как хочешь... то ли властелин у нас со встроенным презервативом, который он по желанию отключает, то ли тут у них аборт делают по решению высшей инстанции, то ли... то ли, вообще, не пойми что.

Ниточку мне, что ли, повязать на запястье, чтобы в следующий раз не забыть поинтересоваться этим вопросом до секса, а не после него? Хотя... тогда эту ниточку надо не на запястье повязывать, а на какое-нибудь другое место.

Повздыхала и пошла мыться, завтракать, учиться... ну и так далее. В конце концов, вот прямо сейчас я ничего изменить не могу, так чего прыгать? Хотя я помню, конечно, как оно бывало... умение накрутить себя до звездочек в глазах присуще каждой женщине.

У меня просто с возрастом прошло.

Я перестала загадывать сначала на десятки лет вперед, потом даже на год... радовалась тому, что есть. А после того, как умерла, причем в самый неожиданный, и как мне казалось неподходящий момент, какая-то кнопка в мозгу, отвечающая за “страх перед будущим” и “Ах, как хорошо было вчера, сегодня, только что, но что же будет завтра? Вдруг хуже???” сломалась окончательно.

Я всегда завидовала нашей кошке — вот кто совершенно не помнил прошлых огорчений и не парился, будет завтра в миске корм, или придет армагеддец, и все кошачьи консервы разом кончатся. Поела? Погладили? Солнышко нагрело подоконник? Мур-мур-мур, а все остальное не имеет значения.

Вот и я неожиданно для себя познала кошачий дзен. Что у нас по плану? Самогонный аппарат из двух кастрюль? Ура экспериментам и фруктовому изобилию! И по Ришшике я, оказывается, успела соскучиться.

Странно, но мне было даже не интересно, зачем феечка и дриада меня подставили и на что они рассчитывали. Скорее всего, надеялись довести меня, наконец, до истерики. Они уже столько раз пытались, а у них никак не получалось. Вот и решили рискнуть, тем более повод такой удачный подвернулся, вот паразитки и не удержались.

Следующие три дня прошли весело. Во-первых, я выбрала в музыкальном классе какую-то местную помесь мандолины и балалайки. Не такую большую, как гитара, но крепкую и удобную. И демонстративно носила ее везде с собой. Этого хватало для того, чтобы малолетки с моего этажа шушукались поодаль, иногда кидали язвительные замечания, но ближе не лезли.

Правда, на меня посыпался град каких-то мелких неприятностей, вроде густо наперченного супа, вымазанного чем-то липким и жирным сидения стула в столовой, совершенно расстроенного инструмента перед занятием, сломанных карандашей и прочего подросткового творчества.

Но я довольно быстро поняла, как их избегать — слишком уж заметно было злорадное ожидание, буквально витавшее в воздухе, когда я приближалась к “опасному участку”.

И вообще, злорадства вокруг как-то прибавилось. Одни шушукались не столько сердито, сколько презрительно-свысока, другие гаремные девы периодически посматривали с фальшивым сочувствием, изнутри начиненным удовлетворенным ехидством...

Довольно долго я не могла понять, что происходит. Но нечеткий гул вокруг меня, который я сначала принимала за перешептывания, на вторые сутки оформился в кидаемые в мою сторону ясные и понятные фразы: «Не понравилась!», «Кому ты нужна, эпоква!», «Ни рожи, ни кожи...»...

А вечером, когда я поднималась вверх по лестнице, идущая следом девушка мысленно оценивающе-удовлетворенно усмехнулась, прямо мне в спину: «Значит, совсем не понравилась Повелителю, раз он провел с ней ночь, а потом выкинул обратно в гарем».

Бедные дети, бемольку им в игрушки. Всех мыслей — как бы к властелину поближе пролезть и что потом за это выпросить. Одна я на всю голову долбанутая альтруистка. Позовет? — Хорошо, приятный парень. Не позовет? — Убиваться точно не стану. Мне есть чем заняться помимо размышлений о том, как бы его ловчее подоить. Главное, слишком сильно весь этот табун кобылиц неезженных не достает, вот и проживем себе. Детские подставы обойти легко, а на более серьезную пакость никто не решится — это чувствовалось. И вообще во время посещения столовой теперь чувствовалось и слышалось слишком много лишнего, но, если не прислушиваться, то можно делать вид, что поблизости

шумит море или в ушах свистит сильный ветер.

Зато по утрам никто не совался к моей корзинке с персиками, которую охранял паучок с бантиком, с каждым днем все более надутый и недовольный.

В конце концов, когда я в третий раз отнесла посланника на его паутину, он в сердцах пожелал мне, наконец, отгрызть настырному ухажеру пару лап — может, тогда он успокоится. Я обещала подумать, а когда отошла подальше — села под кустик и как следует отсмеялась. Очень уж веселую картинку показал мне сердитый паучок — замотанный в розовую ленточку, как в кокон, и украшенный парой бантов Ррашшард и я, свирепо грызущая своими хилыми человеческими зубиками его бронированную заднюю лапу.

Все хорошо, только непонятно, что делать с такой прорвой фруктов. Я, конечно, люблю персики... но не могу питаться только ими круглые сутки! Если бы соседки не вредничали и не шипели мне вслед про шпионку темных — давно бы раздала им большую часть. А так — приходилось скармливать по паре персиков Шойшо, а остальное тащить к Ришшике.

Гаремные заводилы, кстати, все это время делали вид, что меня не существует, хотя временами я ловила ненавидящие дриадские взгляды. Странно, я краем уха слышала, что по мозгам от аррграу получила хитропопая Стрекоза, а кипятком презрения и неприязни меня поливала Колючка. Наверное, за подругу было обидно, потому что феечку, похоже, пропетрушили так, что она теперь изображала тихую мышку и даже крылышками не трепетала в мою сторону.

Все это привело к тому, что я как можно больше времени старалась проводить в саду или у Ришшики. Чем последняя была очень довольна — по большей части девчонка откровенно скучала, и мои сумасшедшие затеи вызывали у нее бурный энтузиазм. При этом она не забывала по сто раз на дню высказать мне, что более ненормальной эльфы еще свет не видывал. Я кивала, мы обе хихикали и были полностью довольны друг другом.

А еще мы время от времени ловили отголоски чьего-то жгучего интереса, но этот “кто-то” упорно интересовался нами издалека и даже кустами не шуршал. Я подозревала, что некий восьминогий ухажер так проявляет знаки внимания, а вот Ришшика на него вовсе не реагировала до поры до времени. Ей больше нравилось наблюдать за моими химическими опытами.

И вот на третий день после памятной свадьбы мы с Риш сосредоточенно подкладывали сухие ветки в костер и внимательно следили за тем, как булькает бражка из малины.

Где Ришшика раздобыла нужные посудины, она мне не сказала. Увела разговор в сторону, пока я восхищенно скребла ногтем медное доньшко. Что хорошо — так это то, что у самой большой кастрюли была изогнутая дугой ручка, как у котелка, за которую ее можно было вешать.

И вот теперь мы ползали вокруг костра, поправляя и придерживая свой шайтан-девайс. В самую большую кастрюлю, висящую над огнем, мы налили брагу, потом поставили внутрь нее кастрюльку поменьше и всю эту конструкцию накрыли миской, в которую предстояло налить ледяную воду. По идее, выпарившийся самогон должен был конденсироваться на дне холодной миски и скатываться с него в меньшую посудину. Но это по идее... а в реальности мы уже два часа прыгали, как дикари вокруг ритуального пламени.

— Осторожнее! Перекашивается же, перекашивается! Держи ее!

— погоди, горячая... да не лей ты пока воду... где тряпка? Нотки-линейка, Риш! У тебя десять лап, и все кривые! Как из задницы растут!

— Оттуда у меня растут только восемь лап... сама ты кривая. Пахнет как-то странно, не

похоже на гномий самогон... кислятиной какой-то.

— Это брага! Все в порядке... ой, да держи же ты ее! Черти бы съели эту ручку... все время съезжает. Уф... капает! Риш, капает! Получилось!

— Правда? Ух ты-ы-ы... а как ты узнала?

— Ты что, глухая? Слышно же, как по дну капли стучат.

— Ну, это еще неизвестно, по какому дну и какие капли. И мне все равно не нравится запах!

Вдруг кусты за нашей спиной затрещали, я еще успела подумать, что это может быть наш таинственный интересант, но ошиблась.

— Грау Ришшика! Когда вы просили одолжить вам часть моего приданого, вы не говорили, что засунете его в костер и будете варить в нем какую-то неизвестную гадость! Кто теперь будет отмывать всю эту копоть?!

На полянку перед верандой решительным шагом промаршировала весьма колоритная девица. Макушкой она едва доставала мне до подбородка, но в остальном была очень даже пропорционально и... ммм... обильно сложена. Крепкие стройные ноги, обутые в добротные башмаки на шнурках, ступали очень твердо, клетчатая юбка, длиной чуть ниже колена, лежала ровными складками, а шикарная грудь, эдак размерчика четвертого-пятого, едва прикрытая белой вышитой рубашкой, воинственно торчала из туго затянутого на довольно тонкой талии черного бархатного корсета. Сама хозяйка всего этого богатства взирала на нас, как строгая учительница на шкодливых первоклашек, и хмурила светлые тонкие бровки на очень миленьком по-детски нежном и круглом личике. Большие голубые глаза сверкали непреклонно и уверенно. Пухлые губки были сурово поджаты. Даже толстая туго заплетенная русая коса, уложенная короной вокруг головы, излучала неодобрение.

Я готова была заложить последний одуванчик, что это потрясающее существо — девочка-гнома. Ну, вот ни на секунду не засомневалась!

— Не беспокойтесь, пожалуйста, мы все отмоем! — поспешила заверить я, не вставая с четверенек. Просто так было гораздо удобнее держать качающуюся конструкцию.

— Что вы делаете? — спустя некоторое время поинтересовалась девушка, уже с некоторым интересом наблюдая за нашей суетой. Вода в миске нагрелась, ее надо было сменить на холодную, а заодно нам представилась возможность полюбоваться результатом: на доньшке маленькой кастрюльки плескался самый натуральный вонючий и желтовато-прозрачный самогон.

— Это так и должно быть? — немного растерянно спросила Риш, старательно не глядя на гномочку. Похоже, ей было неудобно за закопченную посуду.

— Очень похоже, — с некоторым сомнением кивнула я и сморщила нос. Сивуха, конечно, та еще...

— Вы — две ненормальные дуры, — сделала вывод гнома. Она подошла поближе, заглянула внутрь нашего агрегата и припечатала: — Только стукнутые киркой слепоройки будут гнать самогон в кастрюле на костре!

— Змеевика у нас все равно нет, — вздохнула я, с удивлением отметив, что слово “змеевик” звучит вполне по местному и означает совершенно определенную часть самогонного аппарата.

— Фройляйн Зельма, я верну вам ваши кастрюльки очищенными, честное слово! — Ришшику явно мучила совесть. — Просто мы...

— Простовы обе спятили. Я уже слышала о сумасшедшей светлой эльфе, но не знала,

что это заразно для арахнидов. Вот что, — гномка решительно выплеснула из миски теплую воду и сама налила в нее холодную — из кувшина. — Раз уж начали, так доводите дело до конца. Все равно посуду загадили... а потом мы перегоним получившийся первач еще раз, уже как положено. Научу вас, косоруких, как правильно хозяйство вести.

Этот день мы закончили в большом и уютном доме Зельмы. Примерно после второй стопочки ее домашней наливки, которую гостеприимная хозяйка сразу выставила на стол к пирогам, мясным рулетам и вишневому варенью, мы перешли на “ты”, и приставка “фройляйн” куда-то пропала сама собой. Туда же, куда и “леди” с “грау”.

Дом гномочки сверкал чистотой, был очень уютно и при этом рационально обставлен. Хозяйка, как образцовая гномья невеста, занималась своим хозяйством исключительно сама, мохнатые невидимки только доставляли ей по утрам необходимые продукты. И вообще, Зельма была занята с утра до ночи, потому и не показывалась в саду и почти не общалась с соседками. Она писала настольную книгу идеальной фройляйн, где помимо разнообразнейших рецептов строго учитывался каждый принесенный из сада персик и каждый моточек шерсти, который пошел на носочки для будущих детей...

Быть идеальной фройляйн оказалось зверски сложно, на мой взгляд, и очень легко и интересно на взгляд самой гномы. В отличие от Риш, скучать Зельме было некогда. Во-первых, надо было готовить себе приданое. Не только носки — которых надо было навязать с запасом на всю гипотетическую семью, включая будущих детей чуть ли не на всю жизнь, как раз до замужества. Ибо потом будет некогда.

Во-вторых, нам с гордостью продемонстрировали кладовую, уже на две трети заполненную бутылочками, бутылками и бутылницами с фирменными гномскими настойками и наливками на всем, что вообще существует в этом мире. Секретные рецепты гномьи невесты получали в наследство и берегли как зеницу ока. На свадьбе гости будут угощаться всем этим богатством и восхвалять невесту. А жених будет надуваться в бороду и гордиться.

Было еще и в-третьих, и даже в-шестых, седьмых и так далее... но тут мы с Риш хором взмолились о еще одной стопочке наливки. Я даже забыла, что не собиралась спаивать малолетних паучих... ага, эти малолетние, как оказалось, сами кого угодно споят.

Короче, веселые у гномов обычаи. И самогонный аппарат входит в обязательный минимальный набор любой невесты.

Зельма, когда перестала переживать за свои кастрюли и собственноручно залила наш духовитый первач в бак для правильной перегонки, оказалась своей дочкой без всяких закидонов. И когда сумерки в саду начали свой неслышный хоровод, мы уже считали себя подругами до гроба. Договорились, что переносим мою косметологию к специалисту и занимаемся полезным делом не как попало, а по плану, основательно, под запись в нашу общую книгу трех идеальных невест. А пока у нас просто хороший вечер, который не грех бы скрасить какой-нибудь историей. Большинство голосов решили, что под наливочку сказка должна быть захватывающей и лучше страшной.

Вот уж чего-чего, а прочитанных книг в моей голове было пруд пруди. Электронный планшет и сетевые ресурсы — это сила. Я сначала даже растерялась — которую из толпы историй им поведать. А потом меня осенило!..

— Фройляйн Зельма? — вдруг раздалось откуда-то из сгустившейся на дорожке темноты, когда я дошла до самого напряженного и интересного момента. — Вы не одна?

Мы дружно вздрогнули. Риш поспешно подобрала под себя расслабленные конечности,

все восемь, гномочка схватилась за столовый нож... ну да, у нас Агата Кристи и ее десять негрятят, пятеро из которых уже того... а тут бродят всякие голоса в темноте, понимаешь...

— А, это вы, леди Кларисса... — выдохнула Зельма через секунду и отложила столовый прибор. — Проходите, пожалуйста.

Элегантная коротко стриженная брюнетка в черном, бледная, изящная и какая-то вся насквозь пронизанная мертвенно-серебристыми оттенками декаданса, вышла из тени, придерживая длинными пальцами подол узкого платья в пол. Мне почему-то сразу вспомнилась мода двадцатых годов прошлого века и великолепная Ахматова.

Дама была очаровательна в своей явной некрасивости — слишком большой рот, длинноватый нос на худом лице и огромные черные с багровыми отсветами глаза. Натуральная женщина-вамп.

Н-да, когда я это подумала, никак не ожидала, что окажусь права настолько буквально. Леди Кларисса оказалась дочерью крови и ночи и пришла к гномочке не просто так.

— Кроветворная настойка уже готова, если вы подождете, я принесу! — подхватила гостеприимная хозяйка, пододвигая вампирше кресло.

— Благодарю, — томная дама с удобством откинулась на мягкую спинку, и я усилием воли прогнала от себя видение длинной тонкой сигареты в ее руке. А еще от леди Клариссы веяло прохладой, никаким не могильным холодом, а именно приятной прохладой с нотками жасмина. Ее лицо выражало вежливое равнодушие, а под ним прятался неожиданно жгучий интерес... к моей истории. Я внезапно поняла, что гостья довольно долго стояла там, в тени, и слушала меня.

Тяжелые веки, до этого полуопущенные, вдруг поднялись, и на меня глянула глубокая чернота, затягивающая и манящая. Кажется, леди тоже этот... менталист?

Тонкая улыбка и легкий кивок были мне ответом.

— Наслышана о вас. В основном, от своего любовника, — голос у нее был чуть хриловатый, но глубокий и самую капельку вульгарный — ровно настолько, чтобы эта вульгарная откровенность ощущалась как утонченная изысканность. — Если не возражаете, будем знакомы. Кларисса.

— Диндэниэль, — улыбнулась я в ответ на эту легкую провокацию, точно так же намеренно опустив приставку “леди”.

И не стала спрашивать, как зовут ее любовника. Потому что, как мне кажется, сама догадалась. И им был отнюдь не наш всеобщий властелин.

Кларисса снова приподняла уголки губ, оценив мою пронизательность. Или нелюбопытность. Или способности к менталистике — в любом случае, ей понравилось.

— Ваша история... каюсь, я какое-то время подслушивала. Она весьма необычна.

— Леди Кларисса, вот ваша наливка, — Зельма вынырнула в круг света от большой настольной лампы и очень заметно удивилась.

Оглянувшись на нее, я поняла почему. Вампирша очень редко снисходила до общения с остальными обитательницами гарема, даже темной его части.

— Если вы не против, мы можем продолжить вечер и историю в приятной компании, — я дождалась быстрого кивка гномочки и подняла ажурную хрустальную рюмку, ментально подкрепляя свое приглашение посидеть, выпить и насладиться несравненной Агатой.

Кларисса осталась. Ее кроветворная настойка оказалась крепче гномьего самогона, мои истории из арсенала несравненной англичанки — “весьма своеобразными и не лишенными некоего примитивного очарования”, Ришика с Зельмой тоже были только

“за”...

Короче, вечер удался.

Он удался настолько, что я забыла о “времени паутины”, зато в какой-то момент компания возжелала музыки и прочих развлечений. И я с лихой бесшабашностью отгарабанила по столу дробный вызов. Маленький Шойшо охотно принес мне мою гитару из комнаты, — ведь она была моя, и я могла дать разрешение на ее перенос.

Вы когданибудь подбирали на гитаре гномий плясовой марш? Причем на слух и под аккомпанемент звучных хлопков ладонью по столу, задающих ритм? А видели, как гнома пытается научить паучиху танцевать этот самый танец на лужайке перед крыльцом? Представляете себе помесь джигги и летки-еньки в восемь ног?

А я видела. И даже обеспечивала музыкальное сопровождение.

А потом Кларисса, на которой почти вся бутылка кроветворного отразилась только чуть более расслабленными и размашистыми движениями да блеском глаз, захотела чего-то романтического, но без пошлости. И я играла ей ноктюрн Нуар, причем с такой легкостью, что любой гитарист-виртуоз из моего мира удавился бы на струнах от зависти. Я и раньше хорошо владела инструментом, но сегодня была особенно в ударе.

А потом... мы, кажется, пели хором. Не помню, что именно. А потом просто не помню. Но вечер был волшебным!

Честь и хвала идеальным фройляйн гномьего племени! Они не только умеют вовремя разбудить загулявших гостей, но и варят какое-то совершенно волшебное зелье от похмелья. И разрешают гостям воспользоваться их ванной.

Так что на занятия я бежала со всех ног, но вполне живой, умытой и прилично одетой.

А после обеда мы с Ришшикой отлеживались у нее в купальне и лениво сибаритствовали. Вспоминали, как вчера было классно, и размышляли на тему — почему бы не повторить. Особенно, если не увлекаться спиртным, а приналечь на Агату Кристи.

Мы болтали бы до самой ночи, если бы нас, уже под вечер, не отвлек белобрысый восьминогий секретарь Его темнейшества. Он вежливо постучал в дверь и вернулся на террасу, дожидаться, пока две размокшие дамы приведут себя в порядок и выползут к нему. С Ришшикой они вежливо, но очень холодно раскланялись, а мне было велено следовать в покои повелителя. Понятно. Властелин снова возжелал моего общества.

Одуванчик-18

Некоторое время назад...

Всю ночь мне снилась Тамиша... Воспоминания и мечты перемешались, образовав странное ощущение правдоподобности. Причем настолько сильной, что я даже почти поверил, что мы не расстались сотню лет назад...

Но внезапно лежащая у меня в объятиях девушка, потянувшись ко мне за поцелуем, превратилась из брюнетки в блондинку, заправила за остренькое ушко прядь волос и глуховато, но все равно гораздо более звонким голосом, чем у Тами, прошептала:

— С добрым утром... досыпайте, Ваше властелинство, а мне на занятия пора, не то опоздаю.

Тамиша называла меня по имени: Виланд. И в те времена, когда она ходила на занятия, я прислуживал старому морра арргроссу, стирая пыль с древнего источника силы, Аррахшира, и рассказывая великому артефакту, как прекрасен мир под солнцем. Мечтал о том, как чудесно было бы туда переселиться и создавать гнезда не в сырых пещерах, а в лесах, ведь там столько еды для арахнидов и их младших братьев!

А когда морра арргросса стал я, Тамиша уже была магом второго уровня, с небольшими ментальными способностями, которых вполне хватало, чтобы наши ночи были незабываемыми... Да мне было бы хорошо и без этих способностей! Мне же и тридцати не было, когда я попал к арахнидам, а на землю я их вывел, когда мне уже сто сорок семь исполнилось.

И, хотя Тами была уже не первой двуногой женщиной, до которой я дорвался после ста восемнадцати лет воздержания... Но она стала первой осознанной.

Дамы подземных гроллов меня не возбуждали, даже в полной темноте и под одеялом. Стать ужином для арахнидки, пусть даже после бурного секса, тем более не хотелось, а они уже не практиковали межрасовые связи, если не собирались совмещать процесс питания и удовлетворения. Зато, оказавшись на поверхности, я нырнул в мир женских прелестей, удивляясь и восхищаясь окружающему меня разнообразию.

А когда немного успокоился, огляделся, увидел Тамишу. Чтобы потом следующие сорок шесть лет не видеть никого, кроме нее...

Только она никогда не целовала меня с утра в переносицу. Точно помню...

Тут я окончательно проснулся и осознал, что в спальне кроме меня никого нет. Эта невозможная девица опять сбежала? Да, черт побери!.. Вот кто ее отпускал?

Охраняющий спальню арахнид гордо отчитался, что наложница доставлена обратно в гарем. Раз никаких других приказов от меня не поступало.

Какие от меня могли поступить приказы, если я спал? А она взяла и сбежала... в гарем. А ведь могла потребовать пристроить ее удачно замуж или отдельный домик на темной половине, или...

Может, она ничего не требует, потому что не знает, что имеет право потребовать? Надо попросить Праушшану объяснить леди правила чуть подробнее. Кто-то из девушек вспоминал про большой справочник, где вещественно оценивались все знаки внимания, оказанные мной. Уверен, управляющая моим гаремом знает о его существовании. Вот и пусть даст леди Диндэниэль с ним ознакомиться. И заодно объяснит, что из спальни морра арргросса без разрешения выходить...

Черт! Интересно, с чего я вдруг так разозлился? Ну, ушла девчонка с утра по своим делам, ничего не потребовав. Радоваться надо. Проблем меньше...

Тем более сбежала не к троллю в жены, а в гарем, откуда в любой момент ее призвать можно, как только захочу. А сегодня буду пристраивать свою черноволосую умницу, а то вчера как-то не до нее было.

Как ни странно, я даже выспался, так что магией себя взбадривать не пришлось, зато уже почти привычный вечерний заплыв в бассейне проделал с утра, перед тем как вызвать Рридфферта.

Пока переодевался, секретарь зачитывал и уточнял распорядок дня, скорректированный и зверски уплотненный из-за вчерашней внеплановой свадьбы.

Делегация из Нортермана прибыла еще вчера утром. Но, понятное дело, никто не обещал, что я приму их прямо вот так вот сразу, даже зная, что вместе с ними прибыл младший сын короля. Не наследный же принц... пока.

В любом случае, сначала надо с пухлявой черноволосой красоткой переговорить.

— Как зовут?..

— Брайна, Морра арргросс, — я еще не успел до конца сформулировать вопрос, как Рид уже на него ответил. Арахниды — идеальные секретари...

— После Совета приведи в белую приемную будущую королеву Нортерманскую. И не забудь папку с планами на развитие этой страны.

— Да, Морра арргросс.

Так, теперь выкидываем всех девчонок из головы, потому что на Совете меня будут доставать одни мужчины. В основном — люди.

Даже у арахнидов самки не лезут во внешнюю политику, занимаясь внутренней. Они оглашают свои потребности, следят за соблюдением законов, судят и карают провинившихся, занимаются потомством... Точнее, зорко наблюдают за тем, как о потомстве заботятся самцы-няньки. Морра аррграу — маленькие царицы в своем гнезде, но расширением территории и ее охраной занимаются самцы. Хотя решение о расширении принимает самка.

У орков, гномов и троллей женщины занимаются внутренними проблемами племени, мужчины — внешними. У иллитари, вообще, матриархат, у нагов — равноправие.

И только у людей женщины резко теряют способность к самостоятельному принятию решений, если рядом есть мужчина. Причем очень часто это не просто игра, а жестокая реальность — умная и рассудительная девушка внезапно тупеет и слабеет на глазах. Меня, после ста с лишним лет проживания у арахнидов, подобные метаморфозы какое-то время просто вводили в ступор. Но потом я наловчился общаться с прекрасной половиной человечества. Причем иногда моя собеседница даже не подозревала, что я считываю ее нормальные здравые мысли, пока она вслух несет полную околесицу.

К сожалению, умниц на пути завоевателя встречается не так уж и много. Тем более когда почти все свободное время он проводит со своей будущей королевой. Сорок с лишним лет...

Зато теперь у меня есть, где покопаться. И все эти ритуалы по лишению невинности всех имеющихся у меня в гареме девушек нужны совсем не потому, что я такой уж принципиальный блюститель нравственности. Просто люблю получать первое впечатление о женщине в такие вот интимно-экстремальные моменты. Она тогда наиболее открыта и доступна, причем не только на физическом, но и на ментальном уровне.

И я очень хорошо уловил, что из черноволосой пышечки получится прекрасная королева, а из красивой блондиночки, с которой я развлекся в тот же вечер, не выйдет ничего путного. Поэтому пышечку я сейчас пристрою за короля... а блондиночку отправил обратно в гарем. И Рраушшана напомнит мне о ней, когда я буду искать какому-нибудь красивый, глупенький, умеющий ублажать своего господина «подарок».

Нет, есть еще такие девушки, как вчерашняя северянка, с которой я не то что не спал, а даже общался лишь пару раз. В первый — когда она прибыла и была представлена мне отцом, и во второй, когда она отбывала и была представлена мне ее женихом. Этих тоже сортировали, конечно, на здравомыслящих умниц и прелесть каких дурочек, но без моего участия. На чужой каравай... Не надо путать заложниц, наложниц и дочерей сторонников, а то можно или без сторонников остаться или женатым внезапно оказаться.

Но даже будущей королеве придется узнавать все новости через шпионскую сеть, которую ей помогут сплести, конечно. И старательно изображать наивную милашку или красивую стервочку... Уж не знаю, какую ей роль подобрали ребята Илуватора, — у него там целая команда работает с такими вот умницами, корректируя их внешний образ и объясняя первые начальные цели, которых надо добиться... При этом, в процессе, психологически и ментально обрабатывая, доводят найденную мной кандидатуру до

совершенства. И будет она исподволь управлять своим мужем, который, в свою очередь, будет править страной. А мы будем держать руку на пульсе и крутить нежной шейкой в нужном направлении, заставляя коронованную голову ее супруга смотреть туда, куда нам надо, и думать то, что нам хочется.

Вообще, мы стараемся не вмешиваться в управления королевствами, если все идет примерно по намеченному нами плану. Королевы и герцогини развлекаются самостоятельно, для души. Интригуя в свое удовольствие, но помня о заложенной в их головы ментальной установке на полное уничтожение себя и своих детей, в случае предательства интересов морра арргросса.

Этим всем занимаюсь, естественно, не я, а Илуватор. Если возникают проблемы, которые можно решить тихо — он их решает, если нет, в дело вступает мой второй советник, Рремшшург. Арахниды или следят за тем, как проходят разрешенные военные конфликты, или карают посмевших нарушить установленные мной законы. Никаких войн без моего согласия. Никаких!

Вот с моего благословения — пожалуйста. Сами или с помощью наемников-орков, развлекайтесь сколько угодно... пока народ не восстанет. Но тут я не вмешиваюсь, — со своим народом каждый король должен уметь договариваться без арахнида за спиной.

Тяжелее всего было в самом начале, пока мир привыкал к новым порядкам, а коронованные особы пытались вновь загнать арахнидов в подземелье.

Если бы они смогли все объединиться... Даже не так, если бы они смогли договориться и выбрать единого лидера, за которым бы пошло большинство, то возможно... Хотя, скорее всего, просто война длилась бы подольше. Ведь почти все темные расы с радостью вышли из тени, в которую их планомерно загоняли люди, и приняли меня как верховного правителя.

Забавно, черт побери! Человек, пусть и магически одаренный, возглавил армию темных в битве против людей. И мы победили!..

Иногда я чувствую себя огромным таким пауком, который оплел сетью весь мир, и внимательно следит за всем происходящим. Пусть всевидящее око — лишь сказки, но у меня есть Илуватор и мои арахниды. Этого вполне хватает, чтобы успевать поймать особо назойливую муху, спеленать в паутину и высосать из нее кровь... до капли.

Что-то давно меня на воспоминания не тянуло, а тут сижу на Совете, вроде даже делаю вид, что слушаю, а в голове картинки из далекого прошлого крутятся. И все, как назло, связанные с Тамишей!

— Нет, я считаю нецелесообразным поощрять сближение Восточной империи и Даргойского королевства. Они находятся слишком близко друг от друга, и объединившись...

Я согласно кивнул ораторствующему советнику, и этого оказалось достаточно, чтобы вопрос посчитали решенным.

Загнав Тамишу обратно в глубины памяти, я с усилием заставил себя сосредоточиться на происходящем.

Непонятно, почему я, вообще, о ней вспомнил после прекрасной ночи с совершенно непохожей на нее девушкой. Совершенно. Абсолютно. Даже в мелочах не похожей... Почему сегодня?!

Или это подсознание пытается меня предупредить? Да я и так чувствую, что слишком увлекся. Надо срочно пристроить ее замуж и забыть, забыть как яркий, прекрасный сон. Пока он не превратился в кошмар.

И, черт побери, учитывая, какая хорошая у меня была первая учительница, повторно те

же ошибки я уже точно не совершу.

Следующие несколько дней я был занят только государственными делами, общался исключительно с мужчинами, даже на ночь никого не звал... Никого! И уж тем более эту возомнившую о себе невесть что девчонку.

А потом я внезапно наткнулся в бумагах на отчет о ее вечерних развлечениях и...

— Слушай, у тебя сейчас пар из ушей пойдет!

— Ты это читал? — я ткнул Илуватору под нос бумагу, при этом постепенно успокаиваясь.

Взбесился непонятно из-за чего. Ну, гуляли три девицы... Хорошо, четыре, если считать и леди Клариссу. Хотя даже представить не могу, как эти малолетки ее к себе заманили. И откуда иномирная барышня взяла эту странную историю о маньяке, убивающем всех подряд?

— Мало того, я выслушивал впечатления из первых уст, так сказать...

— И как впечатления?

— Во-первых, в оценке ментальных способностей ты или ошибся, или она продолжает развиваться. Считать мысли у детей крови и ночи, при этом не спятив и не став их рабами, могут не многие.

— Хочешь сказать, что Кларисса пыталась...

Кроме арахнидов, обладающих ментальной магией с рождения, еще только две расы могут с ними соперничать — иллитари и вампиры. Причем последние очень часто пользуются своими способностями так же, как я — подчиняя и сводя с ума. Конечно, подчинить меня или моего советника даже самому старому вампиру не получится, но зачаровать более слабого мага...

— Скажем так, она проверила такую возможность и сделала вывод, что уровень ментальной магии у леди Диндэниэль уже несколько выше первого уровня. А ведь я тестировал ее пять дней назад! — Ил посмотрел на меня суровым и непреклонным взглядом: — Виланд, эта эльфийка опасна!

Черт побери, я был совершенно с ним согласен. Она была опасна хотя бы потому, что я до сих пор помнил о ней и слишком эмоционально реагировал, и... эти воспоминания о Тамише... И ментальная магия, опять же!

— Ты же ее проверил, — я в упор уставился на друга. — Она лояльно настроенная иномирянка, с которой я сплю.

Черт! Именно сейчас мне вдруг безумно захотелось снова посидеть с ней рядом, посмеяться, расслабиться, выпить вина... Она — моя наложница, в конце концов, так почему бы мне не развлекаться с ней, раз мне это нравится? Она никуда не денется от меня, пока я сам этого не пожелаю. Так что...

— И, кстати, она вчера играла на какой-то гитаре... Проверь инструмент и принеси мне в спальню, вечером.

— Виланд... Она — эльфийка!

— А я и не собираюсь на ней жениться!

— Очень на это рассчитываю, — буркнул Илуватор и вышел, а я плюхнулся в кресло и попытался снова сосредоточиться на делах.

Ближе к ужину я связался с Раушшаной и приказал ей передать мне их гаремный справочник. Надо для начала самому ознакомиться со стоимостью знаков моего внимания.

Наконец, смирившись с тем, что ничего путного я уже сегодня не сделаю, я отправил Рридфферта за своей, черт побери, собственной наложницей... Какое-то время еще

поперебирал документы, сортируя их для себя, потом встал и вышел в коридор. Но на пути в спальню со мной столкнулся один из членов Совета, потом на меня налетел мой второй советник, с которым пришлось даже уединиться... А когда я, наконец-то, добрался до спальни и тихо открыл дверь, то первой, кого я увидел, была леди Диндэниэль. Она сидела на шкуре возле растопленного камина и листала лежащий рядом с ней большой толстый фолиант. Очевидно, текст в нем был очень смешной, потому что леди заливалась веселым хохотом, игнорируя косые взгляды моего секретаря. Я кивнул Рридфферту в сторону выхода, и тот с заметным облегчением прошествовал в коридор.

— Добрый вечер, леди, — я стянул сапоги и подошел поближе, постоял секунду, а потом тоже уселся на пол, одновременно заглядывая в раскрытую книгу.

— Вечер добрый, Повелитель, — отозвалась девушка, поднимая на меня искрящиеся от смеха глаза. — Какое у вас тут занимательное чтение. Я не ошиблась, это предназначено для наложниц? — и она перевернула обложку, на которой золотыми буквами было выведено: "Свод правил и поощрений для особ, пребывающих в гареме".

— И что же тут такого занимательного? — конечно, хотелось бы ознакомиться с этим справочником первым, но можно и вместе, заодно сразу пойму, что из перечисленного ее заинтересовало.

— То есть вы сами не читали? — девушка еще больше развеселилась. — Да-а-а... я только начала, а уже под впечатлением, — и она зачитала вслух: «Публичное лобзание повелителя (в том числе в щеку, ладонь или другую часть тела) приравнивается к двум дням высокого обслуживания в верхней купальне, включая массаж и магическую эпиляцию. Примечание: для рас, несклонных к оволосению тела, эпиляция заменяется на равноценную магическую процедуру косметического характера на выбор».

— Ну вот, у вас уже на месяц процедур косметического характера накопилось, — фыркнул я, одновременно осознавая, что идея высокого обслуживания Дину совершенно не привлекает, хотя массаж ее вроде бы заинтересовал, но не сильно. Точнее, не совсем тот, что предлагался. В ее фантазиях был я, вновь массирующий ей ступни... Даже улыбнулся про себя — конечно, после того, как властелин мира разминал ей ноги, довольно странно мечтать об обычном массаже тела.

Девушка отложила книгу и потянулась, чем-то неуловимым напомнив мне кошку. Я даже замер, ожидая, что она снова замурлычет, как в прошлую нашу встречу.

— Можно, я не буду читать дальше? Временами, конечно, весело, но очень уж как-то... Мне бы не хотелось оценивать ваше внимание в эпиляциях и прочих косметических процедурах. Я предпочту получить удовольствие от другого... пока это нам обоим нравится.

Хмыкнув, я захлопнул справочник... и, даже не сразу осознав, что делаю, положил свою ладонь сверху на Динину, переплетая наши пальцы и... Черт побери! Это просто наваждение какое-то.

Может, она, и правда, меня как-то очаровывает?

— До меня дошли слухи, что вы чудесно играете на гитаре, — прошептал я, усаживая девушку к себе на колени и целуя ее в губы, даже не дав ответить...

Какая гитара? Сейчас я хочу слышать ее стоны... У меня несколько ночей не было женщины, и мое тело недвусмысленно намекает на то, что конкретно с этой мне нравится гораздо больше, чем со всеми остальными... со всеми кто был до нее и после Тамиши.

Черт, вот о первой я точно сейчас даже думать не хочу!

Не став возиться с пуговицами и застежками, большую часть Дининой одежды я стянул

с нее или через голову, или через ноги. Она лишь то поднимала вверх руки, то выгибалась, приподнимая бедра. Куда-то в сторону зашвырнув и ее вещи, и свои штаны с рубашкой, я подхватил девушку на руки и отнес на кровать. Пару раз она попыталась что-то сказать, но я целовал ее, не давая даже рта раскрыть. Хочу ни о чем не думать, просто... просто целовать ее губы, ее тело, гладить ее грудь, дразнить языком розовый сосок, смотреть ей в глаза... иногда... и слушать... слушать только ее стоны, и больше ничего!

А потом я плавно вошел в нее и замер, чувствуя, какая она горячая и влажная внутри... и даже в ее мыслях ощутил, как она меня хочет. Меня... Не властелина мира, не мага, не источник ее будущих подарков... Она хочет именно меня... Черт побери!

— Мое имя Виланд, — прошептал я ей на ухо, вновь медленно входя в нее и глядя в ее чуть затуманенные поволокой глаза. — Ты можешь так меня звать... когда мы наедине.

Одуванчик-19

Какой все же потрясающий мужик... нет, вот пока я варила свою сивуху или пела с девчонками песни, я не то чтобы совсем о нем не вспоминала, но как-то не страдала без его внимания. Потому что между нами сразу было все понятно — он повелитель, я наложница, которую рано или поздно отдадут куда-то замуж другому мужчине. И, наверное, я сознательно и бессознательно включалась только в те моменты, когда он был рядом, готовая дарить себя и принимать его... а потом уходить, без сожалений и рефлексий.

Но когда мы были вместе, все разумные мысли как-то подленько и не по-товарищески покидали мою голову. Впрочем, я ни о чем не жалела. Мне было с ним хорошо здесь и сейчас, я думала, чувствовала и действовала ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС.

Это было что-то невероятное... когда мужчина любит не только твое тело но и...

Я принимала его вторжение, ощущала, как он проникает в мои мысли, в мою память, плывет среди радужных мечтаний и детских страхов, как он сознательно задевает те струнки, которые помогают нам вибрировать в унисон, как ловит и тут же воплощает в жизнь малейшее желание... и раскрывалась в ответ, еще свободнее, глубже, глубже...

И вот уже я сама отвечаю на каждое движение его души. Даже не угадываю — знаю раньше него, чего он хочет.

Тело уже горит, пылает, плывет и плавится. Мужские руки на груди. Я ощущаю их каждой клеточкой кожи. Шершавые, в мозолях, ладони... Я знаю, это от меча и ножей... Ты не только ментальный маг, ты воин, и только здесь и теперь я почувствовала разницу между просто мужчиной и тем, кто готов защищать свое с оружием в руках. Защищать и брать, завоевывать!

Но мы не воюем, мой властелин... я сдаюсь на милость победителя, и ты тонешь в моей слабости так же жадно, как я пью твою силу.

Если провести рукой вдоль твоей спины, вот здесь, вдоль позвоночника, ощущая кончиками пальцев, как двигаются под гладкой кожей мышцы... и чуть-чуть ноготками, вниз, вниз... ты стонешь и выгибаешься, иходишь в меня резче, до самого конца, взрывая сверхновую... а потом целуешь меня в ложбинку между шеей и плечом, там где мне сейчас почти до боли необходим твой поцелуй...

Мой повелитель... безымянный завоеватель, я хочу тебя так сильно, как еще никого не хотела за свои две жизни. Пусть даже вторая — это всего лишь несколько недель в твоём гареме.

— Мое имя Виланд... — и я с криком выгибаюсь тебе навстречу. — Ты можешь так меня звать... когда мы наедине.

Виланд... Виланд... все быстрее и быстрее, все острее и ярче, хотя, казалось бы, это уже невозможно... Зачем и как ты будишь во мне ЭТО? Может быть, потому что в тебе оно живет задавленное и задвинутое в самые дальние уголки души — это звериное желание обладать, брать, с рыком, почти с яростью? И ответное желание поднимается с самого дна моей собственной сути, такое же яростное и ненасытное — бери! Сейчас! Сейчас! Быстрее, резче, сжимая почти до боли, потому что я тоже этого хочу!!! Да! Да, да, да!..

И эхо нашего безумия улетело ввысь, отражаясь от стен паучьей крепости, унеслось куда-то гулкими коридорами, заставив мир вздрогнуть.

Я уже почти задремала, разнежившись в его ленивом довольстве большого зверя, и вопреки собственным привычкам уютно устроившись в крепких объятьях, когда сытый хищник снова востепенел и предложил:

— Как ты смотришь на то, чтобы искупаться и поплавать перед сном?

Открыв один глаз, я оценивающе посмотрела на склонившегося надо мной Виланда. Хмыкнула. С одной стороны — лень матушка. Я тут так уютно пригрелась... с другой — поплавать и искупаться — это было бы неплохо.

— Пошли! Только чур, не брызгаться! — заворочалась и попыталась встать. М-да... — А может, мой Повелитель отнесет несчастную затр... уставшую наложницу прямо туда, где плавают? — и сделала умильную рожицу из разряда “я — хорошая девочка”.

Как мне нравится его смех... По-моему, он сам не понимает, как здорово у него получается — совсем не по-повелительски, искренне, заразительно и как-то... ну как мальчишка хохочет — молодеет на глазах. Может быть, поэтому я иногда не могу удержаться, чтобы не ляпнуть или подумать что-то, что заставит его смеяться.

А насчет мальчишки — это я вовремя вспомнила.

До купальни меня на руках нес галантный кавалер, а вот на бортике здорового бассейна — метров пятьдесят в длину — уже оказался малолетний хулиган. Который снова собирался бултыхнуть меня в воду прямо с размаху!

Ага, шазз. А обезьяньи навыки на что? Я вцепилась в Повелителя всея вселенной не только руками, но и, извернувшись, ногами тоже. Так что в бассейн мы полетели дружной парочкой осьминогов.

Сначала он попытался утащить меня под воду, как настоящий осьминог, но когда я начала возмущенно булькать и брыкаться, отпустил. Как вскоре выяснилось — ненадолго. Похоже, игра в рыбку и хищное чудовище ему очень даже понравилась.

Собственно, я тоже была не против удирать во все лопатки, нырять и с визгом плескаться, когда этот Ктулху местного разлива меня догонял, дергал за ноги, затаскивая под воду, щипал за попу или щекотал. А иногда, если я коварным образом не вырывалась сразу, обхватывал щупальцами, притягивал вплотную и целовал... Пару раз мы таким макаром чуть не утонули — увлеклись и ушли на дно.

В конце концов, я как самая здравомыслящая осьминожка в этом пруду заявила, что целоваться все же удобнее на суше. А еще там, бывает, кормят ужином.

Меня тут же выудили из бассейна, укутали с головой в огромную махровую простыню, и когда я из нее вынырнула, оказалось, что Виланд уже успел нарядиться в шелковую пижаму, а мне великодушно предоставил шикарный халат. Тот самый, в котором прогуливался по саду в нашу первую встречу.

В халат я благодарно закуталась, вспомнила о брошенных куда-то за кровать трусиках и тихонько вздохнула. М-да... красная ниточка, повязанная на них, не помогла.

Вот же паразитс... повелительская мор... личико. Судя по тому, как оно нахмурилось, словно пытаюсь связать несвязуемое, кто-то опять шарит у меня в голове, как у себя дома. Ну и ладно... я уже привыкла, можно сказать. А раз сам подслушал, то подумаю конкретнее — это я пыталась так себе напомнить, спросить у него про контрацепцию до секса, а не после. Не вышло.

Виланд еще больше нахмурился, вопросительно склонив голову набок и глядя на меня с удивлением, как на неведому зверушку. Это при том, что я была сейчас полностью открыта, и он должен был прекрасно видеть в моей памяти и двоих детей, и четверых внуков. Вслух я бы в жизни это не объяснила, а вот чувствами... Да, дети — это радость. Нежность, нежность под пальцами, тоненькая бархатная кожа там, где прижимаешься губами к маленькому тельцу. Запах молока и чего-то еще, неуловимого, но такого уютного... Запах счастья. Первые зубки и бессонные ночи, школьные драки и бантики на резиночках. Слезы первой любви и записка в кармане... Кривой цветочек, кое-как накорябанный под запиской, примагниченной к холодильнику. Дети... Дети — это счастье. Но это еще и ответственность. К которой в этом мире я пока не готова.

Он хмыкнул. И ответил так же — не словами, а ощущениями и мыслями. Причем там такой букет был... и удивление, и согласие, и что-то типа: “не переживай, не твоя проблема”. А в самой глубине еще один слой, и еще... о том, что ребенок-полукровка эльфийских кровей — это очень много проблем. Для ребенка. А еще там что-то было про законную жену... Но все мелькнуло так быстро и спряталось так глубоко, что я не стала даже пытаться пролезть туда, куда меня пускать, судя по его лицу, не собирались.

В комнате с камином был уже накрыт ужин, на низком столике, возле которого были разбросаны подушки. И мы, не сговариваясь, молча отдали должное искусству повара, лишь изредка обмениваясь взглядами. Возникшая было неловкость постепенно таяла, таяла... и растаяла совсем, когда этот укротитель диких наложниц стал кормить меня клубникой со сливками. Мне после такого десерта надо будет обратно в бассейн нырять. А он дразнится как последний паразит! Еще и ржет, властелинская моська! И картинку транслирует про толстую... ага, орку. С моим лицом. Судорожно листавшую справочник расценок на Повелителя, в поисках процедуры магического похудения. Ах так?!

Нет, у него инстинкт самосохранения совсем отказал. Намекать женщине на лишние килограммы?! При том, что сам запикивает в нее сладости, а при попытке увернуться, размазывает эту чертову клубнику мне по физиономии?!

Лад-но... между прочим, лучший способ похудеть — это французская диета! На завтрак кекс и секс, на обед секс и кекс, на ужин секс и секс... если не помогает — исключить кекс! Вот сейчас как вообразу себе властелина в виде французского похудательного тренажера, будет знать!

Чем это все закончилось — можно даже не гадать. Любовь на леопардовой шкуре — это потрясающе, особенно когда после него в клубнике не только ты сама, но и повелительская пижама. И Повелитель. И шкура.

Когда мы второй раз вынырнули из бассейна, я узнала о том, что запас пижам и халатов у Повелителя большой. Причем он явно приверженец традиций — новый комплект ничем не отличался от предыдущего, кроме отсутствия клубничных пятен.

Одеться мы, кстати, дружно решили потому, что после водных процедур как-то взбодрились, и желание придавить подушку сменилось намерением заняться чем-то поинтереснее. Например, съесть еще клубники... но уже самостоятельно!

— Кстати, леди Диндэниэль, — голос у Виланда серьезный, а в мыслях смех, и физиономия хитрая-хитрая. — До меня дошли слухи, что вы прекрасно владеете вот этим инструментом, — и он, как фокусник, достал из-за спины... мою гитару!

А я-то, тетеха, о ней забыла напрочь! Как бросила на веранде у Зельмы, так по сию минуту даже не почесалась! Надо меньше пить.

Любовно погладив тонкий гриф и пробежавшись пальцами по струнам, проверяя строй, я предупредила:

— Вы только не рассчитывайте на многое. Сегодня я, конечно, тоже слегка пьяна... вами. Но гномьи наливки бьют по мозгам несколько другим образом, и я за вчерашнее не отвечаю. Что вам сыграть?

— Что душа просит, — вот вроде бы улыбнулся, но глубже, в подсознании, уже серьезен.

Нет, я не буду играть ему гномью плясовую, нечего ехидничать. Да, я не знаю песен этого мира, а своих петь не могу. Музыка со мной всегда, а слова... впрочем, зачем они нужны, на самом деле? Когда в эту комнату, в этот мир и в наши души входит гениальный Шопен и его Вальс Дождя...

Ты не знаешь про дождь... но ты слышишь его тихий шорох за нежным перебором струн? Здесь, у горящего камина гитара поет тебе о легком кружении капель, о мокрых желтых листьях на дорожке в парке, о запахе осени... о волшебном танце природы чужого мира. Чужого, но уже такого близкого и так похожего на твой. И ты уже готов танцевать вместе с дождем, кружиться в незнакомом танце, обнимая тонкую девичью фигурку. Она такая хрупкая и едва достает тебе до плеча. У нее темные волосы чуть ниже плеч, карие глаза и... вдруг на чужом лице появляется моя улыбка. И глаза светлеют, светлеют... А волосы уже падают золотисто-русой волной до талии, ластятся к твоим рукам. Это мой дождь, и танцуешь ты со мной.

Я слишком увлеклась этим танцем и упустила момент, когда в мою музыку прокрались чьи-то чужие ноты. Сначала они были тихими и редкими, затем стали вплетаться в мелодию все увереннее, меняя ее, коверкая, делая неправильной. Почти угрожающей. Хотя почему почти? Они действительно несли угрозу.

Не знаю, как и откуда это пришло, но я вдруг поняла — нельзя останавливаться, нельзя прекращать играть. Да я бы и не смогла — пальцы словно сами летали по струнам, больше мне не подчиняясь.

И тут меня взяла такая злость! Эта чужая магия — я уже знаю, что музыкой в моей голове отдается именно магия! — посмела испортить такой красивый вальс и такое настроение!

Усилием воли, сбросив наваждение, я сжала зубы и вернула себе свои собственные руки. И, несмотря на то, что гитара-предательница уже и без моей помощи продолжала угрожающе звенеть чужим вмешательством, я упрямо взяла нужный аккорд, ломая злой, неправильный ритм.

Пространство вокруг странно искривилось и поплыло. Я еще видела Виланда, но он был пугающе неподвижен, с застывшим лицом и темными провалами глаз. Реальность шла волнами, то унося его куда-то далеко, то бросая так близко, что я видела остановившийся взгляд. Где-то за стеклянной стеной искривления распахнулась дверь, и вбежал тот самый эльф... заместитель...

Музыка вырвалась из-под пальцев и ударила по нему, как тараном, сбивая на пол,

скручивая в болезненной судороге стройное тело, вырывая крик. Ах ты, зараза! Да хрен тебе! Я не дам себя использовать для чего-то... чего-то гадкого!

То, что происходит — неправильно, страшно и больно отдается где-то внутри, в пустоте, где совсем недавно я чувствовала теплое и... почти родное присутствие...

Я еще никогда в жизни не боролась с... музыкой. И не получала от нее сдачи. По рукам, словно электрическими разрядами, по сознанию... А когда поняла, что не справляюсь, что чужая магия перекрывает даже мои правильные аккорды — я запела. Вплетая самое себя в свою мелодию, в эту силу, с которой я рвала, меняла чужие лады.

Голос набрал силу, взвился до фортиссимо и взорвал пространство!

Тихо... темно... мокро. Нежно шелестят в листве мелкие капли воды, стекаются в крупные и падают мне на лицо чужими холодными слезами. Дождь... дождь?! Ничего себе поиграла с магией в вальс Шопена...

Пахнет сырой землей, травой, грибами... а еще чем-то знакомо-неприятным. Болотной гнилью! Звуки, постепенно прорывающиеся сквозь схлынувшее наваждение тоже странные. Точнее, для спальни странные. Вот это наверняка кричит какая-то птица, а в соседних кустах шуршит и попискивает мышь. Это звуки леса. Обычного ночного леса, но я-то тут как оказалась?

С трудом подняла тяжелую, гудящую голову, оторвав ее от устланной прелыми листьями земли. Непослушное, словно чужое тело не хотело шевелиться, отказывалось слушаться. Что... это было? Я опять умерла, что ли? Ну знаете... это уже входит в привычку... которая мне не нравится!

PS:

Шопен никогда не сочинял "Вальс дождя" =)

Одуванчик-20

Постепенно глаза привыкли к темноте, а руки и ноги, наконец, вспомнили, что они принадлежат именно мне. Какое счастье это эльфийское зрение! Даже скудного света звезд вполне хватало, чтобы уверенно ориентироваться в этих кустах, прости господи.

Стоп! Эльфийское зрение? То есть ничего не изменилось?

Кряхтя, как столетняя бабулька, я поднялась, сначала на колени, а потом на ноги. Нда... не изменилось действительно ничего, вплоть до властелинского халата на голое тело. О-бал-деть! Как сказала бы внучка. Непонятно где, в каком-то незнакомом лесу, в мужском халате, без трусов и босиком. Ну ты, бабушка, даешь!

Хорошо хоть поужинала плотно... прямо сейчас охотиться на местную дичь, ради пропитания, не придется. Но что, черт возьми, случилось?

Так, я играла... а потом в мой вальс нахально вломилась какая-то посторонняя магия, и чтоб мне лопнуть, если это не она перебросила меня от горящего камина и мягкой постельки под какой-то мокрый куст! Вот... свинство! Гитара, похоже, осталась там же, где и постель. То есть, обратно не отыграть...

А вообще — странно это все. Кому я сдалась, устранять меня таким хитрым способом? Бабам из гарема? Да не смешите мои тапочки. Эльфу-кагебешнику? Или самому Виланду?

Ой! Дура я, дура! Ну, кому нужна какая-то там наложница, пускай даже иномирянская? Властелин — вот настоящая цель! А я в своей слепой самонадеянности не просто попала под руку, но еще и что-то там поломала... в этой магии.

Тут я подскочила, словно укушенная за едва прикрытое халатом мягкое место. Если это было похищение, и если свистнуть намеревались не кого-то там, а Его темнейшество... то

либо сейчас, откуда ни возьмись, выскочат похитители, либо я спела им такую арию, что все перемещение полетело кувыркком неизвестно куда. И в это самое "неизвестно куда" нас выкинуло. Стоп еще раз. Нас?

Нас. Потому что тело под соседним дубом, неподвижное и уже почти промокшее под противно морозящим дождем, и есть тот самый ценный приз, к которому я пошла довеском.

Рухнув обратно на прелую листву и на карачках быстро метнувшись к Виланду, я первым делом перевернула его на спину и прижалась ухом к груди. Уф-ф-ф... живой. Слава богу, живой! Но крепко контуженный. Не шевелится, не отзывается, глаза открыты, но взгляд неподвижный.

Так, для начала надо оттащить его подальше в кусты. И, вообще, подальше от места приземления. Я почти уверена, что нас выбросило вовсе не туда, где ждали похитители, но лишняя предосторожность не помешает. Если бы еще он не был таким тяжелым... и не цеплялся длинными ногами за каждую торчащую корягу...

Поднять и нести его я не смогу, придется волоком, а потом возвращаться и уничтожать следы волочения.

Через два часа я была мокрая, как мышь, но не от дождя, а от пота. Да, эльфы тоже потеют, если их пытаться использовать, как тягловую лошадь! Зато Виланд был надежно спрятан в самой глубине густых зарослей, метрах в ста от места приземления, прикрыт от дождя ветками и подвернувшимися под руку лопухами, а все следы я, вознося хвалу эльфийским глазам, тщательно уничтожила. Подобрала свалившуюся с его ноги тапочку. Разровняла ковер из листьев, накидала в художественном беспорядке шишек и веток. Понятно, что против опытного следопыта или собаки я — не Чингачгук. Но все что могла — сделала. Хорошо еще, что эльфийское тело умело ходить по лесу босиком. Наверное, инстинктивно. Своими прежними человеческими ногами я бы далеко не ушла.

Теперь можно и осмотреться. Обойти заросли, понять, откуда несет болотом и гнилью, чтобы ни в коем случае туда не вляпаться. Ягод каких-нибудь поискать... лопух между двух веток я уже пристроила, свернув его наподобие чаши. Вода к утру наберется.

Костер развести мне было нечем, трением добывать огонь я на практике так и не научилась, да и опасно это. Мало ли кто залетит на костерок. Сейчас только немного ориентируюсь, а потом залезу в кусты к своему повелителю под бочок, как-нибудь под лопухами до утра дотянем. Буду греть его и греться сама... а там, глядишь, и дождь кончится.

Как всегда, наспех построенные планы тут же рухнули. Потому что буквально под первым же возникшим на моем пути деревом обнаружилось еще одно тело. Да что ж это такое!? Проходной двор, а не крепость, заходи, кто хочет, магия кто умеет! Массовый терроризм и никакого порядка. Когда не только Властелин, но и его заместитель-телохранитель-кагебешник липовый валяется в отрубе под какой-то елкой! Тоже мне, бемолем им по дизелу, служба безопасности!

Фырча от злости, как укушенная за хвост кошка, и вслух комментируя все произошедшее, я опять подоткнула полы халата повыше, затянула пояс, схватила кагебешного эльфа за ноги и поволокла в ставшие уже родными заросли.

А куда его еще? Он же рвался в комнату, то ли на зов своего шефа, то ли просто по сигналу тревоги. С таким лицом рвался, что сразу понятно — защитник, мать его скрипичным ключом через рояль! И получил по организму той же сволочной магией, которой оглушило Виланда.

Опять пришлось замечать следы, а потом еще примерно час, тихо ругаясь сквозь зубы, я возилась в кустах, как озабоченная барсучиха, закапывающая там двух великовозрастных детенышей. В прямом смысле закапывающая — пришлось устраиваться основательно, вырыв в толстом слое старых листьев довольно большое углубление. Выстелить его лапником — все руки исцарапала, пока наломала — закатить туда две неподвижные туши... Придут в себя, намекну, что диета — не только женское развлечение.

Согнуть и сплести над этим импровизированным ложем длинные ветки кустарника, набросать сверху других веток и травы... и лопухов, этого незаменимого лесного богатства... потом втиснуться между мужчинами, прижать обоих крепче и выдохнуть, наконец!

Все, пусть теперь хоть враги табунами, хоть маги оркестрами... я так вымоталась, что никаких страхов не осталось.

Еще послушала, как ровно бьется сердце Виланда, потом пощупала эльфа — тоже порядок. Пристроила голову на плечо своего Повелителя, собираясь ждать скорого утра. И неожиданно отрубилась — как из розетки выключили.

Проснувшись я на рассвете, по самой прозаической и, можно сказать, тривиальной причине. Вчера за ужином мы и вино пили, и сок какой-то... ночью моему организму, видать, было некогда заморачиваться такой приземленной физиологией, а теперь он немного выспался, основательно замерз и вспомнил о том, что у него есть такой чудный прибабас, как мочевого пузыря.

Кряхтя и охая, я выползла из-под привалившихся ко мне тел и первым делом рванула за ближайший кустик. Ох... жить сразу стало легче. И дождь прекратился, лепота!

Когда я вернулась, меня поджидала еще одна радость. Оба тела начали подавать признаки жизни. Глаза, которые я вчера первым делом прикрыла обоим персонажам — мало ли, веткой выколет, пока волоку, мусор насыплется, и все такое... Так вот, глаза у обоих были открыты и даже весьма активно вращались. Моргали, щурились... и общая окаменелость морды почти спала, потому как гримасы оба корчили весьма красноречивые.

В свете собственных проблем я как-то быстро догадалась, что два тела тоже обнаружили в своих организмах излишки жидкости.

— Дела-а-а... — выдала я вслух и вздохнула. — До ближайшего дерева я вас доволоку, но строго по одному. Кому быстрее надо, просигнальте можете?

Кагебешник недоделанный тут же попытался демонстративно отвернуться и скорчить независимую морду. С учетом контузии, вышло забавно. Причем он еще и ментально выматерился, засранец. Нет, дословно я не уловила, но посыл был однозначный.

— Ну и сам себе злобный ых, — сказала я ему и занялась Виландом. Он все это время активно пытался подняться, ворочался, хрустел лапником и пыхтел.

— Вот, умничка, правильно, давай вставать... — приговаривала я, закидывая его руку себе на плечи. — А вредные эльфы подождут, если не лопнут.

— Наложницы меня на руках еще не носили, хоть какое-то разнообразие, — о, у нас и голос прорезался! Пока, правда, только ментальный, ну так, уже хлеб!

Хорошо держится мой Повелитель, хотя, на самом деле, ему жутко хреново, неудобно, больно, стыдно... и даже страшно.... где-то там, в самой глубине души. Похоже, вчерашнее заклинание его защиту основательно покоцало. Значит, буду вдвойне осторожной, чтобы не влезть туда, куда он никого не пускает.

— Это еще что, вот когда я тебя через кусты за ноги тащила, вот это было весело! — подбодрила я его и прислонила спиной к дереву. — Дальше сам справишься, или помочь для

быстроты? Подглядывать не буду, мне еще его эльфийское воображение волочить.

— Успокоила, — какой у него красноречивый ментальный хмык. — Никакой лояльности к Повелителю... за ноги... через кусты... — подумаешь, он еще и бухтит.

— А нечего было оглоблями за каждую кочку цепляться! Ну что, помогать со штанами или нет?

— Нет, так далеко в разнообразии мы заходить не будем. Сам справлюсь!

— Сам, так сам, — покладисто кивнула я, убедившись, что конструкция из дерева и Властелина стоит крепко. Ничего так — лбом в дуб уперся, шею набычил... справится. А я пошла... за вторым подранком.

Упрямая эльфятина даже ногами самостоятельно перебирать еще не могла, но рожи корчила — умереть не встать. А его эльфийские матюки я не выдержала и прокомментировала — мол, погоди, не части, я запоминать не успеваю, а записать некуда.

Товарищ посмотрел на меня большими эльфийскими глазами и неожиданно заткнулся. Так что к заветному дереву мы добрались, можно сказать, в полной душевной гармонии.

— Натяните вам вашего телохранителя... Уф! Худеть ему надо! — не обращая внимания на взметнувшееся ментальное возмущение, я прислонила эльфячье тело рядышком с Виландом. — Окажете ему дружескую помощь? А то, боюсь, если это сделаю я, он опять к кому упадет.

Вот, правильно, никаких пораженческих настроений, сразу оба взбодрились. Один пышет негодованием, второй ржет, как конь... на бемоль знает каком ментальном уровне вглубь, но учитывая контузию и треснувшую защиту — эхо на весь лес.

— Мы справимся! Ты, главное, потом вернись, а то обратно к нашему шалашу я и сам только если ползком...

— Я пока осмотрюсь, — понятливо кивнула и пошла... подальше. Пусть журчат в тишине и спокойствии, контуженные мои.

Для начала я вернулась на то место, куда нас с Виландом выбросило. При дневном свете было хорошо видно, как нам повезло — упругий травяной ковер обрывался в болотную трясику буквально за тем кустом, под которым я очухалась. Мерзкая зеленоватая жижа жирно блестела и время от времени сладострастно хлюпала, испуская зловонные миазмы. Меня даже сейчас передернуло. Проманхнись поломанное заклинание на пару метров, и все — буль-буль, карасик. Два карасика.

А потом мне попался очень удобный дуб. Высокий, раскидистый, корявый достаточно, чтобы на него можно было влезть. Пустив когда-то корни на небольшом пригорке, он заметно возвышался над остальными деревьями. И я, не раздумывая, полезла на разведку. Сверху-то всяко дальше видно, чем можно ногами обойти.

Удобно пристроившись в развилке у самой вершины, я, наконец, смогла оглядеться. Ну, ничего особо утешительного я так и не обнаружила. Позади меня были поросшие лесом холмы до самого горизонта. А у самых ног начиналось не менее впечатляющее своими размерами болото. Тоже конца края не видно, зато видно что-то странное метрах в трехстах от моего дерева. Очень... очень странное и даже пугающее.

Белочкой скатившись вниз, я поспешила к своим спутникам.

Настырный властелин, шатаясь, стоял у дерева, одной рукой держался за него, а другой попеременно пытался то выполнить какие-то скованные движения, то размять непослушные мышцы ног. Эльф сидел на покрытой листьями земле, прислонившись спиной к стволу, и оба сверлили меня напряженными взглядами.

Не пытаясь ничего объяснить словами, я сразу отправила картинку. Точнее коротенькое ментальное “кино”. Причем отправила обоим — кто поймает, тот молодец.

С молодцами у нас было все хорошо, только вот “достопримечательность” им очень не понравилась. Эльф заметно вскинулся, задергался, пытаясь встать. А на лице Виланда, вообще, проступил откровенный шок... неверие... почти паника. Всего на мгновение, потом он взял себя в руки.

— Так... Мы точно пешком туда не дойдем? Хотя и не надо, там может быть опасно. Лучше я сам залезу сейчас, посмотрю, — н-да, древолаз нашелся. Белк-инвалид!

Хотя старается, энергично растирает ноги, делает резкие махи руками, приседает, держась за дерево... и все это с грацией бывалого паралитика.

Эльф геройствовал меньше, только желваками играл и пальцами скреб по земле, больше ничего не получалось. Эх его, бедного...

Я вздохнула и еще раз продемонстрировала тот кусочек “кино”, который напугал меня больше всего.

— Давайте, пока вернемся в шалаш. Есть шанс, что там нас не найдут, по крайней мере, сразу, — я, вообще, не была уверена, что нас ищут, но это подозрительное шевеление... и некие ментальные отголоски... Да и логика никуда не делась. Вряд ли кто-то нехило приложил Властелина магией только для того, чтобы тот основательно полил дуб на краю болота!

Слава богу, спорить со мной никто не стал, и инвалидная команда двинулась в обратный путь — к убежищу.

—! — вслух сказал недобитый эльф, когда на него сверху чуть не упал пытавшийся помочь с транспортировкой Властелин.

— Согласна, — пропыхтела я. — Ваше темнейшество, давайте вы сами себя до цели донесете, это будет просто неоценимая помощь с вашей стороны. Потому что вы тяжелее!

Переносной груз злорадно подхихикнул, выдав пространную ментальную сентенцию о том, что надо меньше ржать и жрать, а больше тренироваться.

Под их мысленное ехидство мы даже как-то быстрее добрались до нужных кустов и с облегчением рухнули на подсохший лапник. Все трое. И только расслабились, как вдруг мне в спину словно ледяной штырь воткнули.

В ушах зазвучала тихая, вкрадчивая и какая-то вязкая мелодия. Да рояль твою об арфу, опять магия?!

— Черт! — яростно выругался Виланд и дальше пожелал бедному рогатому существу что-то очень заковыристо-сексуальное. Много раз и не с того конца. А лицо у него на секунду стало злобно-беспомощное, но потом беспомощность ушла, оставив только злость. — Поисковое заклинание, примитивное и слабое, а у меня магии меньше, чем в детстве!

Отчаянно сжавшись между двумя моими полупаралитиками, я стиснула ладонями виски, стараясь отстраниться от ввинчивающейся в мозг назойливой мелодии. Не помогло. Опять стало страшно, до судорог, до холодеющих конечностей. Да, вчера тоже было страшно, очень! Поэтому я отвлекала сама себя, ругаясь на окружающую действительность. А потом нашлись парни и бояться стало некогда. Просто некогда.

Гадкая музыка вернула ощущение беспомощности и страха. Но в какой-то момент я поняла, что больше не могу. Не могу ее слышать! И попыталась сделать единственное, что было в моих силах: вполголоса, без слов, запела простенькую детскую колыбельную.

Чистым звуком вслух выводила незамысловатую тему, а мысленно, не обращая внимания на отсутствие рифмы, проговаривала, как мышки спят, и птички спят... и все спят так тихо, что их не слышно, не видно, и вообще, никого нет дома.

Детская песенка звучала все увереннее, заглушая противный писк чужой магии, я обняла своих “мышек и птичек” за плечи и все так же тихо, но проникновенно пела мелодию, раз за разом.

Когда мерзкий перезвон окончательно растаял, я отпустила эльфа, уронила голову на грудь Виланду и обессиленно закрыла глаза. Никогда еще ни одна колыбельная не давалась мне так тяжело.

Кажется, я задремала. Сквозь сон вроде бы слышала, как кто-то рядышком шуршал, хрустел ветками, матерился, даже ментально переговаривался... словом вел активную жизнь. Но мне было глубоко до оркестровой ямы. Глаза просто не открывались.

Потом меня взяли на руки... и, кажется, куда-то понесли. Поцеловали в висок — губы шершавые, чуть обветренные, такие знакомые.

А потом вдруг, откуда не возьмись, в моей жизни появилась мягкая постель, подушка, одеяло... и я отрубилась окончательно, причем с чувством хорошо выполненного долга.

Одуванчик-21

Виланд:

Некоторое время назад...

Ил притащил мне эту гитару ближе к ужину, хотя, с моего позволения, забрал «обследовать» рано утром. Думаю, он разобрал ее на мельчайшие крупички и потом собрал обратно, чтобы с сожалением вернуть, признав, что это действительно только лишь музыкальный инструмент.

Обычная эльфийская гитара, ничем не примечательная, в отличие от той девушки, что сейчас играла на ней какую-то удивительно красивую мелодию из своего мира.

Сначала я просто слушал, потом осознал, что это очень похоже на вальс. И совершенно неожиданно почему-то вспомнил, как мы отмечали нашу самую первую крупную победу... Память услужливо вытаскила и позволила снова испытать ту эйфорию, когда я буквально летал... левитировал, сжимая в объятиях хрупкую и такую же светящуюся Тамишу. Увидеть, как она влюбленно-восторженно смотрела на меня, шепча: «Ты сделал это, Виланд!». Мое сердце тогда билось часто-часто, в голове было пусто-пусто, и крутилась лишь одна мысль, которую я излучал всем присутствующим: «Мы сделали это!».

Тогда мы пили и не пьянели, потому что уже были хмельными от счастья... Хотелось лишь одного — прижимать к себе любимую девушку и танцевать с ней, забыв обо всем... под дождем.

Да, шел дождь, но нам было все равно! Большая часть мира принадлежала мне, и я был готов бросить эту часть под ноги своей любимой... И кружить, кружить, глядя в ее родные карие... голубые... Да, черт побери! Голубые глаза!

Тамиша — это мое прошлое, а мое настоящее сидело напротив меня, улыбалось, склонив голову на бок, иногда встряхивая ей, чтобы откинуть с лица золотые локоны, еще влажные после нашего последнего купания. И кареглазая брюнетка в моем воспоминании растаяла, превратившись в такую же хрупкую, миниатюрную эльфийку... Диндэниэль... Дина...

Мое прошлое показало мне, как легко можно уничтожить будущее. Растоптать мечты, исковеркать все планы. Нет, надо жить настоящим и не задумываться, что с нами будет

потом. Какая разница? Да, у меня есть обязательства, есть долг перед арахнидами, есть Аррахшшир...

А все остальное — не важно. Дина — не предаст, а большего я от нее и не жду.

Черт побери, я хочу танцевать со своей наложницей. Надо позвать кого-то, чтобы сыграл нам...

Странно, не мог же я захмелеть от одних воспоминаний? Но в голове все плыло, мысли растекались, и магия словно утекала, смываемая дождем. Все расплывалось... Я еще более-менее осознанно посмеялся над своей наивностью. Вот ведь глупец, ничему меня жизнь не учит! Предать может любой... никому нельзя доверять, никому! И это была последняя внятная мысль...

Потом в голове словно что-то взорвалось и...

Темнота... пустота... Сколько времени прошло? Так, по крайней мере, я могу думать и прекрасно помню, кто я. Только шевелиться не могу...

Слух и зрение возвращались очень медленно. Сначала я ощутил влажную прохладу, сладковатый запах гнили и протухшей застоявшейся воды... Под ладонями была сырая земля, я ее чувствовал, но даже слегка пошевелить пальцем не получалось. Страх, что я уже никогда не смогу двигаться отогнал сразу. Тело отказывало мне уже далеко не в первый раз... Магия все залечит, просто нужно время. И магию...

Странное непривычное ощущение ментальной тишины вокруг пугало гораздо больше. Но вот я почувствовал, как оживает Аррахшшир... Легкое покалывание, разгоняющее магию по телу, как кровь по венам... И... Черт побери! Великий артефакт, а такое чувство, что магию по капле возвращает! Глаза бы еще закрыть, а то в них тоже капает... дождь. И здесь дождь?!

— О, и вы здесь, Ваше Темнейшейство?! — прямо надо мной появилось озабоченное лицо Дины. Холодные мокрые пряди ее волос прикоснулись к моей коже. Не самое приятное ощущение, от которого меня вновь окатило волной злости на свою беспомощность. Мы где-то возле болот, я лежу неподвижной обузой, рядом со мной беззащитная девушка, намокшая, напуганная... Не надо быть ментальным магом, чтобы не понять этого по одному ее взгляду и по облегченному вздоху, когда она поняла, что я жив. Жив... Но сделать ничего не могу! Черт побери, я даже встать не могу, не то что перенести нас обратно в замок. И защитить не могу... Ни от зверей, ни от людей, ни от тех, кто перенес нас сюда.

Да уж, это явно не Дина, а если и она, то перенеслись мы куда-то не в то место, на которое она рассчитывала. Иначе сейчас бы ее зубы не выстукивали гномью плясовую от холода и страха.

Даже словами не приободрить, не то что...

Эй?! Куда... Тут у меня в голове снова что-то будто взорвалось, перед глазами заплясали яркие разноцветные точки, словно мелькающие в ночи обезумевшие маленькие феи... и резкая боль рядом с сердцем, там, где хранится Аррахшшир...

Старый морра арргросс рассказывал, что именно такую безумную боль он испытывал, когда эльфы вырывали своей магией из его груди великий артефакт. Но мне повезло... Аррахшшир был по-прежнему со мной. И магией я уже наполнился... Черт!.. Как бы не захлебнуться в той магической лужице, которая плещется внутри меня!

Зато я теперь могу открыть глаза. Закрывать глаза. Снова открыть... Повернуть голову влево. Вправо...

Тут мне вспомнились ругательства, которые я не использовал уж лет сто, точно:

напротив лежал Ил, в таком же плачевном состоянии, как я. Даже в худшем, потому что он мог лишь почти не моргая смотреть вверх.

Интересно, где мы? Сколько времени прошло? Кто перенес нас из замка, и кто притащил с болота?.. Сколько вопросов и все без ответа!

От философских размышлений меня отвлекли прозаическая нужда и вернувшаяся Диндэниэль.

Пока она помогала мне выбраться, я воспользовался уже немного восстановившимся ментальным даром. Считывать ее мысли оказалось безумно трудно, особенно когда почти все силы, даже умственные, были задействованы, чтобы не рухнуть позорно лицом в землю.

Нет, возможно, через пару часов я смог бы справиться и самостоятельно... Доползти до ближайших кустов и отлить, стоя на коленях, или даже попытаться встать, чтобы сделать это гордо и свысока... Если бы меня не разорвало к тому времени!

Даже не знаю, злиться или смеяться над своей беспомощностью. Давно уже не испытывал ничего подобного.

Странно, но от Дины излучалось только сочувствие, никакого осуждения, никаких обвинений. Даже недовольство по поводу того, что ей приходится о нас заботиться, было какое-то... ненастоящее, уютное.

Ил, само собой, все время пытался изобразить оскорбленное достоинство, а я расслабился и даже пытался шутить, заглушая страх и волнение. Какое к черту достоинство, когда нас девчонка на себе по лесу таскает?

Вот ведь, даже сообразила, как нас спрятать, о воде позаботилась... Подозрительно, конечно. Нет, будь она действительно эльфийкой, эти знания можно было бы хоть как-то объяснить. Хотя настоящая высокая леди предпочла бы не волочить на себе двух здоровых мужиков, а аккуратно упасть в обморок на ближайшее более-менее сухое место.

Отругать эту высокую леди, которая забралась повыше, чтобы оглядеть окрестности, у меня просто сил не оказалось. А то, что она там увидела, прошибло до холодного пота...

Так, потом об этом буду думать... Сейчас нам надо выжить, вернуться в замок и выяснить, что же произошло, и кто... Кто, черт побери, нашел описание этого ритуала?! Ту книгу, в которой он был описан, я самолично сжег на костре, вместе со старым эльфийским колдуном!

Жаль, но сползая разглядеть, есть ли там алтарь, и правильно ли нанесены все знаки, у меня сейчас не получится. Да и, сама по себе, идея глупая и опасная. Может, нас там ждут? Болото, опять же, кругом...

Есть у меня подозрения, что мы чудом спаслись лишь благодаря Дине. Хорошо, что она сама иногда прокручивает у себя в голове события последних часов, тоже пытаюсь понять, что же все-таки произошло. Прекрасно, что она совершенно не умеет закрываться. Именно поэтому я знаю, что она делала, думала, чувствовала... И эта ее битва с внезапно решившей сыграть свою песню гитарой тоже навеивает подозрительные мысли. Эльф изучил гитару, прежде чем отдать ее мне. Гитара эльфийская. Играла эльфийка. Ритуал изъятия Аррахшира придуман и осуществлен с прошлым морра арргросс эльфийским колдуном...

Все указывает на эльфов. Как-то уж очень слишком... слишком много эльфов. Такое ощущение, что кто-то перестарался. Но ничего, разберемся!..

Когда я уже почти расслабился и поверил, что к вечеру мы вернемся в замок целыми и невредимыми, в ушах противно зазвенело поисковое заклинание. Как назойливый комар, который летает над тобой и ищет, где бы удобнее укусить. Я даже зубами заскрипел от

злости — это ж надо так глупо... глупо сдохнуть. Ни магии, ни меча, ни сил, чтобы задержать врагов хоть на время... Но Дину они не найдут, если я выползу и отвлеку. Ни Дину, ни Ила...

Обидно, черт побери! Ведь почти спаслись. Еще немного, и магия бы вернулась ко мне полностью, а сейчас... если там совсем пустышки, есть надежда, что сумею отбиться. Конечно, боец и бегун из меня сейчас примерно такие же, как и маг, но вдруг повезет?

Нет никакого желания погибать в лесной глуши, почти без боя, не отомстив тем, кто меня сюда перенес.

Ладно... Заклинание нацелено на меня. Даже того магического мизера, что сейчас внутри, хватает, чтобы это почувствовать. Значит, надо выползать из укрытия и уходить... уводить подальше от Ила и Дины. Илуватор, когда окрепнет, сможет вернуться в замок. А я хоть и ослаб, но уже в сознании и не совсем беспомощен. Придумаю что-нибудь... Главное — продержаться, пока магия полностью не вернется, а уж потом я им устрою!..

Глупо как... Простейшее заклинание, черт побери, и плел его какой-то слабак — внутренним зрением видно дыры в этой ловчей паутине. Она пока слепо колышется неподалеку, потому что комар еще меня не обнаружил.

Что ж, пора... Целовать на прощание никого не буду. Быстро свалю, чтобы эти двое даже не поняли ничего.

Только встать я не успел, хотя уже приподнялся на локтях, стараясь не кряхтеть, как древний старик. Но внезапно Дина запела... Она пела какую-то простенькую мелодию без слов, очень напоминающую колыбельную, которую напевала мне сестра. Эльфийскую колыбельную!..

И назойливо жужжавший уже практически мне прямо в ухо комар вдруг словно подавился и... полетел куда-то прочь. А висевшая в воздухе сеть начала медленно растворяться...

Странная какая-то магия у моей эльфийки. Голосом могут очаровывать вампиры, околдовывать сирены... Но Дина ведь не голосом обманула поисковое заклинание, не голосом спасла нас, переместив не туда, где меня ждали. Не голосом, музыкой.

Бред, сказка, но... похоже, что леди Диндэниэль — музыкальный маг. Если верить легендам, они изредка встречались, причем только среди светлых эльфов, но последний умер от старости еще за сотни лет до моего рождения.

Если бы только что не услышал и не увидел сам, никогда бы не поверил. Скорее заподозрил бы гитару, на которой играла Дина. Только ведь той, явно, не тысяча лет. Ну или она очень хорошо сохранилась. Черт, мне бы так выглядеть в ее возрасте!.. Хотя чему я удивляюсь? Гитара-то эльфийская.

Ушастые же до самой смерти выглядят так, словно только что первую сотню лет разменяли. А я через триста совсем поседею... черт побери!

Закрыв глаза, я расслабился и мысленно начал подпевать. Не знаю, какие слова были у колыбельной, которую пели в детстве Дине... Но, как ни странно, я до сих пор помнил слова той, что пели мне:

Спят дороги, спят леса,
Спит ручей и спит роса.
Дрыхнут пьяницы в корчме,
Спит эльфенок на холме.
Спит под уханье совы,

В колыбели из травы.
У подножия сосны
Видит сказочные сны.
Про зайчонка и про мышь.
Спи-усни, скорей малыш!
Спи спокойно, ведь сюда
Не дотянется беда.

(с) автор стихотворения: Ника Батхен

Где-то на последних строчках меня снова пронзила резкая внезапная боль — Арахшшир, нежелающий еще раз насильственно расстаться со своим носителем, решил наполнить меня магией как можно скорее.

Какое-то время пришлось лежать и терпеть, даже не матерясь сквозь зубы, потому что Дина пристроила свою голову у меня на груди и, по-моему, заснула. Под ее ровное и размеренное дыхание я и сам, едва боль отступила, ненадолго задремал.

А Ил, ерзая и перекатываясь, сумел выползти наружу, чтобы размяться и восстанавливаться, хотя бы физически. Он прав — двум сильнейшим магам лучше появиться в замке не шалашиком, подпирая друг друга. Там и так сейчас паника, особенно среди арахнидов.

Спустя примерно час я почувствовал, что у меня уже хватает сил, чтобы послать зов Рремшшургу. И пока мой первый советник матерясь сквозь зубы приседал возле нашего импровизированного шалаша, я связался со вторым.

Конечно, долго беседовать на таком дальнем расстоянии мы не стали, — я еще не настолько окреп, но удерживал связь, пока Рем вычислял, где мы находимся. А потом подхватил сладко спящую Дину на руки...

Девушка даже не проснулась, пока мы пересекали портал, лишь обняла меня за шею и прижалась покрепче. Я улыбнулся, игнорируя хмурый взгляд Ила, а потом наклонился и поцеловал Дину в висок. Илуватор лишь неодобрительно хмыкнул, но промолчал. Правильно. Конкретно сейчас моя привязанность к иномирной женщине в теле эльфийской девушки была самой малой из наших проблем!..

Первым делом, оказавшись снова в замке, я распорядился насчет охраны Диндэниэль и успокоил своих арахнидов. Потом начал выяснять, что именно произошло...

Сначала допросил своих советников. Друзья — друзьями, но в текущей ситуации не до реверансов. Да они и сами все прекрасно понимали, оба. Потом был Рридфферт. Затем массовый ментальный опрос всех арахнидов, присутствующих в замке.

Когда у меня пошла кровь носом, я решил выдохнуть и попробовать упорядочить то, что уже узнал. Получалось скорбно мало и совершенно ничего не понятно. Но, к сожалению, при всем моем желании продолжать расследование дальше, человеческое тело не успевало за мощью древнего артефакта и настойчиво сигнализировало о переутомлении.

Магическое восстановление полностью закончилось, а вот для физического необходимо было нормально поесть и выспаться. Естественно, ни есть, ни спать мне не хотелось, но стучащие в голове гномики-рудокобы настойчиво намекали на то, что надо хотя бы подремать.

Пришлось довериться Илуватору, пусть это и будет ошибкой... Очередной.

Но Рремшшург не справится один, к тому же внутренней безопасностью заведовал

именно Ил, и многих своих сотрудников знал только он. И... Я даже бы почти поверил в то, что он участвовал в заговоре, если бы он не оказался в лесу, вместе со мной, без магии... открытый, как младенец.

Да, он мог скрывать от меня свои действия, но все его эмоции, все чувства ко мне были как на ладони. Ненависть спрятать бы не получилось, даже в задницу — я просканировал его полностью, перед тем как позволить прикрывать мне спину, пока мы пересекали портал.

А еще меня ужасно напрягал этот слишком откровенный акцент на эльфов. Помимо всего прочего, Илуватор сам напомнил о легендах про магические музыкальные артефакты... Гитары, да! Гитары, черт их побери! Артефакты, которые служили музыкальным магам и даже могли открывать по их желанию порталы...

Гномики-рудокопы в моей голове немилосердно стучали кирками, а сердце резал на части злобный орк-маньяк. Потому что все потрясающе сходилось... Отвратительно, идеально, слишком идеально все сходилось и указывало на эльфов.

Леди Диндэниэль, обследованная Илуватором и признанная условно безопасной. Ее гитара, обследованная Илуватором и признанная условно безопасной. Я, как последний идиот, увлекшийся этой леди... и сам лично вручившей ей в руки гитару. Да, черт побери, если бы даже я не сделал этого вчера, то все равно услышал бы как она играет на ежемесячном концерте, на котором каждая наложница должна была выступить и порадовать своего Повелителя или красивым танцем, или пением, или картиной, или... игрой на гитаре-артефакте, умеющим открывать порталы.

Каким чудом у Дины мог оказаться древнейший эльфийский артефакт? Это та гитара, которую она привезла с собой? Или та, которую она забрала из большого зала, а потом так смешно расстраивалась, что потеряла ее где-то в саду? Или вообще, третья, которую ей подсунул планирующий покушение Илуватор?!

Почему те, кто желал моей смерти, поторопились и не дождались концерта? Кто они?

Ил и Дина?

Все указывает именно на них, но их поведение на болоте полностью снимает с них все обвинения. Что-то изменилось и они передумали меня убивать? Что?

Зачем Дина боролась со своей гитарой? Я же видел... чувствовал... считал в ее воспоминаниях. Она именно боролась, стараясь ее перенастроить. Понимала, что происходит что-то нехорошее и пыталась нас спасти.

А Ил?.. Прошлым вечером он работал у себя в кабинете пока не пришел Рремшшург, и тогда два моих советника решили выпить перед сном. Но тут в кабинет ввалился едва стоящий на ногах Рридфферт, чьи комнаты находятся буквально рядом с моими, а значит... Значит он должен был быть уже без сознания, как все остальные арахниды в замке, потому что я уже был зачарован странной музыкой...

Но Рид, вместо того чтобы валяться в коридоре или у себя в комнате, сумел доползти и предупредить Ила и Рема. Почему? Потому что слабо был ко мне привязан?

Мой секретарь вообще слишком особенный, изначально, с рождения. Ходили слухи, что это потому, что его морра аррграу очень любила есть эльфов... Опять эльфы! Но это-то точно шутка, конечно — откуда в подземелье, где последние сотни лет прозябали арахниды, взяться эльфам?

Черт побери, проще признать, что гитара Дины является древнейшим артефактом, чем искать еще какое-то объяснение, откуда взялась сила, способная не просто сражаться с Аррахширом на равных, а победить... Тем более победить именно музыкой!

Если бы мой секретарь оказался таким же как все, то он не добрался бы до двух моих советников. И тогда бы Илуватор не рванул ко мне на помощь, попутно вызвав нагов, чтобы дворец не остался без охраны. Рремшшург тоже побежал вместе с ним, обогнал и... упал без сознания в коридоре, под дверью моей спальни. А Ил успел влететь и его унесло вместе со мной. С нами...

Так, а что же случилось с гитарой?

Несмотря на слабость, я вызвал Вишала, картушшергерра нагов и, предварительно извинившись за ожидаемые неудобства, считал его... Да, черт побери, я и раньше не владел этим искусством так совершенно, как Ил, а уж сейчас, вообще, был похож на кентавра в посудной лавке. Но не Илуватора же мне просить, учитывая то, что он — подозреваемый номер один?! А арахниды вскрывают блоки так же, как я, задней лапой с размаха и об косяк...

Выяснив все, что мне нужно, я какое-то время посидел в кресле, откинув голову назад и наблюдая за мелькающими под потолком разноцветными точками. А Вишал, приложив к носу платок, тоже приходил в себя, только наклонив голову вперед. Наконец, когда нам обоим полегчало, я еще раз извинился, а наг понимающе кивнул, прежде чем выползти из кабинета.

Что ж... Пока все арахниды валялись по замку в обмороке, парни Вишала успели осмотреть мою спальню и никакого музыкального инструмента там не было. Гитара исчезла...

Конечно, был небольшой интервал, когда можно было ее выкрасть, ведь наги не обладают умением телепортироваться с места на место. Но ползают они достаточно быстро, и когда они появились, даже Рремшшург еще был без сознания. Хотя пришел в себя он одним из первых.

Арахниды, оберегающие гарем и дежурившие вокруг замка, отделались только головной болью и массовой паникой, не помешавшей им выполнять свои обязанности. Вот моим телохранителям не повезло, отдача от ментального удара буквально размазала их по стене, а не только воздействовала на мозг. Один из ребят умер еще до моего возвращения, второй продержался, чтобы отчитаться мне и получить прощение. Конечно, я не осуждал его за то, что он не выполнил свой долг и не спас меня. Так что в темные пещеры он ушел с чистой совестью. Однако в его памяти не было ничего интересного.

Вот в воспоминаниях у Вишала меня что-то царапнуло, что-то такое... требующее тщательного изучения. Надо слить в кристалл и пересмотреть попозже, когда гномики-рудокопы оставят содержимое моей головы в покое.

К сожалению, до кристаллов я не дошел, потому что вдруг ощутил ментальный призыв о помощи.

Диндэниэль:

Старость — не радость, даже в молодом эльфийском теле. А может быть, я просто не приспособлена к вояжам по болоту, да еще и с двойным неходячим грузом. Так или иначе, но едва я продрала глаза, чтобы воспользоваться властелинскими удобствами, как поняла, что неплохо бы поспать еще столько же. Два раза по столько же, и вообще — у меня был стресс.

Но пока я копошилась у столика, наливая себе из высокого тонкогорлого кувшина апельсиновый сок, в покои Повелителя заглянул его секретарь.

— Повелитель велел проводить леди в гарем, как только вы проснетесь, — объявил

он. — И просил вас не покидать свою комнату, пока он сам за вами не придет.

Н-да, вот тебе и повелительская благодарность. Домашний арест, причем до него еще надо доползти, не распугав половину гарема своей измученной мордой. А впрочем... мужик наверняка занят по уши, покушение — это вам не фунт изюма. Оно мне надо — путаться у него под ногами?

Выспаться прекрасно можно и в своей кровати.

Снежный паучок дождался, пока я допью сока и, очевидно почувствовав мое внутреннее нежелание встречаться с кем-то, повел меня какими-то секретными закоулками. На половине пути к нам присоединились еще двое арахнидов, молчаливых и суровых. Так что к месту своего будущего заключения я была доставлена под паучьим конвоем.

Честно сказать, мне было практически все равно на такие мелочи, потому что глаза буквально слипались. Носом во властелинскую подушку мне спалось прекрасно, хотя и мало. Поэтому под своим одеялом я вроде бы заснула легко и быстро, но вот потом началось что-то странное...

Мне снилась какая-то невероятная тяжесть, навалившаяся на меня, причем не было никаких связных образов, событий, ничего — только это безумное давление и ощущение того, что кто-то бежит по мне, перебирая множеством маленьких колючих лапок. Потом тяжесть стала совсем непереносимой, и появились звуки. Мелодия, забросившая нас к болоту, сменялась назойливым перезвоном того, что Виланд назвал поисковым заклинанием, и снова, и снова... пока в душной темноте не замелькали картинки, похожие на обратную перемотку кадров.

Вроде бы ничего страшного в этом быть не должно, но мне было очень плохо, гадко, словно меня выворачивали наизнанку и при этом давили, давили... а потом ударили.

Так сильно, что я закричала и от собственного крика проснулась.

Болело все и больше всего голова. С трудом оторвав ее от мокрой подушки... мокрой? Глаза превратились в узенькие щелочки, сквозь которые едва пробивался свет, я почти ничего не видела, зато чувствовала странный запах. Медный, пугающий, навязчивый.

Подушка была мокрой от крови. Кровь продолжала капать у меня из носу, а может, и из глаз — схватившись непослушными деревянными руками за лицо, я размазала ее так, что теперь было не разобрать, что именно кровоточит.

В ушах звенело, тошнило и одновременно дико хотелось пить, меня трясло так сильно, что любые попытки вызвать хотя бы домовенка были заранее обречены на провал. Выстучать сложный ритм призыва я не могла.

Надо позвать на помощь... Надо... выбраться хотя бы на террасу, чтобы меня увидел кто-нибудь.

Медленно, хватаясь окровавленными руками за стену, я доползла до выхода. Там кто-то есть... в коридоре... Я чувствую... или просто слышу шаги, легкие, девичьи. Какими бы ни были вредными соседки, они, как минимум, поднимут крик, увидев такой ужасик.

— Пресветлые! Леди? Леди Диндэниэль, что с вами? Вы можете убрать паутину? Леди? Леди! Я не смогу вам помочь, я не могу войти!

Голос знакомый, и в нем испуг, жалость, сочувствие... Я помню эту девочку. Она всегда держалась в стороне от остальных, тихая и скромная, никогда не участвовала в общих посиделках девчонок. Даже в столовой держалась незаметной мышкой, быстро ела и уходила. Но со мной несколько раз заговаривала, что-то спрашивала на музыкальном занятии... Ее зовут... ее зовут... Аина...

Последним усилием воли я дотянулась до серебристой метки на дверном косяке. Ну вот, и здесь кровью все заляпала... Зато мне не дали упасть прямо у порога.

Аина оказалась неожиданно сильной девушкой. Она подхватила меня и даже вытянула в коридор, к самым перилам, прислонила к ним.

Твердое дерево довольно чувствительно впилося в поясницу... воздух... свежий... как хорошо... Только сейчас я заметила, что уже поздний вечер. А на этаже пусто — наверное, все ужинают...

— Спасибо... — просипела я и уже хотела попросить, чтобы девочка оставила меня здесь, а сама позвала кого-нибудь на помощь. Я буквально кожей ощущала идущее от нее доброжелательное сочувствие и легкий испуг.

Но сказать я не успела. Ничего не успела, даже закричать.

— Наслаждайся... темная тварь! — все те же сильные руки, пользуясь тем, что я не могу сопротивляться, подхватили меня под колени и просто перекинули мое тело через перила. Сочувствие, это проклятое сочувствие мокрой простыней облепило меня со всех сторон, сжимая, перехватывая дыхание, не давая закричать.

Вот и все... ветер рванул за полы халата, бросил волосы в лицо... Безумие полета в темноту, я знаю, чем оно кончится. Еще бы, с моего-то верхнего этажа...

Почему мне не страшно? Только обидно немного...

Одуванчик-22

Диндэниэль:

Это так банально, я тысячи раз об этом читала, но время действительно словно замедлилось, и я падаю сквозь его густой кисель плавно, будто неспешно, при этом успеваю подумать о миллионе глупостей сразу.

Донни... словно где-то далеко ударил колокол, и сознание срывается вниз с острого горного пика и несется с бешеной скоростью. Я четко чувствую момент этого срыва — сбоку и сверху на меня бросается что-то большое и темное, хватает и переворачивает мое беспомощное тело, и в стороны от него бьют тонкие темные нити, которые с треском лопаются, но при этом замедляют наше, уже общее, падение.

Я ничего не вижу, но при этом необыкновенно ясно понимаю, что происходит. Это уже не похоже на неспешные кинокадры, это яркие вспышки, вмещающие в одно мгновение целый кусочек жизни.

Он, как всегда, принес корзинку с фруктами. Он посадил младшего брата на ее ручку, на этот раз не став мучить несчастного бантиком. Они вроде бы договорились... взаимовыгодно... мухи в караульном помещении крупнее и сочнее...

Но я не пришла в свою комнату утром. И он весь день об этом помнил, хотя дисциплинированно занимался делами своего картушша. А потом была общая тревога, сильный удар из пустоты, который почувствовали все, и...

И арргросс справился. Вернулся к своему народу, успокоил, навел порядок...

Только закончив выполнять все, до единого, поручения арргросса, Ррашшард рискнул вернуться на свой наблюдательный пункт. На стене, чуть ниже и левее нужного этажа... Он почти успел...

Теперь я вижу все словно бы со стороны, объемно и четко, вижу, как он летит спиной к земле, прижимая меня к брюшку, как сам группируется в комочек, как делают это обычные, земные пауки, если их напугать или уронить. Но правильно сгруппироваться у него не получается, потому что там, где он обычно прячет более слабое человеческое тело теперь

спрятана я.

А нити-паутинки все бьют по стене, цепляются за нее, но не могут удержать падения... Играть мелодию порванных струн, пока резкий удар не обрывает этот странный совместный полет последним жестким аккордом.

Кажется, я на несколько секунд или минут потеряла сознание. Хотя меня и спрятали в клетке сжатых паучьих лап, все равно с такой высоты об землю — вышло достаточно сильно, чтобы выбить из меня дух.

Но и только. Я поняла это быстро, пришла в себя — и поняла.

Завозилась, выворачиваясь из захвата. И сразу стало ясно, что кроме уже давно раскалывающейся головы ничего не пострадало. А голова... ну накапало еще немного крови на паучье брюшко... тоже мне, проблема. По сравнению с тем, в каком состоянии мой спаситель!

Он не раскрыл голову о каменные плиты двора и смотрел на меня вполне осмысленно. Только из золотисто-загорелого его лицо стало серым, землистым. Даже губы посерели. Господи, неужели спину переломало? Уф... Нет... вот он слегка разогнулся и шевельнул руками... и зашипел.

Четыре паучьи лапы были неестественно вывернуты из суставов и торчали в стороны, даже на вид болезненно подергиваясь. Этими лапами он цеплялся за паутину, пытаясь затормозить падение...

— В порядке? Грау... У вас кровь. Задело? — фразы отрывистые, между ними тихие стоны, сквозь зубы, на фоне неравномерного стрекота.

Спайдермен ты мой... переломанный. Как бы мне сползти с тебя, не задев ни одну из вывернутых лап? Надо же на помощь кого-то позвать!

Попытавшись ответить, я обнаружила, что после падения у меня пострадал еще один орган. Глазки склеены и не смотрят почти — ерунда, голова болит и кружится — не смертельно. Но, ко всему прочему, я здорово прикусила кончик языка, и кровь теперь брызгала изо рта при любой попытке что-то произнести. Как есть ужасник! Тьфу!

Вот уж точно, в голове все закружилось: вслух-то говорить зачем, идиотка? Можно же ментально.

— Нормально. Пусти меня. Я позову кого-нибудь, кто тебе поможет!

Блин, напугала парня... у него глазищи и так не маленькие, а тут стали еще вдвое больше, когда он увидел, как у меня по подбородку сбегают красные струйки.

— Вам... нужнее. Легкое пробито? Младшие братья... сейчас помогут. Не двигайтесь!

— Язык прикусила, самый кончик. Не страшно, само пройдет, — и губы поплотнее сжала, сглатывая солоновато-сладкое, с металлическим привкусом. — Здесь тоже есть младшие братья? Все равно надо кого-то... покрупнее. У тебя лапы переломаны!

Внезапно меня передернуло только от одной мысли: «Если у них сочленения такие чувствительные, то какую же боль он сейчас должен испытывать!».

— Не переломаны. Вывих. Если сломать... Уже навсегда. А так — заживут.

И он попытался улыбнуться, но улыбка вышла откровенно вымученной.

— Заживут — это хорошо. Умница... спаситель мой... Чудовище восьминое, а если бы убился?! — я неожиданно рассердилась.

В моем понимании, дети — а совсем молодого паучка иначе воспринимать не получалось — не должны кидаться вниз со стены, даже за пожилыми тетками!

С перепугу или от стресса я напрочь забыла, что пожилая тетка уже и так померла в

другом мире, а здесь я — молоденькая эльфиечка.

— Своя смерть — не страшно. Чужая — больнее, — почти прошептал Ррашшард.

Н-да... не могу не согласиться. Проблема в том, что для меня как раз его смерть — чужая!

Вдруг мне показалось, что по его изувеченным ногам что-то ползет, и я вздрогнула. Но, присмотревшись, только головой покачала. Действительно — ползло. Множество младших братьев тщательно опутывали вывихнутые лапы паутиной, фиксировали плотными, даже на вид, жесткими лубками, выплетая их вокруг поврежденных сочленений.

Я засмотрелась, как они работают, и потому дикий крик, раздавшийся откуда-то сверху, вонзился в сознание неожиданно, как кинжал в спину.

Она упала совсем рядом. Темные каменные плиты встретили тонкое девичье тело сытым хрустом и отвратительным чавканьем. Я успела увидеть, как брызнуло во все стороны то, что было моей несостоявшейся убийцей, и, наконец, потеряла сознание.

Чувствуя при этом даже некоторое облегчение — все, на сегодня с меня точно хватит.

Виланд:

По замку я еще бежал на своих двоих, прислушиваясь к переговорам арахнидов и чувствуя, как внутри все замирает от страшного предчувствия. «Наложница», «охраняемая наложница», «не справился», «ушел в темные пещеры к черной морра аррграу»... Больше всего меня беспокоило сочетание двух слов: «наложница» и «разбилась».

Да я эту наложницу приказал перевести в гарем лично Рриддферту, сразу после того, как его допросил. Дождаться, пока она проснется и сопроводить до покоев. Проследить, чтобы заперлась. Распорядиться насчет охраны. Убедиться, что все в порядке...

Покушение было совершено на меня, значит, рядом со мной сейчас находиться было опасно. Личная комната в гареме, два арахнида-охранника под дверью, аррграу Рраушшана неподалеку. Что?.. Что опять могло случиться?! Почему? Неужели она все же замешана в заговоре, и от нее попытались избавиться, как от ненужного свидетеля? Не верю... не хочу верить!

Дина искренне переживала, естественно злилась на случившееся... Она спасла нас от поискового заклинания, черт побери! Зачем ей было это делать?

Потому что с нами был Илуватор, и она боялась, что его убьют? Бред какой в голову лезет...

Или потому, что заговорщики, поджидающие нас у алтаря, вообще не были предупреждены об эльфах и убили бы их? И билась она с артефактом, чтобы перенесся только я, а она осталась бы в моей спальне? Бред! Или нет?

Ил сорвался ко мне в спальню, чтобы спасти ее?.. Они успели бы сбежать. Только зачем тогда вызывать нагов заранее? Мог бы подождать и... Нет, не сходитесь!.. Подозревать их можно, я уже готов всех подозревать... Но уверенно обвинять — нет.

В сад, откуда раздался ментальный зов о помощи, я уже левитировал, плюнув на свое физическое состояние. Психическое мне было дороже. Маленькие братья, кружащие вокруг, закидали меня визуально-эмоциональными картинками, одна страшнее другой. Прибывшие в сад раньше меня арахниды тоже фонили сопереживательной печалью, которую они испытывают только к своим. А еще несколько брезгливой отстраненной эмоцией, аррспошаблиз, когда рядом — смерть, но не арахнида и не того, кто был бы достоин быть арахнидом. Например, эльфийки...

Добежав, я облегченно выдохнул при виде Диндэниэль. Ее держал на руках один из

воинов, толпящихся возле спускающейся по стене, с этажа на этаж открытой лестницы. А на каменных плитах, неподалеку от разбившегося тела еще одной наложницы, лежал на спине и старательно заглушал волны боли Ррашшард.

Да, я знал, что он постоянно крутится возле Дины. Но никогда бы не подумал, что он рискнет ради нее своей жизнью. Все арахниды восприняли бы ее гибель как «аррспошаблиз», но ощущали бы вину из-за того, что не выполнили свой долг по охране гарема морра арргросса. Да, они бы тоже ринулись ее спасать, ведь был строгий приказ оберегать эту наложницу.

Но для Ррашшарда, если бы Дина разбилась, это было бы «аррссмешлиз» — смерти близкого, когда страдают те, кто выжил.

А кто тогда ушел в темные пещеры?

Несмотря на слабость, приземлившись, первое, что я сделал — буквально выхватил Диндэниэль и прижал к себе. Она была живой, просто в обмороке. Все лицо было в крови, но внешних повреждений не было... Внутренние?.. Были, но излечимые. Странное ощущение, что кто-то пытался взломать ее память... Надо обследовать, обязательно. Могли остаться характерные следы... Но уже сейчас понятно, что это не Ил. Слишком грубо.

— Виланд, ты ее не удержишь! — ко мне подошел Рремшшург, прибежавший на своих восьми лапах гораздо раньше, чем я

Сам понимаю, что не удержу... Но и доверить ее кому-то не могу.

— Успокойся. Ты всех нас считал не один раз. Покушение спланировал какой-то чужак, и мы выясним, кто это был, — он уговаривал меня, почти как ребенка. — Вил, тебе надо поспать. Мы все выясним.

— Чужак скинул сверху двух наложниц? — поинтересовался я с едва сдерживаемой злобой.

Окружающие нас арахниды тут же ментально сжались. Рем только выставил вперед ладони и снова повторил:

— Выясним. Успокойся. Надо поспать.

Краткое представление о том, что произошло, я уже получил и без него. Ко мне подбежал и отчитался один из арахнидов, обследовавших гаремный комплекс.

Один охранник без сознания, второй добровольно ушел в темные пещеры, потому что не выполнил приказа морра арргросса. Ушел после того, как скинул вниз убийцу охраняемой наложницы...

Вот ведь идиот, черт побери! Вместо того чтобы взять ее живой...

Самое странное — охранников отравили. Характерный запах вещества, опасного только для пауков, еще не выветрился окончательно. Вещества, придуманного эльфами. Что-то я окончательно перестал верить в их вину, уж очень все настойчиво сигнализирует об их участии. У меня просто начинался ментальный зуд от очередного приступа паранойи.

Ррашшард, почти сразу, как Диндэниэль оказалась у меня на руках, потерял сознание от боли. Но, правда, успел передать мне свое видение случившегося. Надо доползти до замка и слить его отчет на кристалл, чтобы проанализировать и рассмотреть внимательно — мало ли, увижу и замечу какие-то мелочи. Еще отчет Вишала... Ила, Рема, Рида...

Да, Рремшшург прав, надо отдохнуть. Только сначала перелить все на кристаллы и спрятать их в надежное место. Подальше ото всех.

Черт побери, так нельзя... Надо доверять хоть кому-то. Рем — арахнид, я его морра арргрос. Ил — эльф... Светлый эльф. Но они оба уже много раз могли меня уничтожить,

если бы захотели. Ждали подходящего случая?

— Виланд, отдай ее мне. Еще немного, и тебя самого придется нести на руках.

Я посмотрел куда-то сквозь стоящего рядом Рема и, покачнувшись, мотнул отрицательно головой.

Пусть думает, что я — романтический упертый болван, мне все равно. На Дине следы магического ментального воздействия. Я не могу доверить ее никому, пока не проверю.

Но в одном мой второй советник прав — надо поторопиться обратно в замок. Пока я не упал лицом в землю, прямо перед своими подданными.

Оставив Рремшшурга и прихромавшего значительно позже меня Илуватора выяснять, что же все-таки произошло в гареме, я в сопровождении двух арахнидов вернулся к себе в спальню.

Так, Диндэниэль... у тебя все условно хорошо, так что полежи и отдохни. Сначала кристаллы. А то вдруг я потеряю сознание, пока буду выяснять, кто же так грубо пытался выпотрошить твою память.

Спальню я запер. Охранников предупредил. Советникам, уходя, тоже сказал, что буду занят. Поэтому, когда через сорок минут ко мне в дверь постучали, я напрягся. Еще не все допросы были слиты, Диндэниэль не осмотрена, а тут какая-то новая проблема?!

Окаменевшее лицо стоящего в коридоре Илуватора не предвещало ничего хорошего. Он просто протянул мне какую-то бумагу.

— Это отчет с сегодняшнего допроса прабабушки Диндэниэль, — отреагировал Ил на мою удивленно приподнятую бровь. — Я уже посетил и передопросил всю их семейку. Нужный момент я подчеркнул. Но можешь ознакомиться и со всем текстом, очень любопытно, в свете случившегося. И... — тут в голосе моего советника прозвучало что-то похожее на сочувствие. — Поспал бы ты, а?

— Закончу и посплю, — кивнул я и вновь закрылся у себя в комнате.

«Поспи»... Сто лет спокойно спали, как выяснилось. А кто-то бодрствовал и готовил заговор. И ведь почти получилось... Если бы не неучтенный фактор, лежащий без сознания у меня на кровати. Бурча про себя, я вернулся к кристаллам.

А еще через полчаса добрался и до Дины.

Первичные отпечатки того, кто наследил в ее памяти, естественно, уже рассеялись. Но это происходит в первые минут десять-двадцать после воздействия, так что я, в любом случае, ничего не нашел бы. А вот менее заметные, но более характерные сохраняются долго... очень долго. Иногда всю жизнь. Я знаю такой стиль, такую манеру, такое неаккуратное жестокое вторжение, после которого из носа идет кровь, а в голове стучат гномики-рудокопы. Я сам действую точно так же.

Можно сколько угодно подставлять эльфов, но Ил работает чисто, а тут откупоривали и перепаживали воспоминания восемь лапок. Восемь арахнидовых лапок. Причем обучался владелец этих восьми лапок у того же, у кого и я... У старого морра арргросса... Черт побери!

Выдохнув и умывшись, я уселся на пол и попытался спокойно оценить свои силы. Их было не так уж много. Восстановить повреждения у меня не получится, так что в дальнейшем у Дины будут частые мигрени, возможно, потери сознания от перенапряжения... Конечно, со временем все пройдет, лет так через пятьсот. А может, останется навсегда...

Выглянув в коридор, я поручил одному из охранников найти и привести ко мне

Илуватора. А сам, упав кресло и подложив подушку под голову, начал читать отчет допроса родственницы Диндэниэль.

«О, гитара — это наша семейная реликвия. Она передается от матери к дочери уже не одно поколение. Магов у нас в семье не рождалось уже очень давно, да и в древние времена наш род славился именно музыкантами, а не магами.

Да, молодой человек. Я еще раз настойчиво повторяю, что в нашем роду никаких магов не было.

Сплетни и слухи?! Я — высокая леди... И не надо угрожать, сейчас я попробую сама припомнить.

Да, есть, легенда, что одна из женщин нашего рода была творцом заклинаний. Но я уверена, что это просто попытка оправдать ее внебрачную связь с одним из великих магов... Тем, кого сейчас не принято называть... Вы же видите, о ком я говорю? Да, именно о нем!».

И в скобках стояло имя. Имя того эльфийского старика, которого я сжег вместе со всеми его книгами.

Магов, значит, у них в роду не было?!.. Маразматичка старая. Надо же было настолько ловко вырезать из своей памяти позорящее род событие, что даже Илуватор не смог его сразу считать! При поверхностном допросе такое возможно, если мозг опрашиваемого нестабилен. Но, вроде эльфы маразмом не страдают...

— Ты хотел меня видеть? — в комнату вошел Ил.

Выглядел он, на самом деле, не лучше, чем я. А может, и хуже, мне трудно судить.

Я кивнул на Дину:

— Осмотри, скажи, что думаешь, и если сможешь исправить или хотя бы слегка скорректировать...

Ил понимающе хмыкнул и принялся сосредоточенно изучать Диндэниэль. Я же любовался огнем в камине, чтобы не отвлекать ментальным шумом и не мешать специалисту. Предатель Илуватор или нет, но в мозгах он умеет копать лучше всех и залечивать повреждения — тоже.

— Я понимаю, что ты мне не доверяешь. Но не настолько же?! Объясни мне, что ты хотел вытащить из этой девчонки нового?

Я сначала даже не понял, к чему был этот вопрос. А потом до меня дошло...

— То есть ты считаешь, что это я ее так изувечил?

— А кто еще? — искренне удивился Ил и нахмурился, сканируя мои эмоции. — Не ты?..

— Нет, но сходство пугающее, верно?

Илуватор озадаченно посмотрел на меня и вздохнул:

— Виланд, подпиши разрешение о полном считывании всей родни Диндэниэль.

— Надеюсь, ты сделал это гораздо аккуратнее того, кто развлекся с ней самой, — пробурчал я, подписывая задним числом протянутую мне бумагу. — А теперь рассказывай, что еще узнал.

— Я-то сработал аккуратно, а вот тот, кто зачищал следы до меня, практически спалил мозг пожилой леди.

Ил протянул мне кристалл. Считывание памяти быстрее и эффективнее, но мелочи со временем стираются. Взаимодействовать с кристаллами умеют только ментальные маги. Поэтому, в основном, в ходу бумажные отчеты. Но тут Илуватор озаботился и подстраховался. Молодец.

Запись велась напрямую с той же самой пожилой эльфийки.

По крайней мере, теперь понятно, почему ее мозг оказался настолько нестабилен, что Ил не вытащил сведений о хранильнице заклинаний, загулявшей с великим магом. Конечно, возможно, Илуватор их вытащил, утаил и испортил мозг леди, скрывая улики. Я теперь ничего не могу исключать... А сейчас показывает мне эту запись и делится сведениями, чтобы снять подозрения с себя и подставить кого-то другого.

Но одно точно — никакого постороннего вмешательства во время сливания информации не было. Так что передо мной содержимое памяти родственницы Диндэниэль.

Дина в ее воспоминаниях совершенно не похожа на саму себя. То есть на ту Дину, которую я знаю. Обыкновенная, серенькая, тихая...

О, надо же! Посватанная? Такой же серенький, тихий, обыкновенный... Возможно, влюбленный, кто их там разберет? Старушка считала, что они — идеальная пара.

Так... а вот это интересно.

Кто-то пытался выкупить у обедневшего рода семейную реликвию. Вроде человек. Женщина. Брюнетка. Миниатюрная и кареглазая. Мало ли таких в мире? Черты лица скрывал платок, обмотанный вокруг головы так, что виднелись лишь глаза, форму которых было не разобрать из-за толстой яркой подводки. А голос какой-то незнакомый. И пожилой эльфийке, и мне.

Само собой, сделка не состоялась.

Зато пришло письмо с вызовом ко двору. И напуганная старушка впихнула в рюкзачок внучки раритет.

Напуганная? Или загипнотизированная?

Не простая у Дины гитара... Черт побери!

Одуванчик-23

Илуватор уселся в соседнее кресло и закрыл глаза. Со стороны выглядело, будто он задремал, но я чувствовал, как краешек его сознания прислушивается к моему, настороженно-устало.

— Кто-то хочет, чтобы я поверил в то, что покушение подстроил ты, — поделился я мысленно своими подозрениями.

— Мне даже показалось, что ему это удалось, — когда говоришь ментально, без блоков, это гораздо удобнее, чем голосом. Сейчас Ил был полностью открыт, по крайней мере, настолько, насколько это вообще возможно при его параноидальной привычке отгораживаться ото всех.

— Он перестарался с уликами, это его основная ошибка, — признался я.

Глупо доказывать, что ты даже ни секунды не сомневался в своем друге, если тоже полностью раскрываешься перед ним. Просто жить никому не доверяя бессмысленно и скучно.

Женщины... Их я готов был снова отодвинуть от себя, даже если опять придется немного пострадать — переживу! Но друзей — нет!

Единственное, надо успеть озаботиться преемником, если со мной что-то случится...

Недовольное вибрирование Аррахшшира я проигнорировал. В конце концов, все равно, я — человек и не смогу прожить столько же, сколько продержался прежний морра арргросс. За время моего правления подросло уже два поколения арахнидов, может, среди них найдется достойный?

Аррахшшир изверг мне в сознание возмущение и скепсис. Ладно, артефакты, да еще находящиеся внутри тебя, злить опасно. Раз все еще нет более подходящего кандидата,

придется и дальше заботиться о своих подданных.

Илуватор с нескрываемым сочувствием наблюдал за мной. Подслушивать мой эмоциональный ментальный разговор с Аррахшширом он не мог, но мои эмоции ощущал прекрасно. А я сейчас явно не восторг излучаю...

— Есть несколько моментов, которые меня оправдывают, — произнес Ил. — Как ты понимаешь, я уже много раз проанализировал все произошедшее. И сам бы поверил в свою вину, настолько все складно и продуманно сделано.

— Складно? Черт побери! Куда не чихни — во что-то связанное с эльфами попадешь! — недовольно пробурчал я.

— Да, это самый важный момент. Если бы покушение готовил я, то уж точно не наследил бы так неаккуратно везде, где можно.

— Про гитару ты уже все выяснил? — я даже не сомневался, что Илуватор связался со всеми владельцами древних эльфийских книг, рукописей, записей, заметок на полях...

Думаю, он успел бы найти некроманта, чтобы допросить с пристрастием того эльфийского мага, которого я сжег. Но, к счастью, пепел оживить невозможно, да и срок работы мозга после смерти ограничен.

— Выяснил. У твоей избранной наложницы оказался артефакт Хианлиндалэ. Считается, что в мире было несколько таких гитар, которыми пользовались творцы заклинаний, музыкальные маги. Ну и по слухам, которые, к сожалению, уже не проверить, в роду леди Диндэниэль были эти творцы... И еще, она может быть потомком того мага, который...

— Она — не может быть! — рыкнул я, чувствуя, как накатывает приступ неконтролируемой ярости. — Аррахшшир почуял бы в ней врага. Черт... мы же решили поверить, что она из другого мира, — выдохнув, уже более спокойно продолжил я. — Иномирянка уж точно не может быть потомком эльфа, пепел которого я развеял по ветру!

— Но при этом ты потерял магию, я потерял магию, а она — нет, — ткнул меня Ил носом в очевидное. Плавающее на поверхности, которое я старательно игнорировал.

Я зарычал уже не только ментально, но и голосом. Аргумент был очень убедительный, но верить в предательство Дины... было больно. Когда я успел так к ней привыкнуть?

— Виланд, ты только не подумай, что я ее обвиняю, — приоткрыв глаза, я уставился на друга, пытаясь понять, что он сейчас хотел сказать. — Наоборот, то, что она сохранила магию, ее оправдывает.

— Каким образом?.. — уже заканчивая задавать вопрос, я сам осознал на него ответ.

Конечно, все логично. Если бы Дина участвовала в заговоре, сознательно бы участвовала... Она бы сделала вид, что потеряла магию, даже если бы умудрилась ее сохранить. А она этого не сделала. Не скрываясь, она заботилась о нас, помогла выжить, спасла от поискового заклинания...

Нет, есть еще вариант, что она просто боялась попасть в лапы тех, кому должен был достаться один я... Есть, но...

— Она могла просто отойти от нас подальше и все. Заклинание было нацелено на тебя. Ты сам собирался этим воспользоваться, чтобы спасти нас, — Илуватор взглянул на меня с легким осуждением.

Да, собирался... Да, могла бы. Значит... Значит, она не виновата?

Почему-то накатила волна усталого облегчения. Можно расслабиться и выдохнуть, потому что... не хочу, чтобы это была Дина!

— Виланд, веришь, я бы предпочел, чтобы это была она. Но пока я могу лишь настаивать только на том, что ее следует опасаться...

— Судя по ее состоянию, опасаться следовало за нее! — огрызнулся я и уточнил: — Ты смог восстановить повреждения?

— Да. Хотя тому, кто это сделал, следует вырвать руки... а точнее лапы... — я нахмурился, Ил понимающе хмыкнул, но уточнил: — Тут не просто подозрения или вероятности, а факты. Факты, Виланд. В ее разуме копался арахнид, или тот, кто владеет их магией. Работал грубо и торопливо, поэтому следов очень много. И раз это не ты, значит это кто-то из...

— Как?.. Аррахшшир связан с каждым... с каждым, понимаешь? Даже с личинками в гнездах! Убить меня — это вновь откатиться назад. Это... Деградация целой расы! Неужели кто-то настолько меня ненавидит, что готов уничтожить и себя, и всех остальных?

Ил поджал губы и едва слышно вздохнул.

Ясно. У него нет никаких сомнений. Вдруг все же наследил кто-то другой, а потом выдал себя за арахнида?

Тут с кровати послышался слабый стон, и мы оба подскочили, но я опередил и склонился над Диной первым.

— Виланд?.. Хорошо... Значит, с тобой все в порядке... Больше никто не пострадал? Как Ррашшард? — прошептала она, глядя только на меня мутным взглядом.

Не отвечая, я переглянулся с нахмурившимся Илуватором.

— Несмотря на то, что физические повреждения залечены, любой ментальный маг в ее состоянии предпочел бы общаться мысленно, — подчеркнул он. — А вот тот, на кого магия свалилась не так давно...

— И он сам свалился в наш мир буквально месяц назад... — хмыкнул я. — Тебя не поймешь, Ил! То ты подозревал ее во всех смертных грехах и требовал замуровать в подземелье, теперь ты ищешь оправдывающие ее факты старательнее меня.

— Вчера я искал подозрительных, сегодня я ищу подозреваемых, — пояснил Илуватор свое поведение. — Но если бы ты последовал моему совету, то этого покушения могло бы не произойти...

— Возможно. Если бы мы заточили Дину вместе с гитарой, — согласился я. И тут же уточнил: — Но в списке «подозрительных» гитары не было.

— Верно, — недовольно буркнул Ил и обратился к Диндэниэль: — Из ваших воспоминаний, леди, не совсем понятно, каким образом вы перенеслись из своей комнаты, где вам было приказано находиться, на парковую дорожку. Не могли бы вы вспомнить все случившееся, как можно точнее?

«Не совсем понятно»... это Ил еще мягко сформулировал. Картинки-воспоминания в разуме Дины путались и наслаивались одна на другую, затирались эмоциональными выплесками...

Согласно кивнув, девушка болезненно поморщилась от нашего одновременного ментального вторжения, но послушно начала вспоминать.

— То есть сначала кто-то воздействовал на вас, пока вы спали. Потом вы решили воспользоваться помощью знакомой, тем более она излучала положительные эмоции, — тут Илуватор достал из кармана амулет, очень похожий на тот, который я подарил Тамише. — Не припомните, видели ли вы подобное украшение раньше?

Диндэниэль нахмурилась, внимательно смотря на Ила, хотя разговаривал он с ней

ментально. А потом отрицательно мотнула головой и тут же застонала.

— Где ты его нашел? — поинтересовался я у загадочно ухмыльнувшегося Илуватора, пока тот убирал амулет обратно в карман.

— Зажатым в кулаке арахнида, которому внезапно приспичило выкинуть вслед за леди Динэниэль ее несостоявшуюся убийцу. Уверен, что оно принадлежало той, другой, девушке. И еще... мы буквально в затылок дышим тем, кто на тебя покушался. А они в спешке уничтожают улики, оставляя нам лишь жалкие крохи.

— Ошибки и случайности... Черт побери, я как-то не привык к таким странным союзникам. Хорошо, что ты сумел что-то выяснить у пожилой эльфийской леди. Хорошо, что в голове Динэниэль остались следы вмешательства...

— Хорошо, что у нее, вообще, оказалась целой голова, — мрачно хмыкнул Ил.

— Точно! Хорошо, что Грашшард оказался рядом...

Как же меня это злит! Случайности — это не то, на что я привык рассчитывать.

И как теперь быть с Диной? Держать в замке — опасно, в гареме, как выяснилось, еще опаснее.

Что ж, раз за ней охотится арахнид, значит, надо противопоставить ему достойного противника.

— Грашшард жив и через два дня будет совершенно здоров, — успокоил я девушку. — А ты с завтрашнего дня переедешь на темную половину гарема. Как раз по соседству с леди Клариссой есть свободный домик.

И седешшер арахнидов выделю. Отравить одновременно шестнадцать восьмипалых охранников будет сложнее, чем двоих. А если еще и младших братьев по всем углам развесить...

Смысла убивать Дину — уже нет, разве что только ради привычки доводить начатое до конца. Но если на живца кто-то и дернется, то я сделал все, чтобы его... то есть ее обезопасить.

Главное — это леди Кларисса. Могу ли я ей доверять? Она — любовница Илуватора и добровольная гостья моего гарема, в знак мира и согласия между арахнидами и всеми кланами вампиров. Моя смерть не выгодна ни тем, ни другим. Но кто-то из арахнидов попытался уничтожить Дину...

Я еще раз прокрутил в голове всю имеющуюся информацию. Да, кто-то из арахнидов считал воспоминания девушки о наших приключениях на болоте, а потом попытался избавиться от нее, выкинув вниз головой... Нет головы — нет следов вмешательства в разум. Вторую наложницу очень удачно уничтожили вместе с уликами. Возможно, охранник, выкинувший ее, ушел в темные пещеры, как только осознал, что действовал не по своей воле?

Но может, тот, кто пытался все выяснить, не является тем же, кто перекинул нас из замка?

Дина еще раз посмотрела на нас двоих по очереди, вздохнула, закрыла глаза и, по моему, тут же уснула снова.

— Ил, у той эльфийской старухи повреждения тоже...

— Да. Там следы уже не такие явные, и уверенно утверждать, что действовал арахнид, я бы не рискнул. Но сходство есть и очень заметное.

Я грязно выматерился, чувствуя просто разрывающее на части желание поймать того гада... И убить. Арахнид... Черт побери, быть такого не может! Я же сделал для них столько,

сколько их старый морра арргросс не совершил за всю свою жизнь. Да, я — человек, и для меня выбор Аррахшшира был такой же неожиданностью, как и для всех остальных. Но я принял его и делаю все, чтобы оправдать возложенную на меня ответственность.

— Виланд, тебе бы отдохнуть...

— На себя посмотри, — огрызнулся я. — У меня предатель среди арахнидов, а ты предлагаешь мне спокойно спать?

— Возможно, тот, кто хотел все выяснить и потом убить Диндэниэль — не предатель, — озвучил Ил мои собственные сомнения. — Ведь, с точки зрения любого арахнида, проще решить, что виноваты эльфы. Да и первое впечатление складывается именно такое. Что, если считывал и потом заметал следы кто-то не слишком умный, но слишком преданный? Интересно, поверил ли он в то, что она свалилась к нам из другого мира?

— Черт... — почему-то спокойно воспринимать попытку убийства Дины у меня никак не получалось. Покушение на меня в собственном замке воспринималось как личное оскорбление, а на мою наложницу в моем собственном гареме — как вызов. Оскорбление я мог позволить себе какое-то время не замечать, пока не подготовил подходящую месть и не вычислил оскорбившего... А вот игнорировать прямой вызов было сложнее. Проблема в том, что я не знал, кто же так вызывающе себя ведет... И, да, теперь он тоже знает про то, что Дина — не Дина...

— Так, обобщаем, как обычно? — я посмотрел на Ила, и тот кивнул. Сейчас из всей имеющейся информации надо было вычлениить главное и составить дальнейший план.

— Итак, нам известно, — я махнул рукой, и в воздухе заколыхалась доска, видимая лишь нам двоим, — что...

Дальше перед нами начал появляться текст, который мы по очереди корректировали, заменяли слова, сокращали фразы... До тех пор, пока оба не откинулись в креслах удовлетворенные.

«1. Семья эльфийки по имени Диндэниэль владела артефактом Хианлиндалэ — гитарой, которой могут управлять только творцы заклинаний.»

— Но играть на уже настроенном артефакте может кто угодно, — подчеркнул Илуватор. Да, это важный момент.

«2. Если верить сведениям, полученным от пожилой родственницы Диндэниэль, у них в роду был творец заклинаний, близко знакомая с магом, сожженным во время войны. Магом, который знал, как вырвать из морра арргросс Аррахшшир.»

И что нам это дает? Вроде бы ничего... Но...

«3. Если верить опросу всех родственников, а также первой высокой леди четвертого поселения и ее мага — у леди Диндэниэль магических способностей не было.

4. После смерти разума леди и ухода ее души в леса предков, в нее вселилась иномирная сущность... погибшая в своем мире. И после этого у новой леди Диндэниэль проявился ментальный дар и способности управлять артефактом творцов заклинаний».

Над четвертым пунктом мы с Илом долго размышляли, уточняли, сомневались... Но из всего случившегося возможный вывод был только один. Дина управляла гитарой. Неумело, но управляла. И благодаря ей, я оказался в кустах на болоте, а не на алтаре...

Причем, когда картушшер арахнидов перенесся на то самое болото, все следы приготовлений к ритуалу исчезли. Остался лишь древний каменный алтарь, от вида которого у моих поданных начался инстинктивный озноб до кончиков лапок. Если бы Дине не

приспичило залезть на дерево и оглядеться, мы бы и не узнали, что нас ждали... Меня.

Так, прочь лирику.

Конечно, можно закончить логическую цепочку еще одним выводом: управлять артефактами творцов заклинаний, перенастраивая их, могут лишь музыкальные маги, называемые... творцы заклинаний. А то, что она пела, когда прятала нас от чужой магии, лишь подтверждает этот вывод.

Но пока мы решили еще присмотреться.

«5. В замке есть предатель, который старательно сплел цепь событий так, чтобы в каждом узелке был указатель на вину эльфов».

Заговорщики продумали все до мельчайших подробностей.

На ближайшем выступлении своих воспитанниц я должен был услышать игру магической эльфийской пустышки на настроенном специальным образом артефакте.

Но предатель решил ускорить события, а пустышка наполнилась магией. Если предположить, что он не знал об этом... Об этом никто не знал. Это выяснилось ровно в тот момент, когда Дина начала играть. Паранойя — штука хорошая, а ментальную магию можно обмануть амулетом, но... на Диндэниэль не было никаких амулетов! Черт побери, хватит уже бороться с собой. Она меня не предавала, а спасала. Все.

И то, что она может управлять артефактом, оказалось сюрпризом. Для нас — приятным, для заговорщиков — нет. Мало того, они дали нам направление для поисков.

Надо выяснить настройки артефакта, который хранился в семье Дины. Черт! Просто выяснить, все об этом артефакте!.. Все! И найти, как он связан с ритуалом изъятия Аррахшира.

«6. В замке есть... арахнид или кто-то, обучающийся у них ментальной магии. И этот кто-то теперь знает о покушении ровно столько же, сколько знала Диндэниэль».

Последующее убийство Дины тоже было идеально спланировано. Одна наложница в порыве зависти убивает другую. Потом один из охранников скидывает вниз убийцу и умирает сам. Возможно, если бы не шумиха и куча свидетелей, второй охранник тоже должен был бы умереть. Четыре трупа и никаких следов. И тут Ррашшард, удачно оказавшийся рядом. Случайность... Очередная.

А еще была кареглазая брюнетка, которая хотела выкупить гитару. И амулет, подменяющий настоящие эмоции положительными. Амулет Тамиши. Кареглазой миниатюрной брюнетки. Круг замкнулся.

Она — маг, пусть не такой сильный, как я, но уж за своей внешностью точно следит. Не думаю, что выглядит старше меня. Значит... Могла быть и она.

Единственное оправдание Тамиши — это то, что она — не арахнид. Но она постоянно совершенствовала свой уровень владения ментальной магией, общаясь со мной. На магически пустую эльфийскую старушку даже ее прежних сил могло хватить. А вот в разуме Дины точно копался кто-то более сильный, и не просто нахватавшийся способов вскрытия блоков, а действительно владеющий ментальной магией арахнидов. Покушение на меня мог готовить, вообще, кто-то третий...

— Черт побери, Ил! Зачем я содержу сеть шпионов по всему миру? Меня и начальника моей службы безопасности похищают почти безо всяких усилий из моего собственного замка! Догадайся, о чем я сейчас думаю?!

— Я готов уступить этот пост любому...

— У тебя отказал ментальный дар?

— Нет, но я осознаю...

— В задницу твое осознание! Ищи давай того, кто хочет убить меня и подставить тебя!

И девчонку проверь... ту, вторую.

— Уже проверил. Ее зовут Аина, она — одна из твоих воспитанниц благородных кровей, восьмая дочь короля Бердиньяры. Отец был показательно безутешен и надеялся использовать случившееся в своих целях. Пришлось объяснить, что у него не совсем точные сведения, и предупредить о возможной потере короны вместе с головой.

— И кто же так поторопился сообщить ему о смерти дочери?

— Письмо из гарема. Нерукописное. Стандартный печатный шрифт. Подписи нет. Передано обычными почтовыми службами.

Все перечисляемое Илом означало, что из письма никаких улик и следов не выловишь, кроме того что в гареме есть доброжелатель, поспешивший уведомить о несчастном случае короля, далеко не самого лояльного к морра арргросс и его арахнидам.

— Рядом с Бердиньярой находится эльфийское поселение номер три, так? — уточнил я.

— Да. И люди, живущие в этом королевстве, до сих пор тайно поклоняются эльфам, — подтвердил Илуватор мои подозрения.

— То есть Диндэниэль должна была быть для той девушки чуть ли не тайным божеством. Почему же она ее убила?!

— Выкрикнув при этом что-то про «темную тварь»? — Ил поджал губы и соорудил глубокомысленное выражение лица. — Теперь же не только мы знаем о иномирной сущности в теле эльфийской леди, и для кого-то подобное могло стать довольно уважительной причиной для убийства.

— Не называй ее «существом» и «сущностью»! — почему-то это обращение к тому... к той... к Дине... Черт! — Эта сущность нас спасла, и... Я с ней сплю, ясно! Она — женщина Умная, веселая...

Ил лишь молча кивнул, озабоченно-сочувственно посмотрев при этом.

— Морра арргросс? — раздался у меня в голове тихий ментальный шепот одного из охранников. — Ваш секретарь хочет сообщить вам что-то очень срочное.

— Пусть войдет, — разрешил я.

Рридфферт, и так белокожий, выглядел еще более побелевшим от волнения. Запинаясь и стараясь глядеть в пол, а не на нас с Илом, он быстро оттарабанил:

— Ваша старшая сестра, леди Оливия, прислала уведомление, что прибудет в замок завтра утром. Вместе со своей дочерью, леди Жизель.

— Очень вовремя, — выдохнул я, тоже стараясь не смотреть на Илуватора, чтобы не рассмеяться. Ну нельзя же соболезнавать мужчине, в которого безумно влюблена молодая красивая девушка?

Одуванчик-24

Головная боль, это я скажу вам, такая гадость... особенно, когда голова болит даже во сне. Нет, после того, как в мутном зеленом тумане промелькнули острые эльфийские уши и кривая ухмылка местного гебешника, стало значительно легче. Миксер, усердно взбивающий коктейль из моих мозгов, почти затих, туман постепенно осел и стек по стенкам черепной коробки тягучими зелеными каплями с мятным привкусом. И пришел нормальный сон, в котором кто-то тяжело упал рядом со мной на мягкую кровать, обнял, поцеловал в макушку и что-то даже сказал... только вот что именно — не помню.

Утро началось нормально и даже где-то привычно. Я, мягкая постель и Повелительская

люстра над головой. Ага, вот кто тут приползал обниматься среди ночи...

Обнимателя, кстати, рядом не наблюдалось, видимо, Повелительская доля такая — не высыпаться. Впрочем, я понятия не имею, сколько времени прошло. Может, третьи сутки тут похрапываю.

Стоило мне сползти с кровати и на еще не слишком твердых ногах посетить местные “удобства”, как в дверь сначала постучали, а потом внутрь проник белобрысый секретарь. Я все никак не могу запомнить его имя...

Вид у пауконавта был взъерошенный и немного виноватый. И он, лапочка такая, принес мне завтрак!

Оказывается, я успела проголодаться, как волк. Еще бы, если вспомнить, в последний раз я нормально ела еще до приключений на болоте.

Организм бурно возрадовался и напугал пауконавта громким и хищным бурчанием из голодных глубин. Бедолага очень нервно на меня покосился... Наверное, инстинктивно боится подобных звуков, издаваемых женскими особями.

Но на этот раз паучьи лапки были в безопасности — на подносе была каша, жареная курица с овощами, булочки, мед, молоко, персики, горячий шоколад...

Пока я завтракала, паучок бегал по каким-то своим секретарским делам и вернулся как раз вовремя, — я отвалилась от стола, как сытая гусеница. Круглая, довольная и готовая тут же оуклиться. Но свить кокон из одеял мне не дали.

Ага, вот откуда у паука такой виноватый вид. Даже не столько виноватый, сколько обеспокоенный и нервный. Оказывается, утром в гости к повелителю прибыла его старшая сестра с дочерью и свитой.

Хм... ну сестра и сестра, вот только я уже научилась разделять то, о чем паучок ментально говорит, и то, что он при этом про себя думает. Так вот, думал паучок исключительно о том, что приехала большая головная боль для всех, включая Властелина. А если прислушаться еще внимательнее, то там было даже легкое ехидство по поводу одного остроухого индивида, которого... хи! Хи-хи, Илуватор-то наш, оказывается, популярен у женщин! Я только не разобрала, кто именно на него претендует — то ли сестра повелителя, то ли племянница.

Но это заботы гебешника, а вот мне опять предстоит переезд. Причем на этот раз не просто в гарем, в свою комнату, а в отдельный дом на темной стороне.

Н-да... не знаю даже, как к этому отнестись. С одной стороны, кому много дано, с того много спросится, а я тут вроде как старалась не выделяться. С другой стороны, не выделяться у меня получалось все равно плохо. То малолетки бьют, то стрекозы стрекозят, то вообще...

Вчерашняя ночь вдруг встала перед глазами, и я впервые в этом мире по-настоящему испугалась. До дрожи, до киселя в коленках, до холодной испарины.

Причем непонятно, что именно меня напугало сильнее всего. Смерть? Нет. Я уже умирала и как-то даже слегка разочаровалась в этой процедуре. Боль? Да, боли я боюсь... Но если бы меня вчера просто скинули на каменные плиты двора, я все равно не успела бы ничего почувствовать. Разлетелась бы кровавыми брызгами, как та сумасшедшая...

Да, именно это! Странно, но чужая и такая наглядно-некрасивая смерть напугала меня гораздо больше своей собственной. Ощущение сказки и легкого сна разбились вместе с несчастной убийцей.

Ну что же... надо жить дальше. А значит, берем свой страх, разбиваем его на кусочки и

смотрим, из чего он состоит. И с каждым фрагментом договариваемся по-отдельности, а потом мысленно вешаем этот “договор” на стену, как диплом.

Если сосредоточенно мучить мозг этой психологической гимнастикой, извилины потихоньку начинают шевелиться живее, а гормоны тем временем приходят в норму. Глядишь, уже и сердце вернулось из пяток в грудную клетку, и желудок успокоился и не трепыхается... уф!

Похоже, мой страх и то, как я с ним справилась, произвели на паука-секретаря впечатление. Во всяком случае, рассматривал он меня теперь с искренним интересом и даже уважением.

Я еще пару минут подышала сосредоточенно, отсчитывая вдохи и выдохи, а потом решительно встала.

Иех, всегда бы так переезжать! Не считая того, что по коридорам паучьей крепости носилось непривычно много народу — причем не только по полу, но и по стенам, и даже по потолку, и все они выглядели на редкость озабоченно, для меня эта процедура обернулась всего лишь приятной прогулкой.

Никаких сборов, коробок, чемоданов, грузчиков... красота. Прошлась по саду в компании секретаря, обозрела новое жилище, вошла... и обнаружила все свои немногочисленные пожитки уже разложенными и развешанными. А пушистик-Шойшо довольно жмурился на меня из-за коробки с обувью, которую он затащил в самый дальний уголок шкафа.

Угостив трудягу персиком из вазы, стоявшей на столе, я его отпустила и пошла осматриваться.

Товарищ секретарь давно смылся, а я бродила по просторным комнатам, поднималась на второй этаж, любовалась аккуратно и одинаково обставленными спальнями... и размышляла.

Что это была за хрень с покушением, я не знаю. Но догадываюсь, что оно связано с неудавшейся попыткой свистнуть из собственного замка Властелина, на предмет вдумчиво расчленив последнего. Та каменюка на болоте, вокруг которой некто заботливо выстроил несколько зловещих пентаграмм, очень уж смахивала на алтарь. Самое то Властелинов потрошить. Да и не Властелинов тоже... брр!

Вот интересно, почему-то вспомнилась целая куча прочитанных дома книг про попаданок. Судя по тому, что там написано, первое, что я должна была сделать, попав в гарем, это либо устроить революцию, либо сбежать от злобного тирана в одних босоножках, героически перепрыгнув стену... н-да. Ничего не зная о мире, о людях и нелюдях, о том, куда пойти и чем питаться... эх. А в книжках ничего так читалось, приключательно. Жаль, в реальности приключения обычно оборачиваются неприятностями.

Вывод напрашивается один единственный: я, конечно, не супермен, но фиг им, а не Повелитель, кто бы они ни были. Насколько это от меня зависит — сделаю все, чтобы приятный во всех отношениях мужик, который делал для меня только хорошее, и дальше оставался при своем пластелинстве. Тьфу! Властелинстве.

Только вот сделать я могу очень мало. Меня даже допрашивать бесполезно — все, что было, ушастый ментал уже вытряс из моей головы. Но мало ли... с гитарной диверсией все как-то само получилось, и в лесу я была не бесполезна. Значит, прекращаю толочь воду в ступе, просто внимательно смотрю по сторонам и действую по обстоятельствам.

Кстати, насчет обстоятельств. Я уже довольно много знаю о том, как живут в моем

новом мире арахиды, домовушки и гномы. В целом, пожалуй, представляю образ жизни темных повелителей. И все. Недоработочка... Скажем, о гипотетически родственных эльфах мне почти ничего не известно, и о людях — только то, что рассказывала Лиидия. Интересно, если попросить какой-нибудь учебник местной политической географии, мне его дадут?

Ладно, пока учебника нет, пойду черпать из привычного источника информации.

Ришшика мне страшно обрадовалась, но при этом вела себя так, словно ее лучшая подруга, как минимум, на последнем издыхании и развалится на составные части от любого неосторожного движения. Способ борьбы с моей немощью она тоже избрала оригинальный — закормить меня так, чтобы я раньше лопнула, чем померла. Сначала слиплась, а потом лопнула. Потому что, по мнению Ришшики, лучшее лекарство от любых жизненных невзгод и в частности от проблем с головой — это сладкое в любой форме. Жидкой, твердой и кремообразной.

И только убедившись, что ни одного пирожного или конфетки в меня больше не запихнуть даже силой, восьминогая суетоха оставила меня в покое, чирикнула что-то невнятное про девочек и умчалась со скоростью бешеной электрички куда-то по дорожке, вдоль домиков.

Ровно через три минуты стало понятно, куда она так спешила. Сначала на веранду Ришшикиного домика прискакала озабоченная Зельма и предприняла попытку убить меня своим фирменным пирогом с мясом. Мои слабые трепыхания и протестующие стоны не произвели на нее ровным счетом никакого впечатления, и кусочек печева пришлось все же съесть. Потому что гномьи лечебные отвары нельзя пить натошак! Причем количество проглоченных сладостей не считается, ибо это — не еда.

Слава богу, в тот момент, когда решительная гномка отрезала следующий ломоть, в арке виноградных листьев материализовалась божественная Кларисса с графинчиком чего-то красного и крепкого.

Зельма, правда, засомневалась, совместимы ли ее отвары со спиртным, но тут я возмутилась, припомнила ей самогонный аппарат, как обязательный элемент хорошей хозяйки, и гномочка была вынуждена согласиться, что два полезных продукта никак не могут друг другу помешать.

Выпить нам всем было просто жизненно необходимо. Особенно, когда вернувшаяся Ришшика возбужденно запрыгала вокруг моего кресла, заботливо расспрашивая меня, не нужно ли еще чего. Угмонить ее получилось только у Клариссы, которая молча налила моей восьмипалой подруге полный бокал. Прыгать с ним было слишком неудобно, и наша Риша временно угмонилась.

После первой рюмки последовала вторая, а потом весь коллектив уставился на меня так выжидательно, что я поежилась. Я же не знаю, что можно рассказывать, а что нет!

Хотя... вот что, обойдем-ка мы стороной болотные приключения Повелителя и поведаем страшный триллер про взорванный мозг и нападение чокнутой самоубийцы.

— У нее был амулет, — уверенно прервала мой рассказ Кларисса, когда я пожаловалась на то, что странная девушка не выглядела, а, главное, не ощущалась как опасность. — И довольно мощный, если ты его не пробила. Хотя... судя по всему, на тебя кто-то воздействовал во сне, причем грубо и жестко. Возможно, это сказалось на твоей чувствительности. Тебе очень повезло, что Повелитель сразу позвал Ила, иначе последствия нападения аукались бы тебе, минимум, сто лет. Головными болями, в лучшем случае.

— Передай ему большое спасибо! — содрогнулась я. — Головные боли мне нужны

меньше всего на свете.

— Передам, конечно, — задумчиво протянула вампирша, глядя поверх меня куда-то вдаль. — Пожалуй, Повелитель прав, организовав череду балов и прочих развлечений... вместе с делегаций «дома ночи» прибудет большой отряд воинов, лояльных арргроссу. Возможно, менталисты другой направленности заметят что-то необычное... — она перестала гипнотизировать заросли и перевела загадочно мерцающие глаза на меня.

— Черета балов? — вдруг оживилась гномочка. — В первый раз слышу!

— Ну вот, я тебе сообщаю, — усмехнулась поклонница декаданса. — Официально объявят сегодня вечером, когда сестра Повелителя отдохнет с дороги и будет готова посвятить свое время организации этих мероприятий. Съедутся все, кто хоть что-то значит в политике, осмотреться, приняться, уловить новые веяния, убедиться, что власть арргросса по-прежнему крепка. Да и вообще, будет много интриг, тайных склок и...

— Все это ерунда и мужские развлечения! — решительно прервала вампиршу Зельма. — У нас есть проблемы поважнее!

— Какие это? — немного насмешливо протянула Кларисса, пряча улыбку за бокалом кроветворного.

— Какие? Глобальные! Во что мы оденем Диндэниэль?! У нее наверняка нет ни одного бального платья! Я уже молчу про украшения!

— Ни одного? — Кларисса едва не поперхнулась своей настойкой и посмотрела на меня ну очень большими глазами. — Деточка... как же ты так?

Я не выдержала и расхохоталась. У них были такие лица! Жаль, что я не художник!

Зря радовалась. Но это я просто не знала, на что способны эти мегеры, когда их совместный энтузиазм перехлестывает через край. Главное, я же сначала никакой опасности не почувствовала, а когда до меня дошло, что все три дамы нашли во мне идеальную куклу, в которую они явно не доиграли в детстве, было поздно.

Я, вообще, не поняла, с чего они так озаботились моим внешним видом, поскольку собиралась наглым образом прогулять все эти балы... под предлогом недобитого врагами мозга.

Но мне живо объяснили, что мозг на балу, вообще, лишний, там в цене другие аксессуары. А я не какая-нибудь однодневка для развлечений и даже не воспитанница светлого курятника, я теперь — гостья Повелителя и, вообще, принадлежу к элитной части гарема... короче, увильнуть не светит.

Общим собранием решили, что идти и трясти Властелина сейчас бесполезно и даже вредно. Ибо когда мужик занят политикой, для разумного общения он потерян. Я тихо выдохнула от облегчения, что хоть к Виланду не потащат, и покорилась судьбе.

Кончилось все тем, что этот шабаш ведьм, оживленно переговариваясь, куда-то ускакал, сперва проводив меня под конвоем в мой новый домик и велел сидеть на веранде сиднем и никуда не уходить.

Вернулись они через полчаса, по одной, нагруженные как верблюды, и притащили с собой... корову.

Ей богу, когда рогатая голова с большими влажными глазами в роскошных ресницах возникла над перилами веранды, я натурально выпала в осадок.

Как оказалось, не зря... потому что в этом чокнутом мире живут не только долбанутые эльфы, декаденствующие вампиры, повернутые на хозяйстве гномы и совершенно укуренные пауки. Здесь есть еще и минотавры!

Представительница этого гордого племени степенно выпила с нами чашечку горячего шоколада, потом взглядом профессиональной портнихи измерила по очереди меня и ту кучу тряпок, что притащили девчонки... и немного застенчиво попросила рассказать еще одну чудную историю про убийцу на острове.

Оказалось, Кларисса завлекла Виллеречуку исключительно моим талантом рассказчика, ибо иначе увлекающаяся моделированием одежды коровушка считала ниже своего достоинства одевать каких-то там наложниц.

Дальше был ужас. До самого вечера был один сплошной кошмарный ужас с тряпками, примерками, прическами и Агатой Кристи. Когда мои мучительницы ушли, я готова была рухнуть на пол прямо на веранде, а голос у меня пропал, наверное, навсегда. Еще бы, я пересказала, как минимум, треть приключений мисс Марпл!!!

По некотором размышлении я все же доползла до кресла, безжалостно изгнала с него остатки какого-то особенно шикарного нижнего белья и рухнула. Все, я буду здесь жить. Всегда.

Деликатный стук в поддерживающую крышу веранды деревянную резную колонну вызвал у меня только громкий стон и категорический отказ вставать и даже открывать глаза. Так и хотелось вспомнить гоголевского Вия — “поднимите мне веки!”.

— Леди? Как вы себя чувствуете?

Веки пришлось поднимать самостоятельно и быстро. Ух ты, живой Повелитель! Правда, немного замученный...

— Подозреваю, что примерно так же, как и вы, — признание далось мне с трудом и напряжением голосовых связок. — Можно, я не буду вставать, а лучше вы сядете... куда-нибудь, — я осмотрела заваленную тряпками веранду и мстительно махнула рукой в сторону того кресла, куда заботливые девицы определили мое будущее бальное платье. — Скидывайте его на пол и садитесь.

— Такую красоту нельзя на пол, — фыркнул он, и платье повисло в воздухе, а потом медленно поплыло к двери в комнаты, собирая за собой постепенно все остальные бальные атрибуты, даже лежащие подо мной трусики задергались. Я хмыкнула и приподнялась, отпуская кружевную тряпочку в полет и несколько злорадно представляя, как завтра шабаш темных дам будет заново сортировать все то, что Его Властелинство с чисто мужской небрежностью сгреб в одну кучу. Да, я мстительная и вредная! После целого дня издевательств я еще и покусать могу.

— Я тут за вашу голову переживаю, а вы как настоящая женщина уже к балу готовитесь, — в этот раз в его фыркание послышалось ехидство. Мыслечтец зловредный!

— Правильно переживаете, — ворчливым тоном отозвалась я. — Это не я готовлюсь, это меня готовят. Есть разница... а прогулять этот бал никак нельзя?

— Ни в коем случае, — паразит сочувственно ухмыльнулся. — Вы, вернее ваше тело...

Бедный парень, похоже, у него мозг слегка клинит на том, что он спит с настолько странным существом — вроде как снаружи ромашка, а внутри неведомый крокодил. То есть умом он принял, что в теле эльфийки завелась какая-то посторонняя тетка, а вот чувства еще пробуксовывают.

— Вы — высокая леди, и обязаны присутствовать хотя бы поэтому. Чтобы ваша родня не обвинила меня черт знает в чем и не устроила показательные страдания. Еще вы очень нужны для опровержения слухов, которые несомненно уже разошлись по замку, а значит, и за его пределы. Ну и самое главное, я бы хотел попросить вас об одолжении, — последнее

было сказано таким тоном, что сразу стало понятно — отказа не предполагается.

— Просите, — вздохнула я, помахав ручкой мечте спокойно посидеть дома вместо бала.

Тут Виланд слегка замялся, путаясь в эмоциях и мыслях, наконец, выдохнул и решительно выдал:

— На время массовых увеселений я прошу вас стать официальной дамой моего первого советника.

— Хорошо, — кивнула я, и тут же уточнила: — а можно узнать, зачем? И как к этому относится сам первый советник? И леди Кларисса?

— Из двух зол мой первый советник выбрал вас. И леди Кларисса тоже... Вампир и эльф не могут открыто заявить о своей связи, ибо это может быть воспринято как оскорбление одного, унижение второго, политический конфликт, психологическая травма, расовые проблемы... Короче, потанцевать на балу им не суждено. Зато вам придется до завтрашнего вечера освоить хотя бы три-четыре эльфийских танца. А также научиться ездить верхом, если вы не умеете. Искусство светской беседы, надеюсь, вам знакомо?

— Знакомо, — вздохнула я и тут же хихикнула: — Но меня радует формулировка советника: "из двух зол". Чем таким страшным вы напугали своего помощника, что он согласен даже на меня?

— Моей племянницей, — обреченно вздохнул Виланд и так внутренне нахохлился, что сразу стало понятно: "семейный сор из избы он выносить не намерен".

Я озадаченно заморгала. Нет, сама по себе, новость о наличии у Виланда племянницы меня не слишком шокировала, — он что-то говорил о сестрах... и секретарь о них упоминал. Но что этот ребенок мог сделать такого гебешному советнику, чтобы тот согласился прятаться за мою юбку? Или я опять со своими стереотипами, и у Повелителя взрослая, но очень хищная племянница, коллекционирующая эльфийские уши?

— А... что требуется от меня помимо танцев, чтобы защитить господина советника от вашей племянницы? — все же удалось сформулировать вопрос, молодец я!

— Делать вид, что вы его дама, — одновременно ехидно и недовольно хмыкнул Властелин. А потом даже удосужился пояснить: — В том-то и дело, что взрослая... Раньше она была гораздо более... эм... менее... — и махнул рукой.

Я мысленно почесала в затылке, переваривая транслированную картинку. Если верить ей, то у Виланда не племянница, а странная помесь милой куколочки и жуткого монстра, причем трансформируется она из одного в другое мгновенно.

— Ладно, буду защищать господина Илуватора по мере сил, — пообещала я. — А вот насчет танцев... учителя вроде бы не жаловались, но может, порепетируем? — и улыбнулась. — На лужайке? Оцените мои таланты, вдруг я господину советнику все ноги оттопчу?

— Хорошо, — улыбнулся в ответ Виланд и облегченно выдохнул. Но тут же очень подозрительно посмотрел на меня, словно чего-то ожидая.

Чего это он? Ах вот оно что... Бедный Властелин, он так привык, что никто ничего за просто так не делает, и все еще ждет, какой же супернаграды я потребую за свою помощь.

Я улыбнулась ему еще раз, глядя прямо в глаза, и четко, ясно представила себе, что требовать награды от друзей для меня странно. А я уже считаю его другом, потому что в этом мире никто не сделал для меня столько всего хорошего, как он. И на этом тему считалочек можно закрыть.

Тут несчастного мужика окончательно накрыло, ибо он героически попытался

вспомнить, что сделал мне хорошего, но упиралось у него все то в секс, то в чувство вины, что позволил допросить меня Илуватору. А потом в еще более сильное чувство вины — не сумел уберечь, хотя очень старался сделать именно это... и вообще, я сама заслужила благодарность, за то, что не предала и спасла на болотах... Но вот что хорошего ОН сделал — парень категорически не мог понять.

Я тихонько засмеялась, плюнула на субординацию и перебралась из своего кресла к Виланду на колени. Поскольку по собственной инициативе я его уже трогала, и он не протестовал, то и сейчас стесняться не стала. Взяла его лицо в ладони, легонько поцеловала в лоб, в кончик носа и в губы, а потом сосредоточилась и передала сразу целую гамму эмоций.

Боль, страх, смерть, осознание... заторможенное, но все равно прорывающееся чувство чуждости всего окружающего. Незнакомое, странное, чужое... все. Если бы эта несчастная девочка, чье место я заняла, не была предназначена ему, даже не знаю, что бы со мной стало. В лучшем случае, я бы умерла под колесами в своем мире. В худшем — оказалась бы во власти всех и всяческих высоких леди, которым было бы плевать на мое душевное состояние. Никто не стал бы меня “обезболивать” магически. Никто не позаботился бы о том, чтобы я не сошла с ума. Могли, вообще, разобрать на составные части, чтобы найти, где эта моя иномирная сущность притаилась!

Как бы то ни было, он дал мне дом, друзей, относительную беззаботность существования... вторую молодость и потрясающий секс, наконец! Разве это мало?

Виланд прикрыл глаза и притянул меня к себе. Обнял в ответ и уткнулся лицом мне в грудь, таким красноречиво усталым и доверчивым жестом... что меня просто накрыло волной нежности.

Эта коротенькая секунда слабости оказалась именно секундой, промелькнула и растаяла, но так много поменяла... и мой Властелин, по-прежнему сильный, уверенный и немного насмешливый поднял меня с кресла, протянул руку и произнес:

— Позвольте пригласить даму на танец?

Одуванчик-25

Некоторое время назад

Понятное дело, что после сообщения о приезде сестры на время пришлось забыть о спокойном анализе событий и устроить массовые беспорядки.

Для Оливии я, даже став Властелином мира, в первую очередь оставался младшим братом, поэтому ее появление было ожидаемо. Правда, я рассчитывал, что это произойдет несколько позже. Не то чтобы я был ей не рад, но все же... как не вовремя!

Да еще и Жизель... Вот уж кто точно совсем не к месту и не ко времени, но... Объяснять сестре, что не следует настолько баловать собственную дочь было бесполезно.

Мы выросли в бедности, баловать было некогда и нечем. Объятий и поцелуев мне, как младшему, перепало не так уж и мало, но чем старше я становился, тем строже ко мне относились. Да я и сам в пятнадцать-шестнадцать уже выскальзывал из-под руки глядящей меня сестры — взрослый же уже почти, какие ласки?!

Хорошо, что у Оливии родилась дочь, а не сын. Нет ничего противнее избалованного парня. Хотя, может, тогда Норис отнял бы у нее ребенка и воспитывал сам, но вряд ли. Моя старшая сестренка, конечно, не королевских кровей, но именно она управляет всем королевством и мужем. Норис только иногда проталкивает какие-то свои идеи, даже пару раз обращался ко мне за поддержкой. Пришлось порекомендовать сестре прислушаться к

мнению супруга.

Иногда мне даже его жаль, бедолагу, но моя совесть абсолютно чиста — брак они заключали по взаимному согласию, еще в те времена, когда мировая война только началась. Их не остановила ни разница в социальном положении, ни разница в сроке жизни... Первая проблема сама по себе отпала, как только война закончилась, а вот вторая никуда не делась.

К сожалению, обычные люди живут всего лет двести, не больше. Конечно, сестренка заботится о своем муже, к тому же в его роду и так полно долгожителей. Так что очень надеюсь, что еще лет сто Норис продержится. Но уже сейчас он выглядит пожилым мужчиной, тогда как Оливия по-прежнему красавица...

Жизель внешне очень похожа на мать, а вот умом... Умом даже не знаю, на кого похожа. Надеюсь, в нашем роду таких не было.

И зачем Оливия ее с собой тащит?!

У Илуватора в голове громко звучал точно такой же вопрос, только в более прямой и откровенной форме.

Да уж, страдать-то от внимания моей племянницы придется больше всего именно ему. Девчонка еще двадцать лет назад вбила себе в голову, что безумно влюблена в моего первого советника. Но раньше она была милой пухлой куколкой, которую можно было подержать на руках, выдать конфетку и забыть. А сейчас ей уже... Тридцать восемь! Взрослая девушка, черт побери! Можно замуж выдавать.

Тут я вспомнил о Дине и о том, что у сознания, живущего внутри ее тела... у... Черт!

— У паразита, живущего в теле эльфийки, — с ехидством подсказал Ил, уловив мои метания.

— Сам ты... паразит! — огрызнулся я. — Проваливай, давай, спать, завтра тебя ждет незабываемое веселье в обществе моей племянницы.

— Объясни своей родственнице, что связь эльфа и человека мировая общественность не одобрит, — буркнул Илуватор с плохо скрываемой надеждой.

— Тогда для тебя есть шикарное прикрытие, — подколот я друга. — У меня в кровати лежит прекрасная эльфийка, за которой все равно надо постоянно наблюдать. Вот и будешь совмещать приятное с полезным.

— Издеваешься? — поинтересовался Ил.

Но я проигнорировал его вопрос, объясняя Рридфферту, что надо успеть сделать до приезда Оливии. Конечно, основное веселье начнется после того, как сестра окажется в замке...

— Нисколько, — ответил я, после того как мой секретарь вышел. — Вы оба эльфы, оба ментальные маги. Никаких осуждений мировой общественности, никаких расовых проблем... Идеальная пара!

Мне даже самому стало не по себе, насколько правдивы были мои слова, черт побери!

— Издеваешься, — обреченно вздохнул Ил, состроил независимую рожу и поклонился: — Вы позволите вас покинуть, великий морра арргросс?

— Только если ты пообещаешь лечь спать, — усмехнулся я. Тоже мне, удивил ежа голой задницей. — Роль обиженного и оскорбленного у тебя не получается. Переигрываешь.

Илуватор хмыкнул, склонился в небрежно-почтительном поклоне и вышел. Я огляделся, посмотрел на спящую Дину, потом на дверь, ведущую в коридор... Зевнул. Сонно моргнул, чувствуя, как быстро тяжелеют веки, еще раз зевнул и... буквально упал на кровать, рядом с Диндэниэль.

Обычно, сообщения о приезде сестры будили во мне приятные воспоминания о детстве и юности. Да, бедность. Да было тяжело выживать, зато жить было весело...

Но в этот раз... в этот раз я снова падал и падал в тот бесконечный страшный глубокий колодец. В ушах снова свистел ветер, перед глазами была темнота.

А потом лишь сырой, пробирающий до костей холод вокруг. Боль буквально во всем теле. Страх... И дикое желание выжить.

Возможно, этот кошмар вернулся ко мне по другой причине. Диндэниэль недавно пережила нечто подобное, а я очень тщательно пересматривал ее память...

Да, когда стремительно летишь вниз, и разум отказывается осознавать происходящее, воспринимая все как сон. Страшный сон.

Как же глупо, я мог бы лишиться жизни, если бы не оказался магом. Пусть лишь неопытным недоучкой, для которого левитация предметов была практически единственным освоенным «фокусом», не считая чтения мыслей во время ярморочных выступлений.

В той стране, где прошло мое детство, маги были редкостью... и сестры скрывали свои возможности, а я нашел способ на них зарабатывать.

Пожилая гадалка раскладывала пасьянсы и предсказывала судьбы, а я тихо сидел в уголке и подсказывал ей ментально, что надо говорить клиентам. Они же все хотели услышать не правду, а подтверждение своим ожиданиям. И все были счастливы... Пока я не узнал кое-что лишнее, выдав себя при этом.

Хорошо, что те люди не знали о моем втором даре — левитации. Правда, со связанными руками, одной силой мысли, остановить падение не получилось. Но я выжил... Пусть и переломав себе все, что можно.

И лежал сутки, в полной темноте. Без воды, без еды, на холодных камнях, чувствуя, как по мне ползают какие-то мелкие восьминогие твари, слышал их мысли, ощущал их... Но даже мое магическое зрение было бессильно что-то разглядеть. Эти существа отгоняли от меня других тварей и словно ждали чего-то... или кого-то. И этот кто-то пришел...

— Морра арргросс, прибыла ваша сестра, леди Оливия! — голос Рридфферта ворвался в мой сон, разогнав не самые приятные воспоминания о младших братьях, оберегавших мое изломанное тело от заселяющих подземелье хищных насекомых. Хорошо, что я тогда находился в полузабытье и познакомился с этими чудовищами, только уже полностью восстановившись. Иначе старый морра арргросс не заинтересовался бы удивительно спокойным человечком с ментальным даром, довольно редким среди людей. Ведь выглядели эти создания как монстры из самых страшных кошмаров. Небольшие такие, с мой кулак или чуть побольше, хищные монстры. Наверное, если бы я их увидел тогда, почти в беспомощности... Уж точно не лежал бы безразличным бревном, наслаждаясь общением с удивительными созданиями.

Умывшись и приведя себя в состояние, более-менее пристойное для встречи с любимой сестрой, я величественно прошел по коридору до ее покоев, чтобы расслабленно выдохнуть и обнять выросившую меня женщину.

— Виланд! С тобой, действительно, все нормально? Эти твои....

— Арахниды, — подсказал я.

Оливия несколько недолюбливала моих поданных, хотя и старалась это не слишком демонстрировать.

— Да... они ничего не рассказывают!

При виде подошедшей к нам крошки Жизель, я на некоторое время даже позабыл, что

прихожусь ей родным дядей. Фигура у нее была очень аппетитной и личико миленькое. Пока она приседала в реверансе, приветствуя меня, все было прекрасно. Но потом...

— Почему лорд Илуватарион не явился выразить нам свое почтение?

Секундное помутнение тут же рассеялось, и в голове прояснилось.

— Он выразит его твоей матери чуть позже, когда у него появится свободное время.

— А мне? — капризные нотки в голосе как-то инстинктивно будили во мне странные потаенные желания.

— А ты пока почтения не заслужила, так что отправляйся в свою комнату и не выходи оттуда, пока я разговариваю с твоей матерью.

— Виланд, девочка просто соскучилась...

— «Когда я смогу его увидеть?» и «когда он прибежит выразить мне почтение?» — совершенно разные вопросы, ты не находишь?

— Но Виланд, она же принцесса и твоя племянница, а он всего лишь советник...

— Она — девчонка, еще ничего не сделавшая для того, чтобы с ней считались, а он — мой друг.

— Хорошо, давай, не будем ругаться, — примирительно предложила Оливия, и я согласно кивнул, хмуро посмотрев на Жизель.

Девчонку просто распирало от возмущения, даже через защитный амулет, который добрая мамочка не забыла повесить ей на шею. Ментального дара у нее не было, магический тоже до сих пор не проявился...

— Мама, можно я погуляю по замку, — демонстративно игнорируя мое присутствие и надув пухлые губки, племянница старательно изображала кровную обиду.

Обнять и плакать, черт побери! Злой дядя обидел ребенка...

— Виланд, Жизель можно погулять по замку? — Оливия внимательно смотрела на меня, ожидая моего разрешения.

Понятное дело, во-первых, субординацию демонстрирует, а во-вторых, понимает, что по замку после двух покушений гулять довольно опасно. Умница у меня сестра!

— Пусть погуляет, — в конце концов, не могу же я держать своих родственниц взаперти в их покоях? — За ней присмотрят...

— А где кабинет лорда Илуватариона? — голосом оскорбленной добродетели поинтересовалась Жизель, стараясь при этом не смотреть в мою сторону.

— Тебе это знать не обязательно, — рыкнул я.

Терять мне все равно нечего, на меня же уже обиделись.

— Я просто хотела с ним поздороваться! — так, а теперь в голосе слезы, и взгляд не на меня, а на мать. Запрещенный прием в действии.

— Виланд! Девочка так скучала!..

— А Ил так занят! — передразнил я сестру и распахнул перед Жизель дверь в коридор: — Прощу, Ваше Высочество, проветритесь в саду часика два, чтобы не путаться под ногами у взрослых.

Взмахнув веером и прошуршав мимо меня пышными юбками, племянница удалилась. А мы с сестрой принялись обсуждать, что вышедшие за ворота замка сплетни надо срочно загонять обратно, и сделать это можно только каким-то грандиозно-увеселительным празднованием. Необходимо пригласить почти всю мировую знать и предъявить им меня, во всей красе. Ну и заодно... заодно... подобрать жениха для Жизель.

Да уж, черт побери, Оливия — стратег гораздо лучше меня. Я лишь на поле боя могу

выстраивать такие грандиозные взаимосвязанные сцепки, ну еще потихоньку научился мыслить в узких политически-экономических рамках нескольких рядом сосуществующих стран. Хотя до Илуватора мне еще расти и расти... Но, возможно, до грандиозного празднования мы бы с ним и сами додумались. Логичное же решение, значит, пришло бы оно, в конце концов, нам в головы! Правда, я бы уж точно никогда не сообразил связать это все с днем рождения собственной племянницы и выбором ей жениха. Не люблю показательные казни...

Когда к нам постучал Рридфферт, чтобы напомнить о накрытом в малой столовой завтраке, мы уже приступили к обсуждению тех, кто может попытаться отказаться, но кого обязательно надо пригласить. Сестра подрихтовывала женской прагматичной романтикой мои суровые экономически-политические мужские планы. И мы под флагом «заодно» уже наметили пару десятков возможных брачных союзов между нейтрально-лояльными политическими течениями, пять торговых договоров, экономически выгодных для королевства сестры, ну и так, кое-то по мелочи...

Конечно, все эти наметки надо будет потом обсудить с Илуватором и Рремшшургом. Мало ли, я упускаю из виду слишком внутренние интриги? Опять же надо будет обязательно помешать объединиться потенциально сильным противникам моего правления, рассорив и разведя их по разным углам.

Когда мы уже уселись за накрытый стол, в столовую величественно влетел Илуватор с высокомерно-застывшей рожей. На нем, старательно делая вид, что шествует под руку, висела Жизель и радостно тараторила:

— Я уверена, лорд Илуватарион, вы оцените мои советы по достоинству! Я рассортировала все ваши бумаги в соответствии с новыми веяниями в делопроизводстве. Различная цветовая гамма для бланков с разными проблемами облегчает сортировку. Это гениальное открытие... мое, между прочим. Я уже ввела подобное у нас в королевстве, правда, папа никак не привыкнет, и мне приходится каждый вечер и каждое утро пересортировывать его бумаги так, как положено. Но чего не сделаешь ради любимого папочки, правда? И ради вас тоже... Вы такой чудесный! После завтрака я опять пойду с вами. Вам просто необходима помощь, вы выглядите таким усталым! Это все потому, что вы не следите за нововведениями в делопроизводстве! У вас слишком ограниченное мышление, вам не хватает свежего взгляда... кого-то более юного и не такого ограниченного условностями.

М-да, интересно, как мой первый советник умудрился попасться, да еще и выдать место своего пребывания?

Оливия несколько виновато прошептала:

— Норис уже давно научился прятать от нее настоящие документы. А его секретарь два раза в день вываливает на стол поддельные, чтобы Жизель какое-то время была занята и думала, что приносит пользу королевству.

Я закашлялся и кивнул Илу рядом с собой. Правда, сначала он, как и положено истинному лорду, поухаживал за леди. Правый глаз на его высокомерной роже слегка подергивался, но это было заметно только мне.

— А еще я внимательно читаю все, что написано, прежде чем решить, в какой цвет окрашивать... Не понимаю, почему папа до сих пор не раздаст всем уже заранее раскрашенные бланки?! У него же и так есть различные министерства, если окрасить бланки от них в голубой, а бланки по торговым вопросам в розовый, а...

— Жизель, милая, бланки от разных министерств и так отличаются, — в голосе Оливии явно звучало ненавязчивое предложение замолчать, но племянница его проигнорировала или просто не уловила.

— Они отличаются не так заметно! Вот после того, как с бумагами поработаю я, все сразу становится понятно, и сортировать гораздо проще. А некоторые документы приходится разделять на две части, представляете? А то и на три! Потому что там сразу куча вопросов, иногда таких глупых! — Жизель хихикнула, прикрывшись веером. — Я сначала раскрашивала бланки таких документов полосками, потом попыталась смешивать цвета, но это просто ужас какой-то и полная безвкусица! Зато теперь я делаю несколько копий, затирая ненужные вопросы...

— Ты знаешь, у нее от желания помочь даже начали проявляться магические способности. Норис очень переживает по этому поводу, — прошептала мысленно Оливия, в упор глядя на меня, чтобы привлечь внимание и нервно теребя защищающий артефакт.

Да, от меня и мага уровня Илуватора эти игрушки не спасают, мы с ним сами стараемся не читать мысли близких нам людей без их согласия. Но для более слабых менталистов и моя сестра, и моя племянница полностью закрыты. Даже эмоции не ощущаются, если они не такие яркие, как у Жизель. Вот у Тамиши был артефакт-обманка, когда эмоции вроде как есть, но не настоящие. Мне казалось, что второго такого не существует, но я ошибся...

Я кивнул Оливии, давая понять, что услышал ее фразу.

Разговаривать мысленно с магом без ментального дара можно, при желании, но это уже не милая беседа с тем же Илом, а магическое усилие с внушением своего ответа. Тем более когда на шее у собеседника висит защищающий артефакт. Качнуть головой гораздо проще.

Поздний завтрак прошел в полном молчании, не считая щебетания Жизель. Мой второй советник предусмотрительно на него не явился. Первый тоже не должен был, но от такого конвоира, как моя племянница, избавиться довольно сложно.

Когда девушка, подхватив Ила под руку, после завтрака потащила его разбирать и сортировать бумаги дальше, я понял, что друга надо спасать.

По моему совету, Илуватор выгуливал Жизель по коридорам, пользуясь тем, что девушка не сразу осознала этот момент, увлеченная своим монологом. А Рридфферт перетаскил все важные документы в другое место. Когда же моя племянница обнаружила, что милый лорд Илуватарион совершенно не ориентируется в замке и быстро дотащила несчастного до его кабинета, им навстречу выскочил Рремшшург, чтобы с извинениями похитить замученного эльфа обсудить несколько важных вопросов.

Надо отдать Жизель должное, она не сдалась так просто и даже переступила через свою неприязнь к арахнидам, пытаясь отбить свою добычу. Но двое мужчин все же как-то умудрились задурить голову несчастной девушке и скрыться.

На обеде уже не было ни одного советника, поэтому расстроенная племянница попыталась оказать посильную помощь мне и матери. Но даже при всем моем уважении к сестре, изображать восхищение малолетней красивой дурочкой я оказался не готов.

Так что с чистой совестью отправил ее на светлую половину гарема — на массажи, косметические маски и прочие женские радости, которыми они могут заниматься бесконечно. Там сейчас центушшер арахнидов, сто двадцать восемь воинов. Думаю, они спасут моих наложниц от моей племянницы. Но, для надежности, я отправил с ней трех нагинь-охранниц, с наказом не спускать с девушки глаз ни на секунду.

Вот так и становишься параноиком... Опасаться за жизнь близких в собственном замке!

Перед ужином Илуватор, тайными переходами, прокрался в мой кабинет, чтобы объявить о срочной необходимости посетить родственников. Ну а я обрадовал его новостью, что вся его родня вскоре окажется у меня в замке. Ибо... Грандиозное празднование совершеннолетия Жизель!

— Виланд! Это не смешно! — Ил с укором посмотрел на меня, а потом сам вспомнил о моем предложении: — Знаешь, пожалуй, из двух зол, твоей племянницы и твоей любовницы, я предпочту вторую. Она менее опасна...

Одуванчик-26

Никогда не мечтала танцевать менуэт. И марлезонский балет меня как-то не прельщал. Но эльфийские танцы оказались очень похожи на бальные развлечения французской и прочей аристократии. Черета изящных статичных поз, проходы, повороты, поклоны... Хорошо, что прожив жизнь музработника я, по крайней мере, имела представление о том, как все это танцуют. Ну а попав в гарем, почти ежедневно получала практические уроки. На руку мне сыграло то, что все знали: эльфы жабятся отдавать Властелину настоящих дочерей и подсовывают бедных родственниц из глубинки. Поэтому мое неумение танцевать весь этот придворно-приторный кордебалет никого не удивило.

Но танцевать с Виландом оказалось даже приятно. Тем более на свежем воздухе и под аккомпанемент двух мандолин, трубы и скрипки. Интересно, музыкантов он вызвал во время нашего разговора или заранее приволок?

Хотя я на его месте опасалась бы сочетания музыки и эльфийки. Я сама еще какое-то время буду опасаться гитарных переборов...

— Ваше Властелинство, можно вас попросить? Накостыляйте как следует тому паразиту, который испортил нам вечер с музыкой! Вот как найдете, так от моего имени и добавьте... сколько не жалко. Я теперь боюсь сама играть, и вы вряд ли захотите меня слушать. Обидно...

— Глупости! — довольно резко отреагировал Виланд и тут же прижал меня к себе. — Я не просто захочу вас слушать, я даже верну вам вашу гитару. Она последовала за нами, но упала в болото. Мои арахниды сумели ее вытащить, — он говорил все это, а сам поднимал один ментальный щит за другим, пряча за ними все до единой эмоции.

Я не совсем... нет, не так. Я совсем не поняла, что это вообще было, но на уровне интуиции ощутила — лучше не переспрашивать.

Тем более что через секунду Виланд снова улыбнулся и опустил свои ментальные заслоны, наклонился и легонько поцеловал меня в губы, то ли утешая, то ли извиняясь за что-то. Приподнял мое лицо за подбородок и заглянул в глаза:

— Вы чудесно играли, леди Диндэниэль! И я не позволю никому лишить меня этого удовольствия.

Я радостно улыбнулась в ответ, а потом вздохнула:

— Гитара — это хорошо... хотя называть ее моей не слишком правильно. Она принадлежала той бедной девочке. И, признаться, здорово меня напугала, когда принялась своевольничать. Давайте, на всякий случай, положим ее подальше, а я возьму какую-нибудь учебную гитару и поиграю вам все, что вы захотите.

Виланд приобнял меня, нарушая этим очередную фигуру танца, и прошептал:

— Уверен, в этот раз никто и ничто не помешает мне насладиться вашим талантом. А со своевольной гитарой вам придется подружиться, потому что она именно ваша. Ведь вы музыкальный маг, а она — артефакт для таких магов. Но, само собой, знакомиться вы будете

под нашим с Илуватором присмотром...

— Главное, чтобы этот присмотр был... Только магии мне не хватало для полного счастья. Не было у бабы забот, дали бабе магию... — меня одолело желание немного поворчать, но, похоже, этим я только еще больше развеселила Повелителя.

Гитару мне все же вручили — другую, не ту, которая занималась диверсионной деятельностью. Музыкантов отпустили, заявив, что танцую я вполне прилично, он сам проверил и Илуватору жаловаться будет не на что.

На веранде мы не остались, потому что к вечеру туда прилетели в гости местные комарики. Как-то само собой получилось, что наслаждаться музыкой было решено в спальне. Поскольку мне было все равно, в какой из четырех имеющихся на втором этаже, вопрос решили просто — устроились в той, которая была ближе всего расположена к лестнице.

Виланд слушал импровизированный концерт с удовольствием и даже не зевал, наоборот, завлекательно поблескивал глазами и многозначительно улыбался, явно намекая на некое не музыкальное продолжение. Я тихо посмеивалась про себя, наблюдая, как этот мачо ерошит перышки, и мысленно качала головой: ну я-то вижу, что укатали сивку крутые горки. Ему бы выспаться, чудищу, а секс — он и с утра вполне неплох.

В конце концов, пришлось пойти на хитрость. Властелин был раздет, разут, затянут на кровать. Он не особо и возражал, не подозревая о моих коварных планах. Поскольку я его раздевала с явным удовольствием и вполне себе наслаждалась процессом, то и мысли у меня были определенной направленности.

А потом я предложила сделать ему массаж... и не просто всего тела, а еще и головы.

Наивный Виланд спокойно откинулся на подушку. Он даже мурлыкал что-то блаженное, постанывал и сладко вздыхал, пока я нежно перебирала густую темную шевелюру.

Даже еще успел вяло пошутить:

— Кстати, в сборнике наложниц было упоминание о массаже Повелителю, только я не помню, что там вам за это полагается. Но я уже распорядился подарить вам одну старинную книгу... вам понравится.

— Мне за все на свете полагается исключительно поцелуй, — непререкаемым тоном поправила я, сделав серьезное лицо, и тут же взяла “плату” натурой. — Подарки вы будете мне дарить просто так, когда вам захочется... А сейчас лежите молча и наслаждайтесь. Разрешается только стонать и мурлыкать!

Виланд засмеялся и демонстративно громко изобразил довольного кота. Так на середине очередного мурлыка и уснул. Я еще немного погладила своего Властелина по голове, по плечам... заботливо укрыла одеялом, поправила подушку и с чистой совестью прикорнула рядышком.

Утро началось с того, что как-то незаметно облапанный во сне “добыч” закопошился и попытался слинять. Н-да, очень редко со мной такое бывает, чтобы я сама приползла обниматься, более того обхватила добычу не только руками, но и ногами. Именно поэтому тихо уползти с “места преступления” у Его Темнейшества не вышло.

Я сладко потянулась, не отпуская завоеванного, и поинтересовалась:

— Кофе будешь?

— Кофе? — несколько удивленно поинтересовался Виланд. — Завтрак в постель? — в его голосе прорезалось ехидство с нотками печали и какой-то бесшабашной удалости, из серии

гулять — так гулять! — Тогда еще и бутербродов!

— Бутерброды будем делать вместе, — обрадовала я Властелина, наклонившись и легонько чмокнув его в губы. — Пошли на кухню, а то крошки в постели — это не мой сексуальный фетиш. Пошли, мне без тебя скучно будет готовить.

Вот правильно, по утрам надо смеяться, мысленно напевать какую-то новую и интересную мелодию, кружить меня на руках по комнате и целовать! Отличный Властелин!

Виланд снова рассмеялся моим мыслям, огляделся, не нашел своего халата и сделал... наверное, это какой-то особенный Повелительский зов. Наконец-то, я его услышала и постаралась запомнить. На этот ментальный свист мигом явился незнакомый домовенок — покрупнее Шойшо, притащил Повелительский халат и тапочки. Потом, застенчиво пискнув, выудил из шкафа вторую пару — для меня.

Я так умилилась, что потащила в кухню не только Виланда, но и домовенка. Еще вчера я обнаружила там набор продуктов, магическую плиту, очень похожую на электрическую, кучу кухонной утвари и нечто, смахивающее на вертикально поставленный гроб — узкое и черное. Оказалось — магический холодильник.

Незнакомый домовик получил спецзадание — набрать песка в самую большую сковородку. Они с Виландом одинаково удивились, но возражать не стали, и очень скоро я колдовала над туркой, установленной в горячем песке, а Виланд крупно, по-мужски, строгал окорок на бутерброды. Ошарашенный домовенок сидел под столом и ел конфету.

Кофе в турке, приготовленный варварским методом — в сковородке с песком, оправдал все мои ожидания. Виланд пил и жмурился от удовольствия. И признал, что без магии вкус совершенно другой.

От этого занятия нас оторвал сердито-печальный писк. Заглянув под стол, я обнаружила там не только нового домовеньша, но и старого. Шойшо был возмущен до глубины души — это его эльфа и его КОНФЕТА!!!

Виланд подавился бутербродом, наблюдая за тем, как домовики делят сладости. Пока я лупила его ладонью по спине, под столом были достигнуты мирные договоренности. Новый домовик, по имени Ройро, получил еще одну конфету, а Шойшо — две конфеты и персик. Что не мешало ему на меня дуться.

— Вот так вот, — наставительно сказала я Повелителю, изо всех сил сдерживая улыбку. — За конфету родину продадут. Еще кофе?

— Женщины... Они могут оскорбить, даже не понимая этого, — Виланд протянул надутому Шойшо еще один персик. Домовичок тут же схватил добычу и теперь был похож на черный жадный мячик с отростками — в каждой из четырех лап по кусочку. — Расслабься, малыш, твой соперник уйдет отсюда вместе со мной. И все остальные конфеты достанутся тебе.

Наше веселье прервал деликатный стук в дверь. На пороге нарисовался белобрысый секретарь в обнимку с пачкой каких-то бумаг.

При виде него Виланд вздохнул так душераздирающе, что даже домовики под столом перестали цапаться и сочувственно заморгали оттуда двумя парами глазниц. Повелитель вздохнул еще раз, отложил недоеденный бутерброд и выполз из кухни.

— Морра арргросс, ваши советники хотят с вами посоветаться в спокойной обстановке...

— Я сейчас пойду на озеро, а потом к Ришшике, — предложила я, быстро убирая со стола. — Можете совещаться прямо тут. Кофе в шкафу, бутерброды в холодильнике, могу

еще нарезать и оставить вам.

Виланд меня обнял и благодарно поцеловал, излучая в пространство что-то такое, из серии: "ангел во плоти".

Я засмеялась:

— Понятно, бутербродов нарежу с запасом. Как освободитесь, пришлете за мной домовичка.

Уже по пути к озеру пришлось менять маршрут, потому что меня поймала Зельма и, не слушая никаких возражений, утащила пытаться. В смысле, буренка уже пришла и ждала только меня, чтобы снова заняться бальными нарядами. Плакал мой отдых на пляже.

“Буренку” пришлось усиленно запихивать в самые глубины подсознания, чтобы случайно не ляпнуть вслух. Но меня все равно периодически пробивало на “хи-хи”, очень уж действо на веранде напоминало известный детский мультфильм про Буренку из Масленкина. Одни коровьи ресницы чего стоили! Я в реальности была знакома с несколькими нормальными коровами... у них такого не было!

Вырваться удалось только к обеду. Слава богу, никто из девчонок не пошел меня провожать, потому что я сразу, как только Ришшикина веранда скрылась за кустами, свернула не в ту сторону и бегом поскакала к озеру. Мне просто необходимо было нырнуть в холодную воду и остудить вскипевший организм!

Я и в прошлом теле терпеть не могла примерки и покупки... и в этом ничего не изменилось.

Золотистый полумесяц пляжа манил спокойствием и негой... и был занят. Впрочем, общество русалочки меня сейчас не пугало, ибо она совершенно точно не собиралась прыгать вокруг меня с тряпками и ножницами, и тем более не собиралась колоть мои несчастные бока булавками.

О’Рения была тиха и меланхолична. Я, признаться, с некоторой опаской ждала ее реакции на паучьи персики возле моей двери — почему-то мне казалось, что данное событие ни разу не секрет для окружающих. Но опасалась я зря, грустила русалочка исключительно потому, что вкусный Грашшард до сих пор где-то там лечил покалеченные лапы и на озере не показывался...

Меня накрыло сразу двумя противоречивыми эмоциями. Первой взметнулась совесть — я ведь, дура такая, даже не поинтересовалась, как там мой спаситель!!!

А вторая... даже не знаю, как ее назвать. Но то, что персиковое паломничество совершенно не мешало товарищу пауку регулярно кормить О’Рению малиной и полезным “Ррр-буль-буль” или как там оно... с какой-то стати меня ужасно развеселило.

Мы очень плодотворно побеседовали с хвостатой подружкой о мужиках, вообще, и о конкретной их пользе, в частности, вдвоем повеселились на тему малины и персиков... и почувствовали себя в какой-то мере чуть ли ни родственницами. Похихикали еще и на эту тему...

А потом наше уединенное плюханье в теплой водичке нарушил белобрысый секретарь, чье имя я с грехом пополам выучила. Рридфферт! Я — молодец!

Наслаждаясь собственным умом и сообразительностью, я первым делом познакомила хвостатую подружку с восьминогим посланником. И очень удивилась, обнаружив явное смущение с белобрысой стороны и столь же явное и неприкрытое кокетство с другой. О’Рения стреляла глазками, трепетала ресничками, соблазнительно выгибалась на отмели, пряча хвост под водой... и даже заметно зеленела — я так поняла, что это русалочий аналог

стыдливого девичьего румянца.

Рридфферт каменно молчал в ответ на все ее призывные действия, но при этом стоял на месте, как приклеенный, и даже лапками не перебирал. Официально он вроде как ждал меня, а по факту, похоже, просто не знал, как реагировать на такое прямолинейное завлекалово.

Кончилось все тем, что оба персонажа с надеждой уставились на меня. Я слегка опешила. Ну, с русалочкой все понятно. Если бы она когда-нибудь видела земное аниме и знала современный молодежный сленг, все ее мысли можно было бы сформулировать в двух словах: “Мимимими!” И: “Хочу-хочу!”.

У Рридфферта все было несколько сложнее. То есть “мимими, русалочка, с ними можно” и “хочу-хочу” тоже присутствовало, но вместе с тем этот белобрысый трехсотлетний скромник понятия не имел, с какой стороны подступиться к завлекательно-чешуйчатому хвостику. То есть, как я уловила из сумбурных паучьих мыслей, технические вопросы его не волновали — бордель изобрели не вчера.

А вот на моменте знакомства с “приличной” девушкой товарища клинило не по-детски. И он ждал от меня конкретных подсказок. Кхм...

Мой мозг тоже попытался встать раком-бокком и застрять в потоке мыслей, на уровне определения русалочки как “приличной девушки”, но я с размаху дала ему пинка, отправив в полет четким посылом про “свой устав” и “чужой монастырь”. Сказано приличная — значит, приличная! Может, у русалок уровень приличности определяется как раз количеством выдоенных пауков. И вообще, это все ерунда, делать-то что?

Мне точно нужно будет открыть со временем брачное агентство. Переводить с паучьих мыслей на русалочьи слова и обратно я уже умею. Во всяком случае, не без труда, но мне удалось договориться о свидании на закате. Да-да, именно мне и именно договориться, потому что оба персонажа стойко изображали девственное смущение, в комплекте с полным отключением всех коммуникативных систем. А всезнающая эльфа изображала разночастотный радиоприемник, по очереди улавливая передачи то одного, то другого стеснительного мозга.

Главное, я так и не поняла, с чего О’Рения-то перешла исключительно на язык жестов. Ррашшарда она как-то заманила в свое озеро без посторонней помощи. Видимо, склонность поездить на халяву на чужом горбу свойственна всем существам, не исключая подводных гуманоидов.

Домой мы ушли под аккомпанемент ментального русалочьего ликования и предвкушения. Ибо блондинистый экзотик постоянно пробегал мимо озера на такой скорости, что ни одна его обитательница просто не успевала свернуть хвост в завлекательный крендель. И только О’Рении повезло! Такой беленький, стройненький, с красивыми глазками... и наверняка просто потрясающе вкусный!

Беленький и вкусный всю дорогу был радостно возбужден, у него даже зрачки то расширялись, то сжимались в точку, четко в такт предвкушающим мыслям. Ну и на здоровье, как говорится... у меня других проблем полная октава.

Мужики на кухне совещались — продуктов нет, посуда грязная, на столе крошки. Все, как у людей. Кстати, второй советник Его Темнейшества, Рремшшург, вполне удобно пристроил свою хитиновую... мммм... брюшко на мягком кухонном диване. Видимо, здесь вся мебель сделана в расчете на гостей-пауков, то-то я обратила внимание на необычную ширину сидячих мест.

— Не суетитесь, леди. Вам сейчас придется отправиться с нами в замок, где лорд Илуватарион, — на этом месте первого советника слегка перекошило, второй попытался приглушить мысленное хихиканье, а сам Повелитель сделал каменную морду лица, прежде чем продолжить: — Представит вас моей сестре и племяннице как свою даму, а затем вы составите нам компанию во время небольшого семейного обеда. У вас есть простенькое эльфийское платье для соответствующего случая?

— Опять платье?! — я уронила тряпку, которой между делом быстро вытирала стол. Это мужик может рассуждать о суете и прочих безобразиях, а меня нервирует заляпанная столешница.

— Вы прекрасны и без них, но боюсь, мои родственницы не оценят... Кстати, напоминаю вам, что улеши обитают в замке не только для того, чтобы их кормили конфетами. Они прекрасно справятся с наведением порядка в комнате, пока вы приводите в порядок себя. Прическу желательнее сделать тоже эльфийскую, чтобы открыть ваши замечательные ушки, — в доказательство “замечательности” меня поймали, сгребли в охапку и слегка прикусили кончик уха.

— Все это отлично... — почему у меня такое ощущение, что меня втягивают в какую-то жуткую авантюру? Ладно... кому ж еще тут доверять, если не Властелину? Правда, есть нюансы...

Я улыбнулась второму советнику, мысленно отметив для себя, что он вроде бы пока не в курсе неведомой зверушки в теле местной жительницы. Поэтому, специально для Повелителя, с самым невинным видом глядя ему в глаза, уточнила, ментально и адресно:

— Понятия не имею, как выглядит эльфийская прическа.

— Я примерно представляю, как это выглядит, но и только... — ответил он мысленно, а вслух добавил: — Не волнуйтесь. Лорд Илуватарион, как самое заинтересованное лицо, с удовольствием окажет вам посильную помощь с прической, а также поможет с выбором украшений. А платье мы сейчас сами выберем.

Одуванчик-27

Некоторое время назад...

Дине в очередной раз удалось меня удивить, причем настолько сильно, что на пару секунд я растерялся. Вот как-то всего ожидал — истерики, скандала, спокойных претензий, молчаливых укоряющих взглядов, страданий и переживаний... Сам себя уже восемь сотен раз отругал и прекрасно бы понял, если бы еще и Дина добавила.

Что я за мужчина, если не могу обеспечить безопасность женщине, с которой сплю?! Что я за Повелитель, если у меня в гареме одна наложница легко может убить другую? Что я за морра арргросс, если мои подданные творят за моей спиной все, что вздумается, а я даже не знаю об этом?! На меня было совершено покушение, а я уже больше суток не могу определить — кем!

Конечно, самобичеванием я занимался где-то в очень глубоких недрах своего подсознания, чтобы этот процесс не отвлекал от дел насущных. Судя по взгляду Илуватара, он тоже переживал, и тоже очень глубоко внутри.

Понятно, что ругать друг друга, когда оба чувствуем себя виноватыми в случившемся, глупо.

Но не женщине, которая вправе рассчитывать на мою защиту. Не женщине, которую я взял под свою опеку. Не женщине, которая дважды чуть не погибла из-за меня!

Она же просто сделала вид, словно ничего не произошло! И еще согрела

переполняющим ее чувством благодарности и желанием мне помочь. Просто помочь...

За что она мне благодарна, я так до конца и не понял. Удивительно непонятная и странная женщина. Я уткнулся лицом ей в грудь, вдыхая запах чистого тела, мыла, легкий цветочный аромат... и позволил себе на пару секунд забыть обо всем.

Ради Тамиши я сражался, завоевывал, покорял... А сейчас, рядом с Диной, вдруг захотелось стать обычным человеком. Чтобы никаких заговоров, никаких государственных проблем, никакой политики... Я, она и...

Черт!

Обычный человек мог бы себе позволить открыто встречаться с эльфийкой, наплевав на общественное мнение, но стала бы эльфийка тратить часть своей жизни на обычного человека? Они же всегда мнили себя высшей расой, и, если бы я не стал морра арргрос, сейчас правили бы миром, вместо арахнидов. Люди поклонялись бы им, как богам. А боги редко снисходят до простых смертных...

Но сейчас судьба всех эльфов в моих руках, пусть я и не претендую на божественность. Только, к сожалению, наплевать на общественное мнение не имею права... Черт побери! Отставить лирику!

— Позвольте пригласить даму на танец?

Музыкантов я вызвал, едва Дина намекнула на проверку ее способностей. Разве я смог бы отказать леди и не потанцевать с ней хоть немного?

— Ваше Властелинство, — меня всегда веселили титулы, с которыми она обращалась ко мне. Один забавнее другого! — Накостыляйте как следует паразиту, испортившему нам вечер с музыкой! Я теперь сама боюсь играть, и вы вряд ли захотите меня слушать. Обидно...

Да, обидно. Я тоже теперь буду нервничать. Но не нужно позволять почувствовать это бедной девочке. Она и так расстроена случившимся.

— Глупости! — рыкнул я, злясь больше на себя и на того «паразита», который устроил покушение.

И тут же закрылся, спрятав все эмоции. Страх, злость, сомнения — не зачем о них знать женщине, которая сейчас испытывает примерно те же чувства.

Если Диндэниэль — музыкальный маг, значит, ей придется учиться творить заклинания. И я должен быть рядом и контролировать процесс обучения. Спокойный и уверенный, в ней и в себе.

В ней даже больше, чем в себе, потому что творец заклинаний рядом, это... Так! К черту все сомнения, пусть враги боятся! А я буду верить... как последний идиот, буду ей верить. Потому что я так решил. И Ил поддержал, кривя свои красивые губы и поглядывая на меня с сочувствием.

А еще он обещал привезти в замок все книги, которые есть у эльфов, даже из личных библиотек. И согласился сам обучать Дину ментальной магии, из-за сходства их дара...

— Вы чудесно играли, леди! Никому не позволю лишить меня этого удовольствия, — улыбнулся я, глядя в глаза своей партнерше по танцам. И протянул ей обычную гитару...

А потом был чудесный вечер, настолько чудесный, что я почему-то каким-то чудом уснул, черт побери! Прямо в кровати с красивой женщиной!

Ночью мне снова снились пещеры. Лицо старика, его безучастно-изучающий взгляд, легкое любопытство, а потом... боль. Такая сильная, что я почти сразу перестал ее чувствовать, хотя сознание потерял не сразу. Сначала пришел спасительный болевой шок...

Охранявшие меня до прихода старика пушистые полуразумные создания старательно

переламывали мне все кости, чтобы собрать их по новой, правильно. Позвоночник, ноги, руки, пальцы... Благодаря этим существам, я не стал горбатым криворуким хромым уродом.

Череп, к счастью, я не повредил, инстинктивно свернувшись при падении чуть ли не в клубок. Больше всего пострадали спина и руки. Как потом признался старый морра арргросс, он даже не надеялся, что я буду ходить.

Старик воспринимал меня как разнообразие, развлечение... и потом — подарок одной симпатичной арахнидке, ради ее благосклонности. К счастью, я тогда не подозревал о его планах и наивно верил, что раз со мной так возьмется, значит, хотят, чтобы я выжил.

И я выжил, черт побери! А развлечение из меня получилось настолько интересное, что мне даже было позволено находиться в помещении во время занятий старого морра арргросса с его возможной сменой — тремя молодыми арахнидами, среди которых был и Рремшшург.

Сначала их веселили мои вопросы, потом удивляли... Как и рост моих ментальных способностей.

Да, есть расы, для которых ментальная магия — норма. Но от жалкого человека ничего подобного не ожидалось.

А еще мне было позволено любоваться, а потом даже трогать Аррахшшир. И я разговаривал с ним, иногда часами... потому что больше мне говорить было не с кем. А артефакт иногда даже отвечал мне, по крайней мере, показывал свою заинтересованность в моих историях. Так что я развлекал не только старого морра арргросса.

Когда старику стало совсем плохо, он призвал своих учеников, положил перед ними Аррахшшир и почти с мольбой в голосе попросил его выбрать нового хранителя. И артефакт выбрал...

Проснулся я как-то резко.

Жизнь в пещерах не была чередой кошмаров, и я довольно спокойно вспоминал о ней наяву или во сне. В этот раз тоже не стонал, не метался, просто спал... и вдруг, словно что-то резко толкнулось в груди. Аррахшшир?! Интересно, может ли он управлять моими снами? Возможно, он и моя интуиция вместе пытались понять, кто же виноват в покушении?

Дина, лежащая рядом и крепко обнимающая меня, тут же оторвала голову от подушки:

— Кофе будешь?

— Кофе? Завтрак в постель?

Последний раз я позволял себе такую роскошь с Тамишей, завтраки, ужины... А нет, черт побери! Ужин в постели у нас был совсем недавно. Почему бы теперь не устроить завтрак?!

— Тогда еще и бутербродов! — объявил я.

Почему-то я был уверен, что она просто сбегает на кухню, принесет оттуда поднос с едой, и все потихоньку плавно перейдет в секс.

— Бутерброды будем готовить вместе, — внезапно заявила эта странная женщина с эльфийской внешностью. — Пошли на кухню, а то мне без тебя скучно.

Давно уже не слышал таких слов от девушек. Скучно!.. Ей без меня — скучно.

Не знаю почему, но мне вдруг стало легко и весело. Я засмеялся, подхватил Дину на руки и закружил ее по комнате. Черт! Все-таки иногда так и тянет почувствовать себя обычным человеком. Но почему-то именно с этой эльфийкой, с которой даже потанцевать на балу нельзя, как и Илуватору с его Клариссой.

Бал — это торжество завоевателей. А эльфы — завоеванная раса.

Но я поступил с ними гораздо честнее и порядочнее, чем они с арахнидами. Не стал загонять их в подземелья, оставив четыре самых крупных лесных поселения. Просто запретил им расселяться по миру, заставив жить за ограждением и ненадолго выезжать, только с позволения наблюдающего за поселением арахнида.

Высокомерные первородные, вынужденные толкаться на ограниченной территории, уживаться друг с другом и жить с осознанием своего поражения.

Первородные...

Да, если верить легендам, первыми в этот мир пришли именно эльфы. А уже потом из деревьев произошли дриады, из цветов — феи, в воде зародились русалки, а в пещерах из камней возникли гролы.

Говорят, что потом гролы напали и утащили с собой фей и эльфиек, чтобы породить драконов и иллитари. И по-быстрому отымели целую рошу дриад, чтобы зародились орки. Но в последнее я не верю — от дриад рождаются только дриады.

Вообще, со смешением рас все сложно, но точно известно, что если один из пары — эльф, то и ребенку быть эльфом. А если один из пары — человек, то ребенок унаследует расу второго из родителей. Причем в первом случае полукровка будет слабее своих родичей, а во втором, скорее всего, сильнее. Но потом он сам и его потомки должны сторониться людей поколений пять, точно, иначе все улучшения закончатся, и начнутся ухудшения. Такие вот, черт побери, сложности!

Так что если я появлюсь на балу с Диной под руку, сначала меня ждут возмущенные перешептывания среди представителей темных рас, которых насторожат откровенные знаки внимания эльфийской леди.

Потом серьезная беседа с сестрой, по поводу возможных племянников, которых никогда не примут люди, потому что они будут эльфы, и никогда не примут эльфы, потому что их кровь осквернили люди.

Насчет племянников нам пока думать рано, я совершенно точно пока не горю желанием обзаводиться потомством. Дина, как это ни удивительно, тоже... Так что сестру я быстро успокою.

К перешептываниям за спиной мне тоже не привыкать, но не время заниматься провокациями.

Среди соратников сейчас нет недовольных — я придерживаюсь обещанной внешней политики, поощряя победителей и унижая побежденных. Мир-то я завоевывал не в одиночку, на моей стороне воевали и орки, и тролли, и вампиры... Какие-то расы воздержались и не вмешивались. По-своему, это тоже было помощью.

Мой интерес к человеческим женщинам прекрасно поймут. Уверен, спокойно воспримут даже жену из королевства, воевавшего на стороне эльфов.

Выбор женщины любой другой расы хмуро осудят, восприняв как принижение остальных. В целом, проблема решаема. Хотя я не собираюсь связывать свою жизнь с нагиней, орчанкой или троллихой, танцуя на каждом балу по очереди со всеми. Правда, от сплетен это все равно не спасает...

Но, черт побери, даже представить страшно, что будет твориться после танца с эльфийкой! Все мои сторонники почувствуют себя оскорбленными. Все разом объединятся, чтобы высказать свое недовольство, опасения, возмущение... И подвластные мне арахниды тоже будут возмущены. Напридумывают себе всякого, чуть ли не поженят, заранее.

Из-за пары танцев — большой политический скандал. Это последнее, что мне сейчас

нужно!

Или, наоборот, показать, что мне плевать на все? Отвлечь от пересудов по поводу неудачного покушения?

Как-то внезапно я обнаружил, что продолжаю кружить девушку по комнате, целовать и еще напевать себе под нос простенькую смешную песенку из своего детства. Черт побери, интересно, с чего вдруг я такой счастливый?!

Мое благодушное настроение не испортило даже появление сосредоточенного Рридфферта с сообщением, что оба моих советника горят желанием со мной пообщаться. Пока я выбирал, в каком из трех моих кабинетов нам будет удобнее, Дина внезапно засуетилась и предложила:

— Кофе в шкафу, бутерброды в холодильнике, могу еще нарезать и оставить вам.

Я поцеловал девушку, вновь развеселившись от ее трогательной заботы, и незаметно кивнул Риду. Оставив на столе папку со срочными документами, он ринулся в замок за остальными бумагами, а я мысленно связался с Реми и попросил его прикрыть отступление Илуватора.

Потом заглянул под стол, где притихли два улеши. Запас конфет и персиков у них уже закончился, поэтому выглядели они демонстративно несчастными и готовыми мгновенно улизнуть от меня куда-нибудь под шкаф.

Хитрые маленькие пушистые зверушки! Никогда бы не подумал, что они приручаются не хуже, чем наши младшие братья, аррархи. Вот тот, который чуть посветлее, явно, служит Дине не только за конфеты... Ну и отлично. Чем больше у моей эльфийки незаметных защитников рядом, тем лучше.

Я еще раз посмотрел в преданно глядящие на меня две пары глаз, вздохнул и выдал каждому по персику.

— Много сладкого вредно!

Светленький презрительно фыркнул и смешно нахохлился. Забавно... Всегда считал, что улеши — это нечто незаметное, ответственное за порядок, но никак не домашний питомец, которого можно кормить с рук вкусненьким.

До появления советников я успел выдать маленьким ментальным вымогателям еще по одной конфете. Они так эмоционально их хотели, что я не выдержал. А потом два счастливых шарика исчезли, чтобы не мешать нам разговаривать.

Вот Илуватор и Реми выглядели не такими довольными. Особенно последний.

Ила заметно беспокоило ярко выраженное сходство Тамиши и напавшей на Дину наложницы, Аины. Так что он упорно рыл во всех направлениях, чтобы убедиться в случайности этого факта. Все опрошенные утверждали, что магических способностей у девчонки не было. Никаких, не то что ментальных. И взяться им было неоткуда — во вторую переселенку из другого мира я не поверю ни за что. Перебор, черт побери!

Одной хватает... С внезапно появившимся даром к музыкальной магии и очень удачно сохранившимся в ее роду артефактом, принадлежащем такой же одаренной.

Вчера на абсолютно нерелигиозного Илуватора неожиданно накатило желание уединиться и помолиться своим богам. Я сначала решил, что он шутит. Но Ил действительно открыл портал в один из храмов и удалился часа на три. Правда, вернулся он оттуда с толстой книгой, на обложке которой были нарисованы играющая на гитаре эльфийка и стоящий рядом с ней эльф, играющий на флейте.

— Вымолил? — съехидничал я, разглядывая название: «Для юных искателей знаний,

возжелавших воспользоваться чужим опытом, прежде чем самим встать на опасный путь сотворения новых колдовских виршей».

— Иногда помолиться очень полезно, — пробурчал Илуватор, выложив на стол свою добычу. — Леди Диндэниэль придется все это прочесть и освоить.

Так что, у нас в наличии были учебник творца заклинаний и сам творец. То есть Дина. А еще мои арахниды, множество раз старательно перепаживающие болото, нашли эту проклятую гитару, чтоб ее кентавры копытами растоптали.

Когда я с непринужденным видом взял эту старинную гадость в руки, то понял, что боюсь... Не до испарины на лбу и нервного тика, но все же боюсь обычного музыкального инструмента. Ладно, черт побери, необычного! И пока не пойму, как эта дрянь работает, буду его опасаться и побаиваться.

Единственный, кто это почувствовал, был Рремшшург, стоящий в это время неподалеку. Он с сочувствием посмотрел на меня и потянулся, чтобы забрать гитару. Но я не отдал, лишь сжал гриф крепче, выдыхая из себя весь страх, как драконы — огонь.

Древними артефактами меня не удивишь! И прятаться за спины своих советников я не собираюсь, черт побери!

Это нормально, опасаться неизвестной магической дряни, которая лишила тебя всех сил и перекинула через портал практически на смерть! Жить-то мне еще хочется... Но не трястись в страхе за свою жизнь.

Так что, гитару я сам лично отнес и запер в одном из потайных хранилищ. Временно. Чтобы попозже спокойно изучить... Надо только тщательно продумать защиту и подстраховку.

А еще, перешагнув через впитанное годами жизни с арахнидами уважение к их женщинам, вчера же вечером я вызвал к себе Рраушшану. Был строг, сдержанно вежлив и позволил себе ментально допросить пожилую аррграу.

Что ж, по крайней мере, теперь я лучше понимаю ее позицию в отношении беспорядков в гареме. В чем-то она даже права.

Жесткая дисциплина, в которой воспитываются арахниды, неприемлема для молодых избалованных девушек-аристократок, да еще и разных рас. Естественно, что они разделяются на мелкие группы и, понятно, что в гареме будут негласные лидеры. Борьба с этим бесполезно, так же как и с мелкими пакостями, которые девушки устраивают друг другу.

Вот с последним я был не согласен — безнаказанные мелкие пакости могут легко перерасти в большие. Тут я почему-то, совсем некстати вспомнил о Жизель. М-да, тоже мелкая пакостница в государственных бумагах... Надо будет с сестрой серьезно поговорить на эту тему, или уже сразу с будущим мужем моей племянницы обсуждать такие вещи? Ладно, позже над этим подумаю...

В конце концов, до появления Дины метод невмешательства прекрасно срабатывал. Девушки годами пакостили друг другу исподтишка, контролируя этим иерархию в своем маленьком государстве. Группировки распадалась, создавались, менялись лидеры, а уровень пакостей оставался прежним. Травили лишь «избранных», и Рраушшана считала ниже своего достоинства заступаться за «слабаков». Просто старалась поскорее от них избавиться.

Попытку спихнуть Дину троллю моя управляющая по гарему втихую вполне одобряла, хотя осуждала топорность и непродуманность того, как это было сделано.

Меня Рраушшана по-прежнему воспринимала как мальчишку-подкидыша, неспособного выжить самостоятельно и нуждающегося в постоянной опеке. И мой выбор партнерши она

откровенно осуждала, ей вообще Диндэниэль не нравилась — у двуногой серьезные проблемы с головой и чужая магия. Мало мне крутящегося рядом эльфа, владеющего чужой магией, я еще и эльфийку к себе приблизил.

По поводу второго покушения на Дину Рраушшана сожалела... Сожалела, что просмотрела Аину, и сожалела, что той не удалось довести начатое до конца — «это решило бы проблему». «Все двуногие — слабаки и бесполезные личинки».

Что ж, хорошо, что я переселил Диндэниэль на темную территорию. Потому что у светлых защищать ее никто не собирался. Судя по поджатым губам и осуждающему взгляду, раскаиваться в этом тоже никто не думал. «Эльфийка — не пара морра арргросс!».

Черт побери, мало мне сестры, настойчиво пытающейся меня пристроить, так, оказывается, и арахниды до сих пор считают, что могут управлять мной, а не я управляю ими. По крайней мере, старые арахнидки точно в этом уверены, ведь они помнят меня еще игрушкой для развлечения прежнего морра арргросса. Наверное, им, и правда, сложно всерьез меня воспринимать.

Я даже не был удивлен, прочитав в голове Рраушшаны такие мысли. Она и не скрывала их никогда. У арахнидок опекающий материнский инстинкт заканчивается после того, как личинка первый раз полиняет и превратится в полноценную особь. Меня до сих пор опекают, потому что не считают полноценной особью. И в этом нет ничьей вины. Только если моя — не сумел доказать, что вырос.

Главное, что я вынес — Рраушшана не желала мне зла и не имела никакого отношения к покушениям. Да — я двуногий слабак, да — Диндэниэль слегка спятившая после неудачного заклинания эльфийка, от которой следует срочно избавиться, выдав ее замуж за орка или тролля. Да, за мной нужно присматривать. И да, надо озаботиться поиском приличной человеческой аррграу, чтобы я смог завести своих личинок.

М-да... Интересно, как мне теперь поступить? Уничтожить всех пожилых арахнидок? Смысла не вижу — пусть думают обо мне, что пожелают.

Вот арахниды-мужчины даже не сомневаются в том, что я — полноценная особь. Не только благодаря тому, что меня выбрал Аррахшир. Не только из-за моих побед и, как итог, целого мира в нашей власти. Но и потому, что я сражался с одним из сильнейших претендентов на звание морра арргросс и победил его.

Сменить управляющую гаремом? Также смысла не вижу. Рраушшана хотя бы не предвзята ни к одной из рас. «Все двуногие — слабаки.» Заменить ее на другую арахнидку? Половозрелые заняты своими гнездами, а пожилые... Пожилые все похожи. По крайней мере, к этой я привык.

Какое счастье, что две наиболее озабоченные моей личной жизнью женщины — моя сестра и Рраушшана никогда не объединятся. Иначе пришлось бы прятаться по углам замка, как Илуватор, или поругаться и испортить отношения с ними обеими.

Прокравшийся тайными путями по замку Ил был заметно раздражен тем, что вынужден прятаться, вместо того чтобы спокойно заниматься своими делами. Черт, я его прекрасно понимаю! В этот раз все очень не вовремя, и на милое развлечение для внесения разнообразия не тянет. Просто обижать сестру не хочется, а то бы давно угомонил Жизель и посадил бы ее... вышивать крестиком! А то ходит... глупости всякие придумывает.

— Знаешь, в этой идее с разноцветными бланками что-то есть, — поздоровавшись, выдал Илуватор, величественно усаживаясь в свободное кресло. — Только не так кардинально, как предлагает твоя племянница, и не в моей документации, само собой.

Отсмеявшись, мы соорудили себе каждый по бутерброду, налили кофе и принялись обсуждать гораздо более важные проблемы, чем перекрашивание бланков в разные цвета.

У нас тут заговорщики по замку бродят и вычислить их никак не получается. Список приглашенных гостей следует обсудить и утвердить, продумав охрану и слежку... Опять же, объединенная эльфийская делегация вот-вот заявится, за которой тоже надо следить, а еще, черт побери, охранять! Потому как не повоевавший темный молодняк может возжелать тайком от старших развлечь себя охотой на недобитых эльфов...

Одуванчик-28

Вы знаете, чем заканчивается выбор нарядов, если в нем участвует здоровый половозрелый мужчина? Вот и я теперь знаю... не то чтобы я была невежественна в этом вопросе, просто подзабыла.

Аукнулся мне вчерашний расслабляющий массаж.

Виланда хватило ровно на одно платье. Как только я разделась, чтобы примерить второе... он очень осторожно его забрал, отбросил в сторону, провел пальцами по моему плечу и спине, а другой приобнял, притянул к себе... поцеловал. При этом одна рука коварно сползла чуть ниже и проникла под трусики, а другая в это время прокралась по спине вверх. Вот что значит трехсотлетний опыт. Крючки на лифчике расстегнул двумя пальцами за две секунды. Да я сама с ними вожусь дольше!

Именно в этот момент, когда тонкий кружевной бюстик упал на пол, все мои мысли испарились. Потому что невозможно о чем-то думать, когда мужские ладони жарко скользят по твоему телу, словно невзначай вытворяя такое, от чего перехватывает дыхание, и в глазах начинает двоиться...

Как я оказалась прижата к стене и зацелована — сама не заметила. Впрочем, я ни капли не возражала, поскольку сама лихорадочно цеплялась за широкие плечи Виланда и отвечала на поцелуи так, что стонали мы уже вдвоем. А ощущение прохладного камня за спиной очень скоро сменилось мягкостью пушистого покрывала на кровати.

Когда я обнаружила, что на мне нет ни лоскутка, а мой мужчина все еще в халате и даже в тех самых, чтоб их, пижамных штанах, я, кажется, зарычала. Шальное сумасшедшее возбуждение в его глазах вспыхнуло ярче. Резко сдернув с себя халат, он отбросил его куда-то в сторону.

Я вопреки только что выраженному недовольству даже вздохнула — прохладное скользящее прикосновение шелка было возбуждающе-приятно. Мне ответили понимающей усмешкой, но при этом штаны как будто сами собой отправились вслед за халатом.

А дальше все произошло быстро, сумбурно и невероятно остро...

Виланд с рыком подмял меня под себя и вошел, так резко, что я вскрикнула.

Глядя друг другу в глаза, словно боясь потерять этот взгляд, мы одинаково яростно двигались навстречу друг другу. Я целовала его нежно и жадно, скользила губами по четко очерченным скулам, не обращая внимания на жесткую, колкую щетину. Все равно я уже вся горела. Тело податливо плавилось под его руками, светилось ровным пламенем уютного походного костра и тут же вспыхивало бешеным лесным пожаром в ответ на любое его движение.

Не знаю, как он угадал... ментальная магия — это последнее, о чем я сейчас могла думать. Но когда огненный смерч вырвался на волю и скрутил меня невероятно сладкой болью, мы кричали вдвоем... вместе. И я чувствовала этот раскаленный шквал не только своим телом... но и каждый оттенок его удовольствия отдавался во мне, словно эхо. Я пила

его оргазм, как свой, и дарила ему все до единого свои ощущения.

— Дина-а-а... — выдохнул он, вжимаясь в меня, стискивая в объятиях так, словно хотел растворить нас друг в друге.

Я расслабленно откинулась на подушку, но потом, с довольным смешком, снова потянулась к нему, чтобы слизнуть выступившие над его верхней губой капельки пота.

Какое-то время мы просто лежали в обнимку, забыв обо всем. Сытый кошка, в смысле Повелитель, лениво потягивался и излучал в пространство волны полного удовлетворения жизнью, с оттенком естественного мужского самодовольства. Правда, потом в его радостное настроение примешались нотки смущения, когда он увидел мои распухшие губы, покрасневшую кожу на лице, шее и груди — везде, где отметилась его весьма колючая щетина — и выловил из моих мыслей некоторое слегка болезненное неудобство там, где этот завоеватель “врывался” без предупреждения.

Ровно через полминуты нежных поглаживаний и сосредоточенного сопения я была здорова и бодр, как весенний дубок. И, что еще интереснее, даже не ощущала необходимости быстренько ускакать в душ. Магия... однако.

— Заниматься с тобой сексом не только приятно, но и для здоровья полезно, — шутливо похвалила я довольного Повелителя и благодарно поцеловала его в уголок губ.

Похоже, потребность изъясняться вслух у мужчин легко блокируется любым другим достаточно сильным чувством. Виланд в исключения из этого правила никак не попадал, поскольку его благодущие явно не нуждались в словесном подтверждении. Молчаливый и довольный, как слон, Повелитель перерыл весь мой шкаф, повыкидывал оттуда кучу тряпок и, наконец, удовлетворился легким голубым платьем, больше похожим на греческую тунику до пола.

Вручив мне сие одеяние, он небрежным взмахом руки навел порядок в комнате, — тряпочки с пола дисциплинированно попрыгали обратно в шкаф, покрывало на нашем лежбище само собой расправилось и распушилось, а легкий сквознячок с запахом ромашки довершил дело. Уничтожил, так сказать, все следы преступления.

И только после этого товарищ Властелин вспомнил о собственных штанах и халате. А я что, я ничего... и не подумала напоминать. Когда еще мне покажут такое увлекательное представление — голый Властелин с отличной фигурой и женский платяной шкаф! А какая у него... ммм... задница!

Виланд, как всегда, непритворно развеселился, слушая мои мысли на тему мужского стриптиза, радостно поймал меня в охапку, сменяя только что надетое платье, и с минуту гипнотизировал заправленную кровать, сосредоточенно перебирая в голове варианты — один лучше другого. Но потом вздохнул — чувство Повелительского долга взяло верх над Повелительскими желаниями. Меня поцеловали и аккуратно поставили туда, откуда взяли.

— Что ж, теперь осталась прическа и... у тебя есть украшения?

— Понятия не имею, — я легкомысленно пожалала плечами. — Но можно посмотреть... была там какая-то коробочка в вещах.

Он так заметно озадачился, что я не удержала улыбку. Но кивнула, когда мне все же предложили:

— Давай, посмотрим, что у тебя прячется в ларце с приданым.

Копаясь в шкафу, я все еще ощущала его удивление, поэтому решила кое-что объяснить:

— Никогда не любила побрякушки. Если они по-настоящему дорогие, то приходится все время напрягаться, чтобы не потерять. Если дешевые — то обычно не очень качественные и

неудобные. Представь, вот у нас самый волнительный момент близости, и тут расстегнулась какая-нибудь дурацкая брошка. Или мне в бок вопьется, или тебе, в любом случае будет “весело” обоим.

Под эти объяснения, наконец, нашлась чертова шкатулка, и я отнесла ее на кровать. Но любоваться содержимым не спешила — меня посетила одна странная и не очень приятная мысль.

— Слушай... я в нее даже не заглядывала, и... — я постаралась как можно точнее сформулировать свои сомнения: — Гитара тоже была прислана из дома.

Виланд молча забрал у меня коробку, встал, подошел к двери, приоткрыл и крикнул вниз:

— Ил, Рем, давайте сюда. Платье мы выбрали.

После этого уселся и начал перебирать украшения, внимательно, словно проверял каждое. А когда в дверях показался Илуватор, они быстро и явно привычно обменялись парой ментальных инфопакетов, и уже вдвоем сосредоточились на моем “приданом”.

Оставшийся временно не у дел второй советник подогнул все восемь ног, устраиваясь на коврик, и сделал мне комплимент:

— Чудесно выглядите, леди Диндэниэль. Сразу чувствуется эльфийская кровь...

— Спасибо, — вежливость прежде всего, хотя мне и хотелось поинтересоваться, какая связь между моим внешним видом и эльфийской кровью.

В смысле — породистая лошадка, сразу видно? Хотя чего это я... вредничаю? Наверное, нервы. Вдруг в коробке вражеское “чего-то там” затаилось и как выскочит! Мне прошлого раза хватило за глаза и уши.

— Вроде бы ничего опасного, но из приличных украшений нет ни одного полного комплекта. Отдельно ожерелье, отдельно серьги и отдельно — три кольца. А остальное — позолоченное серебро. Вас собирал очень экономный родственник, — резюмировал осмотр гебешник.

Я хмыкнула, вспомнив высокую леди, и пожала плечами. Жадность эльфийской гримзы волновала меня в последнюю очередь.

Виланд кивнул моим мыслям, и внимательно посмотрел на Илуватора, крутившего в руках ожерелье, очень красивое, явно эльфийское, судя по тонкой работе и растительным мотивам в обрамлении темно-лиловых полупрозрачных камней.

Маскирующийся безопасник едва заметно скривился, а потом снял с пальца и протянул Виланду кольцо с таким же камнем. Старательно при этом игнорируя мое присутствие. Властелин покрутил перстень в руках, фыркнул, прочитав изящную эльфийскую вязь на внутренней стороне ободка, и самолично взялся наряжать меня в эти драгоценные красоты.

Не знаю, то ли он над эльфом специально издевался, то ли решил, что мне так будет приятнее... не понять, потому как паразитская... в смысле Повелительская морда поднял ментальные щиты и закрылся. Но и кольцо, и ожерелье на меня надевали медленно, церемонно и чуть ли не следуя какому-то неведомому ритуалу.

Судя по тому, как ментально скрючило первого заместителя, и почти незаметно дернулся краешек губ в злодейском оскале, над ним-таки откровенно поглумились. Второй зам обстановку обострять не стал, не хихикал и не косился, просто хмыкнул, вполне дружелюбно.

— Что ж, это будет довольно забавно, — улыбнулся Виланд, целуя мои пальцы и одновременно поглаживая кольцо, которое на глазах уменьшилось до нужного размера.

Илуватор встал с кровати, на которой сидел, проверяя мои закрома, отодвинул плечом Виланда и предложил мне руку:

— Сам только переодеться не забудь. Леди Оливия не оценит твоего явления на семейный обед в домашнем халате.

— Потом поделишься впечатлениями! — выдал напутственную речь Рремшшург.

— В такие моменты я даже немного жалею, что не арахнид, — процедил эльф, церемонно провожая меня к лестнице и дальше, в сад, под жизнерадостное ржание пауконавта.

— О прическе забыли! — прокричал нам вслед Виланд.

Эльф притормозил, оценивающе глянул на мою растрепанную голову и, отступив на полшага, сосредоточенно зашевелил пальцами, словно перебирая невидимые струны. Ровно в этот же момент у меня на голове зашевелились волосы. В буквальном смысле слова. Нечто тянуло, перебирало и легонько дергало за пряди, что-то там расчесывая, укладывая и переплетая. Не успела я оценить магическое парикмахерское искусство, как все закончилось, и меня снова подхватили под руку, увлекая дальше.

— Надеюсь, в вашем мире вас обучали есть в приличном обществе. И вас не смутит наличие нескольких вилок, ножей и ложек... — занудно-высокомерным тоном поинтересовался мой кавалер, когда мы уже отошли от веранды шагов на двадцать.

— Не нервничайте, господин Илуватор, — посоветовала я вполголоса, дружелюбно ему улыбнувшись. — Уроки этикета входят в программу обучения наложниц. Я умею вести себя за столом, не ем руками и, что важнее всего, совершенно не собираюсь покушаться на вашу свободу. Мир?

— Нейтралитет, — буркнул эльф, но я почувствовала, как внутри него явственно ослабла некая перетянутая струна.

Физиономия у господина безопасника при этом так и осталась каменной, а вот ментальное его звучание изменилось. Не знаю, насколько я крута, как здешний маг-мозгочец, но, по-моему, товарищ где-то там внутри своей головы неожиданно для самого себя развеселился.

— Нейтралитет тоже подойдет, — согласно кивнула я. — У меня к вам еще один вопрос: что лучше, строить такое же зверски невозмутимое лицо, как у вас, изображая высокую леди, или вести себя нормально?

— Не уверен, оценит ли леди Оливия вашу нормальность, но выбора у нее нет. Они приехали надолго, а актерских талантов за вами не замечено. Так что будьте в меру естественной, тем более, раз вы не едите руками — я почти спокоен. Главное — реагируйте на леди Жизель лишь в рамках кратких вежливых реплик, не вступая с ней в диалог.

— Леди Жизель — это племянница Повелителя? — уточнила я на всякий случай.

— Да, — коротко и мрачно ответил Илуватор. А потом внезапно поинтересовался: — Как вы себя чувствуете? Головные боли не беспокоят?

— Нет вроде... — я немного растерялась от такой резкой смены темы, но потом мысленно пожала плечами и улыбнулась. — Кларисса сказала, что мне чрезвычайно повезло. Кто-то очень вовремя навел порядок в моей голове.

— Я не мог отказать в просьбе своему морра арргросс, — хмыкнул эльф. — Надеюсь, проблем и дальше не будет, потому что беспорядок в вашей голове был очень внушительным. Больше всего меня удивляет, почему та девушка назвала вас “темной”. Могу я вас попросить еще раз вспомнить именно этот момент?

— Прямо сейчас? Ну давайте... только хочу заметить, что меня как раз ничего не удивило. Эти маленькие дурочки уже давно шипели мне вслед про “шпионку темных”. Но Аины среди них не было... вы правы, давайте попробуем разобраться, — и я послушно вернулась мыслями в тот вечер. Брррр... но терпимо.

Самое интересное, что мы как шли по дорожкам под ручку, так и продолжали идти, теперь уже по коридорам замка. Хотя товарища следователя явственно накрыло какой-то ментальной заморочкой

— Значит, вас считали “шпионкой темных”? — поинтересовался он на одном из поворотов, в которых я до сих пор очень плохо ориентировалась. — Конечно, убивают и за меньшее... Что ж, придется устроить массовый допрос всех светлых леди, живущих под опекой нашего морра арргросса. Видимо, на родине некоторых леди было очень плохо с...

— Правильным воспитанием детей в духе интернационализма? — подсказала я, невольно улыбаясь. Хотя, на самом деле, смешного во всем этом было исчезающе мало.

— Эм... — слегка завис блондинистый гебешник, потом едва-едва заметно дернул уголком губ, вроде как усмехнулся, считывая с меня перевод слова. — Именно! Никакой агитации за межрасовое сотрудничество. Придется вновь усилить, расширить и углубить... — произнес он очень многообещающим голосом. — Люди такие забывчивые. Всего каких-то пятьдесят лет прошло с последней общемировой зачистки... пропаганды интернационализма, — новое слово эльфю, явно, понравилось

— Вы, главное, не углубляйте совсем уж, — вздохнула я. Черт, даже в другом мире никуда не деться от политики. — А то в моей стране как-то увлеклись и “углубили” несколько миллионов человек сразу.

— Убрали всех, оставив пару сотен для сохранения вида? — заинтересованно уточнил этот недоделанный фюрер. — Была такая идея, но морра арргросс ее не одобрил. А ведь на стороне эльфов воевало гораздо больше людей, чем на стороне арахнидов. И они до сих пор тайно нас ненавидят, — я не сразу поняла, что под “нас” Илуватор имеет в виду именно арахнидов и их предводителя. Н-да, этот эльф давно определился в своих политических предпочтениях...

— К сожалению, людям даже не нужен какой-то особый повод, чтобы кого-то ненавидеть... — мне действительно стало грустно. Вот тебе, бабушка, и сказочный мир. — Я бы на вашем месте задумалась не о том, как их всех перебить, а о том, чтобы контролировать рождаемость. С медициной здесь все в порядке, значит, дети, слава богу, выживают. Но ведь им всем надо где-то жить, что-то есть, а потом тоже завести семью, — и чтобы лучше проиллюстрировать свои рассуждения, я мысленно представила картинки из когда-то виденных новостей: перенаселенные страны Африки, Индия, Бангладеш... умирающие от голода люди и их вынужденная агрессивность — это то, что невозможно забыть.

— Да Виланд только тем и занимается, что улучшает жизнь этих... — ого, разошелся, вояка. Вылил ведро ментального презрения на людей и продолжил: — Единственная раса, живущая в закрытых поселениях, это эльфы, — родичей он тоже не особо любит. И эльфийские резервации у него проходят под лозунгом громкого “одобрямс”. — Остальные, независимо от того, на чьей стороне воевали, живут как в доброй сказке, при условии соблюдения закона.

— Все люди разные... впрочем, как и эльфы, и представители любой другой расы, — закруглила я разговор, мы очень кстати подошли к нужной двери.

— Прощу вас, леди! — суровый гебешник в одно мгновение превратился в элегантного

кавалера, изящно подал руку, галантно открыл дверь, величественно и плавно провел меня в большую залу к роскошно накрытому столу и торжественно произнес:

— Леди Оливия, леди Жизель, позвольте представить вам высокую леди Диндэниэль, мою будущую невесту.

Дама постарше, красивая брюнетка в темно-зеленом платье, как нельзя лучше оттеняющем ее изумрудные глаза, спокойно кивнула, глядя на меня с неким исследовательским любопытством — что за зверь и откуда выполз? А вот молоденькая девчонка, такая же зеленоглазая и кукольно-хорошенькая, едва не подпрыгнула на стуле и выдала с неприкрытым возмущением в голосе:

— Невеста? Откуда у вас, лорд Илуватарион, невеста?!

При этом на меня посмотрели как на врага народа. Понятно...

— Жизель, лорд Илуватарион уже взрослый мужчина и вполне может себе позволить такую роскошь, — по прежнему спокойно, словно бы даже чуть вальяжно пояснила леди Оливия, продолжая изучать мою скромную персону.

— Да, ты совершенно права, — в дверях появился Виланд. — Простите за опоздание, дела задержали, — он быстро прошел на свое место во главе стола и уселся. — Добрый вечер, леди Диндэниэль. Какая чудная погода, не правда ли?

— Добрый вечер, Повелитель, — я смиренно опустила на тот стул, который для меня отодвинул “жених” (вот гады, про “невесту” меня никто не предупреждал, предлагали побыть “дамой”! Впрочем, судя по глазам младшей родственницы Виланда, остановить ее можно только прямым попаданием стратегической боеголовки). — Вы как всегда правы, день был на редкость солнечным и приятным.

— Вроде бы и сейчас за окном очень солнечно, — с хитрым видом незаметно подмигнул Повелитель. Все же мужчины никогда не взрослеют.

— Действительно, день был прекрасным, дядя, пока его не испортило появление посторонних, — капризным голосом выдала сидящая напротив меня девушка.

— Не переживай, Жизель, я всегда рад видеть твою мать и даже тебя, — ага, а Властелин наш та еще язва.

Спокойненько так, доброжелательно сказал гадость и улыбнулся по-змеиному ласково. Понятно, невоспитанный ребенок за столом — это неприятно. Но так уж... а с другой стороны — не подзатыльник же ей отвечать.

Впрочем, с физическими методами воздействия вполне справилась леди Оливия. Судя по тому, как дернулась и надулась Жизель, под столом ее либо пнули, либо ущипнули.

Интересно, что эмоциональной наполненности не чувствовалось в обеих Повелительских родственницах. При том, что я уже привыкла улавливать, а когда нужно и отсекал этот “белый шум”, оценивать собеседников только по внешним признакам было... даже забавно. Словно что-то забытое, когда-то привычное и родное вдруг неожиданно вернулось из небытия.

Все дружно сделали вид, что ничего не произошло, и первое место в этом вежливом притворстве я присудила бы товарищу эльфу. Он, вообще, спрятался за своей каменной физиономией, как за крепостной стеной, и не высовывался оттуда, даже когда ухаживал за своей “будущей невестой”, то подливая вина, то накладывая салата, о котором я едва успевала подумать.

— Ой, я вспомнила! Вы — та леди, которую перед нашим приездом выбросили из гарема? — ни с того ни с сего вдруг оживилась малолетняя хулиганка, глядя на меня с

мстительным любопытством. Видимо, место, за которое ее ущипнула мать, уже перестало побаливать.

— У вас прекрасная память, леди Жизель, — похвалила я, скрывая улыбку за бокалом с вином.

— Не жалуясь! — отреагировала девушка. — В моем возрасте с памятью обычно все прекрасно. А вам сколько лет, леди Диндэниэль?

Хороший вопрос. Понятия не имею, сколько лет было несчастной девчонке, когда она самоубилась о гарем Его Темнейшества...

— Эльфийского совершеннолетия леди уже достигла, так что может себе позволить вступить в брачный союз. Так же как и ты. Надеюсь, с тобой уже поделились новостью о том, что отсюда ты уедешь сразу к будущему мужу? — н-да, девочка играет с огнем.

Судя по тону Виланда, самое малое, что ожидает избалованную племянницу — это невозможность удобно сидеть на жестком стуле в ближайшие так... пару недель.

Можно было попробовать заступиться за паршивку, выдав что-то из разряда “какая очаровательная детская непосредственность”, но пару секунд подумав, я решила промолчать. Потому что “детскую непосредственность”, чего доброго, совсем сорвет с катушек. А наблюдать представление: “Повелитель мира свирепо воспитывает младшую родственницу”, не было ни малейшего желания. Мне и его ехидных отповедей хватало.

Мое спокойствие и нежелание реагировать на ребяческие выходки, похоже, удивили сестру Виланда. Я удостоилась гораздо более внимательного и оценивающего взгляда.

И пока младшая, судя по ее зло поблескивающим глазам, в своих фантазиях разносила тут все в клочки по закоулочкам, леди Оливия непринужденно увела беседу в другое русло:

— Попробуйте паштет из орланабуса, — светски-приветливо предложила она мне. — Его готовят только на нашей дворцовой кухне, и он заслуживает всяческих похвал.

Наверное, это экзотическое нечто действительно было эксклюзивным по самое не могу, поскольку я даже не поняла, что означает загадочное слово “орланабус” — животное или растение. То, что масса на тарелке имеет зеленоватый оттенок, еще ни о чем не говорит... но на вкус оно оказалось весьма и весьма. Что-то вроде утиного паштета с какими-то неизвестными специями. Так что хвалила я угощение с чистой совестью.

— А почему мы раньше ничего не слышали о невесте лорда? Или она заневестилась не так давно, в связи с внезапной случайностью, после которой каждый уважающий себя мужчина обязан?..

Маленькая свинка мне даже начала нравиться в своем упорном желании выцарапать желанную игрушку из чужих рук. Смешная! Господи, неужели я когда-то была такой же?

— Ах, леди Жизель, вы почти угадали! — надеюсь, глуповато-влюбленная улыбка у меня получилась натурально. Во всяком случае, товарищу эльфу пришлось ментально сигнализировать, чтобы не пугался. — Наши чувства вспыхнули так внезапно... и так сильно, что лорд Илуватарион тут же сделал мне предложение... а я не смогла отказать! — да, дебильно-умильная физиономия получилась достоверной — дальше некуда. Я в отражении видела, — очень удобная ваза с цветами стояла посреди стола, как раз напротив моего места, и домовушки замечательно выполнили свои обязанности — ни одного пятнышка на полированных зеркальных боках.

Представление имело успех, да еще какой! Виланд, по-моему, чуть не подавился, пытаясь не заржать, как боевой конь на параде, эльф поспешно старался выкроить из каменной стены приличествующее выражение лица, леди Оливия смотрела с интересом, а

маленькая вредина... ох, а если сейчас взорвется?!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Одуванчик-29

Слава богу, повелительская племянница дожила до конца обеда, даже не треснув нигде по шву. Она несколько раз пыталась, но леди Оливия была начеку.

По этому поводу маленькая вредина дулась, недовольно пыхтела, иногда влезала в разговор... но, в целом, держала себя в рамках.

Особенно после того, как Виланд, смеясь, выдал одну тайну, в ответ на ее очередное детское ехидство. Точнее, милая Жизель предприняла попытку укусить мерзкую захватчицу чужих эльфов, то есть меня. Орудием она избрала многочисленную родню лорда Илуватариона, при упоминании которой товарища безопасника скрючило на три ментальных этажа, как минимум. А мне было предложено задуматься над тем, как я смогу поладить с таким большим количеством родственников, причем сплошь и подряд высокородных по самое не могу.

Тут-то добрый Властелин и просветил племянницу, что, дескать, леди Диндэниэль умудрилась приручить даже неуловимых улеши, и те теперь готовы служить ей за одни лишь только конфеты. Вот никому за века существования магических домовушек не пришло в голову покормить малышкой сладким, а леди сразу догадалась... н-да. Спасибо, Повелитель, я вам это еще припомню.

Эх, мне бы насторожиться... А так мелькнула мысль, что внезапная детская задумчивость не к добру, и пропала. Ну, сидит ребенок молча над своей креманкой с мороженым — и славно. А что завистливая маленькая паразитка при этом думает — никому не известно, ибо амулет. На всех повелительских родственниках висит амулет, защищающий от чтения мыслей. Это мне "жених" шепотом поведал.

После обеда меня пошел провожать не Виланд, а залегендированный Илуватор, виртуозно отгородившись этой обязанностью от поползновений малолетки. Довел меня до калитки в саду и почти бегом смылся — у мужчин, вообще-то, расследование в полном разгаре.

Я даже немного растерялась, потому что перед тем, как испариться, ушастый следователь долго и нудно просвещал меня в вопросах безопасности. Кодекс правильного поведения жертвы, то есть подзащитной, был прочитан полностью, и мне обещали устроить экзамен — хоть что-то за мои кудряшки на голове зацепилось или все влетело в одно ухо только для того, чтобы вылететь из другого?

Из всего этого занудства я сделала один вывод: без охраны меня не оставят теперь даже в безопасном темном саду. Педант ушастый развернулся у калитки и поспешно утопал по делам, а я немного прошла вглубь сада по тропинке и принялась оглядываться.

Если меня не обманывает слух, то вот за теми кустами не просто так едва слышно хрустнула веточка. Именно оттуда тянет очень знакомыми эмоциями, которые я безмерно рада ощутить!

— Ррашшард! Ты уже здоров? Как лапы? Иди сюда! — как же здорово, что он здесь и совершенно точно здоров!

А то, когда я попыталась выяснить у Виланда, как бы навестить своего спасителя, мне это категорически запретили. Потому что арахниды очень не любят, когда кто-то видит их слабость.

Но теперь он сидит в кустах, значит, вывихнутые лапы уже в полном порядке! Может,

даже О`Рению навел с утра.

Эта скромняшка чуть из воды не выпрыгивала, радуясь, что ДВА вкусных паучка гораздо лучше, чем один! Вертихвостка, причем в буквальном смысле этого слова...

Кстати, судя по реакции белобрысого секретаря, мимо которого ментальные вопли довольной русалки никак не могли пролететь, его это ничуть не смутило. Скорее всего, и Ррашшард не особенно удивится.

О`Рения — приличная девушка. Этим все сказано.

В кустах зашуршало громче, а потом из зарослей выбралась большущая корзина с персиками. М-да... если мужчина, в смысле, паук что-то задумал, сдвинуть его с намеченного пути не сможет даже пара вывихнутых лап.

Корзину мне удалось отпихнуть на задний план, паука поймать, потискать и звонко расцеловать в обе щеки. Товарищ мило краснел, пытался загородиться фруктами и едва заметно пятился. Не привык к таким бурным проявлениям благодарности. Тем более что ментально-то он прекрасно чувял, что за моими радостными чмоками ни намека на сексуальный подтекст, одна горячая признательность этому чудесному юноше за свое спасение.

— Почему ты считаешь меня ребёнком? Я уже давно половозрелая особь, — после некоторых раздумий похлопал на меня глазами зацелованный парень.

— Я тебя не считаю ребенком, — поспешила я утешить очень взрослого и мужественного пауканавта. — Это просто у меня материнский инстинкт. Гипертрофированный. Бери свои персики и пошли на веранде посидим, поболтаем.

Чего я не ожидала, так это того, что восьминогий персонаж шарахнется от меня, как дирижер от лопаты.

— Материнский инстинкт? — с ужасом переспросил он. — Но... ты не должна хотеть меня съесть! Я же приношу много вкусной еды!

Я споткнулась и хрюкнула от избытка чувств и попыток удержать смех:

— Ррашшард! Я же не арахнидка! Мы не едим детей и мужчин, мы их кормим и балуем!

Пятиться от меня перестали, но еще пару секунд смотрели с подозрением. Потом, не обнаружив во мне ярко выраженных намерений сходу отгрызть пару вкусных кусочков панциря успокоились и несколько недоуменно переспросили:

— Хочешь кормить? Не есть? — и еще через пару хлопков длинными ресницами:

— Теперь ты будешь носить мне еду?

Нет, так мы далеко не уедем... в смысле, не уйдем. А я хочу на веранду, в кресло, и что-то съесть, как это ни забавно. Что-нибудь посуше, персиков, а то этот обед перед расстрелом, который Виланд коварно назвал семейным, провалился куда-то в неведомые дали моего организма и там пропал без вести. Тем более все равно нормально пообедать не удалось, потому что с одной стороны был Илуватор и тридцать три столовых прибора, а с другой — милейшая маленькая гадюка... то есть племянница.

— Давай вот что, — предложила я на ходу, увлекая паука за собой, вместе с его корзиной, которую он так и не бросил. — Кто бы еду ни добыл, есть будем вместе. Я вот очень люблю персики. Ты приносишь мне их, спасибо, но как ты думаешь, куда я запихну так много? — для наглядности пришлось на секунду приостановиться и похлопать себя по эльфийскому впалому животу под туникой. — Ты будешь приходить в гости, хочешь с едой, хочешь так, а я буду тебе радоваться, угощать, чем найдется, и болтать обо всем на свете. Договорились?

— Одинаковая еда надоедает, — кивнул сам себе этот гигант мысли. Я, вообще, попеременно пребывала то в восторге, то в ступоре от причудливости дорог, по которым бегают его ассоциации. — Я понял, буду приносить поменьше, но разного. Заносить тебе в дом... и там... вместе... — тут он так красноречиво покраснел, что мне даже мыслей его читать не пришлось.

Ну вот, здрасте, как говорится, я ваша виолончель из-под барабана... там еще много-много диких фортепьян.

— Не-не, — поторопилась я тормознуть его воображение, а то мы уже дошли до моего домика. — Извини, но у меня Повелитель... того. Меня на двоих не хватит. Будем просто общаться. Вот, например... — втащив паука на веранду, я отконвоировала его к той самой широченной кушетке, где так удобно устраивал свою паучью зад... брюшко второй советник. — Садись... ага. Вот, например, расскажи мне, пожалуйста, как, вообще, вы живете?

Грашшард сел, но тут же свёл брови на переносице. Обиделся.

— Я тебе совсем не нравлюсь. Да? — он сосредоточенно смотрел куда угодно, только не на меня и машинально перебирал в руках черные, похожие на мелкий жемчуг, бусинки только что стянутого с руки браслета. — Ты всегда говорила, что не хочешь со мной, так как Повелитель очень сильный самец. Но теперь еще и советник, — он занервничал, расслабленно подогнутые паучьи лапки напряглись. — Ты красивая и необычная... А я простой. И не Повелитель... — ну вот, теперь чудо с ножками подскочило и вознамерилось смыться.

Вот же... ля-бемоль на букву "б"... обидела ребенка. Понимаю, что это ненормально — он, и в самом деле, вполне взрослый мальчик, а ничего с собой поделывать не могу. И уж точно мне не хочется обижать своего самоотверженного спасителя.

— Ну куда ты собрался? — пришлось опять хватать за руку, ибо за паучьи коленки я больше не ловец. — Ты мне очень нравишься, как друг. Но я — не русалка, и секса от тебя не хочу... Ну не все же на свете сводится к нему одному? Просто так общаться разве плохо? — тут до меня дошла вторая часть его сентенции, и я досадливо вздохнула: — Садись. Садись-садись, я тебе буду рассказывать, как все сложно. Значит так...

Нотки-линейки, чувствую себя пионервожатой у костра с внезапно ополовозревшими подростками... как там было в бородатом анекдоте моей юности? "Все вам расскажи да покажи?" Н-да...

— Значит так. Виланд мне нравится сам по себе, потому что... нравится. А не потому, что он сильный самец и Повелитель чего-то там. В основном, это как раз мешает... не важно. Ты мне тоже нравишься, но как друг — это когда можно сидеть, разговаривать, есть вкусности... а еще можно гулять, купаться, хулиганить... просто дружить. Без секса. Кхм... теперь перейдем к "еще советнику". Он мне, вообще, не нравится. Но на него открыла охоту... очень хищная самка. И я всем объявила, что он мой, чтобы его не съели. Как в прямом, так и в переносном смысле... понимаешь?

Внутри головы паука будто со скрипом задвигались шестеренки.

— Вы его так спасаете? — на меня посмотрели совершенно ошарашенными глазами. — Самца, который вам не самец, от племянницы Повелителя?.. Она очень хищная! При этом, — снова скрип мозгов, — ваш самец вам тоже не самец...

— Ээээ... — теперь и у меня заклинило мозги. — По порядку. Спасать Илуватора меня попросил именно Повелитель. А то ведь сожрут эльфа, и ушей не останется. Это же я

понятно сейчас объяснила?

— Угу, — кивнул паук, мысленно представил себе милую блондинку с оскаленными зубами и передернулся.

С его точки зрения Жизель была достаточно сильным аргументом в пользу стратегии “спрячь эльфа под юбкой, пока не зажевали”.

— Уф! — я обрадованно выдохнула. — Теперь дальше... мой самец — это Виланд, потому что он мне нравится. Просто так, сам по себе. Угу?

Не-а, не угу.

— Просто так ничего не бывает, — упрямо покачал головой пауковавт и разъяснил мне, как маленькой, чуть ли не по слогам: — Самец может нравиться как воин, как са... любовник, как Повелитель, даже как еда. А просто так, это странно.

— Ну, я не знаю, как у арахнидов, — улыбнулась и уселась рядышком с ним на кушетку. — У лю... у эльфов... по-разному бывает. Виланд сам по себе хорош. Наверняка он и сильный воин, и великолепный Повелитель. Но мне больше нравится то, что с ним можно вести себя естественно, никем не притворяться. Можно смеяться вместе, можно глупости говорить. Это сложно объяснить на самом деле.

— Повелитель друг? Или самец? Самец-друг? — судя по всему, товарищу рвет шаблон.

Не положено у пауков дружить домами... только организмами.

— Слушай, мы с тобой так запутаемся, что потом всех десяти ног не соберем! — махнула я рукой. — Сейчас классифицируем... тьфу ты. Виланд у нас будет и самец, и друг, ага. Вот же... надо ему самому рассказать, повеселится. А ты будешь мой друг и чейнибудь еще самец. Ты же красивый, умный и сильный, наверняка полно желающих... А я — просто подходящий тебе друг, но неподходящая самка, да еще и занятая. Вот.

Разговор двух дебилов... ну, а как еще? Менталитет подвел.

Ррашшард помолчал, обдумывая перспективы, потом тяжело вздохнул, потёр глаза и посмотрел грустно, но спокойно.

— В саду черешня поспела. Ещё могу мясо тавуров принести завтра. Смена не моя будет. Поохочусь.

— Черешня, это хорошо, мясо еще лучше, а главное, сам приходи, — поспешила я с ответом. — Я тебе ужасно рада... а теперь пошли за стол, сейчас я буду тешить свой эльфийский материнский инстинкт и кормить тебя вкусными бутербродами и персиками.

Потешить инстинкт не удалось, потому что паук сбежал после второго бутерброда, сославшись на дежурство. Он буквально улетел, но обещал вернуться. Завтра. С мясом. Ну что же... интересно, из этих тавуров шашлыки получатся?

Усталый, замученный, но решительно настроенный Виланд появился чуть ли ни за полночь и от массажа головы виртуозно увильнул. Точнее, деликатно отодвинул его на более позднее время, “потом”.

Я, несмотря на то, что уже почти заснула, этот его настрой поддержала, даже с некоторой долей энтузиазма. Ибо целуется паразит повелительский так, что сил никаких нет протестовать.

И вообще, как-то оно все было... мало того, что сладко и нежно. Уютно... почти семейному, в лучшем смысле этого слова. Как будто мы давно-давно вместе, а не познакомились меньше месяца назад. Уже срослись практически, притерлись настолько, что даже слова не нужны.

А еще вдвойне приятно, что мой мужчина в самый пиковый момент помнит именно обо

мне, а не бормочет чужие имена. Он так нежно, с придыханием тянет это “Ди-ина-а...”, что хочется тут же зацеловать его до полусмерти.

Я не стала сопротивляться своим желанием и зацеловала. Не до полусмерти, конечно, но довольный Повелитель счастливо мурлыкал, подгребая меня к себе собственническим жестом, да так и уснул, зарывшись носом в мои волосы. И мне не хотелось вывернуться, чтобы отползти... удивительное дело.

Утро началось рано, но мы опять тихо и практически молча пили кофе, умиротворенно прислушиваясь к пыхтению и попискиванию из-под стола. Домовики делили конфеты.

Это уже настолько походило на семейные посиделки, что, время от времени встречаясь взглядом, мы улыбались, как два заговорщика — нам все без слов понятно, а остальные обойдутся...

Правда, “остальные” все равно утащили Повелителя “на работу”, едва ли не в халате. Он еле успел поцеловать меня на прощанье.

Я еще немного постояла на веранде, глядя, как утренний туман поднимается над острыми верхушками камыша, — озерная гладь наливалась солнечным румянцем метрах в трехстах к востоку от моего крыльца. Мысленно хихикнула, вспомнив, что за Виландом сегодня пришел второй помощник, а не белобрысый секретарь... На три последние ноты спорю, что восьминогое “мимими” сейчас встречает рассвет в компании русалочки.

Неожиданно для себя я зевнула... отставила чашку с недопитым кофе и пошла наверх — досыпать. Интуиция мне подсказывает, надо пользоваться любым моментом, чтобы отдохнуть впрок.

Как же я была права! Всего через пару часов на мой дом совершила набег орда злобных белолшвеек, парикмахерш, визажисток и прочих ужасных тварей, в которых накануне бала превращаются нормальные девчонки.

Меня безжалостно вытряхнули из постели, поволокли на веранду, где долго мучили, примеряя сразу три платья... или даже четыре. Потом Зельма больше часа драла меня за волосы, сооружая какую-то прическу, которую, в результате, раскритиковала явившаяся только к обеду Кларисса.

И чем все это закончилось? Я бы сама не поверила, если бы не поучаствовала. Все утро прихорашивавшиеся девки: Зельма уже при боевом макияже (вариант пятый, первые четыре она забрала и смыла), Ришшика в новой жилетке с золотыми узорами по темно-лиловому, коровушка... Виллиречика в шикарном платье... дружно разоблачились и с радостным писком потащили меня в подвал моего собственного дома. Где обнаружился впечатляющий банный комплекс, практически СПА.

Вот объясните мне, где логика?! За каким ключом скрипичным меня полдня наряжали, подкрашивали и прореживали растительность на голове, если к обеду всю эту красоту послали в баню?!

Хотя о чем я... никогда не была, что ли, подружкой на свадьбе? Женщины перед “балом” и логика — это два несовместимых понятия.

Как оказалось, все что до СПА — это была как бы репетиция. А вот теперь начнется самое главное. 3-3-замечательно!

Еще через полтора часа я готова была лечь и умереть прямо на полу у кресла. Какой там бал! Черт бы побрал тот час, когда я села за баранку... в смысле, когда я согласилась быть манекеном для коровы-маньячки! Она уже в четвертый раз переделывает какую-то вытачку на этом проклятом платье!!!

Когда у крыльца кто-то весьма решительно откашлялся, я подпрыгнула и закономерно получила иголкой в бок. Виллеречика возмущенно промычала что-то, сквозь зажатые во рту булавки, и одарила меня красноречивым взглядом, но я уже ни на что не обращала внимания. Радостно взвизгнув, сорвалась с места и кинулась обниматься. Лиидия! Лиидия приехала на бал!

Вот казалось бы, что там нашего знакомства — меньше суток. И, тем не менее... похоже, вместе с чужой молодостью ко мне вернулось и та счастливая способность, присущая только детству и очень ранней юности. Способность мгновенно находить и впускать в свое сердце друзей, и почти никогда не ошибаться... Увы, с возрастом мы ее почти необратимо теряем.

Через пять минут Лиидия поднялась на веранду и, видимо от сильного смущения, слегка воинственно развернула плечи:

— Тебя тут никто не обижает?

Как ни странно, именно эта фраза послужила ключом к дальнейшему веселому и непринужденному знакомству. Первой фыркнула Кларисса, потом не удержала хихиканья Ришшика... и через полминуты мы все уже хохотали, как ненормальные, до слез.

Оставшиеся два часа прошли почти весело. Платье на мне оставили в покое, прическу мне взялась делать Лиидия, она не страдала навязчивой идеей проредить мою шевелюру наполовину и действовала осторожно. А макияж я, решительно отобрав кисточки и прочие прикрасы у Клариссы, сделала сама. И даже заслужила всеобщее одобрение — все скромно, изысканно, но со вкусом.

Да я и сама осталась довольна — несколько штрихов, и из банальной куколки я превратилась в загадочную колдунью с глубоким взглядом. Мастерство не пропьешь... в смысле, даже эльфийской молодостью не испортишь.

Я всегда умела подчеркнуть свои достоинства и скрыть мелкие недостатки, быть женственной и желанной доставляло мне удовольствие и в двадцать, и в шестьдесят с хвостиком. А тут еще и фактура... первосортная.

Когда под деревьями постепенно начали сгущаться сумерки, а мы успели наболтаться до хрипоты, выпить для храбрости и даже пару раз перекусить, чтобы поддержать силы, на крыльце, наконец, возникло Его Великолепие — “жених”.

Лорд Илуваторион оценил наши усилия — каменная физиономия покрылась мрамором еще на пару слоев, губы сложились в высокомерно-приветливую улыбку... а глаза сверкнули вулканическим жерлом, стоило ему бросить всего один взгляд в тень. Там, отодвинувшись от зажженной лампы, сидела и потягивала свою настойку как всегда загадочно-неотразимая Кларисса.

Впрочем, лорд тут же отвернулся и сделал вид, что даже глазом в тот угол не косил. Осмотрел меня с головы до ног, величественно кивнул, а потом небрежно взмахнул рукой. Повинуясь его жесту, мои сложно уложенные косы сами собой расплелись и пару минут оживленно шевелились, укладываясь по-новому, выше и туже, открывая ушки.

— Ну конечно, — раздалось из темноты с легкими нотками иронии. — Ты неподражаем, как всегда.

— Всего лишь следую правилам этикета, — скучающим голосом отозвался эльф, старательно не глядя на Клариссу.

Я молча стояла и смиренно ждала, пока шабаш на голове не закончился сам собой, а потом тряхнула новой прической и с интересом спросила:

— Все?

— Все, леди, — если не прислушиваться к ментальному звучанию и не услышишь эти чуть заметные насмешливые нотки. А еще... сердитые. Но не на меня, а... хм. — Вы готовы?

— Да, лорд Илуваторион, я готова.

— Что, даже в зеркало не взглянете? — по моему, кто-то ищет повод задержаться тут подольше, или мне только кажется?

— Я вам полностью доверяю, лорд Илуваторион. Идемте?

Одуванчик-30

Мы уже ушли довольно далеко по дорожке между разросшимися кустами сирени, когда господин эльф вдруг притормозил и поинтересовался:

— Скажите, леди, насколько сильно вас отвлекают мысли ваших подруг?

— Отвлекают? — я сначала удивилась странному вопросу, а потом задумалась.

Отвлекают... да вроде не сильно, но... поскольку компания девчонок, в принципе, не умеет молчать, я как-то не обращала внимания на то, что градус веселого щебета слегка зашкаливал. И первые полчаса эмоциональный “шум”, дополняющий нашу трепотню, немного напрягал. А потом привыкла.

— Не очень, — честно призналась я эльфу после краткой паузы.

— Но вы их слышите? — уточнил въедливый гебешник. — А если предположить, что вокруг вас оказалось гораздо больше мыслящих существ?

— И что? — не сразу поняла я. — На занятиях в гареме тоже... — так, стоп.

В гареме-то, в гареме... но почему-то мне кажется, что сейчас я стала слышать эмоции и даже мысли окружающих гораздо... нет, не громче, а словно бы четче. И их, этих мыслей, стало больше.

— Вы полагаете, при большом скоплении людей мне придется... туго?

Эльф как-то странно хмыкнул на мое последнее слово, потом сделал пару пассов над моей головой.

— Я поставил вам ментальный щит, защищающий от входящих мыслей. Щиты, оберегающие ваши собственные размышления, вы интуитивно научились ставить сами. Но если вдруг почувствуете себя странно, плохо, неудобно... обязательно сообщите мне об этом. И еще, — сейчас он выглядел серьезным и собранным, а вот высокомерия и надменности не осталось ни капли. — Если вы вдруг даже через щит услышите какую-то интересную или необычную мысль, потрудитесь отвлечься от всеобщего веселья и незаметно обратить мое внимание на источник.

— Хорошо, — так же серьезно кивнула я. — Если мне что-то покажется необычным, неправильным или просто непонятным, я дам вам знать. Я правильно поняла, что на балу вы будете рядом? И к вам можно будет обратиться ментально?

— Да, я буду все время рядом, — тут Илуватор как-то очень загадочно ухмыльнулся. — Ведь вы же моя невеста, не забыли?

Не знаю, в каком месте он поставил свой отражающий щит, но его ментальный сарказм не уловил бы только слепоглухонемой пенек.

— Вас забудешь, как же! — не менее ехидно парировала я, решительно выбиваясь из образа “девочки-всеобщего-солнышка”. — Тут только зазевайся, и вы своим ядом в момент растворите пол на три шага вокруг! — и улыбнулась, невинно-невинно.

— Каждый выживает, как умеет, — хмыкнул эльф, причем хмыкнул одобрительно.

Мы замолчали, углубившись в собственные мысли. Я, например, в который раз

подумала, что крепость Темного Властелина — редкостно загадочное место. Потому что вот мы вроде шли по знакомым дорожкам... а вышли опять не пойми куда.

То ли я ни разу не была в этом коридоре, то ли его обитатели так расстарались в преддверии праздника, но выглядело все просто волшебно. Стены были задрапированы темно-синей, даже на вид шелковистой и мягкой материей, на которой жемчужными отблесками от круглых магических светильников переливалась серебряная вышивка.

Не выдержав, я подошла поближе к этому произведению искусства, но не решилась дотронуться. Вязь выглядела хрупкой, как упавшая на рукавицу снежинка. Сзади меня одобрительно хмыкнул советник:

— Вам нравится, леди?

Я заворожено кивнула.

— Считается, что арахниды — дикое племя, но они умеют не только убивать.

Я удивленно оглянулась — что за глупости? Никогда так не думала. Хотя... у меня, как нездешней, другие стереотипы.

Но только после слов Илуватора я осознала, что необычная вязь — это паутина. А присмотревшись, поняла, что за драпировочной тканью еще немало места. Мои подозрения подтвердил пушистый паучок, пробежавшийся по стене. Похоже, это украшение выполняет не только декоративные функции.

Долго любоваться не получилось, эльфийский советник увлек меня дальше, к резным дверям в конце коридора. Миновав их, мы оказались... вроде как в прихожей. Или приемной, не знаю, как это называется. Во всяком случае, здесь было полно народу, и все явно ждали, когда же их пригласят пройти дальше — в другие двери, за которыми как раз и находился бальный зал.

Стены и тут были украшены темно-синей драпировкой, с которой удивительно гармонировали ажурные золотые и серебряные цепочки, свисающие с потолка. Казалось, что это застывшие во времени струйки дождя, мановением руки искусного заклинателя застывшие на полпути к паркету. На некоторых из них висели драгоценные камушки в виде паучков. Но легкий ментальный фон показал, что и здесь не все так просто.

Повелитель — настоящий паран... перестраховщик.

Илуватор чуть притормозил и склонился к моему уху, причем со стороны это выглядело на редкость интимно:

— Главное, чтобы мы с вами производили впечатление влюбленной пары, — я кивнула, сопроводив этот жест легкой полуулыбкой. — И не перестараться! — а это он уже прошипел ментально.

Интересно, в моем щите он специально оставил дырку для себя?

Мой “жених” снова склонился, приобняв за талию, под косыми взглядами эльфов и людей, столпившихся поблизости.

— Вы всегда будете прекрасно слышать мысли, направленные лично вам и в вашу сторону, потому что вы — ментальный маг, — да, “влюбленная” улыбка у него, как у крокодила.

Зато я кожей ощутила, как множество глаз скользит по моему лицу, платью, прическе... спотыкается на эльфийском колечке. Интересно, щиты гебешника все же проницаемы для эмоций, или товарищи гости так пялятся, что никакой магии не убережет от этого неприятного чувства главной зверушки в зоопарке?

— Лорд Илуватарион из рода Мориервиаль и леди Диндэниэль из рода Эллервиаль, —

громко объявил кто-то по ту сторону двери, и резные створки медленно отворились.

Нотки-линейки, где мои пятнадцать лет? Именно тогда я мечтала попасть на бал к принцу и сразу оказаться в центре внимания. Потом поумнела, но ничто, как выяснилось, в этих мирах не остается безнаказанным. Даже глупые девчачьи мечты.

Интересно, а вот то место, на которое меня отвел Илуватор, оно что-то значит в местной иерархии? Справа от пустого трона, но почти вплотную к нему. Наверняка, судя по едва заметному кивку гебешника. Он мои мысли прочитал, или у меня лицо настолько выразительное? А вроде стараюсь делать невозмутимое выражение... зато появилась возможность оглядеться. Красиво...

Свисающих ажурных цепочек здесь не было, зато добавились цветы, уже знакомые мне по интимной русалочье-паучьей сцене у озера. Белые кувшинки плавали в больших чашах, расположенных по краям залы. Темно-синий оттенок драпировок в зале сменился темно-зеленым. В качестве дополнения к магическому освещению по всему залу медленно парили то тут, то там маленькие светлячки. Весь зал создавал иллюзию большого сада, а аромат цветов перебивал все остальные запахи.

— Мы с вами открываем дорогу для всей остальной эльфийской аристократии, — пояснил между тем мой спутник, поддерживая меня под руку.

И действительно, следующие пятнадцать минут мы стояли и слушали нескончаемое щебетание заковыристых эльфийских имен, а высокие леди и лорды вливались в зал полноводной рекой. Но так близко к трону ни один эльф не подошел, выстраивались слева и довольно далеко, почти у самого входа.

А, ну да, они ж тут на правах индейцев-аборигенов... в смысле, покоренная раса. Хи, главное не подавать им идей, которыми в наше время успешно и весьма прибыльно пользуются огрызки коренного населения Америки. Казино в резервации, например...

Вот уж кому особенно не хотелось бы дарить такие полезные мысли — так это мелькнувшей в толпе Высокой Леди четвертого поселения. Ага, я наконец-то выучила, как называлось то место, из которого произошла доставшаяся мне эльфийская внешность.

Леди встретилась со мной глазами, и ее физиономия стала... так, не хихикать. Не хихикать, сказала! Да, я знаю, выпученные глаза лягушки, в сочетании с эльфийскими ушами — это очень смешно. Но у нас тут конспирация, и вообще!

Вон, товарищ гебешник стоит, как каменный, и это при том, что у него от сдерживаемого смеха трясется локоть, на который я опираюсь. Ему тоже нравятся мои ассоциации, кто бы мог подумать!

Судя по всему, эльфов пустили последними, в порядке очередной воспитательной процедуры по урезанию расового чванства. То есть, как мысленно пояснил Илуватор, к дверям они обязаны были явиться раньше всех и смиренно ждать в сторонке, пока основная толпа гостей, включая “презренных людишек” и, конечно, “темных тварей” займет свое место вокруг трона Повелителя.

Теперь все гости в сборе, и можно ждать явления красна солнца, в смысле, Виланда.

Но первыми появились вовсе не Их Темнейшества, а Их Восьминожества. Причем не через двери, а хлоп так и попрыгали откуда-то сверху, такое впечатление, что с потолка. Было очень похоже на показательные выступления десантников, которые браво высыпались из вертолета прямо в центр вражеского детского сада.

Гости предусмотрительно рассредоточились по стеночкам, а паучий десант под резкую ритмичную барабанную дробь изобразил танец с саблями. Натурально, с саблями — по две

шпуки на каждую арахнидскую личность. И получилось у них очень воинственно, красиво и, вообще, здорово.

Я увлеклась, даже ногой слегка притопывала в ритм, на что мой эльфийский жених покосился с заметным удивлением.

Едва смолк невидимый барабан, по звучанию очень похожий на японский тайко, распахнулись еще одни двери — не те, через которые впускали в зал гостей, а другие, расположенные в конце зала, за тронем Повелителя. Первыми в них показались опять же арахниды, в частности второй советник и главдама всея гарема.

И только потом, дождавшись, пока присутствующие осознают величие момента и склонятся в придворном поклоне, нас почтил своим присутствием ОН. В смысле — Темный Властелин во всей красе, с семьей.

Леди Оливия шла под руку с импозантным седым мужчиной, судя по всему, мужем, а леди Жизель с кислой миной выступала рядом со своим ровесником. Симпатичный парнишка, незнакомый, и что-то есть у него в лице или... в эмоциях? На спутницу он смотрит влюбленными глазами и в то же время... словно бы с легкой смешинкой во взгляде. Не насмешкой, а именно доброй смешинкой.

Илуватор рядом со мной чуть шевельнулся, и от него пришло четко осознаваемое облегчение, сформулированное весьма красноречиво: “новая жертва”.

Сам Виланд был один, весь такой величественно-спокойный, и при этом его аура явственно давила, принуждая всех склониться еще раз. Вот, теперь его властелинство не вызывает ни малейших сомнений. И правильно, наверное. Легче сразу всех немного нагнуть, чем потом каждому доказывать, как ты крут.

Я не буду описывать церемонию торжественного приветствия, скажу только, что через два часа, к тому моменту, как должен был начаться, собственно, бал, я уже всей душой ненавидела не только придворные мероприятия, но еще и местную обувную промышленность. Ступни горели так, словно мне в туфли напихали углей из костра, с правого бока время от времени прилетали ехидные ментальные сентенции, а с левого отчетливо припекало.

Именно с этой стороны стояла племянница Повелителя, которая напрочь игнорировала собственного кавалера и пожирала глазами моего. Да и пусть бы пожирала... глазами-то. Лишь бы не зубами. Но на пути ее пламенных взглядов случилась я и сейчас чувствовала себя хорошо прожаренной эльфятиной в собственном соку.

Забавно, но кавалер Жизель посматривал в нашу сторону с заметным сочувствием. Какой интересный молодой человек.

Наконец, заиграла музыка первого танца. Мы, правда, в нем не участвовали, ибо это был вальс темных... кого-то там, я не расслышала. В любом случае, эльфийская часть гостей смиренно стояла на своих местах и вальсировать не спешила. Зато Жизель с кислым личиком подала руку своему кавалеру, и музыка унесла жгучую парочку прочь, завертела в листопаде ярких платьев... а мы с Илуватором оба одинаково облегченно выдохнули.

Потом “жених” покосился на меня с каким-то странным выражением. И что-то сделал... не знаю что. Но мои бедные ножки вдруг перестало припекало, исчезла усталость... Святая октава, какой полезный эльф! Была бы я помоложе... Ой, да ладно, шучу. Не надо так напрягаться.

Илуватор насмешливо фыркнул и отвернулся. Но все равно я чувствовала, что мои легкие подколки его нисколько не раздражают, скорее наоборот.

— Как вы думаете, леди, сколько мне лет? — поинтересовался он шепотом, да еще с таким интимным придыханием, взяв мою руку с кольцом и прикоснувшись к ней губами. При этом самозванный актер глядел вроде бы на меня, но весьма заметно косил взглядом на приближающуюся к нам компанию эльфов.

— Мне больше, — не вдаваясь в подробности, парировала я, старательно изобразив при этом целомудренное смущение.

Если не ошибаюсь, на нас движется стихийное бедствие, под кодовым названием “родственники”.

— Леди Диндэниэль, даже по людским меркам нашего мира ваши жалкие шестьдесят лет — ранняя юность, так что прекратите строить из себя умудренную жизнью пожилую даму, это очень смешно, — перешел на ментальное общение Илуватор и улыбнулся эдак ласково-покровительственно.

— Так смейтесь! — подбодрила я, про себя действительно здорово веселясь. — Смех продлевает жизнь, не слышали? — и уже мысленно добавила: — Но так, для начала, побывайте трижды замужем, родите и вырастите двоих детей, четверых внуков, состарьтесь при нашем здравоохранении... А потом мы с вами возрастами посчитаемся, — и я не удержалась от слегка хулиганского подмигивания, правда так, чтобы никто из посторонних этого не заметил.

Нет, всерьез я на старшинство не претендовала, и о том, что мое новое тело очень молодо, хорошо помнила. О том, что здесь даже люди живут в разы дольше — тоже. Мне просто было весело дразнить слишком серьезного эльфа, да нам обоим это нравилось, в конце концов!

— Замужем мне побывать не грозит, — ментально обрадовался Илуватор, напряженно не замечая уже совсем окруживших нас врагов. — И я не уверен, что жизненная мудрость измеряется числом рожденных детей. Мне всегда казалось, что за это отвечают разные части тела.

— Это вы просто не пробовали, — произнесла я вслух, а умильно-влюбленной физиономии позавидовала бы самая штампованная блондинка с обложки любовного романа. — Поверьте моему опыту, лорд Илуватарион, с детьми все сложнее, чем кажется. Одной частью тела никак не обойтись.

— Пожалуй, я пока воздержусь, молод еще слишком! — выдал эльф и развернулся, чтобы выпрямиться навстречу высокому блондину в белом, чье надменное лицо очень сильно напоминало его собственное.

— Что и следовало доказать, — ментально съехидничала я напоследок, перед тем как присесть в глубоком придворном реверансе.

Как-никак гипотетический свекр почтил нас своим присутствием. И не каким-то там просто родственным, а прямо-таки королевским.

— Лорд Илуватарион, — небрежный поклон, больше похожий на легкий кивок.

— Лорд Малералион, — мой эльф отзеркалил эту небрежность, добавив в нее изрядную нотку едкого сарказма.

— Вас можно поздравить? Что же, сын, ты решился на ответственный шаг. Наш род ожидает пополнение?

— Да, можно поздравить. Леди Диндэниэль, моя невеста, — Илуватор демонстративно проигнорировал последний намек своего старшего родственника.

“Свекр” тоже сделал вид, что ничего не заметил, и учтиво склонился ко мне, подхватив

мою руку, вроде бы для поцелуя, а на самом деле впившись жадным взглядом в кольцо на моем пальце.

— Леди Диндэниэль?

— Высокая Леди Диндэниэль из рода Эллервиаль, — поправил его мой спутник, насмешливо блеснув глазами.

— Какая честь! — тут же демонстративно восхитился этот лорд... как его... Мора... Маре... Мармеладиян. Святая кантата, надо будет выучить, как его зовут, а то вся наша игра контрабасу под гриф.

Илуватор сдавленно кашлянул... ага, потому что не может же первый советник хрюкать от смеха на приеме у Повелителя, да еще и беседа с эльфийским правителем.

— Согласен. Ты же всегда мечтал породниться с Высокими Лордами Четвертого поселения.

— Фу, сын! — поморщился “свекр”. — Когда ты уже отвыкнешь называть наши благородные леса этой вульгарной кличкой захватчиков? Эллервиальский Лес — это в высшей степени полезное и приятное родство.

Да-да... я сразу вспомнила жабью сущность Высокой Леди и мысленно пририсовала к ее образу лягушачьи лапки. В болоте я видала такую родню. Впрочем, Илуватор с удовольствием утопил бы их примерно там же, судя по его физиономии.

За следующие полчаса нас по очереди навестили все илуваторские родственники до седьмого колена. Вплоть до тех, кто его забору через канаву двоюродный плетень. Я бы приняла это как должное, если бы не скрежет зубовой, который мысленно транслировал эльф, и не мелькнувшая на заднем плане лазоревая юбка с шелковыми белыми розами. Леди Жизель, судя по всему, не забыла наш совместный обед.

Слава октаве, эльфы все же довольно малочисленная раса. И просто закончились в какой-то момент, оставив нас спокойно наблюдать за тем, как победившая сторона танцует свои “темные” танцы.

Я стояла и любовалась. Илуватор ментально комментировал. От него я, например, узнала, почему мы не танцуем вместе со всеми. Нет, он-то ничего против темных плясок не имел, поскольку давно и прочно стал “предателем светлых интересов”, но грустная правда оказалась в том, что оставив одних, он вовсе не влился в состав других.

Да, Виланд ему доверяет, они друзья, соратники, они заодно...

Но для тех же вампиров Илуватарион всего лишь остроухий ублюдок, и накалять обстановку, вливаясь в сложное вампирское “танго”, не стоит. Увы, расизм от цвета стороны не зависит...

Кстати, танец, который Кларисса танцевала сначала с Виландом, а потом, когда после первого круга тот вернулся к трону, с офигительно красивым брутальным шатеном, действительно очень напоминал танго, и по рисунку движений, и в музыкальном размере.

Илуватор смотрел на этот разврат под музыку с каменной мордой лица и отчетливым ментальным привкусом неодобрения.

Виланд еще несколько раз возвращался к танцам, каждый раз с новой партнершей.

С Зельмой он отплясывал что-то мелко-ритмичное, и оба танцора выглядели одинаково довольными. Впрочем, веселые гномы переплясы, вообще, не способствуют кислому лицу.

В толпе танцующих много раз мелькало зеленое платье Лиидии, наверное, специально подобранное под цвет мужа. Ее тролль весело перебирал ногами в такт музыке, ловко вертел

супругу, и молодожены просто светились от счастья.

Еще запомнился сложный, чуть ли не акробатический этюд, который Повелитель исполнял в компании двух симпатичных негротяночек. Ну, то есть я очень быстро поняла, что седые негры — это дреу. По ушам догадалась и по общей вытянутости и изящности силуэта.

Интересно... щиты у меня дырявые, или Илуватор схалтурил, но когда я мысленно представила себе, как еще можно использовать гимнастические способности Властелина, исключительно в свою пользу... его спина — а Виланд как раз возвращался к трону после танца — ощутимо вздрогнула, и до меня донеслось легкое эхо ментального хихиканья. Ну и ладно, ну и... самой смешно стало.

На этой веселой ноте отдых закончился, ибо настала очередь человеческих танцев, в большинстве своем скопированных у эльфов, и молодые ушастики с постными лицами потянулись в центр зала. Парами.

Это оказалось то самое, что мы репетировали с Его Темнейшеством. Медленно, плавно, нудно... изящно, я хотела сказать. Товарищ гебешник суждениям Виланда не особенно доверял, как и моим способностям. Поэтому был сосредоточен и все время командовал: “Поворот”. “С левой ноги, меняемся местами”.

У меня даже мысли не возникло такой — обижаться или одергивать слишком рьяного руководителя. Во-первых, что мне, трудно? А во-вторых, у меня сложилось четкое впечатление, что напрягается Илуватор вовсе не из-за того, что я могу оттоптать ему ноги на виду у всего эльфийского сообщества.

Нет, от танцующего эльфа шла совершенно определенная волна. Если коротко, то примерно так: “На границе тучи ходят хмуро, мы с Мухтаром не оставим пост!”.

Он буквально сканировал пространство, я почти видела зеленый луч радара, по кругу оббегающий зал раз за разом.

А еще, нечаянно подняв глаза, я заметила волосатую паучью лапу, торчавшую из цветочной гирлянды, которыми был украшен потолок. Лапка пару раз дернулась и исчезла, но было поздно — стоило только вслушаться, как весь зал застрекотал едва слышной переключкой младших братьев. Нотки-линейки, сколько же их здесь?! А если хоть один ненароком свалится на голову какой-нибудь, не дай октава, Высокой Леди?! Визгу будет — это ладно, но ведь малыша могут раздавить!

Да, я понимаю, что такое чрезвычайные меры безопасности. Но пока я не замечала маленьких разведчиков над головой, мне танцевалось гораздо спокойнее...

Похоже, все это время Илуватор был “на связи” с Виландом. Но потом, уловив мои переживания, склонился к моему уху, в очередной раз подчеркнув нашу нежную интимную близость:

— Не беспокойтесь, леди. Затоптать аррарха, даже специально, почти невозможно.

Я вздохнула с облегчением, улыбнулась по очереди “жениху” и мельком глянувшему в нашу сторону Повелителю и послала вверх осторожный ментальный лучик, с просьбой прятать лапки тщательнее.

Потом был краткий перерыв, напитки, фрукты, светские разговоры...

Я тихо мечтала о том, что бальное безобразие вот-вот закончится, но куда там.

Все бы еще ничего, но я буквально чувствовала, что платье на мне скоро задымится и вспыхнет.

Леди Жизель танцевала все танцы, при этом почти не обращая внимания на

сменяющихся кавалеров. Ее занимал только Илуватор, ну и я за компанию. Как объект, который можно прожечь взглядом раз двадцать за танец. А еще хорошо презрительно фыркнуть, проносясь мимо. Ей-богу, детская непосредственность, это, конечно, забавно... в гомеопатических дозах.

— Дамы и господа, леди и лорды! — наконец-то, объявил Виланд, когда все наплясались всласть и отболтали себе языки на неделю вперед. — Последний танец! В честь лорда Илуватариона, моего первого помощника и его будущей невесты!

— Так положено. Это единственный чисто эльфийский танец, который позволено танцевать на балу у Повелителя, — тут же пояснил мой спутник. — Потому что я единственный из эльфов, кто заслужил доверие морра арргросс.

Танец, так танец, эльфийский, так эльфийский... хоть папуасский, главное — последний! А то у меня опять начинают болеть ноги. Да и общая усталость поднакопилась...

Мне следовало догадаться, что что-то не так. Слишком довольное личико было у Жизель, когда она вернулась на свое место у дядиного трона. Весь бал маленькая коза за щекой капусту квасила, а тут прямо рассиялась ясным солнышком. Но обдумать этот факт было просто некогда, потому что мы уже вышли в центр зала.

Суфлер из товарища гебешника вышел просто замечательный, музыка легко несла нас по залу, даже усталость отступила, я получала искреннее удовольствие, двигаясь в такт с партнером, и не поняла, в какой момент все изменилось.

Просто чуть расслабившийся было эльф вдруг опять напрягся, легкая полуулыбка сменилась привычной каменной кладкой на месте лица, а ментальные подсказки заглушило гневное:

— Вот негодяйка мелкая!

Я как-то сразу догадалась, что ругают не меня. Машинально подстроившись под новый ритм — мелодия осталась прежней, но стала гораздо живее — я вдруг кожей почувствовала, как замер весь остальной зал. И темные, и светлые, казалось, не дышали, глядя на нас. Ожидание неизвестно чего повисло в воздухе вместе с длинной паузой, во время которой партнеры стоят друг напротив друга и ждут, когда музыка снова позовет их за собой.

Краем глаза я заметила Жизель, которая внезапно оказалась на самой границе свободного пространства и улыбалась так предвкушающе, что я непроизвольно подняла брови, с вопросом глядя на Илуватора. Не надо быть провидицей, чтобы понять, кто тут маленькая негодяйка. Но что она сделала-то?

— Это танец илитари, темных эльфов. Вам только что нанесли самое страшное оскорбление для Светлой Леди. Никто вас не осудит, если вы сейчас удалитесь, Диндэниэль.

Наверное, мы слишком много сегодня общались ментально. Потому что я поняла гораздо больше, чем он сказал. В том числе и то, что сам Илуватор отступить не может. И что маленькая дрянь именно на это и рассчитывала. Я со скандалом покину своего кавалера, а Жизель займет мое место. Дура! Малолетняя! О том, в какое положение она ставит своего «любимого», эгоистка не подумала? Нет, конечно!

— Щазз! — совсем не по-эльфийски, да и вообще, не слишком аристократично фыркнула я. — Партизаны своих не бросают. Зря я вас, что ли, по живой природе на себе таскала? Главное, подсказывайте, как правильно двигаться, и давайте покажем им всем, как танцуют настоящие эльфы!

— Настоящие эльфы удавились бы от позора, так что мы с вами будем парой, представляющей отдельную расу — светлые-темные эльфы.

— Полосатые, — согласилась я, в красках нарисовав в своем воображении зебру с эльфийскими ушами.

— Хорошая шутка, — каменная кладка осыпалась с лица Илуватора, уступив место сдержанной ухмылке, а еще он явно поделился моей картинкой с Виландом, потому что напряженно выпрямившийся на троне Повелитель тоже расслабился и сжал губы, чтобы не рассмеяться.

Странно, мы так много успели сказать и подумать, а на самом деле прошло всего несколько секунд, та самая музыкальная пауза. Но вот она закончилась, и четкий, я бы даже сказала, азартный танец сорвал нас с места, закружил по залу, захватил... Да, нотки-линейки, мне это нравилось! Причем гораздо больше, чем ленивое шевеление светлых эльфийских водорослей.

Илуватор вел меня сквозь сложноватый ритм резких движений и поворотов, страховал, подсказывал и сам, кажется, не удержался, поддался этому веселому и злому азарту.

Поэтому, когда танец закончился, мы оба чувствовали себя если не триумфаторами, то где-то близко.

Ну и для полноты картины свои пять копеек добавил Повелитель. Он встал и пару раз хлопнул в ладоши, спровоцировав этим волну аплодисментов в зале.

— Bravo, лорд Илуватарион! Мы оценили ваш тонкий намек. С этого дня темных светлых эльфов при моем дворе стало двое. Я рад и надеюсь, все остальные разделят эту радость вместе со мной.

Сказал и аурой придавил, так ненавязчиво вставив и свой тонкий намек. Кто не согласен... тот сам дурак.

Дураков не нашлось. Даже светлые эльфы жиденько, но похлопали еще раз.

Одуванчик-31

Черт побери, я так и знал, что эта мелкая засранка что-нибудь отчудит. Хотя Лоренсу, как первому претенденту на роль мужа этой красивой дурочки, и было поручено глаз с нее не спускать, но уж если эта коза упертая что-то решила... Вот в этом она точно в меня!

Я даже злиться на нее по-настоящему не мог!

Нет, сначала я едва сдержался, чтобы не схватить ее за ухо и прямо при всем честном народе утащить куда-нибудь в закуток, где задрать ей юбки и... отодрать, как следует! В смысле, выдрать, причем в буквальном смысле этого слова!

Но потом посмотрел на побелевшую и напряженную Оливию, на Нориса, едва держащегося на ногах и... передумал.

— Надеюсь, ты понимаешь, что сегодняшняя ее выходка уже не является милой детской шалостью. То, что Жизель вломилась в кабинет моего советника, я согласился принять за дурость влюбленной девчонки, но это — перебор!

— Я с ней поговорю, — кивнула Оливия, облегченно выдыхая.

Уж не знаю, чего она там себе надумала, но не казнить же мне собственную племянницу? Тем более Илуватор подкинул отличную идею, как обыграть все случившееся и выкрутиться, сделав вид, что все так и было задумано.

Однако оставлять эту шутку безнаказанной тоже нельзя. Легкие пакости переходят на более высокий уровень, так что надо их притормаживать. Опыт случившегося в гареме кое-чему меня научил.

— Твою предыдущую строгую речь Жизель пропустила мимо ушей, — напомнил я сестре. — Постарайся в этот раз быть поубедительнее. Иначе мне придется посадить ваше

чадо в подземелье за покушение на честь и достоинство лорда Илуватариона, дополнив обвинение попыткой ознакомиться с секретными документами.

— Виланд!.. — Оливия снова побелела, а Норис, наоборот, покраснел.

— Сразу после бала! И я хочу присутствовать. Влезать в воспитание вашей дочери я не собираюсь, но должен быть уверен, что она осознала свою вину, — правильнее было бы сказать несколько иначе. Я хотел быть уверен, что сестра и ее муж осознали, насколько сильно они избаловали своего единственного ребенка. — Иначе — в подземелье! Неделя в темноте и сырости на хлебе и воде... — я взглянул на Оливию и замолчал.

Мы с ней прекрасно понимали друг друга и раньше, поняли и сейчас. Конечно, никакого подземелья, но шутки закончились.

Моя благодарность сестре была практически безгранична. И за счастливое детство, и за ее помощь, после того как я снова оказался на поверхности, уже став предводителем арахнидов.

И даже с балами и праздниками...

Никогда не любил заниматься всей этой кутерьмой — поисками музыкантов, оформлением залов, продумыванием оригинального, изысканного, неповторяющегося... Черт, у меня даже под лопаткой зачесалось! Ненавижу все это до зуда и зубовного скрежета.

Поэтому, обычно, скидываю на несчастного Илуватора, который тоже не в восторге, но ему дальше скидывать некуда. Так что для него присутствие Оливии, взвалившей на себя все организационный проблемы, просто дар божий. И то, что к дару прилагается чертенок в юбке по имени Жизель — такая мелочь!.. Правда, раньше эта мелочь доставляла намного меньше проблем.

В прошлый приезд от всех ее выходов было просто весело, а сегодня я пережил пару напряженных минут, выжидая, будет ли Дина устраивать показательный скандал. Обидно было бы разрушить такую удачную конспиративную легенду...

К счастью, все обошлось. Однако поставить девицу на место просто необходимо! Пока ее семейное упрямство не начало приносить еще более ощутимые проблемы.

Дождавшись, когда Илуватор и Дина закончат танец, поднялся и оглядел зал, затем слегка ментально надавил, добавляя весомости своим словам:

— С этого дня темных светлых эльфов при моем дворе стало двое. Я рад и надеюсь, все остальные разделят эту радость вместе со мной.

Что ж, пока все складывается более чем удачно...

Найдя взглядом стоящую в отдалении королеву Нармертскую, я неожиданно, даже для себя, вздохнул и быстро отвернулся. Но тут же почувствовал обжигающий взгляд ее карих глаз.

Черт побери!

Единственное, что мы с Илом не продумали — как будем потом выкручиваться, когда их помолвка так и не закончится свадьбой.

А так это просто грандиозная афера!

Диндэниэль официально под постоянным присмотром, самым надежным, на который я мог бы рассчитывать. Одновременно, она уже не источник опасности для всех темных, как эльфийка, которой увлечен морра арргросс. Она — невеста эльфа. Ну и моя наложница, с которой я пару раз развлекся, прежде чем передать своему другу.

Ведь чуть ли не сам распространял слухи о том, как часто отдыхаю вместе со своими советниками, чтобы оправдывать присутствие на наших гулянках Клариссы. Теперь эти

слухи работали на нас с Диной.

И еще я очень вовремя выяснил, что Рраушшана не будет защищать мою эльфийку. Нет, если отдам прямой приказ, естественно, как любой арахнид, она его выполнит. Но Ил оберегает свою «невесту» не только из-за моего желания, и это очень важно.

Рраушшана... С одной стороны, ее неприятие Диндэниэль меня задело, как и откровенное сожаление о том, что покушение не удалось. А с другой... Мне даже наказать ее не за что!

За все время, пока она управляла гаремом, происходящие там неприятности до меня даже не доходили, и никто из девушек не жаловался.

Нападение на Дину — следствие заговора против меня, а не гаремные разборки...

Кстати, Илуватор, активно изучающий жизнь Аины — той девчонки, что скинула Дину со стены — выяснил, что она была редкой тихоней, никуда не лезла, никому не пакостила, ни с кем не ссорилась... и не вызывала абсолютно никаких подозрений. У нее не то что подруг, близких знакомых не было. Совершенно бесцветная девица, уцепиться не за что, даже если специально копать. Естественно, Рраушшана на нее внимания не обращала.

Нет, свое недовольство управляющей гаремом я продемонстрировал и очень четко дал понять, что наблюдать за живущими в гареме двуногими следует гораздо пристальнее. Понятное дело, не лезть ко всем в голову, а то Илуватор потом залечивать последствия устанет. Но поверхностное считывание мыслей расширить и углубить.

Аррграу — умная женщина, обычно понимающая даже намеки. А уж прямые пожелания — тем более.

К тому же арахнидские понятия о чести касаются не только их самцов, но и самок. И Рраушшана прекрасно осознала, что вскрытие кем-то из арахнидов разума и памяти Диндэниэль, когда та находилась на территории гарема, является прямым вызовом не только мне, как их морра арргросс, но и ей, как управляющей гарема. Так что она теперь все восемь лап сотрет, разыскивая по своим каналам, какая дрянь покусилась на государственные тайны, хранящиеся в голове у слегка спятившей эльфийки. Может, и узнает что-нибудь интересное.

Вот ментальными допросами пусть Илуватор занимается, у него это получается лучше и без последствий.

Бедный мой первый советник. Он сейчас, наверное, обдумывает, как можно сразу оказаться в нескольких местах одновременно или замедлить течение времени, чтобы успевать делать все, что запланировано.

Хорошо, что у Повелителя мира есть не только обязанности, но и кое-какие преимущества, по сравнению с остальными. Например, приходить на все увеселения последним, а уходить — первым.

Так что, кивнув Илу и послав Дине мысленный поцелуй, я покинул бальный зал и зашагал по коридорам замка, уверенный, что Оливия и Норис следуют за мной. Так же как и Жизель... Пришло время воспитать одну мою молодую зарвавшуюся родственницу!

Легкая эйфория от того, как ловко удалось все проверить, использовав «детскую шалость» во взрослых целях, отступила. Сейчас я не испытывал ни радости, ни злости. Только небольшое раздражение... Сам не понимаю, почему, черт!.. Уж точно не на племянницу.

Вроде все прошло отлично. Даже очередную партию недовольных вычислили. Надо будет внедрить туда нашего агента и на этом пока успокоиться.

И с танцем хорошо вышло... Да, вот именно! Слишком хорошо все вышло, слишком слаженно. Вот что так царапало все это время. То, как быстро эти двое спелись... станцевались!

Глупо, черт побери... Да даже если и...

Я мысленно рассмеялся сам над собой. Потом, обернувшись, убедился, что семья шагает следом.

Магические светильники отлично освещали коридоры замка, но мы уже далеко ушли от бального зала и комнат для гостей. Здесь не было красивых гобеленов, зато встречались факелы. Ностальгия по тому времени, что мы провели в пещерах... Ностальгия... М-да.

Ревность... Давно я не испытывал этого чувства. Даже не сразу узнал.

С чего вдруг? Ну оттанцевали два ментальных мага-эльфа, подумаешь. Один из них почти двести лет любит одну и ту же женщину, а другая... Другая... Решил же, что буду верить, значит, надо верить во всем!

Веду себя как мальчишка. К танцам ревную!.. Моя же собственная идея была, так чего теперь злиться?

Может, из-за карих глаз королевы Нармертской?

Кареглазая Тамиша появилась в моей жизни совершенно внезапно. Я выполз из своего шатра полуголый, слегка пьяный и, подергивая плечами от холода, шатаюсь, побрел к ближайшим кустам. И тут мимо меня быстро пробежал кто-то невысокий, хрупкий и ментально паникующий. Пришлось срочно трезветь и мчаться вдогонку — мало ли, шпион... Оказалось — нет. Тогда — нет. Обычная городская девчонка, которой дорогу к дому перегородила война.

Наш лагерь был разбит неподалеку от городских ворот. Мои арахниды отпугивали и задерживали любого, кто попытался бы проникнуть в город. Они возникали из темноты, неумолимые, огромные, пугающие... парализующие не только своим видом, но и ударом ментальной кувалды в голову. А Тамиша успела выставить щит и броситься бежать прочь...

Когда я ее догнал, она еще пыталась сопротивляться, отбивалась и руками, и ногами, и магией... И как-то так совершенно неожиданно мы продолжили наше знакомство у меня в палатке. Пришлось выставить оттуда лишних... Но я ничуть не жалел!

Никогда раньше мне не встречалась такая отчаянная, храбрая, красивая, умная... и совершенно отчаявшаяся девушка.

Пустить в город я ее не мог — осада же, черт побери! Вывести ее родителей тоже не мог...

К счастью, они тогда не погибли, а Тамиша так привыкла к моему обществу, что потом отправилась вместе со мной.

Она была не только любовницей, но и воином. Из лука стреляла намного лучше меня и бегала быстро... А еще она была ментальным магом, и я иногда обучал ее разным боевым приемам.

Нам было хорошо вместе. Сорок шесть лет нам было хорошо, и воспоминания об этом времени не вырезать из памяти до сих пор.

Называть свои отношения любовью мы начали лишь спустя несколько месяцев, сначала это было что-то... что-то умопомрачительное, мозгоразжижающее, возбуждающее...

Страсть?..

Когда постоянно думаешь только о ней, закрываешь глаза и видишь ее, когда желаешь ее, только ее одну. Когда готов и хочешь в любой момент, когда ради ее одобрения готов на

все, когда...

Когда, услышав: «Я люблю тебя, Виланд!», внутри все замерло, а потом я буквально взмыл вверх... и пообещал бросить к ее ногам весь мир! Я бы и звезды собрал с неба, только не знал — как.

И вдруг все оборвалось... Сорок шесть лет счастливого полета и такое болезненное падение...

Из воспоминаний меня выдернул громкий голос сестры:

— Да никому не нужны твои глупости! Нет, чтобы чем-то действительно полезным заниматься... Бегаешь за мужчиной, унижаешься!.. Ты принцесса или проститутка из борделя?!

М-да, Оливия сильно перепугалась за дочь, раз так разошлась. Мне даже стало жаль племянницу — стоит, растерянная такая. Молчит, глазами хлопает и взгляд с отца на мать переводит.

Ни разу такой прочувственной речи не слышал! Пробирает, прямо за душу, черт побери!

Не ожидал... я. А бедная Жизель удивлена и откровенно напугана. Это даже через амулет чувствуется.

— Лорд Илуватарион — взрослый мужчина, и выбрал себе в пару взрослую женщину, серьезную, ответственную, настоящую леди! А ты... Совершенно думать ни о чем не хочешь! Только дурь в голове... Да тебе мужа не найти, несмотря на приданое! Никому не нужна принцесса, бегающая за эльфом!

А вот это Оливия уже придумала. Желающих было предостаточно, но они с Норисом сами носы воротили и капризничали. Этот им плох, тот не хорош, у этого слава дурная... Слышал я их обсуждения пару раз.

Их избранник, Лоренс, был наследным принцем соседнего государства и, с учетом здоровья его отца, должен был вот-вот взойти на престол. Ну а еще он был молод, вежлив, уважительно-послушен, и ему действительно нравилась Жизель.

— Управление государством — это не только бумажки переключивать, это еще и людьми манипулировать! А ты умеешь только настраивать всех против себя, в отличие от леди Диндэниэль! Она вот даже улещи приручила!.. А от тебя в нашем дворце горничные прячутся!

Судя по лицу Жизель, история с горничными имела место быть. Хм...

Нет, с одной стороны, я получил то, о чем просил — Оливия была очень убедительной. А с другой... Жизель голову-то, конечно, держит прямо, спина — будто палку проглотила, подбородок вперед... Но губки слегка трясутся, и глазами уж больно часто моргает.

Возможно, прояснение случится, но более вероятно, что натворит она нам сейчас дел — не расхлебать еще лет десять.

Так что, когда племянница вылетела из комнаты, я мысленно приказал не спускать с нее как минимум пары глаз. А лучше — двух пар.

— Доволен?! — сестра устало упала в кресло и уставилась на меня со злым прищуром. Норис уже давно сидел с застывшим отстраненным выражением лица.

— Если бы начала толкать такие прочувственные речи лет на двадцать раньше, толку больше бы было, — примиряюще произнес я.

— Вот когда своих детей заведешь, я посмотрю, какие ты им речи толкать будешь, — Оливия тяжело вздохнула, расправляя подол платья. Но посмотрела на меня уже не таким убийственным взглядом. Скорее сочувствующим.

— О помолвке объявите завтра? Или изобразите иллюзию выбора? — подколот я сестру, искоса поглядывая на Нориса.

— Никаких иллюзий, — решительно объявил он. — Хватит! Ты совершенно прав — Жизель стала неуправляемой, и ей пора повзрослеть. Так что замуж, срочно замуж! Лоренс — отличный вариант, объединим королевства... — То, что последнее случится только после его смерти, Норис озвучивать не стал. Но Оливия все равно не удержалась и совсем не по-королевски шмыгнула носом.

Я понимающе кивнул и вышел, оставив этих двоих наедине. Всегда завидовал их любви... Жаль, что не так много им осталось. Есть у меня нехорошее предчувствие, что Оливия быстро угаснет вслед за мужем. Уж очень сильно они привязаны друг к другу.

Мне казалось, что мы с Тамишей так же связаны, и никакая сила не разлучит нас. Но я ошибся.

Придя к себе в спальню, я упал на кровать, закрыл глаза и снова провалился в воспоминания.

В то утро нас ждал бой. Орки, тролли, вампиры... они все уже присоединились к моей армии, но и у эльфов оказалось немало сторонников. Особенно много их было среди людей. Уж не знаю, почему мои сородичи шли на смерть ради этих высокомерных практически бессмертных существ...

И вот очередная битва. Значимая. Можно сказать, одна из решающих. Я чувствовал это. Эльфы сдавали позиции, большая часть мира уже принадлежала нам. Мы все уже устали от войны и готовы были к переговорам. Мы — да. Эльфы — нет.

Мне тогда не спалось... Черт побери, вот не пойди я в тот момент к Илу, все в моей жизни было бы по другому! Обычно я отсыпался перед важным боем, чтобы с утра быть свежим, бодрым и готовым к быстрым и верным решениям. Это было традицией, правилом, к которому я приучил всех, особенно собственные тело и разум.

Но в тот раз мне не спалось. И я решил прогуляться, проверить посты, проветриться. Заодно найти Тамишу — с ней рядом я точно усну. Не сразу, конечно... Но потом — усну.

Я наткнулся на них неподалеку от его палатки. Они ругались злым шепотом, постоянно упоминая мое имя и «обман». А потом он ударил... ударил по моей женщине!

И я кинулся между ними, раскидал их в разные стороны, поставив щит. И с тоской понял, что сейчас мне придется выбирать. Выбирать между другом и любимой! Потому что успокаиваться и что-то мне объяснить не хотели ни один, ни второй. Илуватор просто молчал, Тамиша выкрикивала мое имя...

Я выбрал Ила... Потому что увидел, куда он смотрит, и все понял. Амулет... На шею Тамиши висел амулет. Он был встроен в мой подарок... Мой... Мой, черт побери! К[н]иг[о]лю[б].[н]ет

Никогда не приглядывался, не присматривался, не прощупывал свой собственный подарок ментально. Но тогда, с дрожащими от напряжения руками, едва сдерживая напор Илуватора, я взглянул на кулон вторым зрением и... Дальше все как в тумане. Вот я срываю с шеи Тамиши амулет, и вроде ничего не меняется — те же эмоции. Но потом, сжав зубы, я заставляю себя пролезть чуть поглубже. И натываюсь на страх... Она меня боится?!

— Я боюсь за тебя! Ты связался с чудовищами! Виланд, я знаю того, кто может тебя спасти. Позволь ему помочь...

Она, правда, верит в то, что говорит. Моя женщина. Та, к ногам которой я хотел бросить весь мир, просит меня остановиться и предать. Предать всех тех, кто доверился мне. Моих

союзников. Всех. Да что там — она уже предала их за меня...

Обернувшись, я киваю Илу и снова влезая в разум Тамиши. Глубже... Зная, что Илуватор сейчас рассылает арахнидов. Моих арахнидов. Тех, которых я тоже должен предать. Ведь они и есть чудовища. Конечно, куда им до прекрасных эльфов, особенно одного...

Аррахшир внутри меня просто трясет от ненависти.

Да, я тоже узнал это лицо — я видел его в памяти старого морра арргросс. Эльф, который придумал и осуществил ритуал, освобождающий артефакт из тела предводителя арахнидов. Эльф, из-за которого едва не погибла целая раса... Эльф... Эльф, которого я поклялся убить!

Этот эльф добрался до моей Тамиши, она слушается его, верит ему... Это он сделал из моего подарка амулет, меняющий эмоции. Не просто блокирующий, а меняющий.

Любые сильные чувства ко мне превращались в любовь. Страх — в любовь. Ненависть — в любовь. Все... Все было обманом!

— Нет! Виланд, нет! Я люблю тебя и всегда любила! Просто ты должен быть с людьми, а не с чудовищами! Вил... Ты сражаешься не за тех! Ты — человек, наши дети будут людьми. Арахниды — это зло, вампиры пьют нашу кровь, орки — монстры, тролли...

— А эльфы — олицетворение всего самого чистого и светлого, что есть на земле?

Как же я чудовищно устал... Как пусто внутри... Как больно и пусто.

— Лагерь переезжает. Остальных предупредил — они тоже скрылись. Потерь нет.

Илуватор вроде бы и стоял все время рядом, но только после его слов я ощутил его присутствие. До этого он ментально руководил спасательной операцией.

— Пойдем со мной, Виланд! Пойдем к нам... ко мне. К людям!

Тамиша смотрела на меня с такой мольбой и искренней верой в то, что она говорит.

— Ее надо убить. Ты это сделаешь сам? — голос Ила звучал обыденно, словно мы обсуждали что-то уже почти решенное. Он ни словом не намекнул, что от моего выбора зависит множество жизней, в том числе и его собственная. Даже в мыслях он не сомневался во мне.

— Пусть живет, — устало вздохнув, я махнул рукой, глядя на Тамишу: — Беги, беги к своим эльфам.

И она побежала... Я дождался, когда она полностью расслабится, и ударил. В спину... Оглушил менталом и спокойно смотрел, как она падает на землю, держась за голову.

Если бы она сопротивлялась, я мог бы нечаянно ее убить. А так сумел четко рассчитать силу. Но все равно было немного противно.

— Связать и спрятать так, чтобы ее не нашли. Если мы проиграем, значит, она умрет. А если победим — залечишь ей голову и отправишь на все восемь сторон. Может, ей повезет, и подвернется еще один такой же идиот.

— Виланд!..

— Знаю, что неправ, но убить я ее не могу. Я ее любил по-настоящему!

Да... Тамишу я убить не смог, а вот старого эльфа сжег на костре. И не отходил, вдыхая тошнотворно-пряный запах горелого мяса, слушая певучие эльфийские проклятья и искренне наслаждаясь. А потом я напился... М-да...

А еще я оказался прав. Тамише повезло.

Правда, ей хватало ума держаться от меня подальше, и на все балы ее муж являлся один. А тут приболел, бедолага... Черт побери!

Мне едва удалось сохранить невозмутимое лицо, когда, проходя по коридорам замка в сторону бального зала, ментально услышал, как объявляют очередного гостя:

— Королева Тамиша Нармертская...

Ведь знал же, что она явится на этот бал, причем одна, но все равно... все равно сердце забилося сильнее. Я любил ее по-настоящему. А она... она предала меня. Изменила и предала.

Но при этом весь бал я краем глаза следил за ней, любуясь ее красотой. Черт побери!

Одуванчик-32

Вечером, после бала, я была такой уставшей, что уснула, едва коснувшись головой подушки, и даже не заметила, что Его Темнейшество, вопреки уже сложившейся привычке, не пришел, не завалился под бочок и не облапал во сне, как плюшевого мишку...

Зато посреди ночи меня разбудило кое-что другое!

Еще бы не проснуться, когда что-то тяжелое и круглое прыгнуло на грудь, да еще и с ментальными воплями.

— Дина! Дина! Дина!

— Тьфу, напугал... — едва выдохнула я, дрожащими руками спихивая Шойшо на кровать. Подобного пробуждения никакие нервы не выдержат. — Что случилось, почему ты кричишь?

— Плохо! Плохо! Плохо много сладкого! Заболеют! Заболеют! Уже заболели!

— Что заболеет? То есть, кто заболел? — я села и взяла нетерпеливо прыгающего по покрывалу домовенка на колени. — Перестань верещать и расскажи по порядку.

Как же я была права, когда наученная детьми и внуками, в самом начале нашего знакомства успела объяснить Шойшо, что конфеты хороши исключительно в меру. Я даже позволила домовенку слегка перебрать с яблочным мармеладом, и теперь мохнатик любит все сладости, кроме тех, что имеют яблочный вкус. Зато сам убедился: от сладкого тоже может быть очень плохо.

Н-да... теряя шлепанцы и спотыкаясь, я неслась через темный сад, попеременно то проклиная дурных малолеток, то благодаря всех богов за эльфийское зрение, без которого спасательная экспедиция убилась бы о развесистую природу, не отходя от крыльца.

Сама не знаю, какими буераками мы пробирались и куда, в конце концов, выбрались, я просто следовала за домовенком, а он с писком мчался сквозь заросли, а потом по узким коридорам, даже не оглядываясь на меня. Так или иначе, сумасшедший бег закончился в тесном незнакомом дворике, вымощенном блестящей каменной плиткой, у маленького фонтанчика, мраморная чаша которого густо поросла мелколистным темно-зеленым плющом.

Я чуть не налетела на эту чашу и пару секунд просто хватала ртом воздух, пытаюсь вдохнуть. Эльфийское тело — штука полезная, но спринтерские забеги все равно так просто не даются.

Едва отдышавшись, я чуть не села прямо на камень от ужаса: по всему дворику тут и там темнели маленькие темные сгустки, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся неподвижными и раздутыми, как воздушные шарики, домовятами. Кто-то еще полз, кто-то едва слышно икал и попискивал, а кто-то только и мог, что жалобно моргать глазищами.

Придерживаясь рукой за мшистый влажный каменный бортик, я обогнула фонтан и чуть слышно зашипела сквозь сжатые зубы, как злобная гадюка.

Никогда не была сторонницей физических методов воспитания, хотя, признаюсь, пару

раз ладонью по попе от меня досталось обоим деткам, а потом и внуку. Внучка оказалась умнее и осторожнее, границы бабушкиного терпения чуяла заранее.

А вот сейчас, если бы мне дали ремень, кое-кто не сел бы на задницу неделю! Идиотка малолетняя!

Понимание ситуации пришло мгновенно, а вот если бы меня попросили объяснить словами, это заняло бы гораздо больше времени.

Вот уж точно, Жизель — племянница своего дяди. Я слышала о том, что у девочки магические способности еще толком не проснулись, но первые всплески пошли. И вот именно сейчас всплеснуло так, что накрыло всех, кому не повезло оказаться поблизости.

У девчонки проявился дар менталиста.

По этому случаю малолетняя debilка, прости господи, первым делом сняла с себя дядин амулет, потому что ей показалось, что “гадость” нарочно подавляет ее магию, следит, и вообще, “ошейник, как на собаке”.

В результате, Жизель фонила своими эмоциями на весь ментал, и после первой пары секунд, когда мне показалось, что я просто оглохла, все случившееся стало ясно, как летний полдень на лужайке.

Сначала у несчастной деточки отобрали любимую игрушку — эльфа. Ну, то есть в ее исполнении — украли любовь. Потом злые родственники навязали какого-то дурацкого жениха. Дальше — больше, посмели поставить в пример мерзкую воровку чужих любовей, эту ушастую стерву, эту... эту... в общем, кошмар и никакого понимания тонкой трепетной девичьей души.

Ну и венцом всему послужил сегодняшний бал, когда провалилась ее благородная попытка показать Илуваториону, что его невеста, на самом деле, противная, высокомерная светлая снобка, которая бросит жениха при первом же удобном (или неудобном) случае.

Мало того, что гадина никого не бросила, так несчастную влюбленную девочку буквально втоптали в грязь!

И кто — мать, родная мать! И отец промолчал! Даже не подумал вступить за свою любимую девочку, за свою принцессу... а злобный дядька, вообще, чуть не запер в подzemелье, а потом приставил конвоира, как к преступнице! Страшного, противного паука!

Особенно влюбленную козу уязвили слова матери о том, что невеста Илуватора гораздо больше леди, чем Жизель. Да что они все, слепые?! Сами же! Сами считают ее малолетней дурочкой, не дают заняться чем-то серьезным, не понимают, как она старается... даже отец!

Последней каплей для начинающей менталки стало неприятное открытие: даже папочка не воспринимал ее всерьез и просто обманывал, подсовывая ненужные бумажки... как младенцу! Как... как подачку придворной собачонке, чтобы не тьякала и не путалась под ногами!

Полночи принцесса рыдала над своей загубленной жизнью, а потом обозлилась на весь мир и решительно отправилась на подвиги. Доказывать всем и вся, что она — не ребенок, не дура и не кукла!

Не дура и не кукла выгребла в связанную узлом нижнюю юбку все запасы сладостей, что успели ей надарить за время пребывания в дядином замке — получился увесистый тюк. Затем вылезла в окно, потому что под дверью дежурил паучий караул, отошла на безопасное расстояние, избавилась от амулета... и доказала всем, что хваленые заслуги распрекрасной леди Диндэниэль не стоят и конфетного фантика!

Все бы ничего, если бы не ментальные способности. Пылающая эмоциями паразитка

стянула в маленький дворик всех домовят, которым не посчастливилось в этот момент заниматься своими делами поблизости. А их оказалось больше двадцати.

Я так поняла, что осторожные мохнатки пришли сюда не совсем добровольно, но от конфет не отказались. Только вот дальше все пошло как-то не так, как планировала принцесса.

Бедные домовята с непривычки просто... да обожрались они, причем настолько, что как бы не померли, вообще. Даже торжествующая Жизель, в конце концов, начала понимать — происходит что-то очень неправильное.

Вот только новоявленная командирша, с шашкой и конфетой, понятия не имела, как исправить содеянное. И, похоже, собиралась либо рыдать над тушками дохлых обжор, либо просто трусливо сбежать.

Хотя нет. К чести принцессы надо заметить, что секундный порыв малодушия она задавила сразу. И теперь растерянно застыла между темными комочками, даже не решаясь взять малышей на руки.

— Не стой столбом, идиотка! — рывкнула я на девчонку, подхватывая первого из улешиков. — Смотри, как надо!

Да, был у меня в жизни такой печальный опыт, когда сыночка наглотался каких-то подозрительных ягод с куста. Двухлетний малыш сам себе два пальца в рот не сунет, пришлось маме одной рукой держать извивающееся и орущее, а другой... надеюсь, перепуганный пушистик не откусит мне полруки, а то зубки у них очень даже есть!

Жизель в первую минуту опешила, потом ее саму едва не стошнило, а ментально передернуло так, что даже у меня желудок непроизвольно подпрыгнул к горлу. Но оно и к лучшему, потому что парочку домовят тоже накрыло, и они спешно избавились от съеденного. Один, так вообще — прямо на туфельки “кормилицы”.

— Да как ты смеешь, эльфа! Я принцесса, а ты... — возмущение Жизель явственно захлебнулось в неприятных звуках и запахах.

Но девушка даже не отпрыгнула от фонтанирующего липкой гадостью пушистика, только жалобно сморщилась, и... рядом застонал еще один домовенок. Сжав зубы, причем ментально тоже, Жизель кинулась лечить обжору, пользуясь моим методом. Чем невольно заслужила капельку уважения.

Минуты через две мы были по самые брови в чем-то темном, липком и пахнущем отнюдь не конфетами. Зато “облегченные” улешики, пусть все еще нервно икая и попискивая, явно начали оживать.

Правда, радоваться было некогда, большая часть домовят по-прежнему нуждалась в помощи.

— Какая замечательная диверсия, — произнес спокойный голос. — Думаю, вам понравится в подземелье, леди Жизель. А об отце вы подумали? Он не вынесет такого позора.

Прощтрафившаяся леди застыла столбом, а я сердито рыкнула на материализовавшегося из темноты эльфа:

— Нашел время нотации читать! Лучше помоги! И ты не стой, не стой! Вон, один поросенок за фонтан уполз, займись! — это уже девчонке. Плевать мне было в этот момент, кто тут принцесса, а кто — лорд. Некогда титулами меряться.

Илуватор посмотрел на меня искоса и ядовито хмыкнул:

— Используйте свои ментальные способности, если хотите исправить случившееся.

Времени у вас немного. Через минуту здесь будет седешшер арахнидов, чтобы сопроводить преступницу в подземелье. Вас же обратно домой провожу лично я.

Жизель ничего на это не ответила, только съежилась и опустила плечи, но упрямо пошла туда, куда я ее послала — ловить уползающего домовенка. И лечить проверенным способом. Я тоже не стала заморачиваться лишними сложностями, только зыркнула на “жениха” взглядом злобной гадюки.

— Ментально вы сделаете это быстрее, — продолжал издеваться ушастый паразит.

— Если знаешь как — сделай, — не выдержала я. Интересно, он им всем сейчас ментальную клизму предлагает прописать? Так я не умею. — Ты не в курсе, что таким вещам надо сначала научиться? — и выразительно кивнула на упорно занимающуюся насилием над пушистыми шариками Жизель. Насчет собственной персоны я предпочла конспиративно умолчать.

— Сосредоточьтесь и попытайтесь соединиться с разумом окружающих вас улешей. Уверен, при желании вы сможете связаться сразу со всеми, ведь вы — очень сильный маг.

— Связалась, и дальше что? — вот зла я, зла! Не знаю, как командовать тошнотой, пусть даже ментально! Тут своей-то не особо получается, а про чужую и говорить нечего.

— А теперь попробуйте надавить вашей силой, отдайте мысленный приказ.

Да едрить тебя скрипичным ключом через басовый конец, теоретик, нашел время для учебы! Вон тот мохнарик уже и не пищит, и не шевелится!

Я так рассердилась, что, по-моему, соединилась разумом не только с домовушками, но и с кем-то еще. И когда красочная картинка неудержимой рвоты встала перед глазами, мне вдруг почудилось, что у моего приказа есть эхо.

И еще какое!!!

Тому, что мой собственный желудок попытался срочно эвакуироваться, я даже не удивилась. У него все равно не вышло, организм всего лишь вывернулся наизнанку и познакомил каменные плитки дворика с моим ужином. А вот аккомпанемент... который доносился сквозь шум в ушах и странный звон, как будто сдвинулись тяжелые металлические щиты... аккомпанемент говорил о многом.

Н-да... отмывать будем долго. И двор. И домовят. И себя. И принцессу. И эльфа, чтоб ему ни кантаты, ни терции! Наизнанку вывернуло ВСЕХ.

Правда, когда я откашлялась, переборола отвратительный привкус во рту и протерла слезящиеся глаза, выяснилось, что Илуватор свои внутренности сумел удержать от необдуманных поступков. Максимум, подавился. Зато ему щедро досталось от близлежащих шариков, из которых бывшие сладости извергались фонтаном.

Жизель со своим ужином тоже попрощалась и теперь выглядела не принцессой, а привокзальной замарашкой, но сопела решительно и гордо. Даже плечи расправила. Правда, вот ментальное ощущение от нее шло совсем другое. Не заносчивая соплячка, а просто упрямая девчонка, которая натворила глупостей, но теперь готова за них отвечать.

А в кустах чуть поодаль кто-то шепотом матерился сквозь зубы и яростно, но тихо отплевывался. Нотки-линейки, скоро тут весь замок соберется, на процедуру принудительной очистки желудка!

Я недовольно покосилась на невозмутимую эльфийскую сволочь и пошла умываться в фонтанчике. И Жизель за собой поманила, а она не стала упираться.

Слегка оклемавшиеся улешики с тихим писком сучковались вокруг возбужденно подпрыгивающего Шойшо и настороженно хлопали на нас глазюками. Было видно, что

малышам все еще здорово не по себе, но, слава октаве, помирать никто из них больше не собирался. Парочка особенно аккуратных уже сопела и похрюкивала, очищая запачканную шерстку.

— Все поняли, что спички детям... тьфу! — я прополоскала рот водой из фонтана и строго посмотрела на малышей. — Что много сладкого есть вредно? Три конфеты в день, и ни одной больше!

По тому, как они хором запищали и быстро закивали мохнатыми прическами, я поняла, что попала. Конфеты придется заказывать мешками, потому как вся эта компания зайвится за сладостями именно ко мне, как только слегка отойдет от сегодняшних незабываемых впечатлений. И хорошо, если они не приведут с собой родственников, друзей и просто знакомых.

Кстати, если внимательнее прислушаться к домовушкиным эмоциям, конкретно эти пострадавшие конфетам предпочтут персики и прочие фрукты. По крайней мере, еще какое-то время.

— Стихийный выброс ментальной магии, принцесса? — вот откуда было эхо. Получается, это мы с Ее Высочеством синхронно “надавили”, чуть все кишки не выдавили... — Ваш дядя от души повеселится. Что ж, леди Жизель, за вами пришли.

Старательно запугивающий принцессу гебешник махнул рукой в сторону напряженно застывших в проходе пауков. Тех тоже, видимо, накрыло на подходе — ребята стояли с такими лицами, словно боялись, что взбунтовавшиеся организмы выпрыгнут наружу, стоит только разжать побелевшие от напряжения губы.

— Оставлять вас без присмотра опасно, следить за вами до утра я не намерен. Так что или в подземелье, или можем разбудить ваших родителей и поручить им присмотреть за своей преступницей-дочерью до суда.

— Перестань строить из себя злыдня, — мое ментальное недовольство было предназначено исключительно Илуватору. — Не видишь, девчонка сама уже все поняла? И за отца переживает. Он пожилой человек, как бы, и в самом деле, не словил сердечный приступ...

— Лорд Илуваторион! — ага, так вот кто матерился в кустиках. Шустрый мальчик. И решительный. — Уверен, моего поручительства, как жениха, будет достаточно! Леди Жизель совершила ошибку, но всем понятно, что речь идет о досадном недоразумении, а не государственном преступлении. Если это будет необходимо, я возмещу убытки... и буду везде сопровождать леди до тех пор, пока в этом не исчезнет необходимость.

Молодец мальчишка, ему даже слегка покрасневшие глаза и перепачканная рубашка не мешают выглядеть внушительно. И непреклонно.

— Заставь девчонку саму все здесь отмывать, и хватит с нее, — предложила я эльфу, все так же ментально.

— Хорошая идея, — хмыкнул он мысленно, а вслух произнес: — Ну, хорошо. Сделаем так. Обычно, за порядком в замке следят улешы, но из-за вашей очередной эгоистичной выходки, о которой не сообщат вашим родителям, только из-за моего уважения к вашей матери... и благодаря своевременному вмешательству леди Диндэниэль... А также поручительству вашего жениха, Его Высочества принца Лоренса... — Илуватор слегка небрежно, но с определенной долей уважения и даже сочувствия кивнул парню, а Жизель непримиримо сверкнула глазами в ту же сторону и смешно надула губки. — Так вот, из-за вашей глупости улешы не смогут очистить здесь все от следов вашего преступления.

Придется вам лично позаботиться об этом. И, так как принц Лоренс магом не является, а я присматривать за вами не собираюсь, наводить чистоту вам предстоит собственноручно, Ваше Высочество. Моющие средства сейчас принесут. Торопитесь, до рассвета не так уж много времени.

Вот же вредная эльфятина, выговаривает таким тоном, словно ему прямо в удовольствие опускать едва сдерживающую слезы девчонку. Одно хорошо — нежные чувства у принцессы тают на глазах. Наверняка ушлый советник гнобит ребенка в воспитательных целях, и ведь даже возразить нечего. Жестко, но правильно.

Жизель растерянно заморгала и обвела глазами уляпанный по самую верхнюю ноту дворик. Да тут ручками на пару дней работы, особенно такими неумелыми. Что уж там про рассвет-то вспоминать.

— Зато сможете потом гордо всем говорить, что одно полезное дело точно сделали, — прямо-таки демонстративно издевался Илуватор.

Я бы сама первая пинка отвесила, если бы не чувствовала его ментальный настрой в этот момент. Мужик вовсе не радовался чужому унижению, более того девчонку ему было жалко. Но он твердо шел по пути педагогической целесообразности.

— Возможно, хотя бы будущий муж оценит ваши способности к поддержанию порядка. Так или иначе, своего он добился. Жизель гордо выпрямилась, сжала губы и пронзила бывшего кумира таким взглядом, что я порадовалась — хорошо, дырки глазами она делать не умеет. Зато в этой позе уже не было ничего заносчиво-детского, капризного, а врожденное упрямство, наконец, нашло себе полезное применение.

— Я, пожалуй, останусь, — мое негромкое заявление прозвучало так неожиданно, что все обернулись. А я пожалала плечами и добавила ментально, специально для своего “жениха”:

— Результат надо закрепить. К тому же, они все равно не справятся сами, да еще, не дай октава, переругаются... дети же. Лучше я присмотрю. И заодно постараюсь наладить контакт с девочкой.

— Я рассчитывал выспаться, — ментальное ворчание Илуватора было полно сдержанного неудовольствия. Но вслух он выдал прежним издевательским тоном: — Так как вы еще начинающий маг, леди Диндэниэль, то мой запрет распространяется и на вас. Но вы можете поиграть на гитаре — принцессе Жизель будет веселее трудиться. — И снова ментально добавил: — Я буду поблизости. И, если вас не затруднит, не устраивайте больше стихийных выбросов, а то довольно сложно одновременно спать и удерживать магические щиты.

— Не будем, — заверила я и так же мысленно послала парню благодарность за понимание и сочувствие по поводу усталости.

Пару минут после того, как Илуватор и его милые паучки скрылись из виду, все молчали. Потом Жизель решительно насупилась, взяла одну из незаметно доставленных тряпок и плюхнула ее прямо в фонтан. На меня и на своего будущего мужа она демонстративно не обращала внимания еще, примерно, минут пять, в течение которых с упорством енота полоскала тряпку в воде. А потом не выдержала:

— Я слышала! Ты нарочно это придумала, чтобы меня унижить? Это ты предложила лорду Илуваториону заставить меня мыть здесь все руками!

Вот же... менталка начинающая. Впрочем, оно и к лучшему. Потому как, судя по высказанным претензиям, слышала мелочь далеко не все из нашей мысленной беседы с

эльфом, а только то, что я в запале подумала слишком громко.

— Причем тут унижение? — я отобрала у нее тряпку, выжала и положила на бортик, а потом кивнула юному добровольцу: — Набери воды в ведра, незачем портить весь фонтан, — и снова обратилась к Жизель: — Лучше было бы, если бы он устроил разборки со стражей и подземельями? А так подумаешь, пара часов работы, и здесь будет чисто. Тем более втроем мы еще быстрее справимся.

— Я принцесса! Мне не пристало... — привычная маска избалованной куклы неожиданно подвела хозяйку. Она сама поняла, как нелепо это выглядит со стороны. И добавила упавшим голосом: — делать глупости...

— Да ладно, иногда можно, — совершенно неожиданно подал голос до сих пор молчавший парень. Он засучил рукава своей пижонской шелковой рубашки, зачерпнул полное ведро воды и поставил его перед девушкой. — Все ошибаются. И ты не исключение. Главное, руки не опускай, а то эти... взрослые... живо заклюют: “Ах, деточка, возьми лучше куколку, поиграй, только не мешайся под ногами, мы тут заняты важными государственными делами!”

Лоренс так забавно передразнил чей-то заботливый кудахчущий голос, что никто не смог удержать улыбку. И он сам первый расплылся в такой шкодливо-веселой гримасе... вот ни разу не королевской и, вообще, не вяжущейся с “Высочеством”.

Жизель пару секунд смотрела на него с открытым ртом. Паршивец, нисколько не смущаясь, дразняще-ласковым жестом поддел ее под точеный подбородок:

— Осторожнее, фея залетит. Ну чего ты застыла? Тебе самой не надоел весь этот придворный этикет?

Девчонка фыркнула, отстраняясь, и попыталась принять независимый и гордый вид. Но пухлые розовые губки против воли кривились, пытаясь спрятать улыбку. И чтоб мне последней ноты не видать, но это было похоже на самое обычное девчачье кокетство, а не на заносчивый снобизм.

— Ладно, голубки, потом поворкуете, — подхватила я игривый тон. — Тряпки сами за нас работать не станут. Значит так... для начала неплохо бы смыть самое страшное. Берем ведра, черпаем из фонтана и льем, не скупясь.

Через час не только двор, но и мы все трое были насквозь мокрыми (зато относительно чистыми), потому как с подачи Его неожиданного Высочества, в процессе поливания двора мы малость разошлись и здорово полили друг дружку. Эти двое скооперировались, и мне пришлось отступить за фонтан, но зато и пижама моя лучше всего отстиралась. Главное, в процессе все как-то забыли, кто мы есть и чем, вообще, занимаемся. Вроде как маялись дурью в свое удовольствие, а не отбывали наказание. Жизель поначалу дичилась и смотрела большими недоверчивыми глазами, но потом...

— Почему ты осталась мне помогать? — прямо спросила она, когда мы согнали грязную воду с брусчатки в предусмотрительно устроенный сток в углу двора.

— Потому что ты не сбежала и не бросила мелких, — не колеблясь, ответила я. — И за это я тебя уважаю. Не за то, что ты принцесса и племянница Повелителя, понимаешь? А за то, что ты человек, который умеет отвечать за свои поступки.

— Именно поэтому она станет моей королевой, — Лоренс незаметно подошел сзади, и в его голосе в этот момент не было ни капли шутливости.

Что меня порадовало больше всего — когда парень приобнял свою “королеву” за талию, та не стала сбрасывать его руку.

До рассвета мы все успели, вот что значит правильно организовать королевскую рабочую силу. Чудесная парочка получилась, так что теперь можно спокойно спать... только сначала надо как-то незаметно выудить из кустов пригревшегося там эльфа.

Одуванчик-33

Я почти задремал, когда вдруг ощутил странное знакомо-незнакомое присутствие — где-то неподалеку фонило ментальной магией. Призыв был не то чтобы сильный, но ощутимый.

Вампиры и дроу находятся у меня в гостях, так что если и проявят вежливый интерес к происходящему, то завтра. А вот арахниды все встрепаются, к предсказательнице не ходи.

— Морра арргросс? — первым встрепенувшимся оказался мой секретарь. — Лорд Илуватарион не стал вас тревожить, но просил сообщить, что лично проследит за всеми начинающими менталистками.

Черт побери! Вот откуда это ощущение чего-то знакомого... Моя собственная племянница, кентавра ей под юбку... Но раз Ил уже там, значит, можно расслабиться.

Правда, окончательно я выдохнул минут через двадцать, когда Илуватор связался со мной и вкратце пересказал, что случилось.

Да уж, не позавидуешь. Выброс ментальной магии, потом леди Диндэниэль, сломя голову рванувшая в сторону призывающего, затем счастливое открытие, что чужак-менталист — Ее Высочество принцесса Жизель...

— Развел вокруг себя гарем! — конечно, я был очень зол на племянницу, к тому же даже думать было страшно, сколько всего она теперь сможет натворить. Наверное, придется лишиться ее магии... Но подколоть Ила все эти размышления мне не помешали. — А сам спишь в кустах, бедолага!

— Можешь составить мне компанию, — съехидничал в ответ Илуватор. — Леди Диндэниэль — твоя наложница, а леди Жизель — твоя племянница.

— А ты — мой первый советник, — продолжил я цепочку перечислений дальше. — Поэтому я буду спать в кровати и делать вид, что совершенно ни о чем не подозреваю, а ты — дремать на природе, как и положено эльфу.

— Не путай эльфов и дриад, — огрызнулся Ил и зевнул. — Ладно, я тебе потом это еще припомню...

— Сочтемся, — хмыкнул я. — Спокойной ночи.

Я тоже зевнул, заглушая пару фраз на эльфийском, в которых мне тоже желали... не скучно провести время.

Полусонная совесть слабо шевельнулась, напоминая, что в чем-то Илуватор прав: там действительно моя наложница и моя племянница, но не с дерева же мне за ними следить? Это простительно жениху... женихам этих двух красавиц.

Я, конечно, могу заявиться туда во всей красе, как дядюшка, и выдрать... Ух, черт побери, какой соблазн! Даже сон пропал!

А ведь и так почти силой уложил себя в кровать, после того как весь вечер смотрел в кристалл памяти с допросом Вишала. Смотрел так отчаянно, словно хотел развидеть увиденное. То, что так царапало меня во время самого считывания.

Я уже весь его картушшер опросил, шестьдесят четыре нага. Теперь, когда я точно знал, что искать, мое ментальное вмешательство не действовало на них как удар копытом кентавра по голове. Но мне самому становилось все хуже и хуже, потому что каждый допрошенный наг вбивал гвоздь в могилу одного из самых близких мне людей. Ну, или я

должен вновь начать подозревать другого близкого...

А так недалеко и до нервного тика с маниакальным ужасом, даже перед собственной тенью. Поэтому вновь никого подозревать не буду, это точно. Но раз я нашел оправдания для одного, значит, надо попробовать найти оправдания и для другого.

Поэтому я по новой допросил Рридфферта, Рремшшурга и Илуватора. После чего заперся у себя в спальне и смотрел в кристалл, пока в глазах разноцветные феи мелькать не начали.

И только удалось успокоиться немного и задремать, как на тебе... черт побери!

Выдеру... Завтра утром, прямо перед охотой, выдеру и залечивать не позволю, пусть поротой задницей по седлу ерзает, может, хоть так запомнится!

Это ж надо... Я-то ей еще посочувствовал вчера, идиот наивный! Кто ж знал, что охрану надо не только у двери, но и под окнами ставить?.. А если бы убила, дебилка малолетняя?! Норис бы не пережил... О чем вот думала?!

Почти до рассвета я накручивал круги по спальне, то планируя различные кровожадные действия в отношении младшей родственницы, то пытаясь придумать оправдание увиденному в кристалле. Но потом усталость победила, я упал на кровать и уснул, даже не раздеваясь. Хорошо хоть без сапог...

Проснувшись, первым делом привел себя в порядок, потом выполз в сад и навестил дворик, где вчера происходило бедствие. Все чинно, пристойно и совершенно непримечательно.

С одной стороны стена, с другой подстриженные кусты и деревья. Небольшой фонтанчик, каменные бортики вокруг которого поросли мхом и плющом. Под ногами овальные каменные плитки... влажные... После использования магии влажных следов не остается. Черт побери! Они действительно все здесь отмывали руками? Принцесса с тряпкой и ведром? Да уж, лучшего наказания и я бы не придумал... Оливию удар хватит, если она узнает!

Два отпрыска королевских кровей и высокая эльфийская леди, намывающие площадку вокруг фонтана — зрелище, достойное увековечивания для потомков.

Кстати, не одного меня потянуло прогуляться в этом дворике. Я почти сразу определил, кому принадлежит ментальная аура, но сбежать не успел. Из беседки, незаметно спрятавшейся возле стены, выскользнула... Тамиша.

Присев в почтительном реверансе, она виновато-смущенным голосом прошептала положенное по этикету приветствие.

Я тоже поприветствовал, вежливо-отстраненно, затем развернулся и снова попытался сбежать.

— Виланд? Ты так и не простил меня? — как давно мы не разговаривали ментально.

— Предательство не прощают, — огрызнулся я.

— Страх за любимого — не предательство! Оглянись вокруг — рядом с тобой нет ни одного человека, ты одинок, Виланд!

— То есть, по-твоему, человек может быть счастлив только рядом с себе подобными? — не выдержав, я все же развернулся, чтобы встретиться с Тамишей взглядом.

Ее горящие фанатичным блеском карие глаза смотрели на меня в упор.

— Ты до сих пор не выбрал себе жену потому, что думаешь так же. Только боишься это признать. До сих пор боишься. А я хотела спасти тебя от этой участи... Я любила тебя, Виланд! Любила... и до сих пор люблю. Мне больно смотреть, как ты страдаешь.

— Да с чего ты взяла, что я страдаю? — разозлившись, я сделал несколько шагов ей навстречу, и теперь мы стояли почти лицом к лицу. Я слышал ее дыхание... еще полшага, и ее грудь соприкоснется с моей.

— Виланд, я тоже ментальный маг, забыл? — мое сердце забилося чуть сильнее, и теперь я злился не только на Тамишу, с ее грустью в голосе, но и на себя.

— Я все помню. Все! И то, как ты предала меня — тоже помню.

— Прости, — неожиданно она погладила меня по щеке. Прохладная нежная ладонь. Тонкие длинные пальцы, которые я так часто целовал. Раньше кожа на них была чуть загрубевшей, с мозолями от тетивы. — Я была молода и верила в нашу любовь. Мне казалось, что ты все поймешь... Но ты не понял. Мне надо было поискать другие слова и попробовать объяснить иначе. Поговорить с тобой раньше, спокойно. Не поспеши я тогда... мы были бы вместе. — Она убрала свою ладонь с моей щеки, и мне вдруг стало... пусто. Пусто без этого полузабытого прикосновения. — Мне так тебя не хватает, Виланд!

Закрыв глаза, я глубоко вдохнул воздух, пахнувший ее телом и незнакомыми духами. Раньше она пахла мылом и свежестью. Раньше она была моей... А теперь — нет. Нет!

— Ничем не могу тебе помочь, — вновь развернувшись, я практически сбежал, оставив Тамишу у фонтана.

Черт... шел я, чтобы куда-то идти, а пришел к дому Дины. М-да...

Сначала хотел постучаться, но потом почему-то просто открыл дверь и вошел.

Сонно-задумчивая хозяйка дома сидела на кухне, обнимая кружку с кофе. Под столом сустились пять-шесть улеши, быстренько исчезнувших при виде меня. Пахло чем-то... забытым, домашним таким. Уютом? Или выпечкой? Или...

— Кофе будешь? — Дина вышла из созерцательно-отсутствующего состояния и улыбнулась: — С добрым утром.

— День уже почти, — пробурчал я, чувствуя, как оттаиваю. Такое чувство, что после встречи с Тамишей я замерз, покрылся коркой льда, причем изнутри. А улыбка моей эльфийки растопила этот лед. — Большую кружку... Самую большую кружку!

— Совсем замучили? — с сочувствием спросила она, даже не уточняя, кто мучил и как. Потом встала и вынула из шкафа огромный бокал, из которого орки свое пойло пьют. — Тебе с молоком? Голодный?

Я задумался и почти сразу понял — голодный. Так что кивнул два раза, откинулся на спинку кресла и принялся следить за тем, как девушка ловко накрывает на стол. Черт побери, вот вроде никакой магии, а бутерброды, салат и булочки с кремом возникли, словно по волшебству.

Выдав мне бокал с кофе, Дина приправила его легким поцелуем в краешек губ, а потом устроилась у меня за спиной и начала нежно разминать плечи и массировать голову очень легкими движениями.

— Мурр, — глаза сами собой начали закрываться, уставшее и напряженное тело — расслабляться. Откинувшись назад, я не удержался и еще раз муркнул от удовольствия.

— Тигрррр! — усмехнувшись, Дина наклонилась и поцеловала меня в щеку, рядом с ухом. — Ешь, мой хищник, а потом я тебя поглажу столько раз, сколько захочешь.

Я тоже усмехнулся и накиннулся на бутерброды. Потом пододвинул к себе поближе миску с салатом и закончил кофе с булочками. Жизнь налаживалась, но спать хотелось ужасно.

Широко зевнув, я вдруг ощутил, что в доме есть еще кто-то... очень знакомый. Кто-то,

кого здесь совершенно не должно быть.

— А он что здесь делает? — я зло прищурился и уставился на Дину. — Или вы окончательно вошли в роль жениха и невесты?

— Спит в свободной спальне, — спокойно ответила девушка, ничуть не смутившись. — Всю ночь в кустах просидел, лемур несчастный. Сторожил, чтобы твоя племянница меня не съела... Утром вылез — краше в гроб кладут, вампир с голодухи и то побрезгует.

Я даже сам не понял, почему так болезненно отреагировал на наличие Илуватора в моем... да, черт побери, в моем доме! И какого... он спит... Уф-ф-ф!

Мог бы и к себе в спальню доползти... лемур... Смешное животное, судя по образу в голове Дины, но у нас подобные точно не водятся. Обезьянки есть, а вот таких забавных зверушек — нет.

— Знаю я одну вампиршу, которая им не побрезгует в любом состоянии, — умиротворенно выдохнув, я снова расслабился. Но связался с этим... лемуром... и пообещал ему открутить его эльфийский хвост или вытянуть и завязать узлом, на спине.

На что в ответ получил ехидно-удивленное: «Мне показалось, или ты ревнуешь?».

Черт... Да! Мне не нравится, когда в одном доме с моей женщиной спят другие мужчины!

— Было бы к кому, — фыркнув, я переслал ему мысленный образ лемура. — Вот таким тебя видят леди. Совсем хватку потерял...

— Зато за тобой они охотятся и нападают прямо из-за кустов, — подколот Ил, каким-то образом считав и напомнив мне об утренней встрече с Тамишей. — Держись от нее подальше, Виланд!

— Спускайся давай, пока Кларисса не явилась, — пробурчав недовольно, я повернулся к чему-то улыбающейся Дине и поинтересовался: — Ну и как вы с моей племянницей, не передрались?

— Нет, — усмехнулась она. — Нормальный ребенок, избалованный только. А вот ее родителей я бы с удовольствием отшлепала, чем потяжелее.

— Это еще почему? — я даже бутербродом подавился от неожиданности.

Не то чтобы я был не согласен. В том, что Жизель так избалована, виноваты именно Оливия с Норисом. Как девчонке научиться саму себя ограничивать, если ей всегда все позволялось? Вседозволенность расслабляет, черт побери!

Дина вздохнула, поцеловала меня в макушку, а потом обошла стол и села напротив, подперев щеку кулачком:

— Виланд, нельзя растить из ребенка чудовище, а потом удивляться, почему оно выросло такое кусачее. Нельзя оберегать девочку ото всего на свете, не объясняя ей элементарнейших вещей, а потом удивляться, почему она наломала дров.

— Нельзя влезать в воспитание чужого ребенка, особенно если тебя все равно никто слушать не хочет, — хмыкнул я. — Налей лучше еще кофе.

— Значит, нужно попробовать воспитать родителей. Хотя ты прав, в чужую семью лезть — последнее дело. Но иногда выхода другого нет... — тут она встала и полезла в шкафчик. — Ты представляешь, ведь ребенка, по сути, вырастили в аквариуме. Создали ей искусственную среду, контролировали все, вплоть до канарейки в клетке... — продолжила Дина, засыпая новую порцию кофе в кофейник. — Я уже молчу про людское окружение. Да, в этом аквариуме ей позволяли творить все, что душе вздумается. Но девочка понятия не имеет о том, как жить вне этого кукольного домика. Она не умеет оценивать реальный мир,

не знает, как реагируют на нее посторонние, а не приставленные родителями люди, — все это она говорила, начав нарезать следующую миску салата. — Не понимает, почему привычное поведение уже не дает нужных результатов. Почему самые близкие люди еще вчера позволяли ей подобные вещи, а сегодня кричат и ругаются, обвиняя в глупости и распущенности? Именно поэтому ей страшно, неуютно и кажется, что все ее предали. Ребенок в растерянности, напуган до смерти и не понимает, что делать дальше, — в голосе Дины звучало усталое возмущение: — А эти их игры с подставными документами... Виланд, ведь она искренне хотела помочь. Пыталась облегчить жизнь отцу, приносить хоть какую-то пользу. Почему, вместо того, чтобы поручить девочке посильное дело, настоящее, пусть и не вселенских масштабов, ее опять низвели до состояния младенца и попросту обманули?

Мне, наконец-то, выдали кружку с кофе, бутылку с молоком и тарелку с булочками.

Странно, что после всего случившегося, Дина так озабочена судьбой моей племянницы. Причем, здравое зерно в ее рассуждениях есть. Я бы даже сказал, целое поле...

Тут в кухню вошел Илуватор, чистый, свежий, бодрый, черт побери! Молча уселся за стол. А Дина спокойно встала, налила и ему кофе, пододвинула миску с только что нарубленным салатом и тарелку с бутербродами, тоже сделанными во время нашего разговора. Вроде ничего такого, но все происходящее вызывало во мне агрессивное неодобрение. Создавалось ощущение, что его прихода ждали...

— Тебе бутербродов для меня жалко? — я встретился взглядом с Илом и почувствовал себя полным идиотом. Давно не испытывал ничего подобного. Уже очень давно, черт побери!

— Поскольку теперь есть, кому стоять на страже порядка и благополучия, может быть, моему Повелителю стоит немного поспать? — предложила Дина, мимолетно погладив по плечу.

Глупейшее желание зарычать на этого стража... удалось заглушить в самый последний момент. Идиотская ситуация.

— Жуй, а то тебе уже женщины сочувствуют. Говорят, что тобой вампиры с голодухи побрезгуют.

— Я как-нибудь переживу этот позор, — Ил еще раз посмотрел на меня, после чего налег на салат и бутерброды.

Дина опять неизвестно чему улыбнулась, подошла и поцеловала прямо в губы. После чего потерлась носом о мою щеку и невинно прокомментировала:

— Зато вот это только для моего Повелителя. И ни для кого больше.

Я тоже улыбнулся, усадил ее к себе на колени и вздохнул:

— Поспать уже некогда. Через четыре часа начнется королевская охота. Кстати, ты умеешь ездить на лошади?

— Не знаю, не пробовала, — Дина пожала плечами и рассмеялась.

М-да... Скоростные уроки конной верховой езды — это не ко мне. За четыре часа даже кентавр не справится. Да и мало кто из них позволит надеть на себя седло.

— Я знаю одного арахнида, который уже катал леди Диндэниэль, — с невозмутимым лицом выдал Илуватор.

— Он не заслужил такого позора, — я чуть кофе не подавился, представляя, какое впечатление среди моих подданных произведет эта пара, Ррашшард и Дина. Особенно после вчерашнего танца.

Арахниды редко кого возят верхом, только в крайних случаях, хотя было бы весело,

конечно.

— А что, это очень позорно? — внезапно встревожилась Дина, и я снова чуть кофе не подавился.

— Бывают случаи вынужденной необходимости или по добровольному согласию, например, чтобы произвести впечатление на самку другого вида, — с каменным лицом пояснил Илуватор. — Но королевская охота — не место для ухаживаний за моей невестой.

Все же лучше кружку с кофе отодвинуть подальше. Черт побери!..

— Ну да, легенда — есть легенда, — вздохнула Дина и, словно почувствовав, опять успокаивающе поцеловала. — Темно-светлые эльфы и все такое... кстати! Надо придумать нам нормальное название. А то полосатые эльфы — это, конечно, очень смешно, но в свете международной политики — слишком непрактично.

— Серые? — предложил я, в очередной раз выдыхая.

— Лучше сделать посуточную градацию, — произнес Илуватор вслух, а ментально съехидничал: — Полегчало? Или опять бутербродов жалко?

— Да пошел ты... — мысленно огрызнулся я. — Совсем в роль вошел, черт побери! Клариссы не боишься?

— Она слишком занята своим очередным женихом. Надеюсь, ей удастся избавиться и от этого, но что-то ее отец уж очень настойчив.

Мне даже стыдно немного стало — у друга назревают проблемы в личной жизни, а я ему даже помочь ничем не могу.

— То есть будут рассветные, ночные и сумеречные? — уточнил я вслух.

— Мне нравится «сумеречные», — задумчиво кивнула Дина. — Под это дело можно сочинить красивую пафосную муть, от которой будут в восторге люди. И постепенно перенять у светлых титул законодателей моды. Я могу сочинить новую эльфийскую музыку, например.

— Да, в правильном направлении мыслишь, — я прижал девушку к себе покрепче и поцеловал в плечо, чуть отодвинув щекой ляжку от сарафана. Кофе и выпечкой пропах не только весь дом, но и сама Дина. — Остановимся на «сумеречных»...

— Нет, можно, конечно, «туманные», в честь нашего приключения на болотах, — лицо Ила было совершенно серьезным, и на первых трех ментальных уровнях он даже не улыбался. Мне бы научиться настолько хорошо владеть собой.

— «Сумеречные» — лучше, они сразу притягивают за собой названия для светлых и темных. Так что или серые, или сумеречные.

Судя по тому, как презрительно скривились губы Илуватора, вариант с «серыми эльфами» ему не нравился.

— Ладно, а теперь о ближайших проблемах. Раз Дина не умеет ездить на лошади, значит, ей лучше остаться дома.

— И что я скажу своей родне? Что моя невеста плохо себя почувствовала после вчерашнего выступления? Или что ей стыдно смотреть им в глаза? Я могу остаться с ней у шатров...

— И с чего вдруг мой первый советник, вместо того чтобы сопровождать меня, будет крутиться среди женщин? Тоже прекрасный повод для сплетен, не находишь?!

— Значит, доверим охрану леди Диндэниэль картушшеру Ррашшарда. Другого выхода нет.

— А они прямо в шатре будут меня охранять или так, замаскируются слегка? —

прервала нашу перепалку Дина, прислушиваясь к сильному шуму неподалеку. Похоже, к нам приближались ее подруги. — Насколько я помню историю собственного мира, дамы на охоте сидят у шатров и сплетничают. Мне кажется, что весь светлый курятник перепугается.

Я переглянулся с Илуватором и встал из-за стола, приобнял Дину, развернул и поцеловал. Тяжесть в паху стала еще ощутимее, но сейчас нет времени... Черт побери, нет времени на хороший полноценный секс и нет желания просто перепихнуться по быстрому.

— Надеюсь, вы их даже не увидите. Но все же, в шатры не заходи, сиди на поляне у костров.

— Слушаюсь, мой Повелитель, — провоцирующе мурлыкнула девушка и прижалась покрепче, но потом со вздохом отступила, ментально посочувствовав.

На выходе из дома мы с Илом столкнулись с небольшой дружной компанией темных леди, присевших при виде нас в почтительном реверансе. Что ж, Дине точно некогда будет скучать, не только последующие четыре часа, но и во время охоты. Ведь все эти красавицы составят ей компанию — гномы не охотятся, минотавры тоже. Разве что арахнидка... Но она предпочтет охранять подругу, особенно после моей ментальной просьбы.

Какое-то время мы шли по саду молча, но потом Илуватор опять напомнил мне о странном необъяснимом сходстве Аины и Тамиши и о том, что мы не знаем точно, какая из них интересовалась Дининой гитарой.

Сходство, и правда, было очень заметным, но, кроме этого, были и отличия.

Для начала, Аина — человек, Тамиша — маг. Аина жила рядом со вторым эльфийским поселением, Тамиша — рядом с третьим... Рядом с Тамишиным королевством гнезд арахнидов нет, а рядом с королевством Аины — есть... Черт побери! Гнездо матери моего секретаря...

— Давай ее вызовем и допросим? — предложил Илуватор с надеждой в голосе.

— Да? О чем? Могут ли арахниды спариваться с первородными? Или обвиним в том, что во время нашей жизни в пещерах она питалась одними эльфами, которых где-то прятала? Поэтому у нее и родился Рридфферт?

— Возможно, она общалась с кем-то из эльфов или с Аиной.

— Что ж, может, ты и прав, пожалуй, я приглашу ее в замок. Вежливо приглашу! — уточнил я, ощутив активную заинтересованность Ила. — Не забывай, она уважаемая аррграу и мать нашего друга.

— Как скажешь, — Илуватор небрежно передернул плечами. — Но я хотел бы присутствовать при допросе. Всегда мечтал незаметно влезть поглубже в голову уважаемой аррграу.

Одуванчик-34

Некоторое время назад...

Этот умученный эльф в кустах отрастил себе нехилое чувство долга. Не иначе от бессонницы. И нет, чтобы пойти и упасть в свободной спальне — вытащил откуда-то огромных размеров талмуд и заявил, что солнце вот-вот встанет, значит, самое время заняться моим образованием. Он-де специально ездил за этим супер ценным учебником аж к какому-то жутко важному эльфийскому богу в какой-то жутко дальний и особенный эльфийский храм... и теперь я просто обязана приобщиться к мудрости предков. Вот прямо сейчас.

Я очень осторожно поинтересовалась, не падало ли Илуватору на голову какое-нибудь яблоко в тех зарослях? Тяжелое. Размером с тыкву.

Нашел время для ликбеза! Сам сидит, лемурыми глазами хлопает так, что сразу понятно — стоит ему расслабиться на секунду — и все, заснет, прямо сидя. А туда же!

Нет, в принципе, его аргументация была мне понятна и где-то близка. Ибо даже обезьяна с гранатой намного безопаснее, чем иномирная баба с неуправляемой магией. Но ведь я же не магичу с утра пораньше на все подряд, и музыка из меня не вырывается бесконтрольными концертами. За каким таким переплясом ему приспичило обучать меня сию секунду? Нельзя сначала выспаться?

Консенсус мы, в конце концов, нашли. Можно сказать, обнаружили под столом, где внезапно стало тесно от мохнатых шариков, вооруженных хорошим аппетитом. Я со вздохом полезла разорять буфет, отметив про себя, что домовых в замке не просто много, а очень много. И все теперь в курсе, где живет добрая тетя, у которой не переводятся конфетки.

Так или иначе, компания сладкоежек громко пищала и возилась, а Илуватор болезненно морщился и потирал виски. Сначала он намеревался переждать нашествие, но через три минуты не выдержал и зевнул так, что едва не вывихнул челюсть. Посмотрела я на это дело и решительно погнала его смотреть эльфийские сны. Все! Птички спят, мышки спят, эльфы тоже спать хотят. И нечего тут переть против природы!

Первый советник настолько удивился моему командному тону, что даже не стал спорить. Особенно после того, как я торжественно пообещала начать штудировать талмуд сразу, как только проснусь.

По закону подлости отоспаться не вышло. Два часа чуткой полудремы, а потом организм неизвестно с чего взбодрился и заявил, что хорошо бы выпить кофе. И поесть.

Пока я еще в полусонном состоянии спускалась из спальни на первый этаж и задумчиво брела по коридору в сторону кухни, организм родил новую идею. Хочу булочек... сдобных. С ванильным кремом и коричной посыпкой.

Я даже проснулась. Ибо самой стало любопытно, есть ли в этом мире, в целом, и на моей кухне, в частности, нужные ингредиенты.

Оказалось, очень даже есть! А еще в ней — в кухне — есть целая толпа голодных до сладкого незнакомых домовят и один недовольный Шойшо. Мелкий собственник со скрипом смирился с тем, что кто-то ест здесь конфеты, но категорически возражал против того, чтобы его персональной эльфе помогали посторонние нахлебники. Нечего! Самому мало!

В результате, я учила своего личного домовенка мешать тесто так, чтобы мука не разлеталась по всей кухне, а два десятка (если не больше) зрителей благоговейно наблюдали это цирковое представление из-под стола. Оказывается, мелкие здесь на правах “подай-принеси-убери” и приготовление еды им не доверяют. Ну и зря, Шойшо хоть и слизал втихую добрую четверть ванильного крема, помощником оказался вполне толковым и исполнительным.

Удовлетворив свой кулинарный зуд, я убрала выпечку в буфет под салфетку и, вздохнув, взялась за книжищу. Обещала — надо выполнять.

Естественно, первым делом я полезла в оглавление. Ну, а как же! Я — Московский Студент, а не Шариков какой-нибудь... как говорил небезызвестный профессор Преображенский. Когда я заканчивала консерваторию, это было любимой присказкой наших преподавателей. Сказано учить новую дисциплину — будем учить. Единственный вопрос: когда сдавать, и по какому параграфу коллоквиум?

Так, что тут у нас... ага.

«Для юных искателей знаний, возжелавших воспользоваться чужим опытом, прежде чем самим встать на опасный путь сотворения новых магических звучаний».

Бегло пробежавшись глазами по главам, я сразу же нашла самое интересное, а именно: “Мелодии пространственной магии”.

Вот сейчас мы и выясним, за какими такими пирогами мы летали на гитаре аж до самого болота. Нет, экспериментировать самостоятельно — увольте. У нас тут целый эльф есть, совсем такой, как на иллюстрации — важный и с ушами. Вот проснется, тогда и вперед, пространства покорять. А пока теория и еще раз теория!

Итак, что мы имеем... имеем мы головную боль, связанную с архаичным языком, который надо еще перевести на понятно-удобоваримый. Но, в целом, не все так страшно, через пару страниц мозги сами перестроились, и дело пошло.

Значится, так.

Гитара как инструмент телепортации даст сто очков вперед любому гипердвигателю, ибо правильно сыгранная мелодия может перенести играющего откуда угодно и куда угодно. Главное, с нотными координатами не промахнуться.

Но это еще цветочки, потому что данный инструмент вполне успешно можно использовать в качестве пространственной удочки, чтобы выдернуть добычу. В частности ворюгу, который неосмотрительно обокрал нашу музыкальную персону. То есть встроена не просто сигнализация, а сразу цепная собака с зубами, которая по команде цапнет татя за пониже спины и приволочет хозяину... опять же, главное — правильно спеть призывную мелодию. Которую каждый маг сочиняет сам, к слову, для себя и под себя.

Интересно...

На этом месте я взяла тайм-аут на булочку и на подумать. Если вспомнить подробнее наше с Виландом похищение, то все очень похоже на правду.

В мою музыку вдруг откуда ни возьмись влезла совершенно посторонняя песнь, надо полагать, это и был “свисток” для сторожевой собачки. И она собачка, не сильно разбираясь, хапнула всех, кто поблизости, и потащила... кому? Хозяину? Так хозяйка вроде я? Может, поэтому виртуально-магическая псина уронила нас по дороге? Я ведь ей всеми силами пела по мордасам и прочим зубам.

Это что же выходит, кто-то сильно умный знает правильную песню для моей собачки? Откуда? И воспользовался злодеюка этим знанием в самый нужный момент. А как он его угадал?

Интересно...

Ладно, читаем дальше.

Ага! Очень красивая легенда о похищенной возлюбленной музыкального мага, которой он от полноты чувств (а может, были у него некие подозрения насчет ценного заложника) подарил свою гитару. Прекрасная дева, не будь дура, в заточении решила развлечься и сбацала на подаренном инструменте такой концерт, что ее, наверное, услышал бы и глухой, причем с другого края мира. Что уж говорить о влюбленном маге.

Короче!

Есть такая опция: некто играет на гитаре все равно чего, а вот сигнал о том, что музыка включена, давайте станцуем — уходит в эфир. И на другом его, эфира, конце, другой некто затягивает ритуальную песнь призывного содержания. С притопом и прихлопом, как я поняла. И все, здравствуйте, Повелитель, я ваше болото.

Ну, точно! Вот и вторая легенда, даже больше подходящая под наш случай — об

отважном менестреле-диверсанте, который таким макаром добывал из неприступных вражеских замков всяких несимпатичных личностей. Причем музыкальный маг через свою гитару, как я поняла, мог не только вычислить нужный момент похищения, но даже выцепить конкретного гада из толпы. Прямо в теплые объятия группы встречающих.

А в скобочках примечание — менестреля вовсе не обязательно посвящать в свои планы, и диверсантом быть ему тоже никуда не уперлось. Достаточно того, что он просто дурак и поведется на роскошный эльфийский инструмент, с которым и попрется давать концерт очень нужному, но при этом крайне трудно выковыриваемому гаду. То есть не добровольный засланец, а просто лох невезучий.

Совсем как я.

Но вот в чем загвоздка... как бы то ни было — это вроде как моя гитара. Точнее, гитара “оригинальной” Дины. Ее наследство, семейный артефакт.

Судя по тому, что я прочла — инструмент привязан к творцу музыки специальным обрядом. Так вот, я понятия не имею, привязывали ли гитару к прежней Диндэниэль или нет.

И если нет — то как неведомый злыдень получил права “хозяина” гитары в обход наследницы и ее эльфийской родни? Или он входит в состав этой самой эльфийской родни? Как он иначе мог подобраться на нужное расстояние к семейному сокровищу? И чего это я так сразу он и он, может это вообще она?..

Но если заговорщик — не хозяин инструмента, а просто “пользователь” с правильной инструкцией, то как он узнал о том, в какой момент я начала играть, причем поблизости от Повелителя? Эта опция доступна только “администратору системы”.

Вывод напрашивался странный и неутешительный. Либо я — не я и гитара уже не моя, либо у злодея был сообщник, причем такой, который сидел поблизости от нас с Виландом и смог подать сигнал в нужный момент.

Как проснется “учитель” надо будет загрузить его “проверкой принадлежности”. Попробуем разобраться вместе. Для начала можно попробовать поменять что-то из самых простых настроек и посмотреть, получится или нет. Если нет — я больше пальцем не прикоснусь к этой mine замедленного действия. Чужой инструмент, подвластный неизвестному хозяину — это слишком серьезная угроза!

Сделанные неприятные открытия так меня загрузили, что я отложила книгу и взялась варить новую порцию кофе. А потом сидела и медитировала в кружку, старательно прогоняя все мысли из головы.

Если отодвинуть проблему, отрешиться от нее полностью, то потом, когда снова начинаешь о ней думать — получается некий эффект “свежего взгляда”.

Впрочем, долго отвлекаться самостоятельно мне не пришлось. На крыльце раздались негромкие шаги, а потом в кухне нарисовался Его Невыспавшееся Властелинство. Хмурый как первое ноябрьское утро после каникул.

Как встречать усталого мужчину, меня учить не надо. Кофе, булочки, поцелуй, массаж... а главное, искренняя радость от его прихода, ненавязчивое сочувствие... и вот уже большой злой тигр превратился в большого доброго тигра. Мурлыкающего.

Правда, эта тигрячья морда время от времени все равно взрыкивал — как так, на его территории спит чужой самец! Да, не совсем чужой, даже больше — нарочно приставленный, да, в гостевой спальне... все равно Р-Р-Р! Это мои бутер-р-р-броды!

Это было одновременно так по-детски и так по-мужски, что я все время непроизвольно

улыбалась на его рыки. Собственник. Ревнивый. Смешной такой!

Уложить бы его в кровать... часиков на десять. И вовсе не для потрясающего секса, хотя я бы не отказалась. Просто чтобы выспался. Сидит ведь, сверкает воспаленными глазюками, осунулся, морщинки возле губ обозначились резче. В целом напоминает скелет панды — острые скулы и шикарные синяки вокруг глаз. А еще на лемура что-то там хихикал.

Увы, не срослось у нас ни с сексом, ни со сном. Да-да, только королевской охоты и не хватало для полного счастья. Ладно, справимся, куда деваться-то. Жаль только, что все вопросы, которые возникли у меня после прочтения музыкального талмуда, пришлось отложить на неопределенное время.

А потом пришли девчонки, и мальчишки сразу слиняли. По важным государственным делам, ага... то есть верю, конечно, что дела важные. Но уж больно выразительно Виланда передернуло от веселого девичьего щебета в несколько голосов сразу.

Я бы сама сбежала. Правда, не столько от девчонок, сколько от перспективы “подготовки” к мероприятию. Да, охота — не бал, но кто сказал, что это повод явиться нечесаным и плохо одетым чучелом? Нотки-линейки, впору кричать: “спасите-помогите, коровы-белошвейки наступают!”.

Хорошо, что прическу обещал обеспечить Илуватор, а то с этими самодеятельными парикмахерами я бы к концу недели облысела. Но от подгонки платья увильнуть не получилось.

И все равно, даже бесконечная примерка не смогла испортить общего теплого какого-то настроения. Вот разве что Зельма время от времени принималась ворчать. Оказывается, они тут утром с Лиидией успели поспорить, кто варит самый забористый самогон — гномы или северные варвары. Вот Зельма и бухтела, что ослиная моча любой крепости не имеет права называться хорошим продуктом, и если кое-кто не умеет правильно фильтровать после перегонки, то ему никакая настойка бешеных мухоморов не поможет.

Самой Лиидии не было — обеих спорщиц так разобрало с утра, что пылающая праведным возмущением северянка умчалась трясти мужа. Где несчастный супруг должен был достать десять видов чистой мухоморовки в кратчайшие сроки, ее волновало мало. Он мужчина или где? Настоящего тролля пространственные трудности волновать не должны! Его жене просто необходимо срочно провести сравнительный анализ и доказать вредной гномке превосходство островных технологий самогонования.

А пока суд да дело, от меня потребовали еще одну сказку о восхитительной пожилой человечке, со странным именем “Мисмарпла”. Если бы я знала, чем все это закончится — попросила бы у Виллеречики иголку с ниткой и сама зашила бы себе рот.

История очередного расследования уже подходила к концу, когда на дорожке показалась несущаяся во весь дух Лиидия. Без самогона.

— Дина! — бешеная валькирия взлетела по ступенькам, едва не снесла коровушку с ее шитьем и принялась трясти и щупать меня. — На тебя покушались?! Это правда?! Ты как... как ты себя чувствуешь?!

— Как только ты перестанешь меня убивать, так и буду в полном порядке, — поспешила заверить я, едва не прикусив язык во время особенно впечатляющего рывка.

— Ой, прости, прости! — Лиидия испуганно застыла, а потом потащила меня к креслу. Прямоком к тому, на котором Виллеречика расположила свою корзинку с шитьем и подушечку с иглками. Так, похоже, спасение утопающих дело рук самих утопающих...

— Лия, отпусти меня, сядь и успокойся, — не терпящим возражений тоном

руководительницы детского хора велела я. А что, опыт есть... получилось убедительно.

— Какое там успокоиться! — махнула рукой северянка, но в кресло села. Недовольно подпрыгнула и вытащила из-под сиденья рукодельные принадлежности. И даже это ее не отвлекло от главного. — Девчонки, а вы куда смотрели?!

Вот те здрасте, приехали. Я сама слегка опешила от такого поворота, а об остальных присутствующих и говорить нечего. Коровушка сделала такие большие глаза, что я испугалась — сейчас выпадут, Ришика подавилась яблоком, которое грызла, а Зельма возмущенно запыхтела со своего места:

— А я давно говорю, нечисто тут... крыса эта, как ее там... которая едва Дину не убила — она же в гареме жила! Неужто ни с кем планами не поделилась? Да не верю я, что человеческая девчонка язык за зубами держала!

— Зельма, я же тебе говорила, — устало присев на свободный стул, я взяла из вазы румяный персик. Эту суматоху надо заесть чем-нибудь вкусным. — Лорд Илуватор и Повелитель всему гарему мозги наизнанку вывернули, не было у этой... — я передернулась, — подруг!

— Да что они понимают в женской дружбе... — вот же ворчунья, а! — Дина, послушай, ну вот в твоих сказках же как! Мужики бегают, да суетятся без толку, а Мисмарпла по-женски, по-женски, туда шмыг, тут чаю попила с дамами, там наливочки попробовала с другими... и все преступление раскрыла!

Ох, не нравится мне это. Ох, не нравится! Особенно то, как гномьи глазки разгораются по мере того, как эта доморощенная любительница детективов перечисляет подвиги боевой английской старушки!

К сожалению, я не успела вмешаться. Лиидия высказалась первой:

— Ну и где ты собралась шмыгать, умная такая? Это же светлый гарем, у них и без вмешательства Повелителя мозги набекрень! Они как тебя увидят, так и разбегутся с визгом — “Темная!”

Смешно... Лия уже, похоже, забыла, как сама жила на светлой половине и высказывала мне претензии по поводу неправильной политики деления на наших и ваших. Быстро под мужа перевоспиталась! Хотя и правильно, конечно, но все равно смешно.

А упорная гномка продолжила гнуть свою линию:

— Вот ты и будешь сведения собирать! Ну, правда, девчонки! А вдруг да что всплывет?! В женских разговорах много разного можно найти, о чем ни один мужик в жизни спросить не догадается. Даже самый сильный менталист — он же просто не знает, что искать!

Вот до этого самого места я твердо намерена была задавить детективные начинания в зародыше. А тут вдруг задумалась. И правда, ведь...

— Нет, — все же помотала я головой, после некоторого раздумья. — Девочки, поймите, все это слишком серьезно. Не стоит лезть со своей самостоятельностью мужчинам под ноги. И им можем помешать ненароком, и сами пострадаем, не дай бог.

— Да мы никуда лезть и не будем, верно, Лия? — да что ж такое-то! Уже сговорились, две... самогонщицы несчастные!

— Дина, ты не волнуйся. Ну что страшного в том, что я поболтаю со старыми знакомыми, послушаю свежие сплетни? Никто даже не удивится и тем более не заподозрит! А вдруг действительно узнаю что-то важное? — и эта туда же, валькирия, мать ее скрипичным через басовый! Сразу видно — уперлась, все равно сделает по-своему. Пусть уж лучше тогда я знать буду, а то с них станется провернуть расследование тайком!

И Виланда надо предупредить... когда опять появится. Не забыть бы. У меня столько вопросов к нему, но он в последние дни ползает едва живой, властелинские обязанности погребли несчастного по самую маковку. И я его прекрасно понимаю, но...

Как-то так неожиданно выяснилось, что я по нему скучаю. По нему самому, а не по нашему супер замечательному, что таить, сексу. Нет, это не влюбленность, и даже близко не похоже. Мне есть с чем сравнивать. Но вот как-то оно так... прикипело быстро. Двадцать дней всего, ну, может, чуть больше, а этот усталый тигр уже родной до такой степени, что не пришел — и пусто без него.

А девчонки, тем временем, уже вовсю обсуждали интересный детектив. Самый интересный, потому что невыдуманный. Втянули в это дело Виллеречику с Ришшикой, уже составили план: с кем, когда и о чем стоит поболтать троллей жене на сегодняшней охоте, а с кем вечером в купальне, например. Или, вообще, утром за завтраком.

Сообща постановили, что очень удачно товарищ тролль весь вчерашний бал стерек свою женушку, как зеницу ока, и танцевал с ней все танцы подряд. Лиидия не успела толком даже ко мне подойти, а значит, в глазах светлых не запятнана связями с нежелательным элементом. И прекрасно, и дальше будем так же шифроваться, зато потом... как сядем, как устроим “мозговой штурм” (кто меня, дуру, за язык тянул, объяснять диким гномам и прочим паукам, что это такое?!) и обязательно нароем что-то зашибенно важное!

Тьфу! Детский сад на мою седую голову...

И Клариссы нет, как назло. Она бы живо привела всю эту вольницу к общему знаменателю. Я, конечно, без зазрения совести настучу Повелителю на компанию детективствующих идиотов, но вдруг они раньше успеют куда-нибудь влезть?

Одуванчик-35

Ужасно муторное это дело — королевская охота. Особенно когда нервничаешь. Ни с Виландом, ни с Илуватором поговорить так и не получилось, и доморощенные сыщицы остались без профессионального присмотра.

Я выбралась из открытой повозки на холме, возле установленных шатров, прошла к группе кресел под легким тентом и угрюмо устроилась в одном из них. Вопреки моим расчетам “жених” не сопровождал меня на этом мероприятии, — мужчины должны были присоединиться к пикнику уже после того, как притащат в зубах мясо. Свежеубиенное.

Именно поэтому предупредить “начальство” не получилось, и теперь я обреченно следила краем глаза за шпионкой-северянкой, которая с самым невинным видом подсаживалась то к одной группе девушек, то к другой.

Наверное, вид у Лиидии был слишком невинным. Потому что воспитанницы гарема, в ответ на ее приветливость, косились весьма настороженно. Вот же... так бы и отшлепала всю эту компанию идиотов!

Впрочем, спустя какое-то время ситуация слегка выправилась. Видимо, общество сочло, что замужество хорошо повлияло на коммуникабельность северной дикарки, и коситься с недоверием на нее перестали. Пару раз до меня долетали смешки и торопливый шепот, мужественная разведчица, судя по всему, принесла в жертву общему делу собственную скромность. И в расчете на ответную откровенность вовсю делилась впечатлениями и троллей супружеской жизни.

Ну, тоже польза. В следующий раз кастинг невест, глядишь, пройдет без массового обморока.

Время шло, солнышко начало припекать, даже под тентом, где-то вдалеке время от

времени кто-то трубил в рог, или во что они там трубят. Ко мне никто не спешил подсаживаться, видимо, новый статус сумеречной эльфы отпугивал.

Скоро дамы откровенно заскучали, я понимаю, что сплетни сами по себе — дело занимательное, но чисто женское общество обычно быстро утомляет всех дам без исключения.

А я от нечего делать стала украдкой оглядываться — мне стало интересно, как на относительно открытой местности маскируется моя охрана. Если на балу мелкие паучьи лапы иногда высывались из укрытия, то крупные как прячутся? Я ментально чувствую Ррашшарда, и примерно даже могу определить направление, но и только.

Сколько ни всматривалась — ниоткуда не торчало ни одного паучьего фрагмента. С одной стороны — профессионалы, прямо гордость взяла, а с другой — ну так даже неинтересно...

Лиидия угомонилась и смиренно пила сок в тенечке. Вроде бы никто не смотрел на нее взглядом разоблаченного злодея. Да и рожица у доморощенной сыщицы какая-то слегка разочарованная. То есть ничего интересного она не нарыла. Можно выдохнуть...

Н-да, зря я потеряла бдительность. Пока я заботилась о безопасности троллевой жenuшки, ко мне самой откуда-то из-за спины подкралась натуральная гадюка.

— А ты оказалась умнее, чем я думала, — вот же погань, я едва не подавилась соком. И на платье немного пролила, а эта змея в сиропе улыбается так, словно пятно на моем подоле — лучший подарок для Высокой Леди.

Моя эльфийская “родственница” с улыбкой акулы непринужденно устроилась в кресле напротив и пронзила меня взглядом, словно препарируя и раздумывая, на какую булавку наколоть эту странную козявку. Раз у нее неожиданно выросли такие интересные усики.

— Наивная пустышка с романтическими бреднями в голове, и вдруг такой невероятный взлет, — продолжила Леди, не дождавшись моей реакции.

Я решила, что молчание в моем случае — золото, и чем меньше я буду отвечать на ее злобненько-провокационные речи, тем лучше.

— Зачем же ты травилась, если планировала воспользоваться своим положением? Или это было инсценировкой? Ни за что не поверю, что ты вдруг резко поумнела только после того, как попала в гарем к тварям. Илуватариион — предатель, но не дурак, и на одну смазливую мордашку он бы ни купился.

Похоже, мое молчание и вежливая улыбка леди не понравились. Не то чтобы она вышла из себя, но яду в голосе стало еще больше.

— А как же твой бывший жених? У вас, кажется, была такая любовь... как там его звали, этого мальчика? Альверинион?

Мне стало очень жаль и несчастную девчонку, место которой я заняла, и того неизвестного мне мальчика, о котором змеюка отзывается в подчеркнуто прошедшем времени... но я снова промолчала. С тайной надеждой на то, что выдре либо надоест моя немота, либо она достаточно разозлится, чтобы пойти и обсудить меня с кем-нибудь другим.

В чем-то мои надежды оправдались. Судя по прищуренным глазам и непроизвольно поджатым губам, Леди разозлилась не на шутку.

— Что, до сих пор изображаешь немую куколку? Неужели Илуватор клюнул именно на то, что его жена будет молча кивать на все его приказы? Умно, ничего не скажешь, но передо мной можешь не устраивать представления. Решила, что теперь тебе никто не указ? — ух ты, а шипит она, ну точно как настоящая гюрза. Или как дырявый шланг.

— Не собираешься же ты просто счастливо жить с изменником? Настолько даже у тебя мозги разжижиться не должны были! Или наивно рассчитываешь направлять своего нового жениха так, чтобы послужить великой расе? Думаешь справишься своим куцым умишком с манипулированием таким, как Илуватарион?

Вот где у нее логика? Впрочем, догадываюсь... только что я была слишком умной притворщицей и вдруг тут же оказалась тупой дурындой, которая сейчас должна радостно привязать к рукам и ногам ниточки марионетки и вручить управление более умной змеюке. Тьфу. Могла бы догадаться, к чему она клонит. Нужна бы я была этой гримзе сто лет, если бы не неожиданный “взлет”. Только вот индейская народная изба вам, тетенька. Жаль, вслух послать нельзя. Хотя очень хочется.

Но я же — вежливая девушка, а не какая-то там эльфийская гадюка.

— Да без моей помощи ты вместо супружеской постели быстро окажешься в подземелье у пауков! Забыла, какому роду ты принадлежишь? Эльфийская дева всегда должна быть послушна старшим! А если нет... Или ты думала, я не знаю... — вот на этом месте мне самой стало интересно, чего я о самой себе не знаю, но гадюку перебили:

— Я думаю, моя будущая невестка достаточно умна, чтобы помнить, что ее новый род — это род мужа, — о, еще одна! И такая... на кого-то подозрительно похожая. “Невестка”, говорите? Ага... здравствуй, тетя, новый год. То есть, тьфу, здравствуй, гипотетическая свекровь.

Наверное, в среде Высоких Леди очень ярко выражена внутривидовая конкуренция. И они с трудом выносят на своей территории особь одного с собой вида. А может быть, просто эта конкретная «ледя» эту конкретную свекровь не любит по личным мотивам. Так или иначе, змея разродилась ядовито-сиропной улыбочкой, вежливо сослалась на то, что не успела что-то важное сказать одной из своих подруг, и слиняла.

А вторая пришелица как ни в чем не бывало устроилась в соседнем кресле, взяла со столика бокал с каким-то соком и доброжелательно продолжила:

— От некоторых родственников лучше держаться подальше, деточка.

Еще одна “старушка” нашлась. Ей самой на вид лет двадцать пять, от силы. Впрочем, мне-то какая разница, хоть горшком назови, только в печь не сажай.

— Знаешь, я так рада, что, наконец-то, мой сын решил остепениться.

Ух ты, а ведь разговаривает вполне нормальным тоном, человеческим, можно сказать.

— И пускай для других он сто раз предатель или светлый перебежчик, а для меня Илуватарион прежде всего сын. И я рада, что его выбор остановился на простой девушке, а не на какой-нибудь заносчивой дурочке... из Высоких Леди. Так что всегда можешь рассчитывать на меня и мою помощь.

Не знаю, на что она сама в этот момент рассчитывала. На всякий случай я не стала изменять выбранной линии поведения. Улыбнулась, молча кивнула, хотя при этом постаралась продемонстрировать будущей “родне” искреннюю доброжелательную симпатию.

Да, тетка показалась мне вполне вменяемой и даже интересной собеседницей, особенно потому, что легкий налет эльфийского снобизма если и присутствовал, то очень в меру. Но это не повод растекаться лужицей. Лучше я сначала с самим Илуватаром посоветуюсь, как себя вести с его мамой.

А сама мама, ничуть не смущенная моей сдержанностью, продолжала:

— Илуватарион у нас единственный сын, наследник. Мой муж рассчитывал в свое время

найти ему “достойную” невесту, — интересно, эта легкая гримаса действительно произвольно промелькнула на лице “свекрови” или хорошо сыграна, в расчете на одного зрителя? — И приобщить к делам рода. Однако мой сын оказался слишком самостоятельным и не позволил никому распоряжаться своей судьбой. Это... не принято, противоречит всем нашим законам, но... возможно, сделает его более счастливым, чем...

Все же не играет. Я тут вовремя вспомнила, что, вообще-то, суперкрутой мозготец, и все такое. И о-очень осторожно высунулась из-под установленных Илуватарионом щитов, которые должны были ограждать меня от чужих эмоций и мыслей. Так вот... хорошая у него мама. Даже жаль, что не склеится у нас с родством. Первая вменяемая эльфийская леди на моем пути. Даже стало как-то неудобно за свой обман. То есть не мой, конечно, но неудобно-то мне!

Леди, между тем, решила пооткровенничать совсем уж по-родственному. Я почувствовала — с одной стороны, ей действительно смертельно надоело всеобщее эльфийское вежливое чванство, а с другой, очень хотелось меня все же расшевелить.

— Теперь муж требует другого наследника, — ага, судя по ее лицу, требовать он может хоть до посинения. — А я внуков хочу... и счастья своему сыну. И очень горжусь тобой, — леди (вот же ж... я даже не знаю, как ее зовут, и переспросить не могу! Хороша невеста, не в курсе, как будущую свекровь величать!) доверительно кивнула и положила узкую, потрясающе красивую (как музыкант говорю!) руку поверх моей. — Вчера я поняла, что вы действительно любите друг друга. Ведь с танцем этим что-то пошло не так, верно? Можно подумать, я не почувствую растерянность моего мальчика. Ты его не оставила, не сбежала и поддержала, зная, что станешь таким же изгоем, как и он. Значит, любишь. Это хорошо. Он заслужил счастье.

Ну и что теперь делать? Нет, улыбнуться и ответить на пожатие — мне ума и выдержки хватило. Но кое-кто... ушастый сегодня вечером огребет по ушам! Не мог мать предупредить?! Ни за что не поверю, что он не знает — уж она-то его искренне любит и поддерживает!

Я вздохнула с облегчением, когда она мило извинилась и ушла, чтобы пообщаться с кем-то из своих знакомых. Ну, Илуватор, держись... ладно. Надо срочно выдохнуть и оглядеться. У меня тут детский сад с детективным уклоном на выгуле.

Слава октаве, все детективщицы были на месте и ничем особенно подозрительным не занимались. И я со спокойной совестью сконцентрировала свое внимание на Жизель.

Девочка, видимо, уже какое-то время терпеливо ждала в сторонке, пока я останусь одна. А теперь притопала с самым решительным видом и немного настороженно поздоровалась.

Я ответила на приветствие, и ребенок тут же деловито уселся в то самое кресло, которое только что освободила “свекровь”.

— Ты его, и правда, любишь? — и смотрит внимательно, неумело, но ощутимо растопырив ментальные щупальца. Да оркестровую яму навстречу этим конспираторам, ненавижу врать, когда серьезно и искренне спрашивают!

Поэтому щиты на полную мощность — не знаю как, но вроде получается, чисто на инстинктах, и молча кивнуть.

— Даже такого?! — на этом месте она споткнулась и слегка покраснела, но тут же решительно вздернула подбородок. — Он, оказывается, совсем не тот, каким я его себе представляла.

— Ничего, — я ободряюще улыбнулась. — Это со всеми бывает. Первая любовь часто

оказывается больше придуманной, чем настоящей. Мы, девочки, такие — сами полюбим, сами пририсуем, чего нам нравится. А потом смотрим — безобразие, понимаешь, совсем не похож! Мало того, что баллады не поет и стихами не разговаривает, так еще и носки по полу разбрасывает, бумаги свои раскидал по всему дому, и вообще, зануда.

Девчонка не выдержала и хихикнула. Было очень заметно, что ее так и распирает спросить — действительно ли Илуватор разбрасывает везде свои носки, но она еще помнит об этикете.

— Ты не похожа на эльфийку.

— Бывает, — кивнула я. — Илуватарион тоже не похож на большинство наших сородичей. Во многом это нас и сблизило. Гораздо важнее, когда с мужем есть о чем поговорить, посмеяться, даже поспорить, чем когда он годится только на то, чтобы поставить его на полочку и любоваться красотой. Пока молчит.

Мы посмеялись вместе, а потом Жизель кто-то позвал, и она упорхнула. И слава богу, а то меня неожиданно накрыло. Нет, я понимаю, что с ребенком в кои-то веки хоть кто-то поговорил на равных... но нотки-линейки!

Бабка я, древняя, как золотая цепь на дубе том. Что бы там ни говорили про молодое тело, а привычка поучать настолько въелась в подкорку, что постоянно прорывается, и по поводу, и без. Кто меня за язык тянет? Чего я лезу не в свое дело?

Девчонку жалко. Но! Не стоит думать, что я тут самая умная, а все вокруг идиоты. Так что, попридержу-ка я коней... а чужой ребенок, если не дурак, и сам разберется рано или поздно. В конце концов, у нее есть родители. И дядя с мозгами.

Насчет “жениха” своего тоже... собралась взрослому мужику нотацию читать. Дура, что тут скажешь. Хорошо хоть опомнилась вовремя. Конечно, поставить его в известность о разговоре с матерью надо. Но лучше обойтись без оценочных суждений и тем более без претензий.

Наверное, дело в том, что я уже почти освоилась в этой реальности. Нет, какое-то слегка шальное чувство “взгляда со стороны” все еще присутствует, и я умом понимаю, что не всегда реагирую на события так, как отреагировала бы раньше. Будь благословен кошачий дзен, как говорится, но хорошо бы иногда мозги включать.

Наверняка еще и природная лень во многом стоит за моим спокойствием... всегда так было, — я начинала активно шевелиться и барахтаться только тогда, когда любимую пятую точку уже откровенно припекало. Искала новую работу, знакомилась с новым мужчиной, шампунь варила. Эльфов по лесу на себе таскала. А пока все относительно нормально — зачем напрягаться?

С одной стороны, правильно. Нечего умножать энтропию вселенной излишней суетой. С другой... в идее дожидаться конкретного попоприпекаания тоже есть что-то глубоко нерациональное.

Вот взять мое нынешнее положение. В принципе, особенно бояться нечего. Голод не грозит, скитаться по лесам тоже никто не гонит, даже в перспективе. Либо замуж, либо здесь останусь, в качестве... ну пусть наложницы. Мне это мешает? Нет. Мне плохо живется? Нет.

Тем более что Властелин к гарему прилагается такой... весьма и весьма. Даже если когда-нибудь мы друг другу наскучим, как любовники, я уверена, дружеское расположение останется. Да и... не знаю. Чувствую, что зашла с Виландом уже немного дальше, чем в “дружеский секс”. И он не отказывается шагать навстречу. Но тех страстей и переживаний,

как в юности, нет... ровное тепло. Уютное, такое, возле которого хочется остаться надолго.

От размышлений меня отвлек шум, который стремительно приближался к нашей милой полянке откуда-то с запада. Крики, мужской хохот, ржание коней, свист...

Понятно, все мясо в близлежащем лесу поймали, теперь везут хвастаться.

У эльфийского тела, однако, есть и свои минусы. В частности обострившееся обоняние. Нет, я все понимаю, душ в лесу не предусмотрен, а настоящий охотник просто обязан пахнуть чуть-чуть получше матерого кабанища. Но когда этих настоящих охотников под полсотни, и они все радостной толпой надвигаются на слегка прифигевшую стайку дам...

Дамы, похоже, втихаря паниковали, но в целом держались мужественно — кто-то схватился за веер, кто-то украдкой нащупал в сумочке у пояса флакон с нюхательной солью. Какая-то незнакомая Высокая Леди из тех, что помоложе, судя по ее лицу, отчаянно мечтала о флаконе духов, размером с цистерну, и шланге к нему, чтобы струей сбивать с ног всякого охотника, который рискнет приблизиться на расстояние отчетливого обонятельного контакта...

Ну да, на месте мужиков, причем не обязательно темных, я бы тоже не удержалась и потроллила всю эту компанию утонченных куриц. Заигрывающий тролль — это, судя по всему, не частое переживание для эльфийской леди, зато очень хорошо расширяет кругозор. Тем более что паршивцы просто так развлекаются, без всяких нехороших намерений. Я бы даже ответила вон тому смешному мужику с рогами и рыжей косой, который мне задорно подмигнул... но, увы, я тут вся из себя при женихе.

Пока нежные девы переживали культурный и обонятельный шок, я еще раз принялась и мысленно пожалала плечами — не ездили эти девы в метро летом... а нормальный, здоровый, разгоряченный охотой мужик пахнет вовсе не так противно. Эльф вот так почти вообще не пахнет. Этот, во всяком случае, конкретный — который “жених”.

Илуватор, издав издав изобразив на лице приличествующую случаю радость, добрался до моего кресла и элегантно поцеловал мне руку, после чего счел свой долг выполненным и с тихим вздохом упал напротив.

— Все зверье в округе распугали? — я лучезарно улыбнулась жениху, незаметно косясь на взрывающуюся громким хохотом компанию всяческих темных товарищей, среди которых веселился и Виланд. Хм... настроение как-то само собой исправилось. Приятно мне на негс смотреть...

— Кое-что осталось, — ушастый притворщик так радостно оскалился в ответ на мою реплику, что я почти не заметила его слегка нервный взгляд искоса в сторону группы вампиров. Ах да, Кларисса тоже принимала участие в охоте, в компании сородичей. И тот смазливый мальчик, с которым она танцевала танго, все еще трется вокруг нее, ловя редкие снисходительные улыбки.

— Как провели время, леди?

— Во вверенном мне подразделении за истекший период происшествий не было! — бодро доложила я, сдерживая смех. — Дежурная по женскому батальону Диндэниэль пост сдала!

Илуватор отвлекся от Клариссы, посмотрел на меня с прищуром... настоящий гебешник, прямо-таки образцовый. Как глянул, так сразу и думай — то ли он сейчас от смеха лопнет, то ли в казематы упечет за просто так, для профилактики.

— Это хорошо, леди дежурная, — хмыкнул Ил. — А в батальоне сколько солдат? Или вы всех присутствующих здесь дам посчитали?

— Пожалуй, что всех, — согласилась я после короткого раздумья. — Батальон — это от четырехсот до восьмисот человек.

— Много... — задумчиво выдал Ил, явно думая о чем-то другом и взглядом разыскивая кого-то в толпе. Нашел маму, слегка удивился, но больше обрадовался. Даже несмотря на внушительного зеленоватого дядьку, с проседью в густой гриве, с которым его родительница вполне мило и элегантно кокетничала, на зависть всем остальным пугливым эльфийкам.

Ага, рассмотрел зелененького кавалера, нахмурился:

— Извините, леди, мне надо вас ненадолго покинуть, — и ринулся в направлении матери.

— Лорд Илуватарион, задержитесь, пожалуйста, на секунду, — позвала я, не давая ему сходу разрушить такое милое межрасовое общение. — У меня важная новость.

— Она не подождет пару минут? — обреченно уточнил лорд, поглядывая на виртуозный родительский флирт все неодобрительнее.

— Ил, девчонки решили устроить свое расследование и уже начали расспрашивать соседок Аины, — мысленно выдала я. — С утра ничего страшного не произошло, я все время наблюдала, но сейчас здесь слишком много народу. Я чувствую Ррашшарда, и он тоже присматривает за Лиидией, но... сам понимаешь.

— Уверен, Царреш гор Аррош присмотрит за своей молодой женой получше, чем Ррашшард. — у Илувателя лицо закаменело, но и только. — А кто еще участвует в этом расследовании?

Конечно, я сдала всю компанию, как стеклотару в приемный день. Все равно собиралась.

Пока Илуватор вникал в подробности женских детективов, а потом переваривал новости, его маман испарилась куда-то вместе с зелененьким, а у меня появилась возможность оглядеться.

Жизель о чем-то разговаривала со своим женихом. Лоуренс, и так гордый по самое не могу своим участием во взрослой крутой забаве, сиял как новенький золотой. Зельма кокетничала с каким-то очень бородатым юнцом из сородичей. Ришшика с самого начала устроилась в сторонке, и сейчас ее не было видно в толпе. Лиидия тоже не мелькала, надеюсь, ее надежно прибрал к рукам муж.

Все же народу тут собралось много. Хотя, например, светлый гарем был представлен далеко не в полном составе. Не сразу, но я вспомнила, что одно дело — воспитанницы, которых надо лелеять и всячески готовить в высший свет, брать с собой на охоту и на бал, а другое — просто наложницы.

Я вдумчиво созерцала местное высшее и разноцветное общество, когда вдруг совершенно каменный и выдержанный Илуватор выдал в пространство длинное заковыристое эльфийское ругательство. Очень неприличное и полное экспрессии.

Я резко обернулась к нему, а потом проследила взглядом, на кого это он так эмоционально реагирует.

Хм... невысокая, стройная кареглазая брюнетка в бежевом наряде для верховой езды. Довольно миленькая, даже на фоне скульптурно красивых эльфийских дев, умно сыгравшая как раз на контрасте своих теплых, живых человеческих черт и холодной мраморности Высоких Леди.

И все бы ничего, но эта незнакомка стояла рядом с Виландом и что-то ему убежденно доказывала. Видимо, неприятное, потому что Повелитель, хотя и старался сохранить

невозмутимое лицо, уж очень зло сверкал глазами и сжимал губы.

Одуванчик-36

Вернувшись в замок, я тут же связался с аррграу Рруззианой и достаточно вежливо, но настойчиво изъявил желание встретиться с ней завтра днем, до бала.

Аррграу была настолько озадачена моим приглашением, что даже уточнила, не связано ли оно с кем-то из ее сыновей. Я честно соврал, что у ее детей все замечательно, хотя очень удивился — материнская любовь среди арахнидов не распространена, а я совершенно точно ощутил, что моя собеседница едва заметно переживает. Интересно... Тоже подозревает об участии одного из сыновей в заговоре? Что ж, черт побери! Наша встреча обещала быть довольно познавательной. Может быть, все, наконец-то, сдвинется с мертвой точки, когда у меня под подозрением то один друг, то второй, то третий... Главное, я же допрашивал их всех! Они чисты...

Одно я знал точно. Корни текущего заговора растут из далекого прошлого. Из очень далекого прошлого, когда меня еще на свете не было, а арахниды жили на земле и очень раздражали своим существованием пресветлых эльфов. И тогда один из эльфийских магов, в то время еще довольно молодой, нашел способ, как лишить арахнидов их силы.

— Ну что, готов к подвигам? — раздражающе прекрасный представитель пресветлых эльфов завалился ко мне в спальню и практически упал в кресло.

— Да... к чертям эту охоту! Никакого настроения нет, — буркнул я, прекратив накручивать круги и падая в кресло напротив.

— Слишком много факторов, которые тебе его портят. Сократи половину, — предложил Ил. — Отправь королеву Нармертскую ухаживать за больным мужем, и тебе сразу станет легче.

— ...разнеси алтарь... к чертовой бабушке, — продолжил я список.

Да, я не удержался и побывал у того самого алтаря... чувствуя, как внутри меня страдает от воспоминаний Аррахшшир.

Черт, когда каждый арахнид, постоявший возле этого каменного древнего булыжника, исписанного непонятными надписями на старо-эльфийском, рассказывает о пробирающей до озноба жути... какие могут быть сомнения?

Это тот самый алтарь, на котором века назад вскрыли грудь прежнему морра арргросу, который все равно выжил! Уничтожить артефакт не удалось и окончательно разорвать связку — тоже, но ослабить и запустить деградацию целой расы у эльфов получилось. А потом загнать арахнидов в пещеры и радостно ждать, когда они вымрут. Твари...

Конечно, мой способ борьбы с теми, кто уцелел после войны, тоже назвать очень чисто плотным нельзя. Но изначально я не хотел опускаться до мести, загонять целую расу в заточение... Нет, черт побери, мне хватило того, что я спалил их верховного мага и казнил всю верхушку. Я был уверен, что и им этого хватит.

Но выжившие лорды и леди не угомонились, а лишь затихарились.

Больше всего меня бесила их мерзкая привычка загребать жар чужими руками... Настраивать против нас людей и смотреть, как они гибнут, сражаясь «за правое дело». Черт побери, у меня не было другого выхода, только изолировать эту свору первородных, запихать их в поселения и смотреть, как они тиранят друг друга.

— Вроде ты же попытался? — Илуватор заинтересовано сверкнул глазами.

Да, я попытался разрушить этот долбаный алтарь! И, черт побери, ничего не получилось. А ведь я так разозлился, что точно должен был разнести все... в труху!

Но этот булыжник даже не поцарапался! И что мне с ним делать? Гномов призвать, чтобы вручную разнесли, безо всякой магии?

Ладно, выдыхаем... Придумаю что-нибудь.

Кстати, о гномах...

— Рридфферт вчера письма принес. Представляешь, засуетился восточный горный союз, скинул цены на драгоценности.

— У них был выбор? — ехидно хмыкнул Ил, спокойно отреагировав на смену темы. — Ты же им буквально голодную осаду устроил. Вот они запасы съели и пришли мириться. Какой раз уже взбрыкивают?

— Четвертый. Все остальные гномы государства давно смирились и участвуют в торгах на общих основаниях. Тем более знают же, что все равно выиграют — и золото у них самое чистое, и сталь самая лучшая. Главное, с ценами не наглеть и налоги платить вовремя.

Я перемешивал весь мир, выстраивая единую межрасовую экономическую систему, укрепленную торговыми союзами. Старательно внедрял нужные мне идеи в образование и религию.

Осторожно, исподволь, запутывал мир в паутину зависимости друг от друга. Причем всегда отслеживая, чтобы не было чистой монополии на что-то у одной конкретной расы.

Гномы — лучшие кузнецы, вне конкуренции, но при попытках сильно взвинтить цены получали щелбан и дулю на торгах, а еще взвинченные в отместку цены на продовольствие и одежду.

А ведь чтобы торговать со всем миром, надо развивать основную промышленность, в ущерб всему остальному. Так что бородатые скряги уже отвыкли сами заботиться о пропитании, как и дроу.

Я и людские королевства старался делать взаимосвязанными между собой, чтобы не было эффекта самодостаточности, а всегда была зависимость от соседей.

Ну а еще, загнав первородных выскочек в резервации, я занялся и буквальным перемешиванием между собой людей и представителей остальных рас. Всех, и темных, и светлых.

Да, от брака эльфийки и орка рождается эльф, но этот полукровка будет расти в племени орков, воспитываться орками... и ни один орк не позволит никому обижать и задирать собственного ребенка, но и баловать так, как моя сестричка свою дочь — не станет. Конечно, полуэльфы — редкость, но и они рождаются... и даже если впитывают первородную манию величия с молоком матери, то позже жизнь учит их прятать эту манию куда-нибудь подальше.

Короче, я делал все, чтобы высокородные, продолжавшие холить и лелеять свою ненависть к темным расам, уже не могли так легко манипулировать человеческим сознанием.

А еще ввел войны «под присмотром». Вычищал «дурную кровь», позволяя наиболее агрессивным представителям уничтожить друг друга, а остальным дать шанс получить жизненный опыт... Чтобы потом все жили дальше долго и счастливо. Понятно, что через какое-то время урок приходилось повторить. Но это — не проблема, если не позволять воюющим увлекаться.

Конечно, такая политика многих не устраивала. И желающих разложить меня на алтаре и вырвать Аррахшир из груди было предостаточно.

Но в тех, кто рядом со мной с самого начала, я был уверен. Знал, что они разделяют мои

убеждения. Да, некоторым не нравилась моя излишняя лояльность к людям. Но, черт возьми, я же тоже человек, чтобы там Тамиша обо мне ни думала!

Свой долг арахнидам я вернул сполна. Теперь они — процветающая раса, с гнездами по всему миру. Самое время начать заботиться о более слабых.

И тут внезапно получается, что тот, кто был со мной дольше всех, предатель. Прошло всего четыре дня, а у меня под подозрением побывали уже все друзья.

Хорошо, что Илуватор почти все время рядом с Диной, хотя бы за нее я могу быть совершенно спокоен.

— Слушай, а ты точно запомнил, как кто лежал, перед тем как ворваться ко мне в комнату?

Да, я знаю, что задаю этот вопрос, не знаю в какой раз. Знаю, что уже проверял подсознание Ила. Иногда бывает, что мы осознанно запоминаем одно, а вот подсознательно совсем другое.

Мой советник промолчал, потом кивнул в сторону двери:

— Нам пора.

Да, во дворе уже были слышны шум и конское ржание.

На охоту допускались лишь избранные: мои темные союзники, оба моих советника, пара десятков королей, в чьей лояльности я был полностью уверен.

Естественно, ни одного светлого эльфа, кроме Илуватариона.

Зато... приятный сюрприз, заставивший меня выматериться сквозь зубы — Тамиша...

Король Нармертский присоединился ко мне уже почти в конце войны, но сражался честно и после этого ни разу не был замешан ни в одном заговоре. В его королевстве, вообще, все было идеально, разве что с межрасовым единением не всегда ладно. Но тут я не настаивал — насильно ксенофобию не вылечишь. Как и внезапно вспыхнувшие чувства к прекрасной леди, которую он встретил на приеме в соседнем королевстве.

С леди, естественно, была проведена просветительская беседа, в которой ей обрисовали все перспективы, которые ее ожидают, если вдруг в чей-нибудь параноидальной голове, например, Илуватариона, зародится тень подозрений... Но не портить же мне жизнь надежному союзнику, которого угораздило так неудачно влюбиться? К тому же он вскоре узнал, кто такая Тамиша, и приехал ко мне, чтобы обсудить этот сложный политический момент.

Да, черт побери, я — идиот! Но я дал разрешение королю Нармертскому на этот брак...

И вот его жена воспользовалась правом супруга участвовать в королевской охоте.

— Виланд...

Рремшшург тоже участвовал в охоте, единственный изо всех арахнидов. Понятное дело, что ему лошадь не полагалась. А вот Тамиша красовалась на каурой, стараясь держаться от меня подальше. Черт побери!

— Я присмотрю и за этой твоей леди, — предупредив меня ментально, Илуватор очень удачно поставил своего коня так, чтобы оказаться на пути Тамиши.

— ...с чего вдруг объявилась твоя бывшая? — поинтересовался Рем, поправляя висевшую на поясе саблю.

— Сам не знаю, — я обернулся, чтобы полюбоваться, как Ил и Тамиша поглядывают друг на друга. Ненависть просто витала в воздухе, осязаемо.

Реми тоже оглянулся и потом предложил заботливо-участливым голосом:

— Хочешь, я ей лошадь пугану? Может, шею сломает и отстанет от тебя, наконец?

— Вряд ли... Пусть живет, — я еще раз обернулся и потом поскакал в сторону леса. Все остальные помчались за мной.

Вскоре меня обогнала свора собак... и охотничий азарт вытеснил из моей головы все остальные мысли. Если уж решил развлекаться — значит, надо отрывать от души.

После охоты, подъехав к шатрам, я первым делом нашел взглядом Дину. Девушка выглядела немного озабоченной, но не более того. Она тоже посмотрела на меня и улыбнулась. Я рассмеялся не очень смешной шутке кого-то из стоящих рядом, жалея только о том, что мне к Дине даже не подойти. А вот Илуватору — можно, и он уже о чем-то увлеченно с ней разговаривает. Черт! Я ревную или завидую?!

— Повелитель? Мне очень нужно с вами поговорить! — королева Нармертская не то чтобы подкралась, но оказалась рядом довольно неожиданно. Не о той собеседнице я мечтал...

— Говорите, леди, — изобразив на лице светскую небрежность, я выжидающе уставился на Тамишу.

— Ваш первый советник вел себя со мной так, словно... словно в чем-то меня подозревает. А я много лет преданна великому морра арргросу! — мой титул она произнесла, как какое-то изощренное ругательство, ну или мне так показалось. — Вы же следите за каждым моим шагом. Или сами себе уже не доверяете?! Вам не в чем меня упрекнуть, мой Повелитель...

Что-то в этой фразе меня задело. Что-то... Черт, точно! Дина тоже меня так называла сегодня. И вот сейчас, услышав это же обращение от Тамиши, мне вдруг стало неприятно. Странно...

— Леди, вы обвинялись в измене, и все ваши сообщники были казнены. Вы всегда будете под подозрением. Смиритесь.

— Виланд! — Черт, я знал, что, в итоге, она попробует переговорить со мной ментально. — Я не совершала ничего предосудительного, поверь мне. А лучше — проверь. Ведь ты просто так не успокоишься.

— Я обязательно воспользуюсь твоим предложением.

— Виланд! — в голосе Тамиши прозвучал плохо скрываемый укор.

Она наивно рассчитывала, что я скажу: «Нет, дорогая, я тебе верю!»? Нет, не верю.

— Могу попросить это сделать Илуватора...

— Не надо, — теперь страдания пополам с обидой. Не наигранной, к слову.

Черт, почему-то не то чтобы стыдно, но немного неприятно. Хотя... Дина позволила Илуватору копаться у себя в голове сколько угодно. Безо всяких обид и страданий.

— Ты прекрасно знаешь, что после моего чтения мыслей тебе станет плохо. Так что лучше пусть это сделает Ил, — высказав все это ментально, вслух я добавил: — Идите и развлекайтесь, леди. А завтра я отпущу вас к мужу, чтобы вы могли заботиться о нем, как и подобает любящей жене.

Тамиша посмотрела на меня так, словно я только что прилюдно ее оскорбил, а потом развернулась и гордо удалилась. Дышать сразу стало легче.

Очень удачно, что Ее Величество сама предложила заглянуть ей в голову. Конечно, я уверен, что она не замешана в том, что сейчас происходит, но могла что-то услышать, увидеть, заметить и теперь скрывать. Возможно, даже не специально. М-да...

А еще меня тоже беспокоило ярко заметное сходство Тамиши и Аины. Чем черт не

шутит? Может, в голове у моей бывшей любовницы прячется ответ на этот вопрос.

Большая часть сегодняшней добычи была отправлена на королевскую кухню. Столы и так ломились от еды и выпивки. Веселье набирало обороты и грозило перейти в грандиозную попойку. Вовремя появившаяся Праушшана быстро заменила воспитанниц гарема на шлюх из ближайшего борделя. Эльфийские леди ретировались следом. Мои темные гости, подружки Дины, тоже удалились, прихватив с собой и саму Диндэниэль. Прашшард вместе со своим картушшером отправился за ними.

Правда, приличных дам осталось достаточно — вампиры, дроу, мать Илуватариона...

Вот уж не ожидал!..

Похоже, конкретно в одной эльфийской паре высокая леди оказалась несколько темпераментнее высокого лорда. И у этого конкретного лорда вот-вот вырастут высокие рога...

Проследив за моим взглядом, Ил так нахмурился, словно рога должны были вырасти у него. И ринулся защищать честь отца... или матери. Нет, будь живы мои родители, я бы тоже не был в восторге, наверное, но...

— Лорд Илуватарион, подойдите ко мне, — хорошо, что аристократическое воспитание требует сначала обменяться парой вежливых фраз с тем, кому собираешься дать в морду. Так что очаровывающий мать Ила тролль остался без травм. Да, несмотря на заметное внешнее преимущество, я бы в их схватке поставил на лорда Илуватара.

— Какого... ты влез?! — ментально выдал мне он, вежливо раскланиваясь и задавая вслух примерно тот же самый вопрос, но в гораздо более вежливой формулировке.

— Просто мне бы не хотелось, чтобы ты сцепился с Даргешом гор Уррош, — пояснил я мысленно.

А вслух громко объявил:

— Лорд Илуватарион Мориервиаль, вчера я наградил вас правом создать не просто отдельный род пресветлых эльфов, а отдельную расу. Благодаря вашим многочисленным заслугам, эта раса войдет в состав избранных и будет называться «эльфы сумрака». Сумрак — это темнота, в которой еще можно различать светлое. Я даю вам позволение принять в свой род любого эльфа, решившего отказаться от связей со светлым миром, но не готового окончательно слиться с темнотой. Один член рода у вас уже есть, но, возможно, на завтрашнем балу ваш род еще пополнится. Вы будете тонкой гранью между эльфами ночи и света. Темный мир с радостью примет вас, ведь вы уже столько лет сражаетесь на нашей стороне.

Конечно, темный мир отнюдь не впал в состояние восторга, но после вчерашнего многие уже начали подозревать о чем-то подобном.

Первыми оттаяли орки и тролли — они парни простые, безо всяких там ксенофобных выкрутасов в голове. Потом отпустило гномов и «ночных эльфов». Вампиры сдались самыми последними — у них к светлым слишком большие счеты, так что их понять можно.

И я достаточно долго все понимал, но сейчас настал момент, когда надо ударить кулаком по столу и объявить: «Да будет так!».

Все формальности при этом были соблюдены.

Илуватар моей племяннице букет цветов должен... Сами мы до такой наглости долго бы не додумались.

— Как будет звучать родовое имя первого рода новой расы? — поинтересовался я у Ила, одновременно вслушиваясь в ментальный шум вокруг нас.

— Лувиненлиар вполне подойдет, — безразлично-спокойно, но даже без намека на паузу, произнес Илуватор.

— Значит, завтра на балу объявим о новой расе еще раз. Чтобы вы с Диной смогли от души потанцевать, а не стояли несколько часов, как укор моей совести. Пусть светлые тоже до конца переварят случившееся.

— Надеюсь, их всех не замутит одновременно, как объевшихся сладким улеша, — хмыкнул Ил, поглядывая в сторону вампиров. Точнее на одну конкретную вампиршу.

— Хочется верить, что тебе хватит ума не приглашать завтра Клариссу.

— Почему нет? — в глазах Ила сверкнуло такое упрямство, что я сразу понял — пригласит.

— Кстати, у нас с тобой вечером свидание с королевой Нармертской, — сменил я тему.

Позже поговорю, спокойно, когда у друга разум возьмет верх над внезапно победившими эмоциями. Хотя надежды почти нет — помутнения у лорда Илуватариона случаются редко, но метко, черт побери!

— Предлагаешь закончить начатое много лет назад? Нет человека — нет проблемы.

— От нее и так не было проблем более ста лет.

— Вот и проверим, — маниакальный блеск во взгляде Ила не обещал королеве Нармертской ничего хорошего. Но после его вторжения с головой у Тамиши все будет в порядке, а вот после моего...

— Виланд, я бы хотела сначала поговорить с тобой наедине, если можно.

Во избежание сплетен и пересудов, мы пересеклись все трое у кабинета Илуватариона. Со стороны это выглядело, как милая светская беседа — мало ли какие дела у меня с Нармертским королевством?

— Хорошо, — я приоткрыл дверь и пропустил Тамишу, а потом кивнул Илу: — Прогуляйся до конца коридора и обратно.

— Не волнуйся, я буду поблизости, — легкое едва уловимое ехидство и совершенно серьезный голос. Не знай я Илуватора столько лет — даже не подумал бы, что, на самом деле, это он волнуется за меня.

— Да, я внимательно слушаю вас, леди! — усевшись в кресло, я подождал, пока Тамиша устроится напротив меня.

— Виланд, не надо... Не говори со мной таким тоном, пожалуйста...

Я едва успел поймать ее руку, снова потянувшуюся к моему лицу. Нет уж, черт побери! В эти игры я больше не играю.

— Боишься? Я же чувствую, что ты до сих пор...

Я скептически поджал губы и внимательно оглядел сидящую возле меня женщину. Да, надо быть честным с собой — воспоминания о ней все еще заставляют мое сердце биться чаще. Но не более того...

— Не надо врать хотя бы самому себе, Виланд.

— Ты же не об этом хотела со мной поговорить? — неожиданно я разозлился. Черт его знает на что...

— Нет, я хотела сказать тебе о другом... Уточнить... Ведь ты же следил за мной, верно? Все время следил?

— Конкретно я — нет. Я старался забыть тебя...

Судя по радостно сверкнувшим глазам, эта моя фраза была расценена как признание

поражения. Зря. Я всего лишь сказал ей правду. Вначале мне было очень трудно. Она ведь предала не только меня, а попыталась уничтожить всех, кто шел за мной, кто доверился мне...

— Но тебе доложили, что у нас с тобой был ребенок?

Одуванчик-37

Уже вечером, смыв самую тяжелую усталость под горячим душем, я снова задумалась о своем житие-бытии. Может, заняться чем-нибудь созидательным? Свои шампуньки забросила совсем. А ведь Зельма уже несколько раз спрашивала, когда начнем. Если хорошо подумать — ну так, на всякий случай — мало ли каким боком судьба повернется. На Властелина надейся, а сам не плошай. Буду у гномов работать косметологом, если что, а попутно вспомню основную профессию...

Не знаю, откуда у меня эти мысли. Хотя нет, вру. Знаю.

Чем-то она мне сразу не понравилась, эта кареглазая брюнетка. И, несмотря на то, что Виланд на нее едва ли не рычал, что-то меня беспокоило.

Поэтому, когда у меня появилась возможность подобраться к Жизель, которую ненадолго оставил ее жених, я воспользовалась случаем. Бессовестно выкачала из неискушенного ребенка всю информацию, преступно пользуясь своими возможностями.

Возможности у меня были не только ментальные. Ничего не стоило направить разговор в ту сторону, что мне нужно, и девочка сама рассказала все, что знала. А что не рассказала, то я сама подсмотрела и подслушала. Да, я тоже не идеальна, женского любопытства не чужда и вовсе не так добродушна, как сама о себе думала.

Естественно, я ни с кем не собиралась делиться своими открытиями, и меньше всех — с Виландом. Ревновать мне никогда не нравилось, да здесь и не ревность... кажется. Или все-таки она?

Эта женщина когда-то была любима, но предала и исчезла из его жизни на долгих сто лет. Он не вспоминал о ней, но и не забыл. Добавим сюда то, что Оливия, как сестра, в свое время была очень близка с этой Тамишей и весьма одобряла выбор брата — магиня, менталист, человек — самое оно для продолжительного и плодотворного размножения.

Конечно, предательство все изменило. Теперь, если Оливия и вспоминала бывшую пассию Виланда, то, в основном, неодобрительно, хотя и с нотками сожаления.

И вот эта женщина здесь, и чтоб мне ни единой ноты не сыграть, если она не пытается вернуть утраченное. Не знаю, с чего я это взяла, но уверенность была железной.

Что же теперь делать мне? Не знаю...

Знаю, чего я делать точно не буду. Выяснять отношения с Виландом. Не буду ни о чем его спрашивать. Не стану даже пытаться встретиться с самой Тамишей — вот еще.

Он взрослый, умный, опытный и достаточно благородный мужчина. Мы друг другу ничего не обещали. Да, я неожиданно обнаружила, что другая женщина рядом с Вилом мне откровенно неприятна. И что? Это мои проблемы.

В моей власти сейчас одно: быть готовой ко всему. Нет, я не мучаюсь дурными предчувствиями, я прекрасно знаю себе цену, а еще отдаю себе отчет в том, что Повелитель не тот человек, который легко простит предательство. Здесь все зависит только от его выбора. Значит... подождем и посмотрим.

Вот только очень хочется, чтобы сегодня он пришел... но здравый смысл в ответ на это желание только тяжело вздыхает, пожимает плечами и уходит грустить куда-то вдаль.

— Леди? Вам плохо? Я принес мясо... — ой, точно, он же обещал каких-то

респераторов... валидаторов... кого-то поймать. — Но, наверное, я приду в другой раз.

Ох, чудо восьминое, как же вовремя ты появился! Еще не хватало сидеть здесь и киснуть! Сама от себя не ожидала такой меланхолии. Даже несчастного паука напугала — он, судя по всему, весьма опасается, когда у дамы плохое настроение. Инстинкты... Оставить еду и свалить от греха подальше.

— Все у меня хорошо, не беспокойся, — беглеца удалось поймать за лапу в последний момент. — Я не голодна, не расстроена, просто устала после охоты. Приготовлю твою добычу завтра, хорошо? А пока давай, отнесем все это в холодильник, — я кивнула на уже привычно здоровенную корзину, полную какой-то незнакомой битой птицы. Если судить по расцветке, это были попугаи, но очень... крупные. Не всякий индюк дорастет до середины такого попугая.

Поэтому даже не подумала сама тащить корзину на кухню. Кто принес, тот и грузчик!

— Тушки ощипать надо, — Ррашшард водрузил свою ношу на кухонный стол и озабоченно свёл брови на переносице. — Не знал, что вы так устали... принес бы завтра, уже без перьев, — парень совсем сник, но пояснил: — Торопился, пока свежие. Парные — вкуснее.

— Сейчас и ощиплем, уговорил, — я кивнула. В конце концов, способ проверенный — стоит занять руки делом, как грусть-тоска сама собой куда-то девается. Видимо, ленивая зараза, работы боится. — Вытаскивай своих попугаев, я поставлю кастрюлю с водой, как закипит и ошпарим.

— Варить... в перьях? — не понял паук и захлопал на меня своими сногсшибательными ресницами так, что я едва удержалась, чтобы не потискать его, за что дотянусь.

— Не варить, а ошпарить, — молодец я какая, тискательный рефлекс подавила, первую добычу из корзины выудила. Как есть попугаище, и хохолок в наличии, и клюв такой, что гвоздодер позавидует. — Так легче потом ощипывать перья. Ты сам их никогда не готовил, что ли?

Ррашшард с неожиданной тоской и недоумением смотрел, как я достала из шкафа все необходимое, набрала воды и поставила греться.

— Но, кипятком... промокнут же... испортятся... — он помотал головой и вздохнул, словно сам себе что-то доказывая. — Хорошо. Если таково желание гррау.

— Кто испортится? — удивилась я, одновременно примеряясь, как бы этого разноцветного ирода запихнуть в имеющуюся кастрюлю. Вымахал на местных харчах, не лезет, зараза. А между тем кипяточек уже парит — тут какая-то магическая прибабасина с плитой, вода закипает почти мгновенно. Сейчас я его... вот так...

— Что ты делаешь?! — вдруг громко заорали у меня прямо за спиной, когда я уже почти свернула дохлого попугая в достаточно компактную дулю, чтобы он хоть с трудом, но поместился куда надо.

От неожиданности мои руки дернулись, кастрюля с грохотом покатила с плиты, а птиц этот, чтоб его, вообще, вырвался и как живой улетел под стол.

— Тьфу на тебя, — с чувством сказала я, когда отдышалась. Хорошо распроклятый кипяток выплеснулся не на меня, а на стол и на пол.

Зельма, даже не оглянувшись на едва не ошпаренную подругу, с причитаниями полезла за попугаем, бесцеремонно отодвинув одну из мешающих паучьих ног.

— Чего это она? — несколько скептически оглядев внушительный гномий филей, обтянутый клетчатой юбкой, я потеряла ушибленный локоть и посмотрела на Ррашшарда,

ожидаая пояснений.

Напрасно.

Арахнид выглядел странно. Во-первых, он пытался собрать покомпактнее лапки, чтобы занимать как можно меньше места, и дай ему волю, вообще, свернулся бы в клубочек и укатился под стол, к птицу. Во-вторых, старательно смотрел в пол и только в пол... чтобы не встречаться взглядом с великолепной Ришшикой, изваянием застывшей в дверях. Встречаться взглядом нельзя, чтобы не провоцировать самку, как я поняла...

Ей-нотки, она никогда еще не выглядела настолько потрясающе и величественно: этот царственный поворот головы, это мягкое колыхание шерстки на лапках, это бурно вздымающаяся девичья грудь в разрезе синей жилетки... будь я пауком, тоже впечатлилась бы по самые попугаи.

Ко всему прочему, запоздавшая к представлению арахнидка с разбегу решила, что во всем этом погроме виноват, естественно, самец, и теперь прожигала его взглядом, как боевым лазером.

— Эй-эй, тормози, подруга, — вступилась я за несчастного парня. — У тебя сейчас клыки из пасти расти начнут. Будешь некрасивой, показательно прожорливой, и ни один приличный паук к твоему гнезду близко не подойдет...

Ришшика в ответ недовольно фыркнула что-то в духе: “Клыков самцы не боятся, а хелицеры я умею держать при себе. Я цивилизованная аррграу, а не дикарка”, но тут же расслабилась. Уловив, что я веселюсь, Зельма, обнимающаяся под столом сдохлым попугаем, довольна, как слон, а воспитуемый паук достаточно напуган, Ришшика милостиво кивнула. Но в сторону арахнида укоризненно добавила:

— Глупый самец! Тавуров надо дарить уже ощипанными, а ценные перья рассортировать и преподнести отдельно!

“Глупый самец” почтительно припал на передние лапки, как перед Раушшаной в день приезда, прямо брюшком в горячую лужу. Густая шерстка на глазах впитала почти всю воду с пола. Ну... зато вытирать меньше. Кипяток наверняка уже остыл достаточно, чтобы не беспокоиться о сохранности его пуза.

— Она собиралась сунуть его в кипяток, прямо с перьями! — пожаловалась тем временем гномка, выбираясь из под стола и бережно баюкая свою добычу. — Это же, минимум, двадцать золотых, глупая ты женщина! Бесхозяйственная!

— Сама такая, — огрызнулась я, но без особого энтузиазма, так как во все глаза наблюдала за невероятным действием.

Вредная паучиха подобралась к жертве вплотную, явно наслаждаясь моментом, одним шевелением бровей подняла несчастного ребенка с пола и теперь медленно, интимно, можно сказать, вытирала его мокрое брюшко моим белым кухонным полотенцем!

И еще пояснила, стерва, таким незнакомо-томным голосом голодной гадюки:

— Что за дурной самец, теперь будешь по всему гнезду воду разносить? Стой смирно.

Впрочем, Ррашшарда мне сразу стало жалче даже самой шикарной тряпки. Потому что у него то ли от впечатлений, то ли от ужаса подкашивались все восемь лап. А вернее — и от того, и от другого.

— Ришшика, прекрати издеваться над мужчиной! — возмутилась я и отобрала полотенце у садистки. — И вообще, не трогай парня, я тебе сейчас попугая пожарю.

Ришшика хмыкнула, но отпустила свою жертву, обошла его, как статую, осмотрела со всех сторон и с царственным видом пристроила собственное брюшко на широкий кухонный

диван.

— Эта птица называется не попугай, а тавур, она редкая, хитрая, хорошо прячется и высоко летает. Ее мясо очень вкусное, и перья стоят дорого, — просветила она меня. — Неплохой улов для такого молодого самца.

Вместо того чтобы возгордиться — похвалили же! — Ррашшард поклонился, кое-как пробормотал несколько слов благодарности, а сам все это время потихоньку пятился в сторону двери, смешно стараясь обогнуть лужу.

— Не смею мешать вам, аррграу.

— Скажи свое имя, молодой арргер, — Ришшика следила за ним глазами охотящейся кошки, но догнать и схватить пока не пыталась.

— Ррашшард из гнезда Ррошшин-Арг, достойная грау. Прошу прощения, но вынужден вас покинуть. Мои обязанности призывают меня, — ух ты, как официально и слегка пафосно.

Зато Ришшика кивнула очень даже милостиво:

— Можешь идти, Рашшард из гнезда Ррошшин-Арг. Я найду тебя, когда придет мое время.

Н-да... я бы испугалась такого обещания, а вот Ррашшард, который тоже вроде бы умчался по своим очень важным делами со скоростью курьерского поезда, на прощанье так сверкнул глазами... ха! На последнюю ноту спору, когда придет время, он “найдет” сам, причем так, что фиг потом потеряешь.

— Интересный самец... сильный... ловкий... молодой... и умный, — Ришшика мечтательно посмотрела на закрывшуюся дверь. — Поймать, что ли, и воспитать... хороший отец гнезда получится.

Мы с Зельмой переглянулись и дружно покатались со смеху. Ришшика пару секунд смотрела на нас, как на умственно увечных, а потом махнула рукой и тоже рассмеялась.

Вечер удался. Мы сидели на кухне, обдирали псевдопопугаичьи перья, которые рачительная гномочка сразу сортировала и раскладывала по кучкам, потом потрошили и разделяли тушки... обычные бабские посиделки, как летом в деревне с соседками. Было в моей жизни и такое. Ну и болтали, как водится.

— Что за глупые предрассудки, — укоряла меня Ришшика, морща нос и чихая на прилипшую к лицу пушинку. — Арахнидки ели самцов только в дикой древности, когда в нас еще не проснулся разум. Ну, и были еще непроверенные слухи о некоторых аррграу... в темные времена, когда морра арргрос был разделен с сердцем арахнидов. Но это чушь, страшные сказки для глупых детей. Якобы некоторые аррграу специально приказывали самцам своего гнезда ловить мужчин другой расы, спаривались с ними и после этого съедали. Про арргера Рридфферта тоже ходили дикие слухи после его рождения. Будто бы он такой потому, что мать его кладки слишком любила эльфов.

— Слушай, — перебила я, откладывая окровавленный нож, и потянулась за салфеткой — вытереть руки. — Я все время хотела спросить, но как-то неудобно было. Но все же... если клыков у арахнидок нет, то как вы умудрялись в древности разгрызть панцирь самца? Его же зубилом не возьмешь.

Ришшика пару секунд хлопала на меня глазами с таким обалдевшим видом, что я успела трижды себя выругать за бестактный вопрос, но она, наконец, отмерла и весело расхохоталась.

— Ты ненормальная эльфа! — раскрасневшаяся от смеха Риша бросила в меня большим

сине-зеленым пером, утащив его из-под носа недовольно засопевшей гномочки. — Кто тебе сказал такую глупость про зубы и панцирь? Зачем его разгрызать?!

— Э... а как тогда? — я озадаченно почесала нос тем самым перышком, забрав его у паучихи, а у меня добычу в свою очередь реквизиrowвала Зельма, заявившая, что только бесхозяйственные дуры балуются такими дорогими вещами и мешают ей правильно подсчитать возможный доход.

— Ну-у-у... — Ришшика вдруг слегка смутилась, вздохнула и продолжила: — Понимаешь, когда-то давно наши самцы жертвовали жизнью для того, чтобы у самки, когда она будет вынашивать их потомство, было достаточно еды для себя и для детей. Когда спаривание подходило к кульминации, древние арахнидки действовали так, как велит инстинкт — в передней части брюшка, там, где контакт с избранным отцом кладки самый близкий, они раскрывали хелицеры и впрыскивали в тело самца специальный яд. Отец кладки испытывал от этого очень сильное удовольствие, после которого умирал, а самка заматывала его в кокон и ждала, пока все его внутренности превратятся в питательную жидкость, которую она и всасывала через те же самые хелицеры.

— Н-да... — глубокомысленно заметила Зельма, после непродолжительного молчания. Она отложила рассортированные перья в сторонку, взяла нож и ловко вскрыла очередную птичью тушку (Рапшард набил чертовыми попугаями всю корзину, их там оказалось больше десятка). — Можно сказать, ваши мужчины умирали от счастья, полностью выполнив свой долг перед женой и детьми. Смерть, достойная настоящего гнома.

— Ну, не все самцы были такими сознательными, — хихикнула Ришшика. — Были и такие, кто успевал и мать гнезда оплодотворить, и ноги вовремя унести, пока она хелицерами прицеливалась.

Я хрюкнула, вспомнив откровения русалочки и “встроенный моторчик” арахнидов. Вот откуда ноги растут...

Ришшика посмотрела на меня снисходительно:

— Да, именно поэтому арахниды так любят самок, от которых легче всего убежать. Но это так, развлечение, молодым можно. Самка другой расы все равно не сможет принести потомства. И потому каждый арахнид мечтает когда-нибудь привлечь внимание будущей аррграу и стать отцом гнезда. Разумные арахнидки умеют контролировать свои инстинкты и не убивают партнеров, вместо этого сильный и умный герр будет охранять гнездо и свою аррграу долгие годы.

— Тоже правильно, — одобрила гномочка, сноровисто разделявая попугая на удобные для жарки ломти. — Иначе нормальных мужиков не напасешься.

Ришшика важно кивнула и продолжила:

— Морра арргрос Виланд очень много сделал для своего народа. Наши гнезда расположены в самых удобных местах, наши дети растут в безопасности и сытости, потому что он научил нас торговать с другими расами и показал, что мы можем дать им взамен вкусные плоды, удобные вещи и выращенных животных. По его повелению наши аррграу вынашивают новую кладку только через сто лет после того, как вылупились предыдущие личинки. Им нет нужды истощать себя частым бременем материнства, как в темные времена, все дети вылупляются здоровыми и успевают повзрослеть.

Я кивнула, а про себя подумала, что Виланд действительно умный мужик. Не истощать женщину частыми родами — это очень правильно. А еще это прекрасно регулирует численность арахнидов, не позволяя им заполнить весь мир настолько, что другим расам

просто не останется места.

Н-да... Виланд... придет он сегодня или нет?

Мы с девчонками наготовили целую гору потрясающе вкусных блюд из попугайчины... попугаятины... как правильно называть этих птиц, я не запомнила, зато мы с Зельмой взаимно обогатились кучей самых разных рецептов. А дом насквозь пропах восхитительными запахами специй и печеного мяса.

Виланд так и не появился, хотя я ждала его допоздна. Зато появился насмерть вымотанный эльф. Он бесшумно нарисовался в темном проеме кухонной двери, устало прислонился к косяку и жадно принялся:

— Это же тавур? Я не в восторге от того, что Ррашшард ухаживает за моей невестой... но готов закрыть на это глаза и не устраивать сцен ревности, — он торопливо пересек кухню и плюхнулся на стул. — Беру взятку ужином.

Я сдержала улыбку, молча выставила на стол все восемь или девять приготовленных и сервированных блюд, сделала приглашающий жест рукой и только потом ехидно спросила:

— А руки вы мыли, господин жених?

Илуватор хмыкнул, проигнорировал мою фразу и потянул к себе тарелку... а потом все же удосужился буркнуть:

— Не имею привычки их пачкать...

— Ну, правильно, — согласилась я, усаживаясь напротив и подперев щеку кулаком. — То, что слоеной толщиной двух пальцев, само отвалится, а остальное — не грязь.

Эльф не читая посмотрел на меня поверх жареной попугайчьей ножки, прожевал откушенное и выдал:

— Вы разумны не по годам, леди. Надеюсь, вы нашли время почитать книгу. Или вас только на простые женские заботы хватило?

— Прочитала кое-что, — ерничать не хотелось, тем более что после его слов сразу вспомнилась та куча вопросов, что мучила меня с утра. И начать следовало с самого главного:

— Лорд Илуватарион, я не уверена, что эту гитару, вы понимаете, о чем я говорю, вообще, безопасно брать в руки. Исходя из написанного, каждый магически-музыкальный инструмент настраивается на своего хозяина через ритуал привязки на крови. И хозяин может управлять своей собственностью, находясь даже очень далеко от него. Я не знаю, была ли эта гитара привязана к этому телу. И если да, то работает ли привязка после того, как прежняя леди Диндэниэль умерла.

— В книге есть глава о привязке, я видел.

Ил взглядом приценился к тушеной попугаятине под сливовым соусом на соседнем блюде, а на меня посмотрел искоса, как будто подозревал, что я не читала, а просто листала учебное пособие.

— Несите сюда учебник.

Вот теперь и я хмыкнула, пододвинула ему очередное угощение и достала из кухонного буфета книгу.

— Я не рискнула сама менять настройки, даже самые безобидные. По идее, если привязка существует, это очень легко сделать, а вот если нет, возможны варианты.

Илуватор оторвался от сливового соуса, тщательно вытер руки полотенцем и только после этого забрал у меня талмуд. Нашел нужную главу, быстро прочитал, вздохнул... полистал еще, снова вздохнул... нахмурился.

— Несите гитару. Попробуем одну вещь. Самую простую.

Прямо Вовка-командир. Как попугая уплетать, так взятку ему, а как командовать, так первый!

Впрочем, это было даже не ворчание про себя, а так, легкое ехидство. За гитарой далеко ходить не пришлось, потому что я ни за какие пряники не согласна спать в одном помещении с потенциальной угрозой. И хранилась эта вероятная диверсантка тут же, за холодильником.

Знаю, саму корезит от такого обращения с музыкальным инструментом. Но пока деревянная обладательница струн не подтвердит свою лояльность, я отказываюсь признавать за ней права особо оберегаемого объекта.

— Представьте себе наиболее приятное вам место поблизости и сыграйте вот эту мелодию, — Ил ткнул пальцем в нотную строчку. — Здесь сказано, что нотные координаты точного местонахождения музыкальный маг может “услышать” интуитивно, если четко представит цель переноса. Так что сначала вам нужно проиграть мелодию портала как бы внутри головы, одновременно четко видя перед глазами то место, куда вы хотите попасть. Нотные координаты должны “всплыть” сами, — тут он явственно поморщился.

Видимо, ему, как магу более практического направления, все эти “представил” и “всплыть” казались редкостной чушью. Но Илуватор справился со своим скептицизмом и продолжил:

— Если гитара ваша — мы перенесемся именно туда. Если нет, то... куда-нибудь перенесемся. Ментальную сцепку я сделал, охраняющих нас арахнидов предупредил, завещание написал. Играйте.

Я пару секунд размышляла, что лучше сделать: сыграть неизвестно что с непонятными последствиями и только потом стукнуть его гитарой по голове или все же начать с вразумления экспериментатора? А потом подумала — рано или поздно ведь все равно придется это сделать. Какая разница, когда? Гитарой по кумполу стукнуть я всегда успею...

Руки, оказывается, соскучились по инструменту, пальцы сами пробежали по ладам, проверили строй и...

Одуванчик-38

Лорд Илуватор никогда не был музыкантом. Именно поэтому ему было так трудно понять все эти странные на его взгляд инструкции. Для меня же не было ничего проще, чем услышать мелодию раньше, чем она зазвучит в живую. И стоило только сосредоточиться, как нужная строка из книги, словно сама собой, дополнилась короткой гармонией из десятка нот разной высоты и продолжительности. А красиво звучит... успела подумать я, прежде чем пальцы послушно перенесли музыку из моих мыслей в реальность.

— Н-да... — шепотом сказала я, одной рукой крепко вцепившись в локоть напряженно застывшего эльфа, а другой прижимая к себе гитару. — Похоже, мы не вовремя.

Илуватор в ответ едва слышно хмыкнул и что-то такое сделал... что звякнуло у меня в голове коротким колокольчиком. Судя по тому, как он расслабился и шумно выдохнул — поставил какой-то звуконепроницаемый щит.

Точно, в обе стороны непроницаемый. Потому что страстные стоны белобрысого секретаря больше не долетали до нас, хотя парочка плескалась в воде буквально в десяти шагах от берега.

Да, проще всего оказалось представить себе знакомый маленький пляж. Тот самый, где мы с Повелителем впервые встретились, а потом и... кхм... познакомились поближе.

Популярное место, однако. О’Рения тоже любит принимать здесь гостей.

Илуватор пару минут с исследовательским интересом рассматривал страстно выгнутую над водой мужскую спину и рассыпавшиеся по ней белоснежные волосы, а так же то и дело всплескивающий в воде русалочий хвост (а больше ничего видно и не было), потом подарил мне свой фирменный хмык и велел:

— А теперь играйте мелодию дома.

— Пешком пойдём, — вздохнула я и повисла на его локте. — Вы слишком тяжелый для эльфа, господин советник. Второй раз я вас не унесу. Опыта маловато, и сил не осталось совсем.

— А у вас богатый опыт переноса эльфов? Есть с кем сравнивать? — с ехидством уточнил Ил, забирая у меня гитару и вешая ее к себе через плечо за перевязь. — Но вы правы, на сегодня экспериментов хватит. Зато мы точно убедились, что гитара принадлежит именно вам.

— У меня богатый опыт переноса чего попало на разные расстояния, — улыбнулась я, позволяя увлечь себя в заросли. Где-то там должна быть тропинка. — Правда, не магически. Вот потаскаете на себе двух детей, коляску и две авоськи с продуктами, тогда будете вредничать, — и транслировала Илуватору красочную картинку: “мама Вера забирает из садика двух спиногрызов и идет по магазинам”.

— Интересно, в вашем мире не приживается магия или отсутствуют маги, — вот вроде и вопрос по теме, и интерес чувствуется, а ощущение такое, что эльф хочет себя отвлечь от других мыслей.

— Не знаю, — я пожала плечами. К этому моменту мы уже выбрались на хорошо утоптанную тропинку, но висеть на Илуваторе я не перестала. Магический перенос меня действительно вымотал. — Вас... нет, слушайте, надоело путаться. Тебя что-то беспокоит?

В ответ я получила изумленный взгляд, нахмуренные брови, а потом у меня возникла в голове четкая картинка: собеседник махнул рукой и слегка расслабился.

— Меня беспокоит то, что являясь первым советником морра арргроса, я не могу себе позволить жениться на женщине, которую люблю.

— Кларисса тебя любит, значит, препятствие в другом, — я задумчиво кивнула и сама удивилась своей бесцеремонности.

Но с другой стороны, вот что-то мне подсказывает, что с Илуватором ходить вокруг да около бесполезно. Пока я сама не сделаю решительный шаг навстречу, он так и будет кружить поодаль. При том, что парень мне симпатичен — как человек (то есть эльф) и друг, и мне кажется, что я могу если не помочь, то хоть посоветовать чего... в крайнем случае выслушать — стоит рискнуть.

— Я же вам весь бал об этом препятствии намекал, — пробурчал мужчина, рукой отгибая низко растущую ветку, чтобы та не ударила меня по лицу.

— Ты, — я выделила интонацией это и следующее слово, — мне на балу прямым текстом сказал, что вампиры не потерпят союза со светлым эльфом. И что? Ты больше не светлый эльф. Послушай, — новая мысль вспыхнула в мозгу, и я оживилась: — Это же прекрасный повод безболезненно разойтись с маскировочной помолвкой! Жаль, конечно, твою маму, она так обрадовалась, но, думаю, мы сумеем ей все объяснить. Зато смотри, как хорошо получается: ты не только стал сумеречным, ты еще и пожертвовал “любовью”, — легкая ироническая насмешка окрасила последнее слово. — Сознательно пожертвовал собой, чтобы укрепить дружбу народов! Соединил новый род эльфов с одной из самых

темных рас узами брака.

— Да, вы с Виландом похожи. У него тоже привычка решать все проблемы через брачные узы. Сам обвязаться не может, зато других постоянно стремится ими задушить.

— Я не поняла, ты хочешь жениться на Клариссе или нет? — не выдержала и тихонько рассмеялась, очень уж он смешно ворчал. Но при этом не забывал поддерживать меня под локоток, чтобы не навернулась.

— Кроме наших с ней желаний, есть еще воля клана. Виланд вчера дал понять, что новая раса будет пользоваться привилегиями. Но у вампиров с этим и так проблем нет, а вот с эльфийским полукровкой они появятся.

— Ребенка еще родить надо, — покачала я головой. — Это дело будущего. А вот союз с новой привилегированной расой — настоящее. Мало того, не просто с рядовым ее представителем, а с главой нового рода, первым советником морра арргросса. Я понимаю, что ты привык терпеть их пренебрежение, но настало время поговорить с другой позиции. Ты больше не изгой, не предатель своих, не перебежчик. Ты — основатель нового народа.

Пафосно, конечно. А что делать? У него прямо комплекс уже с этим “я недостойн”.

Внутренний голос тихо пискнул, что кто-то опять лезет не в свое дело, но сейчас я его злобно задвинула подальше. Что сказала, то сказала, и от своих слов отказываться не собираюсь. Не люблю расизм, вне зависимости от цвета. Сержусь.

— Вас, леди, надо к отцу Клариссы в качестве свахи засылать, — хмыкнул Ил. — Дело не в том, что я привык к их пренебрежению, а в том, что с точки зрения выгоды, союз со мной не несет кланам вампиров никаких преимуществ.

— Здравсте, приехали, — ну, собственно, да, почти пришли... уже видна освещенная веранда. — Какие именно выгоды они ищут? Престиж? Он у тебя есть. Возможность как-то влиять на политику? Ну, у тебя-то она присутствует, а заранее рассказывать новым родственникам, где ты видел их советы, не обязательно. Чем какой-то мальчишка из кланов лучше?

Илуватор не выдержал и хмыкнул. Как всегда вроде, в своей вечно скептической манере, но то ли я стала неимоверно крута, как менталист, то ли он увлекся, только моя новая магия четко поймала, — где-то в глубине ментальных вод Ил просто развлекается, общаясь со мной. То есть ему приятно, но он и без меня все прекрасно оценил, обдумал, прикинул и принял решение.

— А вы уверены, что понравились моей матери в качестве будущей невесты? Жаль... — лицо светски-ровное, словно и не издевается вовсе. — Значит, следующие полгода опять придется скрываться, чтобы не выслушивать намеки на внуков, которых ей ужасно хочется помянуть на старости лет.

— Приведешь ей другую невестку, и она быстро успокоится, — парировала я не менее ехидно.

— Кстати, о других... Ваши подруги ничего нового не обнаружили? — моментально сменил тему ушлый ушастик.

Мы выбрались, наконец, на освещенную площадку перед домом и остановились возле крыльца. Илуватор внимательно осмотрелся, мысленно кивнул то ли сам себе, то ли кому-то невидимому и явственно подавил смачный зевок. Опять лемурит, гебешник несчастный.

— Нет, ничего. И непонятно, то ли радоваться, что не влипли, то ли пугаться, что дальше полезут. Лиидия вечером не пришла, скорее всего, муж занял ее надолго. Но если бы были новости, — она бы с ним на закорках прискакала.

— Прекрасное было бы зрелище, — Илне выдержал и широко зевнул, прикрыв рот ладонью.

Нотки-линейки, таким макаром он скоро челюсть вывихнет, слышно же, как прямо-таки скулы хрустят.

— Вчерашняя спальня в твоём распоряжении, — я поднялась на веранду и поманила его за собой. — Если хочешь, можешь доесть попугая, а потом устраивайся и отдыхай. Хотя судя по тому, как у тебя глаза слипаются, трапеза подождет до утра.

— Не доживу я до замены невест, если буду слишком часто здесь ночевать, — Ил снова зевнул, посмотрел на небо, вздохнул и буркнул: — Спокойной ночи.

— Спокойной, — ответила я уже вслед поднимающемуся по лестнице эльфу.

Не доживет он...

Ничего, Кларисса согласится и на мертвого, а вот не выспавшийся ей явно понравится меньше.

Утро наступило неоправданно рано. А может, просто усталость накопилась. Или я, наконец, вспомнила, что такое стресс и нервное переутомление. Вот же зараза, век бы не вспоминать.

Но Виланд ночью так и не пришел, а потому у меня было не самое радужное настроение. Не сказать, что ужасное, просто так... легкая меланхолия. Наверное.

Во всяком случае, шоколадку я съела за компанию с Шойшо, и не одну. А потом запрягла всю эту веселую пищашую компанию прибираться на кухне и готовить пироги со сливами, вишнями и прочими ягодами. Мясо мясом, а без сладостей и выпечки жизнь не та.

На вкусные запахи проснулся и вылез эльф, уже умытый, бодрый и голодный.

Скептически посмотрел на пустой после уборки стол, на котором кроме музыкального талмуда ничего не было, переложил книгу на диван, а сам устроился в кресле.

— Неважно выглядите, леди, — тьфу, нашел тоже утренний комплимент. Но его ехидство почему-то вызвало улыбку. Тем более что в следующую секунду прямо... вот как бы точнее выразить ощущение... словно бы у него где-то в районе головы коротко пропела флейта, а у меня моментально перестало колоть в виске, и глаза открылись не щелочками, а полностью. Ух ты! Колданул!

— Пока было время сна, вы его не использовали по назначению? Печально, — да пусть ехидничает, сколько влезет, такой полезный мужик, лучше кофе подействовал! — Давайте хоть время завтрака используем правильно. Помнится, тут со вчерашнего вечера оставалось еще много вкусного.

Это он прав, пожалуй. Я и сама есть хочу, и эльфы с голодухи обычно злые и противные. Тьфу, не только эльфы, вообще, мужчины. Но этому временно простительно.

Разогретое жаркое из попугая, крепкий кофе, сваренный на песке, и кусок сладкого пирога примирили нас с действительностью и друг с другом. Во всяком случае, пока мы завтракали, ни одна ушастая зараза (включая меня) не пыталась подколоть другую.

А потом мы наелись, покончили с кофе и пару минут блаженно созерцали пространство, прежде чем Илуватор вернул себе связную речь:

— Судя по вчерашнему путешествию, гитара все же признает вас за хозяйку. Это хорошо. Нам очень повезло, что вас так удачно перенесло в наш мир, и что у родни настоящей леди Диндэниэль сохранилась привычка привязывать инструмент от потомка к потомку, независимо от наличия магии.

— Повезло — это еще мягко сказано, — согласилась я, слегка озадаченно

прислушиваясь к его эмоциям. Что за зараза такая, где-то дыра в щитах, или в моих, или в чужих... или у меня в очередной раз настройку на максимум открутили. Только ушастый свин сейчас сидит и сожалеет, — почему мы перенеслись всего лишь на озеро, а не сразу в покои Виланда, мол, кому-то не помешало бы...

Это он на что намекает, паразит эльфийский?

— Можно подумать, сами вы к другой расе относитесь, — фыркнул свин неодобрительно.

— Мои уши не делают меня врединой, — парировала я. — В отличие от некоторых!

— Чтобы вы понимали в красоте ушей... — хмыкнул злыдень. — В вас говорит обычная человеческая зависть. Несмотря на то, что вы теперь сами принадлежите к самой прекрасной из существующих в этом мире рас.

— Зависть к чему? — окончательно развеселилась я. — К вредности? О да, это качество мне недоступно, даже в самом прекрасном из существующих тел! Зато у вас его столько, что на все население мира хватит!

— Ваша лесть буквально бальзам на мои уши, — ага-а-а, не выдержал! Не выдержал, не удержал свою каменную рожу! Вон, уголки губ дрожат и приподнимаются, и уши тоже! Кто-то про себя ржет, но признаваться не хочет! А я вот буду дразниться и смешить, потому что мне сейчас самой надо отвлечься от грустных мыслей и сделать мир ярче.

— Сегодня на балу Виланд должен еще раз объявить о создании новой расы. Нам следует продумать одежду так, чтобы одновременно подчеркивать наше отличие от светлых и темных эльфов и намекать на то, что мы все же эльфы. Не знаю, какой у вас орган отвечает за размышления и фантазию, но напрягите его.

— Учитывая, что я ни разу не разбираюсь в эльфийской моде и понятия не имею, чем она отличается от любой другой, это мне понадобится, — подколола я и предложила: — Давайте спросим Виллеречики? Мне кажется, нестандартная задача взболтнет в ней такие бездны художественной фантазии, что нам останется только тормозить в нужный момент.

— Именно на ваши дружественные связи с минотаврами я и рассчитывал. Правда, я надеялся, что вы все же попытаетесь найти нужный орган. Но честно признать, что он у вас или отсутствует, или атрофировался, и не тратить наше время попусту — тоже достойный поступок. Лучше давайте немного позанимаемся.

— Опять двадцать пять, — проворчала я, но больше в шутку.

Заниматься действительно надо. И отвлекает хорошо.

Дальше мы сидели и издевались над моей ментальностью. Нет, какие-то простейшие упражнения на сосредоточенность и что-то отдаленно похожее на медитацию у меня изобразить получилось. А вот попытки найти во мне еще что-то хоть отдаленно магическое провалились с треском. То есть я могу виртуозно подслушивать чужие мысли и играть на гитаре. Все. Магичить просто так, влияя на окружающий мир с помощью намерения и заклинания, у меня не вышло. Маши руками, не маши — а несколько простейших жестов Илуватор мне показал — результат одинаковый. Страус — птица пешеходная.

Когда мне надоело изображать мельницу и выворачивать пальцы из суставов, я взяла гитару и решительно объявила, что предпочитаю заниматься чем-то более полезным. И сыграла на пробу пару мелодий.

Хм... вариации на тему фламенко хорошо кипятят кофе, как оказалось. То есть буквально — смотришь на чашку, играешь мелодию — вуаля, пена по всему столу.

Вышло случайно, зато интересно!

— Как я понимаю, начиная играть, вы очень смутно представляете, что у вас в итоге получится? Убежавший кофе или сожженный дом, легкий дождик или землетрясение?

— Вообще, не представляю, — и это не есть хорошо. Мало ли, может, меня какая злобная муха за седалище цапнет во время игры, и привет: ни дома, ни Дины, одни развалины. — Именно поэтому воздержусь, пожалуй, от экспериментов, пока не изучу ваш талмуд от корки до корки. — Я отставила гитару в сторону и предложила: — Еще по салатику или чаю заварить?

— Только без магии, — хмыкнул эльф. — И у вас там пирожки где-то были припрятаны. Доставайте. Буду нагло пользоваться своим положением жениха.

— Проглот! Я так и знала, что Жизель — всего лишь повод подобраться к моей стряпне! — патетически провозгласила я, вставая и вынимая из буфета очередное блюдо с выпечкой. И не выдержала, хихикнула.

— Естественно, — усмехнулся Ил. — Мы же не только самая прекрасная, но и самая умная раса. И все из-за наших ушей! — Тут этот клоун гордо выпрямился и пошевелил своим тайным оружием. Да так здорово — я раньше думала, что на такой финт ушами способен только кот! Ну или ослик там...

Не знаю, слышал ли он мои мысли, но теперь мы смеялись вдвоем. Я от души, а Илуватор с таким видом, словно сделал мне одолжение, но кого он обманывает! Ослик, нотки-линейки!

— Что, опять в кустах ночевал и до собственной спальни не дополз? — Очень недовольный, бледный и не выспавшийся Властелин возник в дверях, как призрак недокормленного мужа.

Он смерил нас угрюмым взглядом, прошел к столу и мрачно плюхнулся в свободное кресло.

Понятно, всю ночь работал и ничего не ел. Надо срочно любить, кормить, еще раз кормить и потом снова любить. Пока не загрыз никого.

Жаркое, соус, пироги и кофе я организовала в момент, подождала, пока Его Властелинство прикончит первое блюдо, почти наполовину опустошит второе, и только тогда подобралась с поцелуями. Техника безопасности при обращении с дикими тиграми.

Меня тут же сцапали в тигриные объятия, поцеловали, потискали, усадили к себе на колени... вот, правильная тигра... моя. И так приятно, когда он легонько целует между плечом и шеей, уткнувшись туда лицом...

— Какое счастье, что тебя к нам перенесло, — все, я растаяла. Всякие глупости про гномью косметологию и прочую самостоятельную жизнь мгновенно вылетели из головы. — Ко мне...

— Согласна, — главное, постараться сделать такой женски-загадочный вид, а то кое-кто догадается, что я уже превратилась в липкую лужицу умиления, и меня можно брать с потрохами. — Некоторые проглоты с утра уже радовались тому, что мои кулинарные таланты не остались в другом мире.

— Проглоты тут как-то подозрительно прижились, — пробурчал Вил, обнимая меня покрепче.

— Слушай, ты раньше последним куском готов был делиться. А теперь трех тарелок жареного тавура и восьми пирожков жалко? Еще вчерашние бутерброды вспомни!

— И вспомню! Восемь пирожков! Как в тебя столько влезло!

— Легко... Магия! — загадочным тоном объявил Ил.

— Магия, это хорошо, — горестно вздохнул Виланд и поднялся, поставив меня на пол. — Но нас ждет страшная суровая реальность.

Он еще раз вздохнул, поцеловал меня так, что я в который раз последними словами обозвала ту скотину, которая не дает моему мужчине осуществить все свои тайные желания, а потом отступил и кивнул Илуватору в сторону двери.

Но перед тем как выйти обернулся ко мне и уточнил:

— Бал сегодня днем.

— Да, леди, не забудьте поговорить с вашей знакомой о наших костюмах. Надеюсь, она сумеет их сшить за оставшееся время. Это срочно! Оплачиваться будет из казны Властелина, — съехидничал эльф напоследок.

— Ну ты... — Властелин очень смешно возмутился.

— А чего мелочиться то? Пироги твои я уже все съел, самое время начать тратить твои деньги. Диндэниэль — леди приличная, подарков не просит, наград тоже, тебе догадаться и что-то подарить ума не хватает... Вот и приходится мне, как жениху, заботиться о материальном положении нового рода.

— Идите, работайте, родоначальники, — засмеялась я. — Сейчас тут будет дамский съезд, и если не успеете сбежать — сами виноваты.

Ментальное чириканье, смех и легкий перестук подкованных гномьих каблучков раздавались уже совсем близко, поэтому мужчины только согласно переглянулись, а через секунду исчезли за дверью.

Надо ли говорить, что Виллеречика пришла в восторг от мысли, что она станет не просто швеей, а практически законодательницей новой моды для целой новой расы? Мне, правда, этот восторг вышел боком, потому что за недоступностью Илуватора моделью выступала единственная сумеречная эльфийка. Коровушка-буренушка клятвенно обещала, что отработав на мне все особенности нового стиля, она без проблем подскажет эльфу, как намагичить себе костюм к балу, — у Илуватора хватит сил поддерживать нужную иллюзию. А вот мне пришлось стоять столбом все утро, изображая манекен...

Одна радость — доморощенные сыщицы слегка подрастеряли свой энтузиазм. Ничего особенного Лиидия не выяснила ни вчера, ни сегодня утром. Но она все равно четко и по пунктам доложила нам все, что удалось разузнать, старательно заглядывая в тетрадку. Когда только успела завести?

— Вооот... так что ничего нового... — резюмировала она под конец. — Если не считать слов моей соседки о том, что эта Аина изначально была троллей дубинкой из-за угла пристукнутая, ни с кем не общалась, задирала нос и ужасно злилась на Дину, каждый раз, как с ней сталкивалась.

— Странная девочка, — задумчиво согласилась я. — Жаль, что я почти не обращала на нее внимания.

— Да на нее никто не обращал внимания, — пожала плечами Лиидия, отправляя в рот горсть крупной черешни.

Корзина с ягодами обнаружилась с утра на крыльце. Ну Ррашшард, ну ловелас!

Ришшика явилась на посиделки гордая, с другой корзиной, полной отборной клубники. И мою черешню приняла, как должное, заявив, что шустрый самец всегда лучше нерасторопного. Это она еще про малину не знает.

— Аина ото всех держалась подальше, только изредка бурчала себе что-то под нос. Чушь всякую. Типа того, что всяким дурам все достается даром. И если бы не упертая

эльфийская бабка, то это она, Аина, отомстила бы всем тварям. Короче, ерунда какая-то, вообще, ничего не понятно.

— Я сразу вам сказала, что затея глупая, — мне пришлось слегка изогнуться и выдохнуть, чтобы не получить булавкой в бок от молчаливой коровушки, и это не прибавило мне настроения. — Но, с другой стороны, ни во что не вляпалась, уже хорошо.

— Да во что я могла вляпаться в гареме! — возмутилась Лиидия. — Там Рраушшана бдит с утра до ночи. Даже во время того... ну, когда все арахниды лежали, как парализованные, она умудрялась быть в двух местах сразу и суетилась, как заведенная, несмотря на то, что минуту назад лежала, не в силах даже лапой двинуть!

— Это как? — озвучила всеобщее недоумение Зельма. Ришшика нахмурилась и напряженно о чем-то размышляла, я тоже удивленно приподняла брови.

— Ой, да это Гайлисса, она такая болтушка, любит все преувеличивать, — отмахнулась Лиидия. — Говорит, сама видела, как аррграу упала и не могла подняться, а пять минут спустя уже бежала по стене, проверяя посты. Да она, вообще, фантазерка, говорит, у Рраушшаны даже седины в волосах стало как будто меньше! — Лиидия рассмеялась и добавила: — Но это означает только одно, аррграу Рраушшана действительно хорошо следит за гаремом.

Одуванчик-39

Некоторое время назад...

Мне с трудом удалось сохранить бесстрастное выражение не только на лице, но и ментально.

Да, мне доложили о том, что моя бывшая любовница нашла приют у одного из герцогов Бердиньярского королевства и спустя определенный срок родила ребенка, девочку. Но мне даже в голову не могло прийти, что это наш... мой ребенок. Черт побери, я был уверен, что она родила бастарда от герцога!

— Я знал, что у тебя была дочь. И она умерла в младенчестве.

— Умерла дочь кормилицы, — Тамиша уставилась на меня, словно пытаюсь взглядом пробурить ментальные щиты, защищающие мои мысли и мои чувства. — А свою дочь я отдала на воспитание, и потом она стала королевой Бердиньярской.

Черт! Конечно, я не занимаюсь устройством всех королевских браков, тем более первые сорок лет после войны мне было чем себя развлечь кроме этого. Но если бы было хоть малейшее подозрение... Только его не было! Никакой связи между герцогом, опекающим Тамишу, будущую королеву Нармертскую, и семьей, из которой происходила будущая королева Бердиньярская. Ни единой, черт побери, связи! Иначе бы Ил мне доложил!

И тут... тут до меня дошло...

— То есть девушка... Девушка...

Черт побери! Я едва удержался, чтобы не соскочить с кресла и не начать бегать по кабинету. В голове не укладывалось!..

— То есть девушка, которая недавно погибла у меня в гареме...

— Аина Бердиньярская была нашей внучкой, — мне даже печаль померещилась у Тамиши, и в голосе, и в чувствах. — Это правда, что ее сбросил со стены какой-то обезумевший арахнид?

— Кто тебе сказал такую глупость?

Внезапно возникло странное желание устроить массовые казни. Просто потому, что злости было много, а выплеснуть ее не на кого...

— Ходят такие слухи. Говорят, она что-то сделала твоей любимой наложнице, эльфийке... Случайно не той, которую твой ручной эльф представляет всем, как свою невесту?

Щиты, защищающие меня от Тамиши, стали еще крепче. Я едва сдерживался, чтобы не послать бывшую любовницу... Нет, сначала пусть ее допросит Ил. Вывернет наизнанку! Яд и сплетни, много яда и сплетен. Откуда она все это берет?

— Я угадала? Обычно ты награждал эльфийскими леди орков и троллей. С чего вдруг конкретно этой выпала такая честь?!

Странно... Что-то было отвратительно странным в нашем общении. Что-то... Да, Аина. Внучка?.. Возможно. Пусть я и не знал о ней, но мне все равно сейчас чертовски... неприятно. Отвратительно мерзко на душе. А у Тамиши печаль промелькнула и исчезла, сменившись другим чувством. Тем, которое я тоже испытал не так давно. Ревность.

— Только не говори, что она от тебя залетела! Ты же всегда был таким осторожным: «Еще не время!», «Наши дети родятся, когда наступит мир!», «Я не хочу пока тебя ни с кем делить!». Помнишь?

— Помню, — я встал из-за стола и посмотрел на красивую, когда-то очень любимую, но сейчас абсолютно чужую женщину. — Это все, что ты мне хотела сказать?

— Ты стал совершенно бездушным, Виланд. Такое же чудовище... как тот, что убил нашу внучку! — а вот сейчас я вновь ощущаю множество эмоций. Обиду, злость, разочарование, жалость...

Возможно, Тамиша просто научилась прятать свои чувства гораздо глубже, чем раньше?

— Я надеялась, что это будет для тебя хоть что-то значить... но тебе все равно.

Горечь в ее словах тоже была совершенно настоящей, только непонятной. Может, я, и правда, стал совсем бездушным?

— Для меня должно хоть что-то значить то, что ты избавилась от нашего ребенка при первом удобном случае? Чтобы он не мешал тебе устраивать личную жизнь?

— Ты же о моей личной жизни не позаботился!

— Я дал тебе возможность жить дальше, несмотря на предательство!

— Без денег, без дома, без друзей, беременной твоим ребенком?..

— Это все?! Ждите, мой первый советник сейчас приступит к вашему ментальному допросу, леди.

Я вылетел из кабинета, хлопнув дверью, и тут же буквально налетел на Илуватора.

— Она твоя. Главное, выясни две вещи — не дарила ли Тамиша дочери свой амулет и кто отец этого ребенка.

— Твоя бывшая утверждает, что отец ее дочки — ты? И ей хватило ума не прибежать к тебе мириться, с ребенком в подоле? Или она просто не успела, ребенок скончался раньше? — Илуватор изобразил на своей высокомерно-каменной роже намек на скепсис.

— Говорит, что да, я — отец, а ребенок выжил...

— Интересно, что ей помешало обрадовать тебя этой новостью сто лет назад? Ум или совесть?

— Вот и выясни! — буркнул я.

Ил посмотрел на меня с сочувствием, а потом вошел туда, где его ждала королева Нармертская.

Почему-то идти сегодня к Дине мне казалось неправильным. Я лежал в бассейне,

смотрел в потолок и ни о чем не думал. Нет, черт побери, скорее, я думал сразу о стольких вещах, что было ощущение полного отсутствия в реальном мире.

Дочь у меня, и правда, была... Да она и сейчас вполне себе жива и здорова. Красивая, еще далеко не старая женщина, мать восьмерых девочек и двух мальчиков. Правда, одна из девочек погибла у меня в гареме. Обстоятельства ее смерти вывернули и переиначили... Черт! Что еще можно было ожидать от любителей слухов?

А амулетов, оказывается, у Тамиши было два. И второй, подарок того самого эльфийского мага, она хранила у родителей, чтобы я ни о чем не догадался. Ни об амулетах, ни о ее отношениях с эльфом. Конечно, исключительно платонических, возвышенных. Как у учителя и ученицы... Неужели ее саму не удивило, что он заинтересовался ею только после того, как она стала моей любовницей?

Да, Тамиша с самого начала боялась окружающих меня чудовищ, но на предательство решилась не сразу. Только когда по-настоящему полюбила... меня...

Не ум и не совесть, а страх заставил ее скрыть от меня рождение ребенка. Тамиша боялась, что я отниму у нее дочь, заберу и воспитаю среди чудовищ... таким же чудовищем.

Я ударил кулаком по спокойной глади бассейна. Еще... Еще!.. Брызги в лицо не помогали успокоиться. Только на что-то большее просто не было сил. Хотелось просто лежать. Нет, черт побери, еще больше хотелось выпить, но я не позволил себе такой роскоши. Пить в одиночку, страдая по давно ушедшим чувствам? До такого я еще не докатился...

У меня не получалось возненавидеть Тамишу, потому что все, что она совершала, было ради любви ко мне. Нет, конечно, там было много разных эмоций...

Кристалл с записью допроса я просмотрел уже пять раз. Хорошо, что мы залезли к ней в голову только сейчас. Иначе я бы ее простил. Простил и вернул... возможно. Я же был влюбленным идиотом, так что...

А теперь... Теперь она — лишь обманутая женщина, которую я когда-то любил.

Меня самого час выворачивало наизнанку, после того как я увидел, что остается от мужчин после выедания их арахнидами. Жуткое зрелище!

Конечно, молодому поколению внушается, что ничего подобного никогда не происходило. Ложь! Еще как происходило. Меня самого могла постичь та же участь...

Я даже знал одного арахнида, который выбрал партнершу для секса не совсем удачно.

И вот молодой девчонке показывают шкурку... остатки пиршества... Причем «пища» была ей знакома. Ученик того мага... чтоб его!

Догадываюсь, зачем его занесло в наш лагерь. Но вот кто его сожрал, не ясно. Ведь это произошло уже после того, как я соединился с Аррахширом... Сильно после. Значит, какая-то тварь...

Я снова ударил по застывшей глади. Кулак ушел под воду на всю длину руки, почти без брызг.

Какая-то тварь продолжала жрать двуногих?! Или решила так наказать пойманного шпиона?

Строгий приказ... и зачистка от «неблагонадежных»... Это первое, что я сделал, придя к власти. Запретил есть условно-разумных.

И тут же мне попытались доказать, что люди — это почти животные. Настойчиво убеждая, что надо выйти и сожрать... сожрать всех!

Один я бы ни справился. Даже если в твоей груди вместе с собственным сердцем бьется

сердце целой расы, постоянно воевать против этой расы невозможно. Тем более Арахшшир не всегда одобрял мои начинания, иногда он был против, а иногда придерживался нейтральной позиции. И тогда мне приходилось убеждать, агитировать, сражаться...

Самый сильный самец гнезда против меня. Битва до смерти...

Сначала они выставляли против наглой личинки самых слабых, уверенные, что я не устою. Черт! У меня две ноги, а не восемь — согласен. И уязвимых мест у меня больше. Но это не значит, что я не умею драться. Старый морра арргросс не щадил меня во время обучения. Первое время я, вообще, был учебным пособием для его учеников. Так что я прекрасно знал, как выживать и как убивать...

Арахниды — жестокая раса. И чтобы стать их правителем, мне пришлось доказать, что я тоже достаточно жесток и готов отстаивать свое решение, рискуя жизнью. К счастью, большинство признавало меня победителем до того, как я наносил им последний, смертельный удар.

И только когда все приняли мои новые правила, смирившись, что Арахшшир сделал хоть и странный, но достойный выбор, я вывел арахнидов на поверхность. И пусть для пожилых самок я так и остался личинкой, но именно они первыми поддержали меня и одобрили желание скрыть от молодежи, до какого уровня деградации дошли их предки.

И тут выясняется, что кто-то нарушил закон. Причем, как ни посмотри — нарушил. Непростительная слабость к деликатесу или намеренное сокрытие и уничтожение пробравшегося в лагерь шпиона... Ученика мага... Черт!

Они же выедают не только тело!.. Они жрут и ментал! Память! Мозг... Черт побери!

Я выскочил из бассейна, накинул на себя халат и помчался в гарем. Мне надо было срочно поговорить с Рраушшаной.

Причем разговор был, прямо скажем, из разряда очень секретных...

— Сначала успокойся. Вокруг тебя ментальная буря.

Арахнидка устроилась напротив меня и спокойно застыла, сложив руки на груди. Конечно, насчет бури она погорячилась. Я был в бешенстве, но ощущать его могли лишь менталисты, умудренные жизнью и опытом.

— Да, при желании мы можем поглотить не только тело, но и разум врага. Это умение доступно не каждому, но тем проще будет вычислить виновного. Я разделяю твой гнев. Мы решили не есть двуногих. Ты сказал — надо соблюдать. Или собрать совет всех гнезд и сообщить о нарушении закона. Никто не приходил. Не поделился ценными знаниями с остальными, — для арахнидов это тоже было преступлением, возможно, даже более серьезным. — Мы найдем виновного и приведем к тебе. Вдруг тот, кто вскрыл разум твоей наложнице, и тот, кто выпил разум ученика, «заурберерарршорм», — двуногая магическая тварь, так среди арахнидов было принято называть эльфийского мага, — как-то связаны.

Над возможностью последнего я тоже много думал. Потому что все улики, в этот раз не прямые, а именно косвенные, вели в одном направлении. Конечно, съесть шпиона могли как самка, так и самец. И совершить покушение на меня, а потом на Дину тоже... Но... Мужчину самец скорее бы просто убил, а вот самка... помнящая былые времена, когда двуногие были и развлечением, и пищей...

— Да, ты прав. Самец убил бы, — Рраушшана кивнула, соглашаясь с моими рассуждениями. — В светлый гарем проникает очень мало самцов. Но приходят мои подруги. У меня уже есть, кого подозревать. Я проверю еще раз и назову их тебе.

Теперь пришла моя очередь согласно кивать.

— Аррграу Рруззиана тоже бывала у меня в гостях, — Рраушшана выцепила из моих размышлений имя матери моего секретаря. — И она действительно раньше любила эльфов, — в гастрономическом смысле этого слова, черт побери! — Всегда говорила, что они вкуснее других двуногих. Но после рождения Рридфферта стало ясно, что она их не только ест.

— То есть это не шутка?! — я с удивлением уставился на Рраушшану.

Едва мне начинает казаться, что я понимаю их мышление, как выясняется, что все совсем не так.

— Ты слышал об этом много раз. Но никогда не верил. Зря. Мы редко шутим такими вещами.

Черт... черт побери... То есть мой секретарь, и правда... Но тогда там все личинки в кладке должны были быть такими же...

Рраушшана сдержанно хмыкнула:

— Двуногий не может оплодотворить. Даже эльф. Нужно семя арахнида. Просто чтобы не съест своего самца, Рруззиана съела слишком сильного эльфа. Это могло повлиять на пару яиц в кладке.

Так, спокойно! Рридфферт родился еще до того, как я стал морра арргросс, в пещерах. До принятия закона.

Но вдруг кто-то, очень привыкший кушать двуногих, наткнулся на шныряющего и вынюхивающего что-то в нашем лагере молодого и вкусного... Черт, соблазн, удержаться от которого практически невозможно!

— Рруззиана — мать двух приближенных к тебе арахнидов, — Рраушшана задумалась, потом повторила своими словами то, над чем я размышлял последнее время. — Мать заботится о потомстве до первой линьки. Она дает жизнь своим сыновьям, и они преданы ей за это. Даже когда переходят в другое гнездо, они продолжают почитать ту, без которой их бы не было.

Значит, цепочка совпадений и косвенных улик идет от сына к матери, или, что более правильно для арахнидов, от матери к сыну.

И все до противного сходится.

— Скажи, при желании можно построить щит и скрыть или подделать воспоминания? Скрыть от меня?

— Я долго кое-что скрывала от старого Ррозххона, — Рраушшана улыбнулась так загадочно, что сразу стало понятно, что это «кое-что» очень личное. — Если просто считывать память, не пытаясь ее взломать, то можно скрыть что-то очень мелкое. Очень мелкое. Ты понимаешь? Много правды и мелкую ложь.

Естественно, я знал, как обманывать ментальных магов. Но вот о том, что так можно поступить и с морра арргросс, услышал впервые. А ведь мой предшественник был сильнее меня магически...

Черт!

— Заговор против тебя — не мелочь! — уточнила зачем-то Рраушшана.

Надеюсь... Но ведь можно не участвовать в заговоре. Просто слишком сильно любить свою первую аррграу и заботиться о ней. И за этими сильными настоящими эмоциями скрывать мелкую ложь.

— Самцов будешь брать сейчас?

Я задумался...

Да, с одной стороны надо взять обоих, а потом уже разбираться. Но не спугнет ли это самку? Я и так дал ей повод насторожиться, вызвав в замок.

— Лучше дождись, пока Рруззиана покинет гнездо. Она готовится к новой кладке, молодым самцам еще трудно выбирать за кого драться. Будет жаль, если они все погибнут, защищая мать.

Многовековой инстинкт. Охранять территорию гнезда и оберегать свою аррграу.

Арахниды живут в гнезде матери до ее следующей кладки, потом часть уходит, а часть остается, чтобы помочь растить молодняк. Но потихоньку все старшее поколение покидает гнездо, остаются лишь отцы и молодые самки.

Но если сейчас там пока весь подрощенный молодняк, физически уже сильные воины, а на голову — темпераментные горячие мальчишки... Попытка захватить их мать чревата массовой резней. Конечно, можно воспользоваться силой Аррахшшира. Только он не будет сильно разбираться — уничтожит сразу все гнездо.

А ведь в заговоре против меня участвовала не только Рруззиана. Я уверен, что одна она не справилась бы.

В голове куча вопросов!

Во-первых, зачем надо было связаться с Аиной? Каким образом? Кто это сделал, арахниды или эльфы?

Черт! Если эльфы... то Илуватор будет немного расстроен, потому что в поселении возле Бердиньярского королевства живут его родители.

Во-вторых, откуда стало известно о гитаре, хранящейся у рода Диндэниэль? Через разум ученика старого эльфа? Да, спятившая бабушка Дины упоминала, что великий эльфийский маг когда-то давно был близок с их родственницей, владеющей музыкальной магией. Значит, он мог знать о гитаре... Старого морра арргросса заманили на алтарь не музыкальной магией. Но что мешало им использовать ее против меня, если они знали, как управлять этой чертовой гитарой?

И это знание Рруззиана могла получить, выев мозг ученика... Конечно, об этом могла знать еще и Тамиша. Но у нее в голове Ил не нашел никаких важных тайн. Что еще раз подтверждает мою догадку — ее просто использовали, чтобы добраться до меня.

Черт побери! Не простил бы я ее. Ни тогда, ни сейчас...

Просто жаль. Жаль, что она любила меня так странно. Не доверяла. Ни разу не поговорила о своих страхах и сомнениях. Все решила за меня, даже не поинтересовавшись, хочу ли я быть спасенным, тем более такой ценой. Хочу ли я спастись, став предателем. Хочу ли я умереть на алтаре, черт побери! Ведь я — не арахнид! Сдох бы... от ее спасения.

И амулет этот... Зачем он был нужен той, которая любила? Зачем скрывать свои чувства, менять их... Нет, понять — могу, простить — никогда. Но хорошо, что я ее не убил. Пусть живет...

— Рруззиана — сильная самка, — в голосе Рраушшаны прозвучало уважение. — Она сможет уйти в темные пещеры, заподозрив опасность. И сможет забрать за собой все гнездо.

Черт... Придется ждать, пока она соизволит сама заявиться ко мне для беседы.

— Я попрошу подругу присмотреть за ней. Скажет, что ее тоже вызвали. Что всех вызывают. Просто поговорить.

— Хорошая идея, — кивнул я и побрел обратно к себе.

Когда я подозревал Илуватора, дышать было тяжело, словно на груди каменные плиты. Но теперь...

Для слежки за арахнидами придется попросить воинов у кланов ночи. Не арахнидам же поручать следить за своими?

Уснул я лишь с рассветом. На этот раз прямо в кресле. Последней осознанной мыслью было: «Надо выставить всех нейтралов и светлых из замка»...

Утром я еще покрутил эту идею у себя в голове и признал ее не очень здоровой.

Надо усилить слежку за всеми. Вдруг Рруззиана попробует связаться с кем-то из союзников? Тогда у нас будет не одна бесценная голова для вскрытия, в которой хранится весь план заговора, а несколько.

Одуванчик-40

Этот бал заметно отличался от предыдущего. Во-первых, он начался почти сразу после полудня — мы едва успели закончить с платьем, прической, и “переодеванием” Ила с помощью магии иллюзий. Виллиречика уже почти на бегу выдавала эльфу последние советы, а он быстренько подправлял детали.

Во-вторых, сегодня гости не толпились в зале, а свободно гуляли и танцевали между огромным комплексом прудов, бассейнов, протоков и крохотных водопадиков. Я даже не знала, что на территории крепости есть такое место! Впрочем, здесь жили только русалки, причем светлые, понятно, что меня никто не приглашал полюбоваться водной феерией.

А в остальном все было уже знакомо: эльфы-бедные-родственники, Виланд-вишенка-на-торте, танцы темных рас...

Вот только сегодня отсидеться в сторонке не получилось с самого начала. Повелитель выждал, пока все присутствующие займут свои места, и громко объявил:

— За многочисленные заслуги я наградил лорда Илуватариона Мориервиалю правом создать отдельную расу, которая войдет в состав избранных и будет называться «эльфы сумрака». Сумрак — это темнота, в которой еще можно различить свет. Эльфы сумрака станут тонкой гранью между эльфами ночи и эльфами дня. Имя первого, старшего рода новой расы будет Лувиненлиар. Пока только двое принадлежат к этому роду, — Виланд всего лишь посмотрел в нашу сторону, а мне показалось, что окружающие эльфы каким-то непонятным образом слегка раздвинулись в стороны, оставляя вокруг нас пустое пространство. Хотя, на самом деле, никто из них даже не пошевелился. Зато кожа буквально зачесалась от множества взглядов, и по рядам гостей словно легкий ветерок прошелся.

— Но я уверен, что уже сегодня вечером сумеречных эльфов станет больше. Лорд и леди Лувиненлиар могут, если пожелают, принять в свой род любого, решившего отказаться от связей со светлым миром, но не готового окончательно слиться с тьмой.

Где-то за моей спиной кто-то чуть слышно, но очень эмоционально выдал в пространство смачный троллий загиб. Мелодичным женским голосом. Я сначала просто ушам своим не поверила, но по тому, как дернулся Илуватор, поняла — не показалось. И что-то мне подсказывает, уже очень скоро новоиспеченный лорд будет иметь долгую беседу с собственной матушкой...

— Хитро извернулся. Вы теперь первая леди, но при этом — не моя жена. По древним эльфийским традициям создания нового рода, мы теперь сводные брат и сестра, — долетело до меня мысленное гебешное ехидство.

— Молодец какой! — так же ментально восхитилась я, незаметно посылая волну веселого тепла в направлении Повелителя. — Ну что, товарищ брат, вот ты и попался. Вступлю в заговор с твоей матушкой и срочно женю. На Клариссе. И буду требовать

племянников!

— Я тебя раньше замуж отдам, — парировал Ил, наконец-то смиряясь с обращением на “ты”. — Только пока не решил, кто больше всего достоин такого щедрого подарка. Что бы ты там за ужасы про свой мир не рассказывала, а в нашем я тебя старше, так что мне полагается заботиться о твоей судьбе. Вот и позабочусь...

— Не успеешь, — поддразнила я, стараясь сдержать смех.

Этот “заботливый брат”, страшая меня замужеством, в то же время жадно обшаривал толпу взглядом, пока не нашел свою ненаглядную вампиршу и не впился в нее глазами с самым хищным предвкушением, которое я когда либо видела.

— И потом, две уже родственницы и третья потенциальная. Сдавайся, брат, все равно нас больше, и мы в тельняшках.

— Главное, хоть в чем-то, — фыркнул Илуватор.

Мы бы еще долго обменивались ментальными шпильками, если бы не Виланд. Егс Повелительство собственной персоной возник прямо передо мной и склонился в галантном полупоклоне:

— Позвольте пригласить леди на танец? Если, конечно, ваш новый родственник не против.

— Вернешь в целости на то же самое место, с какого взял, — тихо фыркнул Илуватор, но для остальных погромче ответил: — Конечно, морра арргросс, это большая честь для нас!

Ага, честь! Скажи лучше — дружеская взаимовыручка. Сестру всучил, указания раздал, и можно походным маршем выдвигаться в сторону вампирской общины. С барабанами и пушками — чтобы торжественно и сразу конкурентов отпугнуть. Вон, какое выражение лица выкроил — уж не знаю, испугается Кларисса или восхитится, а вот на месте ее “кавалеров” я бы сразу отошла на безопасное расстояние. Маньяки — они такие... непредсказуемые.

— Я так соскучился без тебя...

Ох, мамочка моя родная... стоило поднять взгляд, и я моментально забыла и о вампирах, и об эльфах... и о том, что в спину мне буквально дует холодным ветром от чьей-то злобной усмешки, а потом внезапно жаркой недоуменной завистью. Обо всем забыла... дура я, дура. Все. И даже глупые слова про “влюбилась, втрескалась, влипла” остались где-то далеко-далеко. Разве они могут передать то, что я сейчас чувствую?

Когда-то давно я читала, что серые глаза похожи на вековой лед в северном море, такие же холодные и прячущие за своей прозрачностью бездну. Какая чушь, а почему-то вспомнилась. Наверное, потому, что это неправда ни разу. Вот эти серые глаза — теплые, такие теплые, что я купаюсь в них, и даже не прочь утонуть, как ни банально это звучит.

— Тебе очень идет это платье, — его рука скользнула на мою талию, а потом и чуть ниже. — Но, черт побери, с каким удовольствием я бы его сейчас с тебя снял! — Виланд умудрялся вести в танце и безобразничать одновременно.

Талант! Я ведь даже не помню, что мы сейчас танцуем, но это ему ничуть не мешает прижимать меня крепче, вроде как повинуюсь музыке.

— Да уж... — я тихонько рассмеялась ему в плечо, пользуясь тем, что он притянул меня так близко. — Тебе тоже идет этот костюм, но гораздо больше тебе идет БЕЗ костюма вообще.

— Надеюсь, что этот бал последний, и завтра я смогу всех разогнать.

В его голосе усталая грусть и даже легкий оттенок горечи. Да, обнимай меня крепче, целуй незаметно ото всех, тайком, как хулиганистый мальчишка на первом свидании. Я

очень хочу тебе помочь, но единственное, что в моих силах — это не мешать. Ты мужчина, ты правил этим миром несколько столетий, а я всего лишь учительница музыки из совсем другой вселенной. Девочка, потом женщина, прожившая спокойную счастливую жизнь в мирном городе... Я ничего не понимаю в заговорах, политике и войне. Но я умею любить.

Наверное, только так и правильно, потому что мой Повелитель улыбается уже совсем другой улыбкой, озорной и мальчишеской. И заговорщицки шепчет мне на ухо:

— Разгоню всех к чертям собачьим. И мы снова будем вместе, — а потом шутливо хмурится в сторону танцующей эльфийско-вампирической пары: — И никаких проглотов!

— Жадина, — подколола я, внутренне соглашаясь, что проглоты подождут... лет сто. Или двести. — Ладно, договорились, все пирожки — твои. Только с домовушками поделись, они маленькие, их жалко.

— Пирожками поделюсь... а тобой ни с кем делиться не хочу! Но проводить тебя сегодня вечером опять не получится, — в этот момент музыка взвинтила темп, и меня закружило в немыслимом водовороте так, что дыхание вон. А когда Виланд остановился, его тяжкий вздох был слышен, мне кажется, по всему залу.

— Я подожду, — да, мой Повелитель, я понимаю, мир, он такой, он требует. Сил, времени, нервов... — Подожду.

— Ты у меня просто сокровище!

А ничего, что меня уже открыто целуют, чуть ли не на глазах у всего высшего общества? Нет, мне как раз очень нравится. Главное, чтобы общество не сразу вымерло от потрясения.

Общество оказалось живучее. Когда Виланд проводил меня “туда, где взял” и галантно поблагодарил за танец, окружающие эльфы, хотя и молчали, но делали это на редкость выразительно.

Илуватор задержался, провожая свою даму к родственникам, и мне срочно пришлось сооружать такое же невозмутимое выражение лица, как у него, чтобы не кривиться от множества самых разных эмоций, прошибающих мои щиты навывлет.

Чего тут только не было... и при этом ничего хорошего. Только мама Илуватора смотрела как-то задумчиво и вроде бы понимающе. То на меня, то на сыночку в вампирской клумбе. Мне даже показалось, что в какой-то момент она мне подмигнула. Хотя, может, это просто от переутомления. Кстати, Ил утром сказал, наконец, как ее зовут, и я на удивление сразу запомнила. Мэриэль — красивое имя.

А вот папочка... Мармелад, его кантату... хорошо, что мне уже не надо заучивать это неудобоваримое нечто. Так вот, папаша подобрался вплотную почти сразу, как только ушел Виланд.

— Поздравляю, Высокая Леди Диндэниэль! Не каждой эльфийке выпадает счастье стоять у истоков нового рода!

Хм, вроде бы слова уместные, но почему меня так и тянет отдернуть руку, которую лобызает этот скользкий товарищ? Губы у него холодные, как у лягушки, а еще он чем-то странно звякнул, словно колокольчик на пол уронил.

Возможно, мне стоило настрожиться, но я пока так и не привыкла, что любое проявление магии в этом мире для меня всегда сопровождается каким-нибудь музыкальным звучанием. А тут... то ли звякнуло, то ли нет, рука на месте, следов на ней не видно и не чувствуется, кольцо тоже на месте. Вытерла украдкой тыльную сторону ладони платком и забыла. К тому же противный мармелад никак особо не отличался по эмоциям от всех остальных эльфов. Надутые снобы.

— Очень жаль, что вы не станете нашей невесткой, но я надеюсь, что названная сестра нашего сына все же примет его родителей в свой ближний круг.

Уф, слава богу, отошел. В ближний круг, ага... тебя в него сын родной не пускает, а я тем более не намерена. Вот маму — всегда пожалуйста. Тем более, это теперь не моя потенциальная свекровь, а Кларисина, я же имею полное право просто подружиться.

Следующие два или три часа я танцевала. Сначала с рыжим рогатым троллем, тем самым, что подмигивал мне на охоте. Веселый оказался мужик, и очень воспитанный. Никаких пошлых намеков, мы просто мило поболтали во время танца, а под конец он шепотом спросил, нет ли у меня еще одной знакомой северянки. Потому что, понятно, такая девушка, как я, уже давно занята, а вот подруги у меня могут оказаться еще не просватанными.

Я обещала провести ревизию среди подружек, и на этом мы расстались — тролль отвел меня к грозно насуспенному “брату”.

Илуватора едва не рвало на части — то на маму давешний орк заглядываться начинает, то сестру тролль танцует, то Кларисса загадочно улыбается в ответ на чье-то приглашение. А от папаши в деле охраны никакого толку. Может быть, его новость оглушила, может, еще чего... только мармеладный лорд смотрел куда угодно, но не на собственную жену. Причем леди Мэриэль по этому поводу ни разу не страдала.

В какой-то момент мы с вампиршей переглянулись, с полувзгляда договорились, потом дружно посмотрели в сторону “свекрови” и с ней тоже все “обсудили” без слов... а дальше илуваторской родительнице была предоставлена полная свобода действий: бдительный сыночек вынужден был танцевать все танцы. Поочередно, со мной и с Клариссой. И пока он “вытанцовывал” одну, вторая усиленно рассыпала по сторонам улыбки и приветливые взгляды. Так что к концу бала эльф едва не шипел, как закипающий чайник, пытаясь отогнать “алчную стаю холостых самцов” от двух своих женщин. На третью его просто уже не хватило.

Кстати, среди танцующих я сегодня впервые после долгого перерыва видела Стрекозу и Колючку — тех самых заводил из светлого гарема. И что-то мне показалось, что личики у них не веселые. Как выяснилось вскоре — не показалось.

Илуватор, между делом, небрежно пояснил, что дамочки слишком засиделись в крепости Повелителя, и Праушпана оперативно присмотрела каждой по мужу, раз уж тут собралось так много холостых мужиков. Понятно, выбирала она на свой вкус и советовалась, скорее всего, только с Виландом, а вовсе не с самими невестами. И теперь хрупкая стрекоза почти терялась в лапах огромного, как горный утес, чернокожего гиганта — морского тролля с южных островов. А Злючка-Колючка чопорно поджимала губы в ответ на грубоватые шутки какого-то степного шамана из орков. Но самое интересное было еще впереди!

Как оказалось, в степях и пустынях водятся не только орки.

В самых засушливых местах с давних времен обитают песчаные джинны, довольно могучие, магически одаренные, но крайне домоседливые существа. И вот среди них выискался один, не совсем нормальный — полюбил путешествия, облазил весь мир и особенно проникся к морю. И его обитателям...

Короче, чем все это кончилось. Где-то посреди родной пустыни джинн-извращенец построил огромный дворец и превратил его в поместь аквапарка с дельфинарием. А теперь, довольный и счастливый, увозил туда настоящую живую русалку. В жены, конечно, а не

просто как экспонат, но сам факт!

Я с первого раза догадалась, какую именно хвостатую пожаловал ему Властелин со своего плеча. Осиротил светлый гарем, понимаешь, сразу на трех главных стерв. Собственно, в честь этого события сегодня бал и проходит здесь — между бассейнами и фонтанами. Отдают дочь морского короля за сына песчаного султана. Нет, Виланд все же затейник — явно задался целью впихнуть невпихуемое, в смысле, так перемешать расы, чтобы они сами запутались, кто кого и за что должен ненавидеть.

Ноги потихоньку начали уставать, я уже гадала, скоро ли конец, когда ко мне снова подошел Виланд.

— Традиционный эльфийский танец в честь окончания бала с этого дня отменен. Но я хочу ввести новую традицию — танец первых лорда и леди сумеречных эльфов, но не друг с другом, а с представителями темных рас. Надеюсь, леди Диндэниэль не откажется подарить первый танец своему Повелителю.

Эх, когда Повелитель мира при всем честном народе нежно целует тебе руку, поневоле почувствуешь себя принцессой. Даже если коронованный клоун уже откровенно стебется:

— Люблю участвовать в создании новых традиций! — интересно, как ему удастся произносить настолько пафосные речи с серьезным лицом, если ментально он ржет, как конь? — Возможно, леди, этот танец из тех, о которых слагают баллады, и их будут петь менестрели, прославляя в веках вашу красоту.

— Я сочту за честь, мой Повелитель! — патетично согласилась я и мысленно добавила: — Тебе бы торговлей заняться, продавал бы камни гномам или дрова дриадам.

— Я примерно этим и занимаюсь, на самом деле, — фыркнул Виланд, но развивать тему не стал. Заиграла музыка, только между жемчужными струями фонтанов на этот раз кружились всего две пары танцующих. Мы с Повелителем и Илуватор с Клариссой.

Ой, нет! Уже три пары! Мэриэль... и тот самый зеленый-рогатый... во дает! А мармеладного лорда она куда... Ага. Угу. То-то у него физиономия такая перекошенная, видимо, далеко послала.

— Илуватор не смог отказать матери, сама понимаешь. Когда женщина, ради общения с мужчиной, готова отказаться от титула Первой Леди рода, это очень серьезно.

— Да... — согласилась я и через секунду забыла и о леди, и о лордах, и вообще обо всех.

Пропади они пропадом! Это мой мужчина! А кареглазую брюнетку, ту самую, я сегодня на балу не видела...

Виланд, словно почувствовав мой настрой, притянул и поцеловал в губы, пользуясь тем, что от зрителей нас скрыли рассыпающиеся радугой струи одного из фонтанов. Мы оба замерли, жадно целуясь, всего на мгновение, заполненное звенящей тишиной, а потом танец увлек нас дальше.

— К черту эту конспирацию! Ты моя... Моя женщина, и плевать на них всех! Пусть завидуют!

И я счастливо засмеялась, напрочь игнорируя отчетливую угрозу, которой на меня повеяло от внезапно появившейся из ниоткуда брюнетки. Тамиша стояла среди гостей и смотрела... смотрела... а мне было все равно.

Даже когда Виланд ее тоже заметил, нахмурился и пронзил таким взглядом, что нарушительница спокойствия словно вылиняла и мгновенно испарилась, я не заострила на этом внимания. Есть она, нет ее... какая мне разница? Это — МОЙ мужчина. Он сделал выбор.

Музыка стихла, в тишине Виланд отчетливо выдохнул, демонстративно поцеловал меня в шею, интимно, почти вызываяюще, куснул за мочку, потом за заостренный кончик уха, потом снова в губы... отстранился, улыбнулся и позвал:

— Лорд Илуватарион, я жду вас в своем кабинете, проводите леди Диндэниэль до дома и возвращайтесь, — а мысленно добавил, уже мне: — Запри дверь на все замки. И никаких ночных прогулок! Сидите все по домам и не высовываетесь! Охрана будет поблизости.

Я и опомниться не успела, как оказалась в саду, на полдороге к дому. Шустрый гебешник, словно на лету, подхватил меня под руку и с такой скоростью утащил с мероприятия, что я даже не попрощалась ни с кем.

— Никаких расследований, никаких диверсий, никаких прогулок, запереться и спать. Без вечерних посиделок, чая на террасе и обсуждения местных сплетен! Завтра душу отведете. Я понятно объясняю?!

— Угу, и очень грозно, — согласилась я. — Есть, мон генераль, в смысле, командир. Я все понимаю. Побереги его и поберегись сам, а я буду сидеть тихо, как мышь под веником. Только еще один момент, вдруг это важно. Мне кажется, что в день, когда пытались похитить Виланда, в гареме была какая-то посторонняя арахнидка. Взрослая, со спины очень похожая на аррграу Праушшану. Только волосы не седые.

— Откуда тебе это известно? — Илуватор так резко остановился, что я чуть не упала, но он удержал меня. Эльф подобрался и весь как-то ошетинился, словно ищейка, напавшая на след.

— Женские посиделки и бабские сплетни, — я коротко и сжато пересказала все, что принесла на хвосте сорока-Лиидия. И озвучила собственные выводы:

— Таких совпадений не бывает. Вряд ли почтенная пожилая аррграу оправилась от ментального удара быстрее, чем обученные воины, вряд ли она умеет быть в двух местах одновременно, а уж исчезнувшая седина...

— Как зовут девушку, которая видела раздвоившуюся аррграу Праушшану?

— Гайлисса. Она была ближайшей соседкой Лиидии.

Илуватора чуть не подбрасывало на месте от нетерпения, но он только сжал зубы и ускорил шаги — теперь мы почти бежали. Ответственный у меня братец, сказано доставить до дома — тащит, несмотря даже на то, что готов на крыльях лететь с важной новостью.

Мое зеленое крылечко уже виднелось сквозь густую листву, когда мы наткнулись на развеселую парочку.

Арахниды стояли на тропинке лицом к лицу, практически не двигались, лишь выражение каменных физиономий иногда менялось, так, слегка, оттеночно. Прашшард держал большую корзину, накрытую тканью, как последний оплот и стенку между собой и паучихой, Ришшика соблазнительно дышала открытым декольте и гипнотизировала “добычу”.

Эта парочка так увлеклась друг другом, что даже наше появление они не сразу заметили. А когда мы подобралась вплотную, Прашшард дернулся и “подобрал” лапки, после чего с некоторым облегчением устоялся на эльфа, при этом настороженно косясь в сторону своей дамы.

Ситуация, как я поняла, была из разряда “и хочется, и колется”. Така-ая красивая Ришшика, вся из себя с волосатыми лапками, крепким панцирем и шикарным декольте... и явно паукожадными намерениями. Угу, “поймать и воспитать”. Пойматься Прашшард был вроде как не против, а вот воспитываться не горел желанием. Поэтому, подчиняясь

инстинкту самосохранения, он даже корзинку переложил так, чтобы отгородиться ею от слишком хищной “воспитательницы”.

Ришшика же, не слишком довольна фыркнув, запустила в корзинку руку и смачно захрустела добытым оттуда зелёным волосатым фруктом. А фруктом ли? По-моему, у него лапки... или щупальца.

Илуватор на прощанье сжал мои пальцы и мысленно напомнил, что из-под охраны ни шагу, прощально кивнул и смотался, коротко переглянувшись с Ррашшардом.

— Грау Ришшика, леди Диндэниэль, я принёс всего понемногу, фруктов и даже сладостей. Позвольте проводить вас домой? — вежливо пригласил нас арахнид.

— Ты в любом случае идешь с нами, я тебя не отпускала, — тут же заявила новоявленная кокетка, отбрасывая в кусты то, что осталось от обгрызенного “нечта” с лапками.

Ррашшард кинул на девушку обреченно-грустный взгляд и торопливо вытащил из корзинки еще один волосатый... нет, у фруктов точно не бывает длинного шевелящегося хоботка!

Видимо, я слишком явственно передернулась, потому что смачно хрустнувшая угощением Ришшика радостно меня успокоила, прислав ментальную картинку: фифишули — не животные, это такие растительные вредители, которые созревают на самой верхушке неких полезных деревьев и портят их, что-то среднее между лианой-паразитом и тлей. Очень вкусные! Паучьи сладости, мдя.

— Смотри, хоботок откусываешь (вот чем она так хрустит!), затем выпиваешь из дырочки сок, а то брызнет. Потом ешь шкурку. Фифишули растут на медоносах и соком этих деревьев питаются, потому такие сладкие.

Протянутую Ррашшардом тлю я все же взяла, но попробовать на зуб не спешила. Не внушал мне доверия этот самый хоботок... больно жалобно дергался.

Арахнид внезапно едва заметно напрягся. И тут его смиренное почтение пропало, потому что он в буквальном смысле скомандовал:

— Грау, леди, в дом, быстро!

Тут же я почти физически ощутила ментальный зов, который парень транслировал в окружающее пространство. Ответный тревожный стрекот отдавался холодной дрожью где-то внутри.

Что поразительно, Ришшика, только что излучавшая уверенное превосходство и ленивую насмешку, мгновенно подобралась и, схватив меня за руку, послушно рванула в сторону дома, буквально волоком втащив меня на веранду.

Ррашшард, напряженно оглядываясь, шагнул за нами следом, и тут на его зов пришел ответ.

Впервые за все время пребывания в этом мире я вздрогнула, увидев проломившегося сквозь заросли арахнида. И хотя уже через секунду я узнала Рремшшурга, второго советника Виланда, выдохнуть с облегчением почему-то не получалось.

— Самок в дом, я охраняю. Проверь посты!

Конечно, он это не словами сказал, но его направленную ментальную команду почему-то поймала и я. Ох, как мне все это не нравится... страшно. Не знаю, почему! Просто страшно, и все!

Ррашшард дернулся было выполнить приказ своего непосредственного командира, но что-то заставило его притормозить. Что-то... наверное, от страха и напряжения у меня

обострился дар менталиста, но я прекрасно слышала и понимала все.

Ррашшард снова послал ментальный зов, точнее, два зова, один за другим: приказ своему картушшеру явиться в зеленый дом немедленно и четко сформулированный запрос еще кому-то...

И в следующую секунду начался хаос.

Ррашшард все еще стоял между нами и Рремшшургом, поэтому первый удар оказался направлен на него. Неожиданный жесткий выпад узкой саблей парень отбил почти рефлекторно, корзинка со сладостями взлетела и грохнулась прямо на деревянный пол веранды. Нам с Ришшикой под ноги. Зеленые мохнатые фифи... фигни разлетелись по гладким доскам, лопааясь от удара и дополняя картину всеобщего помешательства резким противным писком.

Если бы я была одна, Ррашшард справился бы. Но нападающий воспользовался тем, что, поскользнувшись на зеленой липкой гадости, я не успела метнуться к двери в дом, как это сделала Риша, а отступила в сторону, чтобы удержать равновесие, и мы с арахнидкой невольно разделились.

Рремшшург, отмахнувшись от наседающего охранника, резко бросил... что-то... что-то, взорвавшее мой слух диким скрежещущим диссонансом, в Ришшику.

Когда пытаешься пересказать случившееся, выходит длинно и немного неуклюже. А, на самом деле, между появлением второго советника и смертельным заклинанием, летящим в мою подругу, не прошло и нескольких секунд. Быстро все, так быстро...

Я всего лишь обычная женщина. Я — не боец и не спецназовец, даже не спортсменка. Я не умею мгновенно реагировать на опасность. И когда Ррашшард в отчаянном броске закрыл собой будущую аррграу, единственное, что я успела — это мимолетно ужаснуться.

Жесткие паучьи лапы схватили меня поперек туловища и с силой зашвырнули в темноту.

Одуванчик-41

Хорошо, когда в замке кроме арахнидов еще достаточно союзников. Плохо, что приходится строить хорошую мину и скрывать свои планы от самых близких. От тех, с кем привык советоваться.

Как ни странно, но утаивать кое-что от Ремми у меня получалось лучше, чем от Рида.

Секретарь — это почти тень, тот, кто в курсе всего, тот, кто иногда слышит даже твои мысленные рассуждения, потому что от него не прикрываешься... Скорее бы уже все решилось, черт побери!

— Виланд, подумай о ком-то, кто заменит Рридфферта, — Илуватор дождался, когда я закончу разговор с очередным темным генералом, чтобы ментально влезть со своей паранойей. — Даже если он не замешан в заговоре, все равно он — сын Рруззианы. Преданный сын.

— Мне нравится мой секретарь, и я не готов его менять!

Черт, умом я понимаю, что Ил прав. Рридфферт всегда был предан в первую очередь матери, а уже потом — мне. Это Рремшшург уже давно независимый от матери самец, хотя пока и без нового гнезда. А Рид... Но он же незаменим, черт побери!

— Как знаешь... Может, лучше самых подозрительных изолировать?

— Так мы создадим ненужную панику. Возможно, мне только кажется, что готовится очередное покушение.

— Будешь сидеть и ждать, удастся оно или нет? — Ил посмотрел на меня с осуждением.

Конечно, гораздо удобнее срабатывать на опережение. Заподозрил — в подземелье. Там разберемся. Если что — извиниться и выпустить. Можно даже не извиняться...

Пока шла война, и в первые мирные годы этот метод себя оправдывал. Но не сейчас. Черт, не сейчас, когда я столько лет потратил, чтобы наладить взаимоотношения между странами и целыми расами. Если мы снова начнем хватать всех, кто покажется нам подозрительным, вновь поднимется шквал ненависти и страха...

А я уже начал подсчитывать, сколько, примерно, светлых эльфов рискнет перекинуться в сумеречные.

— Не один же ждать буду, в хорошей компании, — буркнул недовольно и кивнул в сторону бара: — Давай лучше выпьем, всю ночь мечтал.

— Брось, она того не стоит...

Илуватор быстро и точно уловил одну из главных причин. Проблема в том, что их было две... Предательство Тамиши я пережил уже давно, просто немного ноет в груди, но скоро отпустит. А вот предательство Реми и Рида... Реми или Рида... Черт! Двести с лишним лет с одним и почти триста с другим... Да я Илуватора меньше знаю!

— Виланд, соберись! Если им не хватило мозгов оценить то, что ты сделал для всей этой восьмиугой армии, то ты в этом не виноват! Они оба все время были рядом и видели, как ты перекраиваешь этот мир. Ты не просто вытащил их из пещер. Ты дал им возможность перестать быть чудовищами, которыми пугают детей. Люди вызывают их для защиты от обезумевших правителей, они оберегают покой мирных жителей во время войн. Ты и войны сделал «игрушечными», чтобы все могли спать спокойно, жить спокойно... под защитой арахнидов. И если кому-то не хватает ума понять, с каким трудом это тебе удалось, и как это важно — он недостоин твоей жалости.

Я с удивлением уставился на друга. Ил редко говорил пафосные речи, к тому же так эмоционально. Нет, я знал, что он не настолько циничная сволочь, насколько пытается казаться. Но что он так хорошо улавливает суть всего того, что я делаю. Спать все расы в единое целое — да, но еще и сменить восприятие арахнидов. Я хотел, чтобы их перестали воспринимать как чудовищ. Черт, да! Меня задели за живое слова Тамиши и то, как легко она сделала свой выбор в пользу эльфов. И это при том, что она жила со мной столько лет, с нами... Как она могла предать целую расу, вместе с которой бок о бок прожила почти пятьдесят лет?!

— Виланд!

— Я триста лет уже Виланд! Какого... ей не жилось спокойно?! Зачем она приперлась и на кой... рассказала мне о дочери?! Я — отец королевы Бердиньярской! Что мне теперь делать с этим знанием, черт побори?!

Главное, вспомнить не могу, когда я так оплошал? Нет, все возможно, конечно... Выпил много или слишком увлекся процессом.

— Забудь, — Ил все же дошел до бара и налил нам по две стопки гномьего самогона. Самый лучший напиток перед балом. — Отец — это тот, кто воспитывал и растил с детства. А не тот, кто, трахая женщину, оказался настолько неосторожен, что она забеременела.

— Ты прав, — я залпом выпил содержимое стопки. — У королевы Бердиньярской есть родители. И это — не я, и не Тамиша.

Ил молча одобрительно кивнул, тоже залпом влил в себя самогон и брезгливо поморщился:

— Редкая дрянь! Рруззиана так и не появилась?

— Нет. Но подруга Рраушшаны сообщила, что в гнезде ее уже нет. Зато есть свежая кладка, вокруг которой бегают только совсем старые или очень юные самцы, и совсем молоденькие самки.

— А остальные?..

— Остальных ищут, чтобы успеть нейтрализовать до того, как они доберутся до меня. Сам понимаешь, если Аррахшшир почувствует в них угрозу, то убьет. Это будет не честный поединок по всем правилам, а бойня...

— Не нравится мне все это... — Ил посмотрел на меня с плохо скрываемым укором, словно это я был виноват в том, что происходит. — Обстановку в остальных гнездах проверили?

— Проверяем. Довольно сложно это делать в обход Рремшшурга...

— Понимаю, — во взгляде Илуватора промелькнуло сочувствие.

— К счастью, у меня есть Рраушшана, у нее связи не с самцами, а с самками. Сейчас это важнее. Реми я так и сказал, он даже согласился. Вроде ничего не подозревает.

— А Рид?

— Рид с утра отпросился и сидит на берегу озера.

Мы с Илом понимающе переглянулись. Конечно, возможно, у моего секретаря серьезное романтическое увлечение русалкой, но что-то как-то смутно в это верится. Хотя на поверхности его мыслей и были разнообразные эротические фантазии, но было там и что-то еще...

— Засадить обоих в камеры ты не хочешь? Они бы поняли. Я бы понял.

— Согласен. Если я посажу невиновного, потом разберемся и все выясним. А если виновного? Пойми, я их считывал, Ил. Если у них в головах и есть что-то интересное, то его немного. Не хочу спугнуть более крупную дичь.

— По три вампира на хвосте у каждого не покажутся этой дичи подозрительными? — Илуватор скептически фыркнул, а потом уточнил: — Вампы — лучшие шпионы, согласен. Просто я их недолюбливаю.

— Знаю. У тебя на них зуб. Клык.

Мы оба рассмеялись, а потом Ил пошел за Диндэниэль, а я в покои Оливии. Надо было с ней обсудить кое-какие нюансы — ведь сегодня, кроме бала, были запланированы еще три брачных церемонии.

Не очень понял, что на меня нашло на балу, но, глядя на Дину, я вдруг решил: «К черту! К черту эту всю конспирацию! К черту то, что она — эльфийка... Пусть все заткнется!».

Да, именно сейчас, когда я балансирую на грани, когда на меня готовится второе покушение, когда я знаю, что меня предали те, кому я верил, как самому себе! Или тот, кто прикрывал мне в бою спину, или тот, кто знал практически все мои тайны. Да, именно сейчас, когда внезапно выяснилось, что среди моих арахнидов... моих, черт побери!.. есть те, кто готов меня уничтожить. Когда каждый союзник на вес золота... Именно сейчас мне вдруг стало все равно.

Нет, я не собирался отказываться от власти, сдаться и лечь на алтарь. Не дождутся!

Но раз вновь будет решаться кто со мной, а кто против меня... решаться и среди темных, и среди светлых, и среди арахнидов... Самое время поставить всех перед фактом: я выбрал Дину. Пусть или примут, или подавятся, черт побери!

Это моя женщина, и она будет со мной рядом, нравится им это или нет!

Если мы победим... Если... Черт, никаких «если»!

Да, сразу после третьего танца Оливия тихо удалилась к порталу, прихватив всю свою семью. Надо оставить как можно меньше соблазнов для врагов.

Но, и кроме моих родственников, здесь достаточно тех, ради кого я готов сражаться. Дина — одна из них. И я хочу, чтобы она была со мной рядом. Хочу, черт побери! Это будет правильно — новая эльфийская раса объединится с вампирами и арахнидами. Это будет политически правильно... наверное... Да плевать, черт побери!

Я так долго действовал обдуманно, взвешенно, просчитывая реакцию, выгоду... Пусть радуются, что Диндэниэль уже не светлая эльфийка, а сумеречная!

Отправив Илуватора провожать мою практически в открытую объявленную любовницу, я рванул к себе в кабинет, выяснять обстановку.

Рруззиана так и не появилась, но детей ее гнезда удалось выманить. Их уже обезвредили, пусть и не совсем в честной схватке. Самки не любят зря убивать своих самцов, тем более молодых.

Пока я развлекался на балу, пожилые арахнидки активно передвигались через порталы из гнезда в гнездо, прослушивая и выслушивая общий ментальный настрой.

Да, Рруззиана иногда вспоминала прежние времена, но ее ностальгию мало кто поддерживал, воспринимая как блажь или как тоску по молодости.

Все знали, что ее сыновья преданно служат морра арргроссу. Но также знали, что один из них мог бы сам стать носителем сердца арахнидов, так что ее неприязнь ко мне казалась вполне естественной. Никаких вызывающих подозрение действий, никаких внутренних заговоров. Мои подданные по-прежнему были преданы мне, кроме одной безумной самки, которой я перешел дорогу, став морра арргроссом вместо ее сына.

Прекрасно. Одна безумная самка, да еще и разделенная с собственным гнездом, это не заговор внутри расы. Осталось только понять, с кем же спелась Рруззиана. На что рассчитывала? Не могла она провернуть весь заговор в одиночку. Ей же надо было как-то выйти на Аину, на Дину и ее гитару, надо было... М-да, получается, что помогали ей все же эльфы. Кто-то из них ненавидит меня настолько, что связался с арахнидкой. Черт... Что ж им нейдет-то?! Я же, можно сказать, их от самих себя спасаю!

Ведь дорвутся до власти, устроят очередную войну, перебьют всех... Только сейчас за ними пойдет намного меньше людей, чем в первый раз. А еще через сто лет за ними не пошел бы никто. Ладно, через двести... И, черт побери, я доживу до этого дня!

— Морра арргросс? — в кабинет, после стука, просочился Вишал. Наг выглядел очень озабоченным и немного озадаченным: — Ваш секретарь, морра арргросс...

— Что с ним? — Началось... Черт... Неужели и Рид тоже?..

— Он словно спятил. Мы не можем его успокоить, он кидается на моих парней, грубит и лезет драться. Еле удалось его оглушить и связать. Мы его запрем в свободной камере? Пока в себя не придет?

— Да, заприте. Только тихо, чтобы никто не видел, даже Рремшшург. И парням скажи, чтобы помалкивали — все-таки он мой секретарь. Я потом его навещу вместе с Илом.

— Уверены, что Реми не стоит говорить? Может, он определит, что с ним?

Вишал был дружен с моим вторым советником, как и многие другие командиры. Им часто приходилось взаимодействовать. Именно поэтому о моих подозрениях насчет Рида и Рема знали только вампы — их ментально считать почти невозможно, тем более если они выставят щиты. Вот любого другого — запросто. А я не хотел спугнуть Рремшшурга раньше

времени.

— Не надо. У него уже был такой приступ, я знаю, в чем дело. А Реми будет потом над Ридом подшучивать, сам понимаешь.

— Это у него из-за бабы, что ли? Перетрахит? — Вишал похабно ухмыльнулся, при этом незаметно с облегчением выдохнув.

— Короче, запри в камере и скажи своим, чтобы помалкивали. Считайте, что это государственная тайна, — я тоже подмигнул нагу, не отрицая и не подтверждая его версию. Но ему было и не надо. У змей бывают проблемы из-за перевозбуждения. Что-то со сцепкой... Я сильно не интересовался этой интимной подробностью. Почему бы не быть такой же у арахнидов?

— А! Чуть не забыл! Пока мы его вели, он все время бубнил о том, что предать — значит, умереть. А он не хочет умирать, поэтому выбирать не будет.

— Так и говорил? Дословно?

Нет, я на сто десять процентов был уверен, что заговорщица — Рруззиана, но теперь не осталось никаких сомнений. «Предать — значит умереть». Предать аррграу своего гнезда — значит, стать изгнанником, пока тебя не примут в другом гнезде. А иногда это означает и буквальную физическую смерть, особенно для самца, который так привязан к своей матери, как Рид. Предать своего морра арргросса — значит пойти против целой расы. Это тоже своего рода смерть.

Рридфферт хочет жить, поэтому выбрал не выбирать. А ведь мог бы покончить с собой и уйти во тьму. Хорошая новость. Значит, когда все закончится, мне не придется искать нового секретаря.

Но с чего бы вдруг он так взбесился именно под вечер? Весь день сидел на берегу, кокетничал с русалкой, смущал следящих за ним вампов... Черт!

— Где Рем?!

Пролетев мимо ошарашенного Вишала, я помчался вниз. Похоже, веселье начинается.

Быстро предупредил всех вампиров, приставленных к каждому картушшергерру союзников. Выслал зов своим арахнидам, объявляя боевую готовность по всему замку. Да, Рид не хотел выбирать, но все равно он сыграл на моей стороне, предупреждая об опасности.

— Виланд, это Рруззиана, никаких сомнений, — обрадовал меня незаметно оказавшийся рядом Илуватор.

— Никаких. Рридфферт только что подтвердил это, отказавшись плясать под ее дудку.

— Отлично. А где Рремшшург?

— Сам ищу, — я еще раз прослушал ментальный фон, особенно тот, что шел из сада... И легкое удивление среди аррархов мне совершенно не понравилось. Да, вот волна удивления сменилась печалью... Черт побери!

— Диндэниэль?..

— Я оставил ее под защитой Ррашшарда. Неподалеку от него, может, и не все шестьдесят четыре арахнида его картушшера, но половина — точно.

— Ты забыл про иерархию... — я судорожно пытался связаться с Ррашшардом. Будь парень постарше, все произошло бы быстрее... Уф!

Даже не удосужившись пояснить Илу, что происходит, я направил в сторону домика Дины отряд орков и сам побежал в том же направлении, чувствуя, что опаздываем... мы все опаздываем!

Кусты, деревья... поворот, еще поворот...

Тело не успевает за скоростью моих мыслей, но для создания портала, особенно на территории замка, даже мне требуется помощь второго мага. Сильного мага, такого как Ил или Реми.

Зачем Рремшшургу — Дина?! Самцы арахнидов никогда не воюют с женщинами. Ниже пасть некуда!..

Мысли мелькают в голове, ветки кустов перед глазами... Я мчусь вперед, уже не касаясь земли, но, даже левитируя, чувствую — медленно. Медленно, черт побери!

Скорее всего, Рем исполняет приказ матери. Зачем Дина Рруззиане?! Зачем...

— Гитара... — бросил мне ментально в спину Ил, обогнав по скорости рассуждений.

Да, точно! Музыкальный маг... Дина — музыкальный маг. Почему-то я забыл об этом. Для меня она в первую очередь была девушкой... Девушкой, которую я хотел... С которой я хотел... Девушкой, которая должна быть рядом со мной, постоянно!

Уже на подлете к забору я понял — мы не успели... Но раз она нужна, значит, она жива. Жива, черт побери!

Узнав все, что здесь произошло, из памяти Ррашшарда, я ободряюще кивнул парню и кинулся в дом.

Где она ее хранит? В спальне? Взволнованный писк улешиков — с кухни.

Я успел в последний момент, гитара уже была в руках у Илуватора, и он с размаха собирался приложить ею о стол.

— Нет! — быстро выхватив опасный инструмент, я отрицательно помотал головой, — не смей! По ней мы отследим, где они прячут Дину. Другой возможности у нас может не представиться.

— Ты идиот, — выдохнул Ил, скорее сочувственно, чем осуждающе. — Знаешь, тебе надо чаще влюбляться. Выбатывать иммунитет на женщин... А то опять на чаше весов с одной стороны целый мир, а с другой...

— Можно подумать, ты повел бы себя иначе ради Клариссы, — буркнул я, устало падая на стул и гипнотизируя лежащую у меня на коленях гитару.

Все на кухне напоминало о Дине, казалось, что она просто вышла на пару минут и сейчас войдет, улыбнется... Даже эта чертова гитара напоминала. Я словно видел ее в руках у Диндэниэль. Видел, как ее пальцы перебирают струны, слышал ту странную мелодию...

— И у тебя не получается связаться с Рремшшургом? — мой вопрос Илуватор предпочел проигнорировать, тоже уставившись взглядом на струны гитары.

Правильно, потому что ответить нечего. Такой же идиот...

Мы понимающе переглянулись и оба довольно хмыкнули.

Струны...

— Морра арргросс! Возле замка обнаружена подозрительная активность. Эльфы и люди. Прибывают через портал неподалеку и стараются бесшумно рассредоточиться в лесу, — совсем молоденький седешшергерр, похоже, впервые вышел со мной на связь лично.

Я просто чувствую, как он перебирает всеми восемью лапами от волнения и нетерпения. Того гляди и будет возможность проявить себя в бою, в первом бою. В первом настоящем бою... Мальчишка!

— Нас собираются атаковать, — объявил я Илу и уже привычно сцепил наши разумы. Теперь если что-то докладывали мне — слышал он, и наоборот.

— Уверен, они рассчитывают на помощь изнутри, иначе эта затея обречена на провал, — мы понимающе переглянулись.

Во дворе мелькали арахниды и аррархи. Ррашшарда уже унесли в лазарет. Тела трех убитых вампов, приставленных следить за Рремшшургом, притащили к крыльцу. Когда все закончится — их сожгут, этой или следующей ночью.

— Прими мои извинения, Виланд, — отец Клариссы возник из темноты, как всегда бесшумно. — Мои люди не справились с заданием. Клан признает свою вину.

— Твои люди не сбежали, а погибли, сражаясь. За ними нет вины. Но виру я возьму. Быть тебе тестем эльфа, — я хлопнул старого вампа по плечу. — А теперь давай аккуратно вычистим замок.

— Предателей по возможности брать живыми! — это я уже отдал приказ всем союзникам и арахнидам.

Я по-прежнему надеялся, что нам удастся вычислить не только исполнителей, но и верхушку заговора. Поэтому часть арахнидов и вампиров растворилась в лесу, чтобы тихо и незаметно вылавливать прибывающих. Это явно было пушечное мясо, отвлекающий фактор. Но у них в головах могла быть важная информация. Сигнал к действию, например.

А люди Ила, привыкшие не выделяться и не привлекать к себе внимания, одновременно являясь действительно просто людьми, начали тоже тихо и незаметно перемещать из комнат замка в подземные казематы некоторых моих самых подозрительных гостей. В их головах тоже могла быть важная информация...

Очень хотелось обойтись малой кровью, при этом поймав не только тех, кто плавает на поверхности, но и тех, кто всем заправляет. И, возможно... возможно, знает, где прячется Рруззиана.

Это так удобно, когда все заговорщики собраны в одном месте и ни о чем не подозревают, уверенные, что победа уже почти у них в руках. А все менталисты в замке на моей стороне.

Но какова тварь, черт! Внутри меня на секунду полыхнула такая ненависть, что мне показалось, будто я вижу эту... чертову самку! В какой-то пещере... напротив нее на полу валяется тело... женщина... моя женщина!

Нет, я вижу все глазами Рремшшурга... Реми... Почему ты предал меня, брат?! Ты, с кем вместе я вырос? Как ты мог?!..

Одуванчик-42

Меня швырнуло о стену. Я ударилась о неровные острые камни, рассадил локоть, колено, и по виску тоже потекло что-то горячее. В первые секунды мозг, вообще, отказывался воспринимать реальность. Особенно, когда кто-то очень больно впился в лодыжку и за ногу потащил меня по неровному каменному полу дальше в темноту.

В голове смутно всплыло книжное и не совсем ясное “сгруппироваться”, я еще успела подумать, что понятия не имею, как делать это правильно. Но тело само сообразило, что голова нам еще понадобится. Свернулось насколько могло в комочек и прикрылось руками.

К счастью, пол был не только неровным, но еще и очень мокрым. Липкая, пахнущая затхлостью грязь смягчила рытвины и кочки, благодаря ей я не набила себе слишком много новых шишек и не ободрала бока.

Постепенно темнота отступила. Или эльфийские глаза привыкли, или в той пещере, куда меня приволокли, действительно было светлее. Лицо было залеплено грязью, я вся в ней перемазалась, но все равно старалась оглядеться, чтобы понять, откуда может грозить опасность. А то, пока глаза зажмурены — кажется, что со всех сторон. И очень страшно.

Безжалостные клешни, терзавшие лодыжку, наконец, разжались. Да, второй советник...

Рремшшург... это он забросил меня в портал и прыгнул следом. Стоит надо мной окровавленный, панцирь проломлен, и половина ног либо неестественно вывернута, либо болезненно подергивается. Ррашшард успел его приложить напоследок... ох. Только бы сам жив остался, спасатель... Он ведь закрыл собой Ришшику.

Прежде, чем я успела как следует осмотреться, пришло четкое ощущение — здесь есть кто-то еще. Этот кто-то опасен. Очень опасен, гораздо... гораздо опаснее покалеченного Рремшшурга.

Паучиха выступила из темноты бесшумно, даже красиво, а мне впервые за все время в этом мире пришлось зажимать рот руками, чтобы не визжать, как трусливая девчонка при виде таракана. Не знаю... было в этой арахнидке что-то жуткое и одновременно мерзкое.

Все, что в Ришшике вызывало умиление, все, что в Ррашшарде казалось мне красивым и интересным, а в Рраушшане величественным, в этой... даме... выглядело угрожающим, хищным и безжалостным. Страшнее всего было ее лицо — холодное, надменное, равнодушно-брезгливое.

Она не только на меня так смотрела. Покалеченный арахнид, опустившийся перед... своей матерью в традиционном поклоне, удостоился не менее презрительного взгляда и едва заметного кивка.

А потом чудовище обратило внимание на меня. Да, именно чудовище — впервые мне показалось жутко неестественным это сочетание красивого, правильного лица, совершенной, женственной фигуры и хищно-уродливого паучьего тела.

Дыхание перехватило, в голове взорвался пузырь с ледяной водой.

Это... эта... это уже было! Я знаю этот взгляд! И этот резкий, безжалостный ментальный удар.

Тварь! Это она копалась в моей голове перед покушением, это она заставила меня выбраться из безопасной комнаты в коридор!

Слава тебе, благословенная злость. Даже не злость — ярость! Она не позволила мне сдаться сразу.

Я никогда не лезла воевать первой. Терпеть не могла конфликты, ссоры, дразни. И уж точно никогда не опускалась до безобразных бабских драк. Но сейчас это была не бабская драка. Сейчас меня пытались не просто убить — хуже. Меня пытались сломать. Подчинить.

Чтобы с моей помощью уничтожить Виланда.

Да, моей противнице уже несколько сотен лет, она сильна и опытна, я ей — не соперница. Эта тварь умеет и любит ломать чужие души, коверкать, вскрывать, потрошить мысли. Разве девчонка с едва проснувшимся даром, пусть даже сто раз инопланетная и непонятная, сможет ей противостоять?

Нет.

Паучиха была уверена в этом. Она привычно и легко прятала собственное сознание за ментальными щитами, но для того, чтобы ударить, эту защиту надо опустить. Всего на мгновение...

Мне хватило. Я не играла чужими жизнями, не искала выгоды, не получала удовольствия от власти... я защищала свою жизнь.

Поэтому ударила в ответ. Изо всей силы, сама до конца не понимая, что и как я делаю. Но зато в этот удар вложила все свое отчаяние, весь страх, всю ярость...

На секунду наше сознание стало общим. Время замедлилось, перемешалось с образами, звуками, запахами... чужая память стала своей, и пока многоногая хищница переживала мои

родовые схватки и нежную радость материнства, я полной чашей пила ядовитое наслаждение властью, извращенную сладость умирающего в паучьих объятьях самца, его последний оргазм и последний ужас... Хладнокровная жительница подземелий захлебывалась в незнакомых, непонятных маленьких радостях моей семьи, а я глотала ее неумную жажду убивать и повелевать, вместе с продуманными планами и искусно сплетенными интригами.

Сколько же лет она ждала? Сколько искала? Древний эльфийский артефакт музыкальных магов и глупую человеческую девчонку, чью душу успели отравить тленом ненависти и лжи.

Не вышло... все сорвалось в последний момент, и в гневе Рруззиана попыталась уничтожить ту, что лишь благодаря невероятной случайности нарушила тщательно продуманное покушение. Да, в моей голове паучиха обнаружила много интересного, но сама не смогла закончить дело, добить неправильную эльфийку. Слишком явным остался бы след.

Может и к лучшему, что глупая человеческая девка не справилась даже с простейшим заданием. Ведь пустая эльфа вдруг стала ценным товаром. У нее появился дар — дар музыкальной магии, именно то, чего так не хватало истинным арахнидам все эти годы.

Выпитый когда-то ученик эльфийского мага очень много знал... в том числе и две заветные песни.

Первая могла оглушить и перенести двуногого узурпатора, а также оказавшихся рядом с ним эльфов в определенное место, и для нее не нужен был музыкальный маг, только гитара и марионетка, чтобы доставить артефакт поближе к жертве. Марионетка задумывалась одна, человеческая, а потом удачно подвернулась другая, эльфийская. А вот вторая песня... Вторую мог сыграть только тот, кто владеет даром и артефактом по праву и крови.

Рремшшург оказался верен аррграу своей кладки, он исполнил ее приказ и принес ей эту маленькую ушастую мразь. Быстро, потому что наглый выскочка слишком близко подобрался к правде.

Эльфийку надо сломать, поработить, сделать безвольной марионеткой. И тогда... тогда мир снова услышит песню разделения. Арахшир покинет тело недостойного и вернется к тем, кто должен владеть им по праву!

Народ пещер обретет былое величие, не оскверненное тупым человеческим милосердием, арахниды вспомнят, что двуногие — корм для высших, что лучшие самцы обязаны жертвовать жизнью ради сильного потомства, что древние законы незыблемы и верны!

Ее безумие почти поглотило меня, и я бы сдалась, но тварь не успела вовремя сконцентрироваться и нанести последний удар. Мое прошлое, не такое длинное и на первый взгляд слишком спокойное, оказалось для паучихи ошеломляющим и непривычным. Она ведь не просто видела, она тоже чувствовала все до последней моей эмоции.

Несколько хрупких мгновений вселенная замерла на тонкой паутинке равновесия...

А потом все обрушилось лавиной, и две одинаково озверевшие твари сцепились не на жизнь, а на смерть.

Я хотела убить ее, уничтожить, стереть из мира даже память о ней... к дьяволу эльфов, пауков, людей... гадина должна сдохнуть!

А Рруззианна забыла о своих грандиозных планах, марионетках и Арахшире. Сейчас для нее не было ничего важнее моей смерти.

Это обоюдное помешательство бросило нас навстречу друг другу. Не телами, только

разумами, но от этого схватка не стала менее яростной.

На ее стороне были годы и годы практики, на моей — дикая, невозможная, горячая, как лава, злость и жажда жизни. Выпад следовал за выпадом, разлетались в клочья самые прочные щиты, взрывалась память, щерилось окровавленной пастью сознание... силы были равны.

Когда в бесконечном круговороте вдруг выдавалась крошечная, меньше чем секундная передышка, каждая из нас стягивала последние резервы, чтобы ударить снова и добить противницу.

Рруззианна тяжело опиралась на стену, ее короткое свистящее дыхание слышалось так четко, что невольно сбивало мой собственный ритм. Я по-прежнему валялась в луже грязи, прямо посреди каменного зала, сжимая ладонями готовую взорваться голову и подтянув колени к груди. Но каждая из нас была готова в следующую секунду снова атаковать.

Справа от меня кто-то шевельнулся, тихий, едва слышный шорох паучьих лап прогремел под сводами пещеры горным обвалом. И тело, и разум мгновенно оцетинились ментальными иглами в направлении новой опасности.

Но со стороны изломанного, раненного Рремшшурга сейчас не “пахло” угрозой. Только горечью, усталостью и болью.

— Помоги мне! — а вот и мамаша вспомнила о своем ребенке. Ее ментальное шипение заполнило пространство, и послушный сын судорожно дернулся, поднимаясь на переломанные ноги. — Вместе мы сломаем ее! Аррахшшир вернется к истинным детям пещер!

— Не слушай! Она заставила тебя забыть о чести, о братстве... — мне не выдержать двойного удара, тварь права. Но мои инстинкты, обострившиеся до невероятности, в один голос кричат, — второй советник колеблется! Ему плохо, его рвут на части долг перед матерью и многолетняя дружба с Повелителем. — Вспомни! Разве Виланд уже не отдал вам все, что у него было?! Разве он предавал вас?! Разве он не подарил вам весь мир?!

— Этот мир и так наш! — сумасшедшая маньячка захлебнулась злобой, и ее ненависть огненным бичом хлестнула нас обоих. — Аррахшшир принадлежит только настоящим детям пещер!

— Она не оставит его в живых, не обманывайся! — Рремшшург в очередной раз резко вздохнул и чуть слышно застонал. — Прежний морра арргросс не умер на алтаре, но ему дали шанс! Виланду его никто не даст! Смотри сам!

Легкий толчок, и я наполнила его сознание кровавыми образами, которыми так “щедро” делилась со мной Рруззиана во время схватки.

Это последнее усилие, кажется, стоило мне слишком дорого.

В следующую секунду моя противница ударила, а я смогла только закричать и отползти в сторону. Дура! Она ведь нарочно меня отвлекала!

Дикий, животный крик метался под сводами пещеры, тело билось в липкой грязи, уже неподвластное разуму...

А потом все кончилось. Вот просто так, взяло и кончилось... хриплый вой постепенно стих, и через пару медленных ударов сердца я снова почувствовала, что во мне осталось что-то, кроме невыносимого черного пламени, пожирающего душу.

Сначала пришел холод. Затхлая жижа облепила меня с головы до ног, пропитала платье, забила в рот. Мышцы рук и ног все еще судорожно подергивались. У меня есть руки? И ноги? Как хорошо... только больно.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я соскребла себя с пола и попробовала встать на четвереньки, а потом уже оглядеться.

Мертвая Рруззиана смотрела остановившимся взглядом куда-то вверх, из ее разорванного горла на грудь медленно вытекала черная лента крови, покрывая атласным блеском искореженное тело, со вскрытым животом и почти оторванным паучьим брюхом.

Рремшург бессильно раскинулся рядом, не менее истерзанный и окровавленный. Но он был еще жив.

— Леди... станет... достойной... аррграу... для Повелителя...

Я мучительно закашлялась и попробовала подобраться поближе к нему. Может быть, еще не поздно помочь?

— Я уже умер... давно... слишком давно... не надо, леди... не тратьте силы. Я... позвал... он придет за вами. Скоро... дождитесь... леди... желаю вам... обоим... богатой кладки... и здоровых... личинок... дождитесь его... он придет...

Я устало прилегла прямо в пропитанную кровью грязь рядом с ним. Придет... конечно, придет. А я пока отдохну.

* * *

Очнулась я от того, что кто-то меня тормошил, обнимал и целовал. Окоченевшее тело наливалось болью, ужасно хотелось спать, и этот “кто-то” со своими поцелуями мне очень мешал.

На секунду мне показалось, что я просто неудачно упала под колеса несущейся машины, вот и отлетела в холодную лужу на обочине... Наверное, меня нашел муж? Почему не скорая? Надеюсь, я себе ничего не сломала?

Странно... мне показалось... такой яркий был сон.

Или не сон?!

Муж, конечно, мог подхватить меня на руки, но он вряд ли стал бы прыгать в светящуюся воронку, повисшую в воздухе. И у нас дома никогда не было синих шелковых занавесок в ванной... и бассейна, кстати, не было тоже.

— Виланд?

— Да. Все хорошо. Ты в безопасности. Извини, я не могу остаться с тобой, но я вызвал твоих подруг...

Подруг он вызвал... ох. Я протерла глаза и проморгалась. Подруг... а ничего, что в доме, как минимум, штук двадцать вооруженных до зубов арахнидов, и еще десяток каких-то непонятных личностей шляется вокруг и фонит ментально? Зачем тут еще и подруги?

И нечего рычать. Да, я понимаю разницу между ответственной гномкой, которая поможет мне вымыться и дойти до кровати, и вампирскими охранниками, которым в доме делать нечего, пусть стерегут снаружи. Ибо рожи у них как бы не смазливее эльфийских, зато вот засранства и умения морочить бабам головы в десять раз больше.

Да-а, вот мне сейчас только вампиров-ловеласов под боком не хватало. Нет, в целом, я не против. Особенно, когда мой мужчина сам готов биться головой о стену — как только он отвлекается на заговорщиков, меня тут же либо через перила выкидывают, либо в портал комуниздят все, кому не лень...

Но в одном я с Виландом согласна — пускай эти няшечки-кровососы охраняют внешний периметр. А мыться будем с помощью подруг.

— Илуватор заглянет чуть позже, когда ты будешь готова, — довольно фыркнув, Вил провел рукой по моей груди и животу, потом погладил по голове... когда он успел меня

раздеть? Шустрый... Не хочу, чтобы он уходил, но понимаю, что такое “надо”.

Повелитель тяжело вздохнул в ответ на мои мысли, снова наклонился и поцеловал меня в висок... потом не удержался и приник к губам.

— Надеюсь, и в этот раз все обойдется, — это он о том, что мне мозги чуть не сожгли? Ну да... По ощущениям в голове что-то осталось. Иначе, чего она так болит?

— Прости, — ну, за такой поцелуй... так и быть, прощаю. Несмотря на ворчливое настроение, на которое, кстати, имею полное право! У меня был очень тяжелый день.

— Остались небольшие проблемы, требующие моего присутствия. А тебе все равно надо спать.

— Подожди! — в памяти вдруг всплыло то, что я увидела во время ментального поединка с паучиной. Ох, даже вспоминать неприятно... особенно процесс “оплодотворения” и кладки. — Ты уже вынул из моей головы все, что удалось узнать от Рруззианы? Вдруг там что-то важное, что может вам помочь?

— Вынул, не переживай! — он теперь каждую фразу будет заканчивать поцелуем? Вот сейчас в лоб... хотя я не против. — Я только одного не понял. Почему Рруззиана и Рремшшург не потеряли сознания во время моего похищения, — Виланд озабоченно нахмурился, с надеждой глядя на меня.

— Хм... — я задумалась на секунду, потом вспомнила: — А все просто... Рруззиана очень много сведений вытянула из того несчастного мальчишки. В том числе и о том, как защититься от музыкальной магии. Ведь тебе стало плохо именно из-за нее. И через Аррахшшир она воздействовала на всех арахнидов, находящихся в крепости. Музыка — это звук. Даже если он настолько тонок, что его невозможно услышать. А что делают для того, чтобы не слушать что-то неприятное? Затыкают уши. Воском, например.

— Вот так просто? Черт побери... — похоже, настолько элементарное решение не приходило Виланду в голову, и сейчас всерьез ошарашило. Но он быстро опомнился, чмокнул меня в кончик носа и подытожил:

— Ты молодец! Ты у меня, вообще, настоящий герой!

— Нафиг такой героизм, — неинтеллигентно, конечно, зато верно. — Давай, я лучше буду трепетной леди, в крайнем случае, согласна на развратную наложницу... а воюет пусть кто-нибудь другой.

— Лучше бы вообще войн не было, — Виланд грустно вздохнул, погладил меня по волосам, а сам к чему-то прислушался. — Но иногда приходится воевать за то, чтобы жить в мире. Вот ты и сражалась, как настоящий боец. И я совершенно с тобой согласен — лучше пусть ты будешь моей развратной леди. Вот разберусь со всеми, кто меня от тебя отвлекает... Ты как раз выспишься... И начнем предаваться разврату. — Комбинатор, нотки-линейки. “Наложница” ему уже не подходит, а “трепетная”, по его мнению, мне не соответствует и, вообще, не нравится. Зато “развратная леди” почему-то вызвала довольную, ехидную улыбочку, словно он задумал что-то такое, чего делать нельзя, но если очень хочется, то можно.

— Да, для правильного, полновесного разврата сил нужно поднабраться, — согласилась я после еще одного поцелуя, теперь в губы, долго, томно и очень развратно. — Иди... разбирайся. Только имей в виду! Если сдуру позволишь кому-то себя убить, я тебя найду, оживлю и буду развратничать до посинения!

— Да уж, вы, моя леди, знаете толк в извращенном разврате! — довольно-предвкушающе хмыкнул потенциальный секс-зомби. И рассмеялся. — Начнем, пожалуй, с

шоколада. А пока, прости, но мне пора... Твоя подруга уже несколько минут скучает под дверью.

— Да слышу я ее... — как же не хочется его отпускать! Но надо. Надо!

Зельма — это вам не влюбленный Повелитель. Гномка живо выполоскала из меня остатки пещерной грязи, выгнала из бассейна, закутала в огромное полотенце и даже сама рвалась меня вытереть, я еле отбрыкалась. Помощь — это хорошо, но в меру. Труссы я тоже сама как-нибудь надену... уф.

Нет, к лешему такие подвиги. Я — женщина мирная, интеллигентная, на гитаре привыкла играть... а не уничтожать врагов с помощью этой гитары!

После купания меня отконвоировали на кухню, где усадили за стол и ткнули носом в огромную тарелку супа. Гномьего. Укрепляющего.

— Зельма, да я утоплюсь в этой лоханке! Тебя обманули, это никакая не тарелка, это корыто для мытья посуды!

— Ешь, — гномочка была непреклонна. — Ты потеряла много сил, их надо восстанавливать.

— Да я раньше лопну, чем доем!

— Глаза боятся, живот радуется. Давай, за маму... за папу... за большую гору... за глубокую нору...

— Ты еще скажи, за великого Повелителя! — рассмеялась я, покорно отправляя в рот очередную ложку вкуснейшего бульона.

— Да хоть за полевую мышку. Главное, ешь, — пожала плечами Зельма и, наконец-то, улыбнулась. А то такой серьезной была, придавленной ответственностью.

Слава богу, где-то посередине тарелки в дверь постучали, и когда мгновенно подобравшаяся гномочка открыла ее, в кухню влетел Илуватор. Слегка встрепанный, зверски уставший, но при этом чем-то довольный. Осмотрел меня с ног до головы, сунул нос в тарелку, хмыкнул и скептически выдал:

— Объясни мне, почему стоит оставить тебя без присмотра, и ты тут же кому-то срочно понадобишься, а? То твой разум, то твои магические способности? Вот советовал я Виланду запереть тебя где-нибудь в надежном месте... Надеюсь, теперь он меня послушает.

— Супа хочешь? — я быстренько пододвинула ему тазик с варевом и корзинку с хлебом.

Новоявленный братец проглотил очередное нравоучение, принялся, поморщился и вопросительно уставился на Зельму. Гномочка вздохнула и достала из буфета чистую ложку.

— Не тавур, конечно, но тоже вкусно, — подытожил оголодавший эльф через какое-то время. — А с головой у тебя все нормально, никаких повреждений нет. Научилась щиты ставить.

Я поморщилась. Воспоминания были не из приятных. А вредный братец тем временем выбрался из-за стола, выглянул в коридор и забрал оттуда...

— Нет! Ближе не подходи ко мне с этой паршивой балалайкой! — я даже отодвинулась подальше вместе со стулом и протестующе скрестила руки на груди. — Пальцем не притронусь!

— А придется, — Ил дернул плечами, хмыкнул и положил гитару на стол, передо мной. — Струны новые завтра занесу. А то старые мы порвали, на всякий случай.

Н-да... порвали — это он явно преуменьшил. Скорее, вырвали. С корнем. Поневоле стало жаль несчастный инструмент. Хотя я на их месте, вообще, разве... распи... разбила бы к дьяволу опасный артефакт.

— Я предлагал, — согласился эльф, из дверного проема наблюдая за моими метаниями. — Но Виланд не позволил. Это было единственной ниточкой, ведущей к тебе... А еще веревкой, на которой его могли в любой момент повесить.

— В следующий раз не хлопай ушами, хватай и об стену! — злобно посоветовала я, уловив его ментальный посыл. Что-то там о влюбленных идиотах, которые рискуют жизнью ради похищенных эльфиек... хорошо хоть струны сообразил повыдирать. То есть призвать гитару было можно, а вот сыграть на ней — фигушки.

— Далась тебе мои уши, — рассмеялся Ил и вышел, оставив Зельму хлопать глазами, ибо она никогда еще не видела первого советника таким расслабленным и открытым, не говоря уже о том, что лорд Илуваторион обращался ко мне на “ты”. Не я к нему — долбанутым эльфийкам закон не писан — а именно он ко мне!

Я только вздохнула, послала вслед улетучившемуся “братцу” пожелание удачи, получила ответное “ты тоже молодец, и хорошо, что все хорошо закончилось, а теперь пора всех казнить и лечить головы тем, кого казнить не надо”, и пошла спать.

Одуванчик-43

Виланд:

Некоторое время назад...

Изнутри меня разрывала злость! Черт, я просто был пропитан ею, излучал ее... Я мог бы убивать своей злостью! Я бы задушил эту самку голыми руками, без помощи Аррахшшира...

Есть у этого артефакта минус — чтобы уничтожить с его помощью кого-то, надо оказаться с ним рядом. Или убивать по прицельно-ментальной связи. Но хитрая тварь прикрывалась щитами, а я боялся нанести через нее вред всем связанным с ней арахнидам. Ведь она могла отзеркалить мой удар тому же Риду... Тварь!

Грязь, сырость, тухлый запах пещер и окровавленное тело обезумевшей твари... Легкое разочарование, что это не я ее убил. Ненависть... Да, именно ненависть!

Рремшшург тоже мертв... Боль... Да, он меня предал... оступился... запутался.

Когда стоит выбор между одним своим гнездом и целой расой, нельзя даже сомневаться.

Но не время любоваться на трупы врагов...

Усевшись возле скорчившейся в грязи Диндэниэль, я потратил несколько секунд, чтобы успокоиться. Жаль, что я не обладаю даром некромантии!

Оживить ту тварь, что так издевалась над моей женщиной и снова убить. Оживить и убить... Но не сейчас.

Подхватив девушку на руки, я шагнул обратно в портал, удерживаемый Илом.

Реми... Если бы он не послал мне координаты, неизвестно сколько времени мы бы пытались найти Дину. Закрыв глаза, я пробормотал короткую молитву-пожелание тому, кто ушел в темные пещеры. Мой брат уже подвластен другому морра арргроссу, так пусть тот знает, что я не держу зла на его нового подданного. Реми искупил свою вину. Осознал и искупил.

— Хорошо, что среди заговорщиков не оказалось магов, способных создавать и удерживать новые порталы, — пробурчал Илуватор, быстро оценивая повреждения Дины.

— Да, хорошо...

Мало кто из магов способен работать с порталами, даже в паре, так как мы... А уж в одиночку тем более. Все общественные порталы прорубались группой магов с одной и из другой точки пространства.

Я насторожился, когда Ил чуть нахмурился, диагностируя разум Дины, но он тут же успокоил:

— Вроде все цело. Надо убедиться еще раз, когда леди будет в более ясном сознании.

Что ж, Диндэниэль жива и, скорее всего, здорова. Пора решать другие проблемы.

Но разве я мог сразу развернуться и уйти? Моя хрупкая беззащитная героическая Дина... Постоянно стараюсь ее защитить и уберечь, но уже второй раз ее пытаются убить, похитив буквально из-под носа у охраны.

* * *

«Пушечное мясо» и «отвлекающий фактор» мы старались сильно не портить. Хотя я смотрел в эти сытые лица и недоумевал... Что?! Что, черт побери, заставило их пойти против меня?! Как и чем их завлекли... Чего им не хватало?! Самое страшное, что они и сами не могли внятно сформулировать, откуда в них столько ненависти.

«Темные должны умереть! Арахниды — чудовища!».

Вот и все... Все. «Они не похожи на нас, значит, опасны!».

Главное, и возразить нечего, черт! Кроме того, что уже столько лет во всем мире — мир... Только шаткий, оказывается. Как навесной мост под кентавром...

Хорошо, что о Рруззиане и ее планах знают лишь избранные. Диндэниэль никому не расскажет, я — тоже, Илуватор тем более. Рраушшане и ее подругам в голову не придет делиться внутрисрасовыми проблемами с кем-то из двуногих. Они тоже ксенофобны...

Не знаю, сколько столетий должно пройти, прежде чем не только орки, гномы и тролли станут своими для людей, но и вампы с арахнидами... Все упирается в то, что и эти две расы продолжают считать людей в первую очередь едой.

И тут я так же бессилен. Мировоззрение по приказу не меняется...

Вампы уже давно аккуратно выловили всех прятавшихся в лесу возле крепости, а наги и орки все еще тихо встречали продолжающих прибывать на помощь заговорщикам.

Через общественный портал одновременно могли перемещаться лишь пятеро. Наги славились своими быстрыми бесшумными бросками, а орки — своими дубинами. Так что, когда появлялась новая партия, предыдущую уже тащили в направлении казематов.

Внутри крепости трудились, в основном, люди и арахниды. Странно, но в подземелье переехала не вся эльфийская делегация полным составом, а лишь избранные. И их я доверил допрашивать Илу, а человеческую аристократию считывали вампиры. После них тоже не бывает головных болей... Правда, они, как и арахниды, могут выпить разум вместе с кровью.

Число обманутых и запутавшихся заставило меня пересмотреть свое решение о том, чтобы простить большую часть и отпустить с миром. Да, казнить их было бы жестоко, держать в казематах — затратно... Поэтому я принял вполне честное, по моему мнению, решение, приказав всех, воюющих на стороне эльфов, разделить примерно поровну и раздать в эльфийские поселения, в качестве прислуги.

Если под властью арахнидов им жилось настолько тяжело, пусть развлекают первородных, во имя которых они собирались сражаться и умирать.

А сами эльфийские поселения решил временно сделать еще более закрытыми, раз и им до сих пор неймется.

Конечно, лет через пять — десять я вновь ослаблю тугие узлы, по крайней мере, для людей, дав некоторым из них возможность вернуться в нормальный мир. Но большинство пусть в полной мере нахлебается унижений от самой прекрасной и высокомерной расы. Сравнят и подумают, такой ли судьбы они хотели своим детям и внукам.

Счастье, что обманутый матерью Реми успел прозреть и исправить то, что натворил!

Ему обещали, что я выживу... Идиот! Пещерный грол и тот понял бы, что это обман. Да, Рем тоже понял. Пусть и поздно для себя. Но он не захотел, чтобы погибли все его друзья. Не арахниды, другие темные.

Меня передернуло, едва я вспомнил быстро мелькающие кадры, переданные Реми в последние минуты его жизни.

Дина играет на гитаре, и я переносусь в пещеру... В пещеру, куда я упал много лет назад.

Все арахниды падают замертво, значит, замок охраняют остальные темные.

Вокруг стен замка армия людей под предводительством эльфов.

Внутри замка тоже люди и эльфы, темным не выжить...

Я обездвижен. Меня переносят в дом старого морра арргроса. Там тоже есть алтарь. Алтарь для вживления артефакта...

Рруззиана вырывает из меня Аррахшир...

Эльфы и люди за это время убивают большинство темных, пытаясь захватить замок.

Но тут очнутся арахниды и уничтожат всех. Потому что у них уже будет новый морра арргрос.

Весь мир у ног арахнидов...

Черт, безумный, но продуманный до мельчайших деталей план...

Интересно, удалось бы Рруззиане его осуществить?..

Да у нее и предыдущее покушение на меня было идеально спланировано. И, кстати, в нем осталось много темных пятен.

Так, сначала они хотели выкупить гитару для Аины...

Даже сейчас мне тяжело было думать об этой девушке, хотя я и не воспринимал ее своей внучкой. Просто обманутая человеческая девушка. Или не такая уж и обманутая?

Надо будет внимательнее проверить, как там поживают моя так называемая дочь и остальные ее дети. Позаботиться об их правильном воспитании... Или сменить династию. То, что королева Бердиньярская — моя плоть и кровь, мне не мешает. Она слишком похожа внешне на свою мать... Слишком похожа! И Аина тоже...

Но раз мозг пожилой эльфийки вскрывала арахнидка, значит, кое в чем Аина отличается от своей бабушки. Она настолько возненавидела чудовищ, что согласилась вступить в сговор с одной из них, ради уничтожения всех остальных... или меня лично? Кто знает, может, ей кто-то сказал, что я — ее дед? Хотя вряд ли... и совершенно точно не Тамиша.

А старушка-эльфийка оказалась не промах и все равно не отдала гитару чужим, зато всучила ее Диндэниэль, когда ту внезапно избрали ко мне в гарем. Странное совпадение. Может быть, кто-то подсказал ее кандидатуру Высокой леди?

И об артефакте музыкальных магов, хранящемся в роду Дины, тоже кто-то должен был сообщить Рруззиане...

Черт, во всем этом явно мелькает хвост лисы, заматающей следы. Эльфийские следы.

Дальше-то все просто.

Если Рруззиана была подругой Рраушшаны, она знала и о ежемесячных выступлениях светлых воспитанниц гарема, и о моем интересе к Диндэниэль. А может, ей об этом сообщил Реми... И именно он подал ей знак, что артефакт заработал, эльфийская наложница заиграла для своего Повелителя...

Теперь даже ясно почему Реми не упал без сознания, как все остальные арахниды. Интересно только, когда он успел заткнуть уши и чем. Зачем он заглянул в мои покои — понятно. Убедиться, что все прошло успешно. Быстро взглянул и тут же снова упал там же, где лежал. Только в лапах запутался, не ту подогнул...

Илуватор отметил одно, Вишал показал мне другое. Порой так сложно, когда у тебя восемь лап, запомнить, какая именно была подогнута... Черт!

А его мать бегала по стенам замка, потому что занервничала. Наверное, она ждала меня у алтаря, а я не появился. Эти двое прекрасно справились с созданием порталов друг к другу, значит Реми легко мог вытащить мать выяснять, что произошло. Чтобы скрыть что-то от меня, ложь должна быть очень маленькой... Заглянуть в комнату. Создать портал для матери. Да, я считал, что Рремшшург волновался обо мне — под этими чувствами легко прячется первое. Комната. А портал... Он же потом создавал портал, чтобы вытащить меня с болот. Один портал... два портала... Черт побери! Никому нельзя верить до конца!

* * *

— Слушай, я отойду ненадолго?

Количество вываливаемой на нас ненависти оказалось ожидаемо огромным. Эльфы — ладно, привык. Но люди... Черт...

— Поспал бы... — Илуватор бросил на меня сочувствующий взгляд, продолжая общаться вслух и ментально с очередным заговорщиком. Они все почему-то были уверены, что их ждет возвращение обратно, в поселение. Огрызались и язвили, поливали нас грязью, обзывали Ила предателем, меня — чудовищем. Наивные...

Если я простил их первый бунт, сразу после моей победы, это не означает, что я прощу им второй.

Да, я не люблю показательные казни. Обычно мы убивали тихо — отравление, сердечный приступ... Родственники понимали предупреждение и не поднимали шума. Мы тоже.

Но сейчас... сейчас будет очень показательная массовая казнь. Только на душе муторно.

Дина... Как же я по ней соскучился! Среди всей этой злобы, так приятно было согреться в тепле ее глаз. Расслабиться. Забыть на время о той грязи, в которую вскоре предстоит окунуться с головой.

Моя... добрая, нежная, заботливая... Мой долг защитить ее от чудовищ. От настоящих чудовищ, не умеющих наслаждаться спокойной мирной жизнью. От тварей, скрывающих за лживыми улыбками — ненависть.

Конечно, она тоже все это чувствует — обман, фальшь... Но, черт побери, этому не место рядом с ней!

Кажется, я начинаю понимать драконов из старинных сказок. Они крали принцесс и запирали их в высоких башнях. Очень хочется тоже взять и запереть...

Знаю, что не поймет и не простит. Глупость какая в голову лезет!

Диндэниэль:

Не знаю, сколько я проспала, но проснулась весьма приятно. Кто-то по-медвежьи тяжело, но осторожно улегся рядом и поцеловал в лоб. Я улыбнулась сквозь сон и радостно потянулась за следующим поцелуем.

“Пришелец” обрадовался и полез руками под одеяло. Что примечательно — руки были теплыми. Нежными, но настойчивыми.

Я с томным мурлыканьем выгнулась навстречу и мимолетно порадовалась, что вчера

мне было лень натягивать пижаму. Просто побросала белье и халат на пол и голышом заползла под уютное одеялко. Поэтому сейчас на мне не было ничего, что помешало бы наслаждаться особенно развратными ласками Повелителя.

Когда тебя целуют так, что дыхание перехватывает, и голова кружится, а его руки в это время умело и нежно ласкают нежную кожу на внутренней поверхности бедра, подбираются все ближе... ближе... мужские руки, сильные, уверенные...

Неудивительно, что все случилось так быстро, жадно, почти яростно... в первый раз.

Виланд вошел в меня, как только убедился, что я не просто готова его принять, а прямо-таки изнываю от нетерпения. И все время шептал, шептал мое имя, шептал, что ужасно соскучился, что очень волновался, что я самая-самая...

Ну... сложно не согласиться, особенно когда острое удовольствие прокатывается волнами по всему телу, когда в ответ на жаркий шепот можно только стонать и выгибаться навстречу, когда...

Мужской рык прокатился по спальне отголосками грозы, отразился от стен, заглушая мой стон. Виланд упал на постель рядом со мной, притянул к себе, вжался...

— Прости... сейчас... просто я ужасно соскучился.

— Соскучился — это хорошо... это прекрасно! — томно согласилась я, поворачиваясь в его объятьях и обнимая. — Мужчин, вообще, хлебом не корми, дай только ерундой позаниматься... то война, то охота. Нет бы важное что вспомнили. Разврат, например! Что может быть нужнее?

— Какая ты у меня умная, — хмыкнул Виланд и подтвердил свои слова очередным поцелуем.

— Да, я такая!

Минут пять или даже десять мы просто лежали, наслаждаясь теплом и близостью, целовались, легко и нежно. Но постепенно поцелуи стали жарче, дольше, в них снова зажглась страсть.

Теперь я попробовала взять инициативу на себя, и мне это позволили. В первый раз Виланд был слишком оголодавшим, поэтому я даже не пыталась, а вот теперь можно и поиграть. Опрокинуть его на спину, забраться сверху, прикинуть, потереться... это так приятно, особенно когда сама выбираешь, что именно сейчас сделать — поцеловать, лизнуть или даже легонечко прикусить. Совсем легонечко, только чтобы подчеркнуть остроту ощущений.

Тигр больше не рычал, только постанывал и тянул руки, ну так это дело хорошее. И кто, спрашивается, заставлял его так долго скучать? Эта... как ее... да ну, не буду даже вспоминать!

Тем более что кое-кто ерзает подо мной все нетерпеливее, просто так тискать меня ему уже мало, так что...

Второй раз получился чуть менее... жадным и более ласковым, но постепенно мы оба все больше теряли голову, и плавные нежные движения сменились отчаянной торопливостью и стремлением насытиться друг другом вот сейчас, сию секунду, немедленно!

А потом мы, кажется, задремали, так и не выпустив друг друга из объятий. Правда, через какое-то время Виланд проснулся, спохватился, что он заглянул ко мне только на минуточку, сказать “доброе утро”, и попытался ускакать по делам.

Нет уж. Ни один мужчина от меня еще так не уходил! Голодным.

Так что мы спустились в кухню вместе, но кофе в волшебном кувшине с подогревом и сверток с бутербродами на целую армию Повелитель утащил с собой. А как же! У меня там еще брат неженатый, надо подкармливать, иначе, кто на эти кости позарится... а мне его еще за вампиршу замуж спихнуть надо. То есть женить.

Еще пару часов я тихо медитировала над кофейной чашечкой, ела Зельмины пирожки, гладила Шойшо и подкармливала остальных улешиков. Пережитый стресс вылился в ленивое расслабленное ничегонеделание, даже шевелиться не хотелось.

Но после третьей чашки бодрящего напитка я все же соскребла себя с дивана и решила для начала хотя бы прогуляться. Ришшику навестить... тем более Виланд с утра уже похихикал на тему паучьего чувства собственности.

Наша девочка решительно захомотала раненого Ррашшарда, уволокла к себе в гнездо и теперь выхаживала, периодически рыкая на любого, кто пытался сунуться под руку. Картушш... подразделение его гоняла в хвост и в гриву, а парни слушались и только что честь не отдавали всеми восемью лапами.

Правда, на меня она рычать не стала и даже допустила в святая святых “гнезда”, туда, где у нее “хранился” избранный самец. Самец ужасно смущался, стеснялся и, вообще, попытался закуклиться в какие-то шкуры, горой наваленные на огромном ложе.

Но неумолимая Ришшика выволокла его из-под одеяла, чуть ли не за заднюю лапу, и гордо продемонстрировала мне, как хорошо лорд Илуваторион залечил раны арахниду, сражавшемуся за его новую сестру и за свою будущую аррграу.

Кхм... и правда, отлично же залечил. Все лапы шевелятся, как им положено, на разорванной спине остался только шрам, который тоже со временем исчезнет, и даже ухо прирастили на место. Как новенький! Только слабый — даже магическая регенерация не проходит даром и здорово тянет силы из самого организма.

Тут я вспомнила, что меня тоже не кисло колотили о стены пещеры, а потом волокли по полу за ногу. И ничего... даже синяка не осталось. Скорее всего, Виланд умудрился починить все еще там, в ванной, потому что уже тогда не болело.

Мы немного посидели втроем, я научила Ришшику заваривать тот самый потрясающий кофе, который так нравился Ррашшарду (он пару раз не успевал сбежать сразу и получал чашечку), а заодно узнала потрясающую новость: оказывается, у некоторых арахнидов возникает “привязанность” к самкам другой расы, вовсе не обязательно основанная на сексе. И теперь я вроде как паучья родственница, потому что со стороны Ришшики эта “привязанность” получила полный и безоговорочный одобрямс.

А я что, а я ничего... обростать родственниками для меня уже привычно. У меня и в прежнем мире сохранились прекрасные отношения с обеими бывшими свекровьями и прочей бывшемужней родней. Хорошие люди всегда нужны. Хорошие арахниды — тем более. А еще у меня тут где-то приемная эльфийская мама организовалась... м-да. Опять надо заводить календарь с отметками — когда, кого и с чем поздравлять. В этом деле порядок нужен. Мелочь вроде, а людям приятно.

От Ришшики я ушла не скоро, зато прямым ходом на озеро. Очень уж многозначительно улыбалась молодая арахнидка, даже хихикнула пару раз. А Ррашшард опять краснел и отводил глаза. Да что ж там такое — переносной аквариум строят? Это милое семейство решило “уродственнить” не только меня, но еще и любительницу малины?

Нет, к счастью, до этого не дошло.

Но, похоже, гастрономические интересы русалочки отошли на второй план. Во всяком

случае, я такое раньше точно не видела. Белобрысый Рридфферт сидел на берегу, аккуратно подвернув паучьи лапки, сжимал в объятьях свою чешуйчатую прелестницу, и парочка самозабвенно целовалась...

Н-да. Во-первых, это ж как надо было постараться, чтобы вытащить хвостатую из родной стихии. Я помню — русалки терпеть не могут выбираться из воды, хоть кончик хвостика, но должен мокнуть постоянно. А сейчас антрацитово-черный веер слабо шлепал по песку, пока его хозяйка самозабвенно отдавалась процессу лобзания, даже не пытаясь вывернуться из жадных паучьих лап.

Похоже, у них все серьезно...

Подводные жительницы, конечно, не прочь отведать полезной экзотики, но это же так — баловство. И в процессе этого баловства обитательницы глубин очень явно предпочитают владеть ситуацией — то есть заманивают кавалера в воду и не даются в руки. А тут прямо море нежности...

Кстати, и паук тоже увлекся. Не то чтобы у них какие-то строгости с поцелуями, но арахниды — парни простые, при этом не слишком привыкшие к сантиментам. Если его так разобрало, то не на пустом месте.

Я тихонько попятилась, чтобы не спугнуть парочку. Совет им, да любовь, как говорится. А дальше уж как сами решат.

Настроение неуклонно ползло в гору, — неприятелей побили и выловили, мужчина, которого я уже назвала своим, отвечает взаимностью, вокруг сплошное мимими с поцелуями...

Что еще у нас хорошего?

Хорошей у нас была Лиидия, которая прибежала попрощаться перед отъездом. Затискала меня, убедилась, что я цела, и согласилась на чашечку чая. Ее зеленый товарищ, который муж, со вкусом поучаствовал в битве бобра с ослом, получил легкое ранение, зато развлекся от души. И теперь с чистой совестью собирался увезти домой беременную жену, пока она не вынесла ему мозг. Как же, тиран и крокодил запер валькирию в покоях и не дал пришибить ни одного врага!

Мысленно поставив тирану и крокодилу большую и красочную пятерку — решительный мужик! — я посочувствовала Лиидии по поводу дискриминации валькирий, но напонила о том, что беременность и битвы — понятия трудносовместимые. Вот родишь... и сковородка тебе в руки, как говорится. Долбай врагов до полного вразумления.

Сковородке Лиидия посмеялась, чаю напилась и подхватила бежать. Дела-дела... Ей еще предстояло перед отъездом прошерстить сад на предмет жены для Кришшо.

На мой недоуменный взгляд торопыга рассмеялась и ответила, что Кришшо — это ее ручной аррарх. Ну, тот самый! Которого я ей сосватала! А Повелитель подарил серьги-амулет, с помощью которого Лия могла договориться со своим “питомцем”.

Ушлый восьминог споро переел всех неразумных конкурентов возле дома, сплел на чердаке громадную паутину и как раз заканчивал это архиважное дело, когда его “двуногая” уехала на бал к Повелителю.

Всекие там балы Кришшо были до лампочки, он, вообще, не одобрял лишних прыжков по планете. Где паутина, там и дом! Вот и сиди, охраняй.

Но эта конкретная поездка, раз уж ее не избежать, была использована по делу. То есть “двуногой” было поручено передать — для приема аррархи все готово, дело за Властелином — он обещал.

Так что Лиидии выделили арахнида-переводчика, и она теперь проводила опрос тире рекламную кампанию среди особенно крупных “младших сестер”. Вот, так вот...

Уже совсем стемнело, когда я проводила подругу и устроилась на веранде, тихо перебирая свеженатянутые струны. Вечер обещал быть прекрасным.

Виланд:

— Ну что, продолжим развлекаться? — вернувшись, я уселся рядом с Илом, выложил на стол сумку с бутербродами и кувшин с кофе, и уставился на очередного высокородного человеческого предателя.

— Смотрю, ты так и не поспал, — фыркнул Илуватор, сразу потянувшись за бутербродом. — Ладно, выбирай себе любого. Думаю, пару дней они переживут головные боли после твоего вмешательства. А потом мы их вылечим.

Интонация, с которой была сказана последняя фраза, заставила предателя насторожиться. Я хищно усмехнулся и согласно кивнул:

— Отрубим то, что болит...

* * *

Ближе к вечеру я отправил Ила спать, а сам отправился к Дине. Хотелось отдохнуть... выдохнуть... отмыться от всей этой злости и лжи.

Из тени деревьев мне навстречу вышла Тамиша. Вот уж с кем я совершенно не собирался встречаться, так это с ней! Тем более... какого черта!

— Я же приказал тебе покинуть замок!

— Прости... Я пыталась пробиться к тебе весь день, но меня не пускали.

Ее нежно-виноватый голос будил воспоминания и раздражал... злил... Ложь. Все в ней — ложь.

— Виланд, ты не можешь меня простить за то, что я предала тебя во имя любви. Тогда почему ты приблизил к себе ту, кто рядом с тобой ради власти? Ей даже не надо тебя предавать. Только успешно притворятся.

Я нахмурился, стараясь не выдавать накотившую усталую панику. Опять? О ком она? Ради власти? Рраушшана? Не поверю... Оливия? Тем более смешно!

— Илуватор всегда относился ко мне подозрительно, потому что знал, — я любила тебя. Все время, пока я была с тобой рядом — любила. А она? Хоть раз она сказала тебе, что любит?

— Не ревнуй! — я облегченно выдохнул.

Да, Дина никогда не говорила о любви. Но я чувствовал ее... это важнее слов. Я сам ни разу не сказал ей, как она мне дорога. Насколько дорога... Надеюсь, она тоже чувствовала это.

— Это не ревность, Виланд. Мне жаль. Эти двое обманывают тебя, а ты им веришь. Ты верил тому чудовищу, что постоянно крутился рядом. Называл его своим братом. И что? Он предал тебя! Попытался захватить власть, уничтожить все, что ты сделал. А эти двое лишь ждут, когда ты расслабишься и доверишься им полностью. А потом нанесут удар! Вот увидишь!

— Не надо всех ровнять по себе, Тами... И отправляйся, наконец, к мужу, он заждался.

— Виланд, они лгут тебе! Я знаю, что ты мне не поверишь, но проверь... Просто проверь. Она носит на пальце кольцо, подарок Илуватора, как я понимаю? Я столько лет носила на шее похожий амулет... И сразу узнала подобный ему. Проверь, Виланд. Она обманывает тебя, а Илуватор ей в этом помогает. Ты ведь уже почти готов на ней жениться,

верно? На эльфийке... На той, что переживет тебя на сотни лет. А твой ребенок-полукровка будет править миром под их опекой...

Внутри меня словно что-то взорвалось... до искр... до помутнения разума. До безумия... Но мне хватило сил сдвинуть ментальные щиты и процедить:

— Да уж, вряд ли она подкинет его кому-то на воспитание, как сделала ты! — и, окинув ошарашенную Тамишу презрительным взглядом, добавил: — Покинь крепость сейчас же! Возможность стать моей женой и матерью моих детей ты упустила. Не мешай другим!

Я не побежал, потому что спиной чувствовал взгляд Тамиши. Нельзя. Нельзя дать ей понять, насколько больно она ударила. Как хочется зарычать, завывать, начать убивать направо и налево... Да, к счастью у меня скоро будет такая возможность!

Неужели и Дина... Моя Дина... Ложь и моя Дина? Нет! Не верю! Не хочу верить...

Как не хотел верить в предательство Реми... А ведь он, и правда, предал. Черт... Черт побери!

Одуванчик-44

Диндэниэль:

Когда на крыльце раздались быстрые шаги, я радостно вскинулась — с ума сойти, уже по походке его узнаю!

Однако улыбка увяла сама собой. Что-то не так... совсем не так.

Виланд... словно его из морозилки вынули. Лицо каменное, в лучших традициях гебешника, и щиты... Впервые я их ощутила настолько полно, — они не просто закрывали, они давили на все окружающее и на меня. Темный Властелин.

Подошел, странно посмотрел на гитару в моих руках, нахмурился:

— Вы по-прежнему носите кольцо лорда Илуватарiona, леди?

Почему это звучит так, словно я совершаю какое-то страшное преступление? Что, вообще, происходит? Ну да, забыла снять... оно мне не мешало. Что за глупости? Не верю, что нормальный, адекватный мужчина ни с того ни с сего вдруг захлебнулся детской ревностью по поводу какой-то мелочи. Только не Виланд. Но тогда что с ним?!

Наверное, я слишком растерялась. Никак не ожидала ничего подобного, ну вот никак! Сидела, смотрела на него снизу вверх, забыв даже про гитару в руках. А что ему ответить? Кольцо вот оно — на пальце. Невооруженным взглядом видно.

Дождалась я только того, что меня довольно бесцеремонно взяли за руку и стянули золотой ободок с пальца.

Несколько секунд ничего не происходило, и я вообще перестала понимать, на каком свете нахожусь. Да что за хрень, прости господи?! С чего вдруг он еще больше закаменел, сжимая злополучное кольцо в кулаке, и впился в меня взглядом? И почему решительность в его глазах сменяется растерянностью и даже болью?

— Зачем?..

— Что зачем? — ко мне наконец-то вернулась способность говорить.

А еще я инстинктивно попыталась его почувствовать, но... ничего. Пустота. Словно никакой ментальной магии у меня и в помине нет.

— Правильно, не отвечайте. Даже знать не хочу! — да мать твою! Что происходит?! Почему он злится?! — Завтра с рассветом покиньте замок. Можете забрать с собой все, что пожелаете. Чтобы потом не обвинять меня, будто я выставил вас, не позаботившись о вашей дальнейшей судьбе. Гитару эту заберите, черт побери! Свяжитесь с моим секретарем, — он выдаст вам денег, сколько попросите. Забирайте все, что вам нужно, и уходите.

— Виланд, что происходит? — нет, вот так просто развернуться и уйти, я ему не дам! Какого... — Да подожди же ты! Стой! Объясни, что случилось?!

Я едва успела поймать его за рукав, но он аккуратно освободился, разжав мои пальцы, и посмотрел сквозь меня.

— Не везет мне с женщинами, черт побери! Но хоть в этот раз точно знаю, что вы не беременны. Рридфферта я предупредил — ни в чем себе не отказывайте. Такая хорошая актриса как вы, стоит больших денег. Спектакль был прекрасным. Я поверил.

Я, вообще, перестала понимать, что он несет. Лучше бы обругал, а то эта безжизненная вежливость — хуже оскорбления.

Наверное, стоило все же его остановить и заставить объясниться. Надо было вцепиться и не отпускать, пока все не выясним. Но я растерялась. Это оказалось слишком неожиданно и слишком... больно. Неожиданно больно.

Светлая сказка, которую не смогло испортить даже падение с высоты, даже пещера с чудовищем, вдруг разлетелась осколками, и оказалось, что она была всего лишь хрупкой елочной игрушкой. Блестки, легкость, радость... и тоненькие хрупкие стены, разбившиеся в единый миг.

Господи, чушь какая! А мне-то казалось, что я умею думать, умею вовремя принимать решения... правильно реагировать. Да, как же. Стоило ударить посильнее, туда, где больнее, туда, куда не ждала, — и вся моя мудрость испарилась, как снег на сковородке.

— Прекрати рыдать, и давай подумаем, куда ты пойдешь!

Кто рыдает? Я?! Я не... ах да, слезы... он они сами текут, потому что больно. И потому что непонятно!

А кто там, вообще...

— Ты все слышала? — сама не знаю, зачем переспрашиваю. Зельма слишком уверенно вошла и слишком сочувственно смотрит.

— Не глухая. И не слепая. Не знаю, что у вас случилось. Но ты как-то не похожа на актрису.

Гномка взяла меня за руку, подхватила со стула гитару и решительно потянула в сторону кухни. Там она быстро заварила кофе, щедро плеснув в него гномьей настойки на травах, заставила меня выпить, а потом полезла в буфет. За перьями... теми самыми, попугайчьи.

— Значит так. Перья тавура, действительно, очень дорого стоят. Они стабилизируют мельчайшие магические потоки и потому очень ценятся, как материал-наполнитель для амулетов. Вот здесь, — ухоженный ноготок подчеркнул строчку в открытой книге, — примерная стоимость. Вот здесь, — тяжелые страницы проворно зашелестели, — список поверенных. Галочкой отмечены те, с которыми можно иметь дело. Не обманут. Тебе хватит на дом в каком-нибудь городе и на пару лет безбедной жизни. Дальше разберешься. Все поняла?

— Все, — согласилась я оглушено. Как бы мне сейчас хотелось снова попасть в эльфийские лапки анестезиолога-недоучки! Его кривое заклинание мне бы не помешало...

Почему так больно?! Ведь дураку понятно — это какое-то недоразумение, и...

— Уходи, пока отпускает. Пока не решил, что неподконтрольный маг — это лишняя головная боль. Я даже знать не буду, куда именно ты отправишься, так безопаснее. Не тяни, поняла?

— Да, — я с трудом проглотила комок в горле и кивнула.

Все. Хватит ныть. Или я выясню, что случилось, или...

— Потом разберешься. Когда Повелитель остынет. А сейчас лучше не попадайся ему под горячую руку, — с этими словами Зельма коротко поцеловала меня в щеку, крепко обняла и быстро вышла, пожелав напоследок:

— Удачи тебе!

Удачи... вот странно. Зачем мне удача, если... Когда я успела так враспи именно в этого мужчину, что без него мне не нужна даже удача? Когда? И почему мир, еще несколько минут назад сверкающий всеми красками, стал пустым и ненужным?

Пальцы словно невзначай скользнули по мелодично мурлыкнувшим струнам. Надо же, музыкальная магия. Как насмешка. Наверное, такое могло присниться только больной на голову училке музыки. Да еще и попавшей под машину.

Что меня здесь держит? Что это, вообще, было? Слишком красочный и правдоподобный предсмертный бред, который вот так закончился? Может быть, тогда уж пусть все вернется на свои места?

Виланд:

Я увидел ее сидящей на веранде с гитарой в руках. Она радостно встрепенулась мне на встречу. А мне каждый шаг давался с болью. Словно в сердце воткнул нож, и его проворачивают.

Хочется закрыть глаза и... главное, так хочется ей верить! Обнять, прижать к себе, ощутить тепло ее тела, запах ее волос. Сейчас все выяснится и окажется глупым наветом. Сейчас боль уйдет, и мы вместе посмеемся над моей глупостью.

— Вы по-прежнему носите кольцо лорда Илуватариона, леди?

Ее растерянный взгляд вонзил нож в сердце еще глубже.

Да, я идиот, но мне надо убедиться. Меня предал брат... Я знаю, что ты — не сможешь. Ты не сможешь меня предать! Только не ты...

Сейчас я посмотрю на это кольцо и извинюсь. На коленях, потому что идиот... черт побери! Дай же мне это проклятое кольцо!..

Но Дина лишь смотрела на меня, молча, словно не понимала, что происходит. И я сам снял чужое обручальное кольцо с ее руки...

— Зачем?..

За что?.. Почему ты так со мной? Что я сделал тебе? Власть?

Нет, я же общался с ней без кольца, и она не хотела никакой власти. Кто-то соблазнил ее? Кто? Точно не Илуватор, это даже смешно!

Конечно, надо выяснить... потом. Попросить Ила найти и все выяснить: кто, чем и зачем. Поручить присмотреть за второй предавшей меня женщиной. Проследить, чтобы она ушла.

Не хочу причинять ей боль. И себе тоже. Сейчас я готов только огрызаться и защищаться. Потому что в моем кулаке зажат амулет. Амулет, искажающий эмоции.

Сколько же еще в мире этой гадости?! Зачем он ей понадобился?!

— Правильно, не отвечайте. Даже знать не хочу!

Не хочу выслушивать очередную ложь...

И обвинения, что выкинул бедную женщину, не позаботившись — тоже не хочу.

— Забирайте все, что вам нужно и уходите.

Я развернулся и пошел прочь... Прочь! Боль от ножа в сердце уже стала почти привычной. Пережил одну, переживу вторую... третьей не будет! Нет уж, черт побери! Не дождетесь!

— Виланд, что происходит?

Она зачем-то попыталась меня удержать. Зачем?.. Я же сказал — забирай все. Все, что хочешь... Хоть весь замок пусть выносит! Черт... Почему мне так не везет с женщинами? Что я делаю не так?!

Где-то на полпути я вспомнил о первой... Все же Ил прав, у меня нет иммунитета к женщинам. Совсем перестаю соображать. Тороплюсь выставить их из своей жизни. Отгородиться. Построить между нами стену...

Да, вроде бы я чувствовал, что о кольце она говорит правду — увидела, почувствовала, узнала... В тот момент мне было не до мелочей, но теперь... теперь, когда так хочется отвлечься от мыслей о Дине, разум нашел за что зацепиться.

Что ж, сейчас повеселимся. Сначала отправлю Илуватора допросить вторую... а потом вместе поговорим с первой. Ночь будет нескучной, черт побери!

И больше никаких баб!.. Никаких постоянных баб в моей жизни! Трахнул и забыл... К черту всю эту романтику!

К Илуватору в спальню я влетел без стука, но так шарахнув дверью, что двое, лежащих в кровати, сразу отвлеклись друг от друга.

— Третьим не возьмем, — Ил сразу понял, что я явился не просто так.

Пока он напяливал на себя штаны и рубашку, я молчал, удерживая щиты и стараясь не расплескать... злость? обиду?

Главное — не сделать себе еще больнее.

Наконец, мы перешли в кабинет, Илуватор захлопнул дверь в спальню и обернулся:

— Ну, что опять?

Не дожидаясь моего ответа, он залез в свой бар и выставил на стол бутылку брусничной настойки. Крепкая дрянь. А брусника хорошо растет на болотах... Черт!

Кто смог соблазнить Дину? Мою Дину! Ведь я ей верил! Пусть не так, как Илу и Реми.. Но... Мы трое постоянно спасали друг другу жизни, а она спасла нас всего раз, но зато в такой момент, когда...

В то, что кто-то заставил Дину предать меня против воли — не поверю. Ведь во время боя с Рруззианой она не сдалась, дралась до последнего! Дралась не ради меня, а ради себя... Не давала себя поработить чудовищу! Может, в этом все дело? Она возненавидела всех арахнидов из-за одной безумной твари?

Черт побери! Или это я сделал что-то не так? Обидел? Когда? Чем?!

— Выпей! — практически скомандовал Илуватор, и я, задавив рвущийся изнутри полустон-полурык, хлебнул залпом сразу стакан. — А теперь объясняй. Или щиты сними — взламывать лень.

Не удержавшись, я фыркнул на его самоуверенный выпад... но щиты снял. Это проще, чем пытаться словами объяснить все, что случилось.

— Дай кольцо.

Я протянул проклятый амулет. Оказалось, что до сих пор сжимаю его в кулаке. Даже отпечаток на ладони остался.

— Во-первых, кольцо не мое. Ты же читал надпись, когда надевал на Диндэниэль?

Я кивнул и забрал украшение обратно. Точно. На внутренней стороне был выгравирован совсем другой текст, традиционное эльфийское любовное признание. Сами кольца отличаются камнями, узорами, а пожелание на всех одинаковое. На всех, кроме кольца Илуватора. Там было написано: «Моя кровь принадлежит тебе, а твое сердце — мне». Ведь

еще посмеялся тогда про себя. Кольцо давным-давно было сделано для Клариссы...

— Значит, его подменил тот, кто не знал про надпись, — процедил я, наливая себе второй стакан настойки.

Тошно, больно, муторно... И слабая надежда, что это я — мудака, всплывший на ровном месте.

— Точно. Но если бы подмена была с согласия Диндэниэль, значит, у них было бы время скопировать не только форму и камень, но и слова.

— Не убедил!

Нож в сердце перестал вращаться, но боль все еще не отступила.

— Как знаешь. Рад, что ты не подозреваешь меня...

Ил забрал кольцо и снова уставился на него с задумчивым выражением. Потом зачем-то напялил его на мизинец и посмотрел на меня. Я лишь пожал плечами, — в эмоциях Илуватора ничего не изменилось.

— Обвинения смехотворны, — пояснил я, продолжая прислушиваться к ментальному фону, идущему от Ила. — Ну да, ты мерзкая долгоживущая эльфийская скотина и переживешь меня лет на пятьсот точно. Но я уверен, что ты эти пятьсот лет проведешь вместе с Клариссой, развлекаясь и отдыхая. Даже не будешь пытаться вразумить моего наследника. Потому что власти мы с тобой наелись уже сейчас, во как! — я провел ребром ладони по горлу, и Ил согласно кивнул. — Это я тебе завидую, а не ты — мне.

— Ну, никто не виноват, что я такой умный и красивый, — Илуватор положил кольцо на стол и посмотрел на меня с осуждением: — Ведь еще сто лет назад предупреждал, чтобы ты не верил Тамише. Предупреждал?!

— Я и не поверил. Сразу — не поверил. Но амулет...

— Не тот! Напрягись, Виланд! Приглядись внимательно! Конечно, ты — человек, а люди глупее эльфов, но не настолько же!

Я уставился на кольцо. Взял его в руки. Амулет, искажающий ментальное пространство. Да... Но...

— Понял, баран человекообразный? Поэтому мы и не могли с ней связаться! Рруззиана вокруг себя возвела отражающие щиты, Рремшшург тоже. Эти двое были довольно сильными магами, даже смогли портал внутри замка создать... Но Диндэниэль — тоже сильный маг! И, уверен, она никаких щитов от нас не возводила, наоборот, звала на помощь! А мы ее не слышали и не могли до нее докричаться. Потому что на ней была эта дрянь, — Ил обвиняюще ткнул пальцем в сторону украшения.

Да, амулет искажал ментальное пространство, мешая связываться с носителем на расстоянии.

— Не думаю, что Диндэниэль сама позволила напялить на себя эту штуку. А вот ее похитителям было бы очень удобно помешать нам с ней связаться, — закончил свою мысль Илуватор.

— Я — идиот, — пришлось констатировать истину, наливая себе третий стакан настойки.

— Из уважения не спорю, — сочувственно фыркнул Ил. — Иди мириться. Извиняйся, валяйся на коленях, рассказывай про умственное помутнение на почве усталости... В конце концов, Диндэниэль — умная женщина, почти настоящая эльфийка, так что должна простить. Тем более она тебя любит, придурка... Не знаю уж за что. А как она готовит... Знаешь, ты ее недостойн. Это я, как ее старший родственник, заявляю. Но если она тебя

простит, так и быть, отдам ее тебе в жены. Или нет... Подумаю еще.

Илуватор отнял у меня очередной стакан и буквально выпинал в коридор.

— Ладно, давай, проваливай. А я пойду, допрошу Тамишу. Хорошо хоть что-то ты сделал правильно.

Это он одобрил мой приказ арахнидам поймать и задержать мою бывшую.

— Можешь сильно не торопиться, — пожелал мне на прощание Ил.

Да уж... Странно. Меньше получаса назад я медленно шел по этим тропинкам, стараясь не рычать от боли. Теперь я тоже шел медленно. Почему-то было страшно... Я шел и готовил речь, волнуясь, как перед первым своим выступлением перед всеми союзниками.

Сначала скажу, что был не прав. Да, сначала — что был не прав, что идиот, глупец, баран... пещерный грол... Потом...

Мне бы уверенность Ила, что она меня простит...

Нет, конечно, простит. Поймет и простит. Потому что я не могу без нее. Уже не смогу. Все, что я наговорил — было именно потому, что не представляю, как жить без нее. Да. Я привык к тому, что у меня есть она. К ней всегда можно прийти, согреться, набраться сил. Она — мой источник... Черт... И я туда плюнул из-за своей дурости. А еще из-за обиды, что меня опять обманула любимая женщина. Едва я признал для самого себя — любимая! — и тут такой обман!

У дома Дины я еще немного помялся, пытаюсь хоть что-то услышать, почувствовать... Почему я не поверил в искренность ее эмоций, когда уже кольцо было у меня в руках? Почему... Я же решил ей верить. Сам решил. Так почему перестал, даже объясниться не позволил? Больше такого не повторится!

Не понимаю, что на меня нашло. «Умственное помутнение на почве усталости»? Наверное, да. А еще все ее эмоции после того, как я снял кольцо, были как в тумане. Я был уверен, что это все еще обман... Обман из-за амулета. Остаточное действие... Черт!

Набравшись храбрости, я открыл дверь. В доме было пусто и... холодно. Она же не могла уйти так быстро? Рридфферт не докладывал, что с ним хоть кто-то пытался связаться. Значит, Дина где-то в крепости. Может быть, у подруг?

Я обошел весь дом, заглядывая в каждую комнату. Пусто. Везде пусто.

На кухню заходить не хотелось... я уже знал, чувствовал, что там тоже никого нет. Даже улешей. Но еще я знал, что эта пустота снова воткнет мне нож в сердце.

Нет, надо приказать всем арахнидам перерыть замок. Надо обойти всех ее подруг. Надо... Да, надо предупредить охрану у ворот, чтобы задерживали всех. Всех...

Сжав зубы, я все же заставил себя заглянуть на кухню и замер, уставившись на обломки гитары.

Она сломала ее... Зачем? Она же маг... музыкальный маг! В нашем мире от магии не отказываются!

Черт... черт побери! А если она уже не в нашем мире?

* * *

На рассвете я сидел в допросной и пил из горла гномий самогон. Илуватор благородно согласился составить мне компанию. У него тоже был прекрасный повод выпить. Час назад он сам, собственноручно... черт... собственноментаально, вот! Сделал свою мать вдовой. Ну и сам осиротел... И пусть он не очень-то любил своего отца, но все равно... чем не повод выпить?!

— Есть еще идеи, где ее искать? — икнув, я с надеждой посмотрел на Ила.

Сам хвастался, что умный.

Я переговорил со всеми подругами Дины. Выяснил, что из замка никто не выходил, порталом с вечера никто не пользовался. Никто не знает, куда она могла уйти... Без денег. Без гитары. Только с этими чертовыми перьями... Не улетела же она на них?!

— Никаких!

Я даже добыл дубликат той книги, которую Дине дала Зельма, и заставил гномку расставить вновь все галочки. Обойду всех стряпчих. Выясню, не прилетала ли к ним на перьях тавура красивая эльфийка. А как иначе она могла покинуть крепость? Пока есть, что делать — буду действовать.

Искать и надеяться. Я должен ее вернуть. Потому что с ней пропал смысл... Смысл всего.

А иногда в голове мелькала пугающая мысль, что с Диной что-то случилось. По моей вине... Из-за меня... Или она перенеслась в свой мир, и тогда...

Черт!

Илуватор отставил свою бутылку в сторону и попытался встать.

— Нет, вот скажи! Чего этой сволочи не хватало?! Я же в прошлый раз прикрыл его задницу по просьбе матери. Какого... чтоб на его члене дриада задеревенела... чтоб его в зад кентавр.... чтоб... — Ил со всей силы стукнул кулаком о пол. — О чем он думал, связываясь с арахнидами? Весь род мог подставить, падла!

— Теперь весь род Малералион твой, — мне почему-то стало смешно. Илуватор так долго открещивался от своей родни, и все же крест Высокого Лорда его настиг. — Будешь сумеречно-светлым эльфом... Или светло-сумеречным. Выкрутишься, короче!

Ил кивнул и снова присосался к бутылке.

— Казнить будем всех, как протрезвеем? — наконец, уточнил он.

— Угу. Не хорошо икать во время оглашения приговора, — согласился я. — Протрезвеем. Казним. Тамишу в монастырь...

— Уверен? Не пожалеешь потом? — Илуватор посмотрел на меня почти трезвым взглядом.

Я помотал головой в ответ.

— Только если о том, что не казнил.

— Я об этом и спрашиваю, — хмыкнул Ил, протягивая мне новую бутылку.

— А... Ну казнить, может, и правильнее. Но она же просто дура... Моя первая баба оказалась просто дурой. Пусть сидит в монастыре и молится.

— Вы были идеальной парой, — фыркнул Илуватор и едва успел увернуться от запущенного в него... чего-то подвернувшегося мне под руку. Судя по осколкам — чего-то пустого и стеклянного.

Тамиша оказалась не просто дурой, а мстительной дурой. Подслушала, поняла только то, что на Дине надет амулет, выждала подходящий момент и ударила, чтобы побольнее и вроде как от любви.

Зато именно благодаря ей мы вышли на еще одного главного заговорщика. Его эльфийский хвост вечно мельтешил у меня перед глазами. А ведь мог бы снова уйти безнаказанным, если бы не моя бывшая...

— Зато со второй мне повезло!

— Верно. Она оказалась умнее тебя и сбежала.

— Она сбежала потому, что я оказался идиотом. А не потому, что... Короче, заткнись!

Без тебя тошно! Давай еще раз помянем твоего папочку, козла ушастого... Зато теперь твоя мать — свободная женщина, безо всяких обязательств. И не вздумай мешать ей выйти второй раз замуж...

— За тролля? Только через мой труп!

Мы оба задумчиво переглянулись и заржали. Не то чтобы нам на самом деле было весело, но...

Илуватор — сильный мужик. У него ни один мускул не дрогнул, когда он буквально взорвал мозг своего отца. Это было его единственной просьбой — убить предателя тихо, не позоря род показательной казнью Высокого Лорда.

Ну а я... Если Дина еще в этом мире, я ее найду! Нет, черт побери, я найду ее, даже если она перенеслась в свой. Не придумал пока, как именно, но обязательно найду!

Одуванчик-45

Диндэниэль:

Больно-больно-больно-больно... больно!

А значит, надо сосредоточиться и для начала глубоко вдохнуть. Это тоже больно и очень трудно. Но надо постараться. Потом сосчитать до трех и медленно выдохнуть. Вдохнуть... выдохнуть... вдохнуть... нет больше ничего, только это размеренное, глубокое дыхание. Можно даже глаза закрыть.

Простейший прием, вовсе не панацея. Но помогает... помогает не упасть и не умереть сразу, помогает самую капельку отвлечься, а еще — чистая физиология — интенсивное дыхание провоцирует легкое кислородное опьянение, после которого как-то резко очищаются мозги.

Так, красавица. Истерика — это роскошь, которую ты не можешь себе позволить. Поэтому прекращай пить свою боль, как запойный пьяница, жадными глотками. Для начала просто сядь и подумай — что же все-таки случилось?

Этот идиот, прости господи, что-то там сам себе придумал. Или кто-то очень вовремя насвистел ему в уши, я даже догадываюсь, кто именно. В себе я уверена — я не сделала ничего плохого или даже отдаленно заслуживающего вот эдакого представления.

Да, обидно. Очень...

Сто тридцать три раза все понятно. Он устал, его предал близкий друг, почти брат, его уже давно и беспрерывно тянут за нервы эти распроклятые заговорщики. Любой может сорваться.

Но это не повод вот так плевать в душу... Я не знаю, что не так с кольцом, но, как минимум, имею право на объяснение.

Ладно. Все потом. А сейчас надо уходить. Физически не могу здесь больше находиться, и не потому, что меня выгнали. Просто... не могу.

Я встала и вздрогнула, — с колен на пол с глухим бряканьем свалилась эта чертова гитара. Господи, как она мне надоела!

Древняя деревяшка через годы пронесла все проблемы своих хозяев. Когда-то ее использовали для того, чтобы убить... того, первого предводителя арахнидов. И кровь разделения никуда не делась.

Я задумчиво взяла инструмент за гриф и взвесила в руке. Чужая музыка, чье-то чужое сознание, все еще довлеющее над тонкими струнами. Даже если я всего лишь вообразила себе всю эту мистику, все равно эта гитара до сих пор приносила только проблемы и неприятности. Если когда-нибудь мне суждено стать настоящим музыкальным магом... я

создам СВОЙ инструмент.

Мгновение, и полированное дерево разлетелось в щепки с сухим немзыкальным треском. Еще бы, со всей дури об угол стола! Вот так. И никто больше не использует ее во зло. Даже уходя, я не хочу... не хочу, чтобы ему что-то угрожало.

Возможно, несчастная деревяшка не заслужила такой участи. Возможно... но вместе с этими обломками я решительно смела на пол и свою апатию.

Достаточно. Пожила в сказке, пожила чужой жизнью — жизнью наивной эльфийской девочки, идущей на поводу у других. Пора вспомнить, дорогая — ты взрослая, умная и самостоятельная женщина. Остальное приложится...

— Ди-ина? Ди-на! Ди-на! Не уходи!

Пушистый шарик прыгнул на руки, прижался, жалобно запищал...

— Прости, малыш, я должна... только пока не знаю, куда идти.

Да уж, вот это точно. Но я что-нибудь придумаю.

— У Дины нет дома? Пойдем! Пойдем! Убежище! Там безопасно!

Ментальные образы маленького домовенка были предельно просты и понятны. А ведь действительно... сейчас мне нужнее всего просто забиться в какое-то укромное место и прийти в себя. Желательно в одиночестве...

Тайное место, о котором знают только улеши — что может быть лучше?

Уже несколько часов спустя, когда немного опомнилась и осмотрелась, я поняла, как мне повезло. Эта сплетенная из веток хижина была “учебным полигоном”, где улеши, бог знает с каких древних времен, прятали и натаскивали своих малышей. Учили их человеческому быту и тому, как правильно “зарабатывать пищу”.

Так что, здесь было практически все, что нужно для жизни. Крыша над головой, еда, вода, постель... почти нормальная мебель, тоже плетеная.

А еще здесь было тихо, безлюдно... и можно было всласть нареветься в подушку. Пожалеть себя. Пожаловаться, какая я несчастная, и какой ОН козел. Даже поругаться матом, вслух. Благо, никто и никогда не услышит.

Я предавалась этому занятию почти до самого рассвета, а потом заботливый домовенок притащил мне кофе с замковой кухни.

На мое удивление он ответил довольным писком — Повелитель РАЗРЕШИЛ мне брате все, что я хочу. Значит, если я попрошу, Шойшо имеет право принести мне все, что душевнышке моей угодно.

Я сначала удивилась, а потом...

Нет, мне все еще обидно. Но первый шквал уже пронесся, буря в душе утихомирилась, и, слава богу, вышел из коматозного состояния мозг.

Неужели я так просто сдамся? Развернусь и уйду только из-за того, что мой любимый мужчина на пике стресса сорвался и повел себя как последний дебил?

Ой ли... Дина-Дина, не пора ли вспомнить, как Верой была? Вне всякого сомнения мужчина-истерик, это не наш фетиш. Но, как говорится, один раз не... показателен.

— Шойшо, а ты можешь принести мне ВСЕ, что я захочу? Совсем ВСЕ?

— Господин разрешил все, — утвердительно мотнул челкой пушистик.

— Так... а узнать, где сейчас сам господин, и что он делает, можешь? И потом рассказать мне?

— Конфету дашь? — после длинной паузы поинтересовался маленький вымогатель и застенчиво потупил глазки.

Я поневоле рассмеялась. Ох... кажется, неподъемная плита обиды, давившая на грудь, дала трещину.

Когда через два часа я выслушала доклад домовенка, сомнения окончательно растаяли в утренней дымке.

Ищет, значит... опомнился, значит... осознал.

И что теперь? Пусть поищет подольше? Вроде как пострадает, помучается... Н-да.

Детский сад. "Не подходи ко мне, я — обиделась, я — обиделась, раз и навсегда"... В свое время меня дико бесила эта песня, эта певица и этот клип.

Что за извращенный мазохизм — смаковать страдания любимого человека, когда он уже и сам понял, что был неправ? Никогда так не делала и сейчас не собираюсь. Да у меня камень с души свалился, как только я услышала — ищет! Балбесина, придурок психованный! Ищет! С ног сбился.

Нет, сама я к нему не побегу. Вот не могу пока. Зато у меня есть одна интересная идея... как в сказке про умную жену и ее мужа-короля.

"Уходи и забирай все, что тебе нужно!"

Прекрасненько... я уже ушла, осталось забрать из замка самое необходимое.

Виланд:

Проснувшись, я сразу понял, что нахожусь не в допросной, где мы с Илом в итоге уснули. Солнечный свет пробивался откуда-то слева, позволяя разглядеть переплетенные ветви над моей головой. Очень плотно переплетенные — капля не просочится.

Куполообразная хижина, высокая — уверен, встав, смогу выпрямиться в полный рост. В самом высоком месте и невысокий орк поместится, не то что я. А вот просторным я бы этот шалашик не назвал. Два невысоких орка, от силы... черт побери!

Медленно усевшись на лавке, тоже сплетенной из веток, я поморщился, — голова болела, во рту как гролы нагадили. Пришлось слегка помагичить, чтобы прийти в норму. Только после этого я огляделся более внимательно: в хижине пусто, вход занавешен лианами, в маленькое окошко светит солнце. На полу тоже плетенка, у дальней стены стол и полки.

Слышно, как вокруг птички чирикают. Тавур орет, как обиженный минотавр. Где я, черт побери?!

Тот, кто меня сюда перенес, оказался заботливым — выдал подушку, накрыл пледом, стащил и поставил возле лавки сапоги.

Я только потянулся за ними, как посреди хижины возник знакомый улешик с кувшином в лапах. При виде меня он испугался, пискнул что-то непонятное, чуть кувшин от страха не уронил, но едва успел поставить его на стол. И с ментальным воплем: «Дина!» промчался мимо, на улицу.

Я задумчиво покрутил в руках сапог, размышляя, что Дин, которым добровольно служат улешки, в моем мире не так уж много.

— Проснулся, Твое Властелинство?

Когда в дверях показалась моя эльфийка, я даже не удивился. В коротеньком простеньком платье, с пучком какой-то зелени в руках. Родная и домашняя. Мне даже на секунду показалось, что все вчерашнее — очередной кошмар, и на самом деле ничего не было.

Ни амулета этого... ни моей глупости... и ее растерянного непонимающего взгляда. Не обвиняющего, не обиженного, растерянного... Никогда не забуду, наверное.

Да, я должен был проверить это проклятое кольцо, стянуть его с нее... и дать ей возможность все объяснить, а не вести себя как упертый баран. Если бы я спокойно разглядел этот дурацкий амулет, то понял бы, что он — подмена. А потом и принцип его работы тоже понял бы. Сам. Если бы не пошел на поводу у своей боли и обиды. Но тогда так больно было... черт побери!

А сейчас — стыдно. Смотрю в ее спокойное осунувшееся лицо и полным мудаком себя ощущаю.

— Пить хочешь?

— Не отказался бы.

Ведем себя так, словно, и правда, ничего не было. Хотя, а чего я от нее жду? Осуждения? От Дины?

— Пойдем, полюю. Умоешься. Ты похож на помятого гоблина, — объявила она мне, все так же спокойно, будто мы вчера и не ругались.

— Одни вы, эльфы, красавцы, — пробурчал я в ответ, чувствуя, как настороженность и вина сменяются подозрительной веселой беспшабашностью.

— Еще б кто-то оценил, — фыркнула девушка и усмехнулась ехидно.

Так и тянуло выкрикнуть: «Я! Я оценил!»...

Чтобы понять, как тебе кто-то безумно дорог, надо его потерять. Я терял Дину трижды...

Сначала, когда ее скинули со стены, и она чудом выжила, благодаря Ррашшарду.

Потом, когда ее выкрал Рремшшург по приказу Рруззианы... Я готов был рисковать своей жизнью, только бы сохранить ниточку, за которую она сможет дернуть, чтобы связаться. Да, мы догадались оборвать струны, но я не дал разломать гитару... Не смог. Надеялся, что Дина воспользуется ею, и мы выясним, где она скрывается. Конечно, так можно было выйти и на Рруззиану... но о ней я думал в последнюю очередь. Только о Дине... Да, уже тогда я сделал свой выбор. Я выбрал ее...

И вдруг... вдруг снова потерял. Сначала услышав об измене...

Я так надеялся, что кольцо обычное. Что это все — злая шутка... Черт побери! А потом... Даже не подумал, что кто-то пытается таким образом уничтожить Дину, разлучить нас, рассорить... Почему-то мне даже в голову это не пришло! Устал? Расслабился? Предательство Реми вышибло? Куча оправданий, но это не повод вести себя как... бездушный идиот...

Сколько я ее искал? Всего лишь ночь... но для меня прошла целая вечность. Вечность, в течение которой я так и не смог себя простить. А она — смогла.

Я натянул сапоги, и мы вышли на поляну, посреди густых непролазных зарослей. На невысоком пенечке стоял кувшин, почти такой же, что ждал меня на столе. А на нависающей над ним ветке растущего рядом дерева висело полотенце.

— Иди сюда, несчастье ты мое. Будем отмывать, — Дина взяла в руки кувшин и качнула головой, подзывая меня поближе.

Если заменить шалаш палаткой, то вполне привычная, походная обстановка. Правда, такая роскошь, как чистая, пусть и ледяная вода, у нас была не всегда. Я несколько раз громко фыркнул, умывая лицо. Бодрит!

Мы молча вернулись в хижину, и я вновь уселся на лавку. Дина привычно хлопотала возле столика.

— Надо бы воду провести. Шойшо принесет, конечно, но все равно неудобно. Нам тут

жить.

— Зачем? — не то чтобы мне было лень провести воду, не проблема. Если улешки покажет, откуда он ее таскает — изобретем что-нибудь. Но вот зачем нам здесь жить, не понятно. Хотя вина подтолкнула интуицию, и покраснел я заранее, до того, как услышал Динин ответ.

— Ну как же, — пожалала она плечами, даже не оглядываясь. — Из крепости меня выгнали. Хорошо, разрешили забрать ВСЕ, что мне нужно. Вот я и забрала самое нужное, остальное со временем наживется, — и тут она обернулась и посмотрела на меня с серьезным выражением лица. Только в глазах — смешинки.

«Вот я и забрала самое нужное» — как звучит-то! Это, выходит, я у нее самое нужное? Я и улешик? А эльфийского проглота в крепости оставила... Молодец!

— Кто-то мне пить дать обещал, — нет, согласен, выгнал... в смысле, ляпнул, а теперь, получается, надо за свои слова отвечать. Только мучают меня сомнения, что Дина на воде успокоится. Главное, чтобы огород не стала разводить и эти свои... крема или что она там из пивок выдавливала? Ладно, виноват, каюсь... Готов подыграть...

А на душе так хорошо, спокойно сразу... хоть и стыдно. Я для нее — все самое нужное... И она для меня — тоже. Вот пока всю ночь ее искал, бегал, нервничал... как-то оно внутри не укладывалось. Зато вот сейчас на нее смотрю и понимаю — никто кроме нее не нужен!

— И пить, и есть, — согласно кивнула Дина и, отодвинув стул, приглашающе по нему похлопала. — Что я, своего мужчину не прокормлю?

— Есть — это хорошо, — спокойно согласился я, пересаживаясь за стол. В кружке рассол, в тарелке салат и птичья ножка. Черт... Точно, как дома.

А Дина напротив уселась, подбородок на руку облокотила и смотрит устало, а глаза грустные-грустные, хоть и мелькают в них смешинки.

Рассол-то я выпил и даже поел немного, а потом не выдержал, тарелку отодвинул, на руки Дину к себе пересадил и в волосы лицом уткнулся. Все. Вот сейчас — как дома. И не надо больше ничего... Только бы сидеть так и молчать. Знать, что она рядом. Моя Дина...

— Дурак... — прошептала она тихонечко.

— Угу, — послушно согласился я. — Знаю. Простишь?

— В любом случае, заберу с собой. Имей в виду, — бухтит едва слышно, но я чувствую, как оттаивает, улыбается, прижимается ко мне поближе. — Будешь домашним Властелином.

— Домашним совсем мне нельзя, — я обреченно вздохнул. Дина же у меня умная, все понимает. — Они и со мной каждые сто лет заговоры устраивают. А без меня, вообще, развоются.

— Ладно, будем считать, что у тебя просто работа такая. На полставки. Миром править. Но после шести — домой, и никаких! — смеется... Весело ей. Хорошо, что ей весело. Это я все еще себя бараном виноватым чувствую.

— Знаешь, давай мы все же это место дачей сделаем? — у богатея городских бывает такое, сам знаю. У аристократов один-два замка, на разные времена года, а у горожан дачные домики, в которых они по выходным и праздникам отдыхают. — Будем здесь прятаться, как устанем ото всех. А жить будем там, где раньше, пожалуйста!

— Ну, не знаю... — Динка кокетливо склонила голову на бок и стала очень похожа на Жизель, когда та вредничала в детстве. — Меня оттуда выгнали. И насчет дачи — это ведь не просто домик. Это убежище улешей. Самое... секретное, наверное.

— Значит, свое убежище мы в другом месте сделаем, — тут же согласился я. — Не будем улешей притеснять. А тот идиот, что тебя выгнал, он... Знаешь, бывает иногда, глупости наговоришь, а потом так стыдно!.. Прости, пожалуйста! Обычно я нормально соображаю, но когда речь идет о женщинах... о любимых женщинах. Твой умный брат говорит, что у меня просто нет иммунитета, и надо его развивать. Как ты считаешь, пары десятков хватит для тренировки?

Она рассмеялась, кулаком меня по груди легонечко стукнула, а потом обняла и заплакала:

— Дурак ты!

— Ну уж какой есть...

Не умею я плачущих женщин утешать, особенно тех, перед которыми виноват. Вот когда они что-то взамен требуют — все понятно. Или когда обвиняют, а ты киваешь и соглашаешься. А тут что делать, не понимаю. Так что просто прижал ее к себе покрепче.

— Придется тебе быть умницей за двоих. А потом, может, и за троих... Ну если в меня уродится... Если совсем неудачный выйдет, можно будет еще попытаться. Пару-тройку раз, как ты считаешь?

Дина немного отстранилась, вытерла глаза и смешно по-детски деловито шмыгнула носом. А потом уверенным тоном объявила:

— У меня неудачных не бывает!

— Успокоила. Сразу на душе полегчало просто, — я старательно громко облегченно выдохнул, а потом, уверенно глядя ей в глаза и замирая от какого-то совершенно необъяснимого ужаса, спросил: — Ты выйдешь за меня замуж?

— Хм, я подумаю, — объявила эта кокетка, едва сдерживая улыбку. — А чем заманивать будешь?

И тут меня снова накрыло... до тоскливого отчаяния. Потому что нечего мне ей предложить. Обещал, что буду верить, и усомнился, даже оправдания выслушивать не стал. Обещал, что позабочусь, и выставил из замка в ночи, поверив злым сплетням. И защитить ее никак не могу, хотя и стараюсь все время. Может, ей без меня будет лучше? Спокойнее точно.

А потом вспомнил, что ведь могла бы жить без меня. Могла. Но не ушла же. Наоборот, взяла меня и каким-то чудом прямо из замка выкрала. Значит, нужен я ей... Нужен!

— Любить буду. И на руках носить, даже беременную. Хватит? — я подхватил ее на руки, вынес на поляну и закружил, прижимая к себе.

Если в следующий раз мне даже в кристалле покажут, как она меня предает — все равно... Все равно!..

— Чтобы я про тебя ни услышал, никому кроме тебя не поверю! Обещаю! Пока с тобой не поговорю, не выясню, не выслушаю...

Илуватор много раз говорил, что у них с Клариссой договор. Как разлюбит, чтобы не говорила ничего, просто молча взяла и выпила бы. Целиком. Правильный договор.

Вот для меня самое страшное, это не то, что предаст, а то, что... разлюбит.

А я знаю, что любит. Сейчас — любит. Но не говорит... И не надо. Слова ничего не значат.

— Умеете вы заманивать, Ваше Темнейшество, — улыбнулась Дина, глядя на меня. — Как тут устоять?.. Но если что — я тебя в охапку, только нас и видели!

— Договорились. Кстати, а как ты меня из замка вытащила? — я так и стоял в центре

поляны, держа девушку на руках.

— Так же, как и сама ушла, — она хитро усмехнулась, обнимая меня за шею. — Ты же дал разрешение забрать все, что захочу. Домовушки четко выполнили приказ. Перенесли в свой домик сначала меня, а потом и тебя, как только ты заснул и перестал брыкаться.

— Получается, любой может вынести меня из замка с их помощью?..

Я застыл, перебарывая услышанное. Это что ж такое получается? Столько лет по крепости перекатываются маленькие и незаметные существа, которым только надо отдать правильный приказ, и все? Заходи кто хочешь, выходи кто хочешь, выноси что пожелаешь?! Черт побери!..

— Почему любой? — рассмеялась Дина, поглядывая на меня с ехидством. — Только тот, кому ты сам разрешил. Ну и конфеты еще нужны. Много. А в остальном, дело техники — я так поняла, что перемещения домовушек твоя охрана не отслеживает. Вот они и доносили мне вести из театра боевых действий. Ждали, когда “груз” уgomонится, и можно будет кантовать.

Точно, не отслеживаем... Их и невозможно отследить, они ж, как черти, прыгают в подпространстве, куда хотят. Что ж, значит, надо перезаключить договор, уточнить, что живых существ можно таскать в крепость и из крепости только в крайнем случае и с моего личного согласия.

— Да ты — опасная женщина, с такими-то связями! И сколько конфет я стою, если не секрет?

Дина задумалась, потом потянулась, выдернула из пучка, стоящего в какой-то баночке, как букет в вазе, маленькое перышко, продемонстрировала его мне, мазнув по носу.

— Вот примерно столько. Чуешь, какая у тебя богатая невеста? У меня этого гуталину... то есть перьев — на всю жизнь хватит домовых подкупать! Да и вообще, сведения собирать очень удобно. На домовят же никто не обращает внимания.

Вот ведь, черт побери, какая брешь в защите крепости... внезапно выяснилась. Надо будет срочно залатать. Но сейчас думать о серьезных проблемах не хотелось. Я снова закружил Дину по поляне, радостно смеясь. А потом мы упали в траву, я притянул девушку к себе и поцеловал... крепко-крепко.

— Знаешь что? — объявила Дина, чуть отстранившись, когда мы наконец-то прервались: — Я имею полное право захватить тебя на сутки, как невинно пострадавшая. Завтра, так и быть, вернемся. А сегодня ты только мой, и нет никаких замков, заговорщиков и даже соратников.

— Звучит очень соблазнительно, — послушно согласился я. — Надо только предупредить Илуватора, что он на сутки не только первый и второй советник в одном лице, но еще и Властелин Мира. Вот ведь не повезло твоему брату. Зато я завтра буду мягким и добрым, может, даже кого-то помилую. Хотя вряд ли... Если мне даже Ила не жалко.

Дина вздохнула, потянулась и поцеловала в губы:

— Я тебя люблю...

Я замер, едва расслышав ее шепот. Ментально это прозвучало гораздо громче... И было в этих трех словах что-то такое, надежное... спокойное... долгое... навсегда.

— Я тоже тебя люблю.

Одуванчик-Эпилог

— Дорогая, прекрати дергать эту несчастную оборку. Либо смирись, либо совсем оторви, до церемонии меньше часа, все равно уже не успеют ничего сделать.

— Ты гений! — возликовала я и проворно ободрала подол.

Ничего не скажешь, платье мне сшили шикарное, изящное... если бы не идиотский волан, на который я все время наступала.

Кларисса, по-прежнему великолепная, даже в белом платье, вместо черного, хмыкнула, вальяжно устраиваясь в кресле у камина. Да, в моем доме обнаружилась гостиная с камином... когда мы в него вернулись. Это было две недели назад, после отпуска, который вместо одного дня растянулся на трое суток.

— Надо сказать, твоя идея с двойной свадьбой, конечно, наивная и романтичная... Но мне так надоело прятать своего эльфа в шкаф каждый раз, как милым родственникам приспичит меня навестить. Хорошо, что у меня там портал прямо в его спальню.

Я фыркнула, выражая свое отношение к ее кокетству. И засмеялась:

— Да, конечно, глупее идеи не придумаешь. Тебе ли возмущаться! Умный у меня братец, а уж какой упертый! Что там у вас в договоре? Любовь до гроба? Илуваторского, в смысле. Или люби его, или все равно люби его, но в гастрономическом смысле, сразу до доньшка?

— Спорить с мужчиной, когда на него напал приступ ослиного идиотизма, бесполезно, — Кларисса пожала плечами и загадочно улыбнулась. — Хочется ему договор — пусть будет договор. Я даже согласна изобразить зверскую эльфоедку, лишь бы его хрупкая мужская психика не пострадала.

Я вздохнула. Насчет хрупкой мужской психики, это она верно заметила.

Десять дней назад Виланд пришел вечером не просто уставшим — черным. Я даже не стала ни о чем расспрашивать — все поняла сама.

Показательная казнь заговорщиков до дрожи в коленках впечатлила всю эльфийскую, человеческую и всякую прочую — светлую и даже темную — знать. Естественно, меня никто присутствовать не заставлял, а вот Виланду пришлось. И я прекрасно понимаю, что он был там от начала до конца, с каменным лицом глядя на эту... жуть. А потом скрежетал зубами во сне и несколько дней ходил, как в воду опущенный.

Илуватор тоже не блистал хорошим настроением, когда официально принял клан после смерти отца и явочным порядком назначил всю молодежь сумеречными эльфами. Заодно и из других поселений охватил всех желающих.

Старшее поколение отправилось в окончательно закрытую резервацию, следом отконвоировали тех придурков, из людей, которым предстояло прислуживать “кумирам”... изящное решение.

Единственная взрослая эльфийка, которая стала сумеречной по доброй воле, официально объявила себя моей приемной мамочкой и будущей властелиновой тещей. И приняла ухаживания тролля.

Илуватор поскрипел зубами, а потом вздохнул и сбагрил мамочке “сумеречную” молодежь. Пусть строят новое поселение и воспитывают.

— Скоро девочки придут... тут всегда так принято, провожать невесту в дом жениха всем табором?

— Да ладно, — сладко потянулась в кресле вампирша. — Радуйся, что у тебя не так много подруг, а то бывает, что за невестой носится добрая сотня озабоченных девчонок и все время щебечет.

— Бррр... Нет, вообще-то, я даже рада, что Ришшика осталась здесь специально ради моей свадьбы. У нее там гнездо...

И она непременно лопнет от гордости, если не займется делом. Еще бы, впервые такая молодая арахнидка стала аррграу старого гнезда. Она просто места себе не находит, так ее распирает — скорее, скорее, там же кладка без матери, непорядок!

— Все получили по заслугам, — задумчиво согласилась Кларисса. — Безумная Рруззиана мертва, а ее кладку будет воспитывать та, что предана Повелителю. Твой восьминогий кавалер, как я понимаю, отправится с ней?

— И весь его картушпер. Сразу после празднования.

— Бедная, некому будет носить тебе персики корзинами, — подколола ехидна. — Виланд столько не соберет, он недостаточно... как там Ришшика говорит? Шустрый?

— А ты не завидуй! — я отвернулась от зеркала и показала подруге язык. — У тебя теперь будет свой, персональный собиратель персиков, с эльфийскими ушками.

— М-м-да... ушки у него действительно, — Кларисса очень хищно облизнулась. — Если бы не они, я бы, может, и замуж не пошла, — добавила вампирша с самой серьезной миной.

— Это ты еще не видела, как здорово он умеет ими шевелить!

— Хм, я-то как раз видела. А ты откуда это знаешь? И тебе шевелил, значит? Что ж, вот и повод для первого супружеского скандала.

Наш хохот был прерван пронзительным писком и облаком сажи, вылетевшим из камина.

— Черт! Кыш! Черт! Дина! Черт!

— Дина — не черт, — педантично поправила я выпавшего из пепельного облака домовенка. — Дина — эльфийка. Ты чего ругаешься?

— Там! Там! — перепачканная лапка ткнула в темный зев камина. — Завелся! Вредный! Вредный! Воришка! Надо прогнать!

— Да кто у тебя там завелся? — перевозбужденный улешик скакал по всей комнате, как взбесившийся мячик, и я уже с некоторой опаской косилась туда, откуда он выскочил.

— Черт у вас завелся, — любезно просветила меня Кларисса из своего кресла. Вот же... спокойна, как удав. Это я, наверное, перед свадьбой нервничаю.

А вампирша принялась разьяснять, словно не замечая ментально вопящего Шойшу:

— Черти — дальние родственники улешей. Только дикие и совершенно неуправляемые. В основном, знамениты тем, что появляются из воздуха, хватают то, что плохо лежит — обычно или сладость, или что-то блестящее — и исчезают. Даже поговорка есть — чтоб тебя черти взяли. Вредные существа, их стараются сразу вытравить.

— Вытравить! Вытравить! Прогнать! — согласился с ней Шойшо и воинственно встопорщил шерстку: — Конфету! Конфету! Украл! Мою! Прогнать!

— Надо же, а я еще удивлялась, когда Виланд ими ругался.

Любопытство победило осторожность. Когда я еще увижу настоящего, живого черта?!

Стоило мне подобраться поближе и заглянуть в камин, как в самом темном и дальнем углу что-то заворочалось и сердито фыркнуло, вновь подняв в воздух облачко пепла. Я всмотрелась и даже ойкнула от неожиданности.

Среди прогоревших дров скорчился маленький... маленькое... больше всего черт был похож на черную обезьянку-мармазетку. меховое обезьянье тельце, хвост с кисточкой. Голова непропорционально большая и очень пушистая, вот тут сразу видны родственные связи с улешей. И глазницы такие же огромные, круглые и испуганные.

Шойшо с воинственным кличем метнулся у меня под рукой и схватил существо за хвост, когда оно попыталось шмыгнуть в трубу.

— Конфета! Конфета! Отдай! Мое!

Чертик забился, брыкнул соперника лапками и даже попытался боднуть его рогами. Да, на макушке у него действительно обнаружились маленькие остренькие рожки. Но все напрасно, улешик держал добычу крепко, время от времени сердито встряхивая. Пришелец оказался примерно вдвое мельче упитанного Шойшо.

— Съел! Уже съел! — захлебнулся негодованием домовенок, обнаружив, что в лапках малютки зажат только яркий фантик. — Вор!

Чертик обреченно пискнул, зажмурил глазищи и прижал бумажку к груди изо всех сил.

— Подожди, Шойшо, не тряси его так. Дам я тебе конфету, не жадничай, — мне почему-то стало ужасно жалко воришку. Я протянула руку и очень осторожно погладила существо по пушистой голове пальцем. — Он же совсем маленький. Детеньш еще?

— Он вырастет! — насупился домовенок. Но соперника не отпустил, подумал немножко и, недовольно ворча, протянул его мне так, чтобы удобнее было гладить. — Будет большой вор!

Перепуганный невозможностью скрыться чертенок застыл, как неживой. Но потом, убедившись, что ему не делают больно, наоборот, гладят, осторожно открыл один глаз. Потом второй... и уставился на меня потрясенно, как на восьмое чудо света. На меня, на мою руку, на... конфету, которую я ему протянула.

— У-у-у! — Шойшо аж зажужжал от возмущения, как встревоженный шершень. — Конфета! Моя!

— Не жадничай. Тебе тоже хватит, — я кивнула на стол, где с утра стояла целая ваза сладостей. — Потом возьмешь, сколько хочешь. А эта конфета ему. Он маленький, давай не будем его обижать. Маленьких обижать нельзя. Жадничать плохо.

Все, на меня обиделись. Смертельно.

— Шойшо хороший! А это — вор! Воровать плохо! — объявил улешик и надулся, как мышь на крупу.

— Если мы сами дадим ему конфету, то он ее не будет красть, — хитро предложила я, протягивая вторую вкусняшку все еще плененному чертику. Тот схватил ее свободной лапкой и снова ошарашенно заморгал на меня глазюками. Потом сунул сладость в рот, только фантик шелестнул, и неожиданно стал... краснеть. Весь, от хвоста до головы. Шерсть на глазах наливалась красивым вишневым цветом. А потом малыш свесил голову на плечо, прикрыл глаза и довольно засопел.

— У-у-у! — Шойшо, кажется, тоже заинтересовался переменной цвета. — Наелся! Теперь будет спать. Долго! Мелкий! Глупый!

— Все с тобой ясно, — притихшая было в кресле Кларисса встала и поправила платье. — Мало тебе улешей и арахнидов, теперь ты займешься приручением чертей. Ну что же... не сомневаюсь, ты найдешь им достойное применение. А теперь пошли. Замуж пора!

Триста лет тому вперед:

Бархатный голос менестреля завораживал публику. Этим вечером в таверне было не протолкнуться. Как же, столичная знаменитость и его новая баллада.

Толстая кухарка мокро и шумно всхлипнула, утирая глаза краем фартука. Какая красивая любовь... какая жертва... эх, тут и поплакать не стыдно!

Трактирщик, чуждый женской сентиментальности, подсчитывал выручку и довольно улыбался в густые пегие усы. Эта новая сказка о первых сумеречных эльфах стоила хороших денег!

Народ такое любит: нежная леди и мужественный лорд, неземная любовь и разлука. Прекрасная эльфийка оставила возлюбленного и вышла замуж за тирана, чтобы связать свой новый народ с темными. А благородный эльфийский лорд едва не расстался с жизнью от горя, но потом решил посвятить оставшееся время своему народу и вступил в союз с вампиршей, еще крепче связывая сумеречных эльфов с победителями. Они страдали, но до конца исполнили свой долг!

Зрители рыдали и аплодировали, только в самом темном углу, за маленьким столиком, никто не таял от восхищения. Парочка, вообще, была странной — они даже не сняли плащи и весь вечер прятали лица в тени капюшонов.

— Ну, фразировка неплохая, правда, мелодия несколько простовата. Мальчик слишком увлекся традиционной формой. В целом, неплохо.

— Черт побери, зачем надо было возвращать мне молодость, чтобы таскать по третьесортным концертам?

— Не ворчи, бросил правление на старшенького, теперь терпи — я триста лет ждала, пока ты не сможешь убежать по своим жутко важным государственным делам. А баллада получилась вполне на уровне.

— Тебе лучше знать. По мне, так редкая дрянь, черт побери! Но с точки зрения пропаганды полезно. Людей хлебом не корми, дай только придумать романтическую чушь и обязательно с трагическим концом.

— Н-да... действительно. Нет, я решительно поклонница другого жанра. Спокойного, основательного, уютного... Скажем, гномская кулинарная книга — вполне подходящий для нас сюжет, как считаешь? Во-первых, вкусно, во-вторых, всегда хорошо заканчивается.

— Когда готовишь ты — да, всегда хорошо. Особенно, если мои пирожки не съедает твой проглот-родственник.

конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net